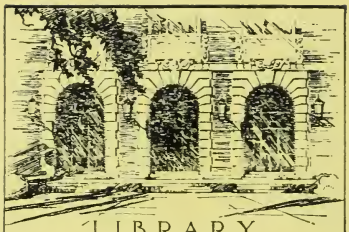
891.73
D54
Ok



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.73
D54
Ok

89-0378

Return this book on or before the
Latest Date stamped below.

University of Illinois Library

MAY 14 1990

L161—H41

КАРТИНКИ

и

ЭТЮДЫ.

А. А. Дьякова (Жителя).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская, 33.
1889.

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/kartinkiietiudy00diak

891.73
D5t
Ok

Оглавленіе.

	стран.
Статистика	1
Елена Шторхъ	11
Трагическая труппа	43
Теноръ	55
Она	69
Школа	77
Необычайное происшествіе	89
Она хочетъ жить	105
Званый вечеръ у Звонъ-Валдаевыхъ	119
Алтыновъ	131
Отцы города	141
Балъ	153
Пещерныя дѣточки	164
Земскій лекарь Караевъ	177
Мгновенная	189
Артистъ въ своемъ родѣ	203
Русскій европеецъ въ Европѣ	219
Головка красавицы	233
Домъ	263
Аристонъ	275
Ближе къ господину	289
Астрологъ	303

Received May 57 with
11 May 1956 Susan Litman

СТАТИСТИКА.

Парой сытыхъ лошадокъ, въ легкомъ тарантасѣ, по проселку къ селу Болтай-Болото, ѣхали два господина, т. е. ѣхалъ какъ слѣдуетъ одинъ господинъ, весьма плотнаго строенія, съ сурово-апатичнымъ лицомъ, безпокойно ругавшійся на каждомъ толчкѣ и ухабѣ. Другой господинъ, худенькій, съ жалко-искательнымъ и тревожнымъ лицомъ, торчалъ на самомъ краешкѣ, боясь, не обезпокоить-бы раздраженнаго сосѣда, и опасливо придерживался рукою за передокъ.

Лошади шли шагомъ по лѣсной болотинѣ и съ трудомъ вытаскивали поѣздъ изъ водоемовъ. Мужикъ на козлахъ спалъ и голова его безсильно моталась по сторонамъ.

— Проклятіе, а не дорога! гнѣвно ворчалъ господинъ плотнаго строенія: — всѣ внутренности отобьешь, да и ѣдешь чортъ знаетъ зачѣмъ.

— Помилуйте, Павелъ Павлычъ, возразилъ худенькій: — все-таки дѣятельность... Страна, можно сказать, не открытая, не изслѣдованная,—каждый шагъ затруднителенъ, и земство не можетъ приступить къ культурѣ, не имѣя въ рукахъ всѣхъ данныхъ о состояніи уѣзда.

— Ну, это ужь ваше дѣло... По моему, просто упразднить надо эту страну... Ну, какому дьяволу придетъ охота служить здѣсь, мыкаться вотъ по такимъ дорогамъ, не спать, не ѣсть, все существо отбивать, и это за тысячу рублей?.. Несчастіе!.. Жертва семейная.. да для чего-же это? Ну, какого чорта съ нихъ взять, коли самимъ жрать нечего, по цѣлому мѣсяцу печей не топятъ... Страна, нечего сказать!..

— А мнѣ-то каково, Павелъ Павлычъ?.. вѣрите-ли, вѣдь въ иныхъ мѣстахъ даже бьютъ за статистику, ѣсть ничего не даютъ...

— Да и дать нечего, кромѣ затрещины... Съ голода всегда человѣкъ свирѣпъ... Я-бы, кажется, совсѣмъ убилъ кого нибудь, чтобы не надоѣдали.

— Да, хорошо вамъ говорить: вы членъ управы, и жалованье, и значеніе не то-съ...

— Ну, это вамъ такъ кажется, а я вотъ третій мѣсяцъ жалованья не получаю и знаю, что и получить нечего... Какая это страна?.. Что тутъ статистикѣ усчитывать?.. А, разумѣется, завели статистику по европейскому образцу... ну, и вотъ вы вѣдь жалованье за это получаете...

— Самое ничтожное-съ, и если бы не любовь къ дѣлу...

— Ну, ужь этого не говорите... Какая тамъ любовь, какое дѣло?.. Все вздоръ, сами знаемъ, что вздоръ, да у насъ и все такъ... Поставьте человѣка хоть звѣзды считать въ небѣ, онъ непремѣнно расплодитъ цѣлый департаментъ звѣздочетовъ и всѣ будутъ ѣсть и считать и показывать видъ серьезнѣйшаго дѣла... Главное, чтобы сборы исправно поступали съ мужика, а ѣсть подъ статистикой, или подъ другой приправой, это намъ ровнехонько...

— Значитъ, вы отвергаете всякую пользу?

— Да отвергать-то нечего. Вѣдь вотъ она, дорога-то... Развѣ человѣку указано по такимъ дорогамъ скакать?

— Но за то школы, больницы, судъ, статистическій отдѣлъ... Сдѣлано много...

Господинъ плотнаго строенія даже отвернулся въ молчаливомъ негодованіи.

Между тѣмъ лошади выползли изъ болотной ямы на высокій пригорокъ, показались строенія и около нихъ столбъ съ доской, а на доскѣ надпись: «Деревня Угоры, душъ 4, дворовъ 2».

Дворовъ дѣйствительно оказалось всего два, да и тѣ стояли въ самомъ печальномъ разореніи, со взрытыми и выдранными крышами, съ выбитыми стеклами, съ покачнувшимися и выпертыми, бревенчатыми стѣнами, словно выползли изъ больницы два такихъ старика, одержимыхъ всякими болѣзнями, которымъ и умереть не гдѣ, и вотъ они остановились на пригоркѣ и высматриваютъ кругомъ дорогу къ человѣческому жилью.

— Вотъ онѣ, платежныя-то силы! замѣтилъ членъ управы.—Какого дьявола съ нихъ возьмешь?.. А тоже притворяются, будто «де-

ревня», да еще на пригорокъ вползла этакая мрась... да тутъ не только становой, самъ Богъ никакихъ недоимокъ не взыщетъ... Деревня!.. Служи ей, вотъ этакой-то деревнѣ... развивай ея благосостояніе, держи для нея и школы, и суды, и больницы, корми тысячу дармоѣдовъ... да изъ чего-же биться?.. Вѣдь можно пари держать, что въ двухъ дворахъ на двугривенный мѣдныхъ денегъ не найдешь, да, пожалуй, и двухъ фунтовъ хлѣба нѣтъ. А вѣдь это главный источникъ всего, и вотъ мы оба очень заинтересованы, чѣмъ эти источники наполнены, да нельзя-ли на нихъ увеличить налоги... Чорта лысаго!...

Мужикъ пріостановилъ лошадей, и оба путешественника сошли на дорогу. Въ окно пугливо высунулась мохнатая мужицкая голова, какъ-бы спрашивая, какого «чорта лысаго» ищутъ эти почтенные путешественники, не заблудились-ли они въ болотныхъ трясинахъ. Изъ другого двора выглянула баба, всплеснула руками и стремительно бросилась въ поле. За нею собаки, куры и свинья, повидимому, понявшія, какъ и баба, что имъ угрожаетъ опасность отъ нашествія господъ, пріѣхавшихъ по дѣлалъ службы, т. е. для изъятія рублей и животовъ,— вся эта живность съ пискомъ, лаемъ и хрюканьемъ, разсыпалась въ разныя стороны, какъ-бы наученная горькимъ опытомъ, что на глаза изслѣдователей попадаться не слѣдуетъ.

Путешественники вошли въ избу. Мужикъ стоялъ у порога и, покорный своей участи, никакого безпокойства не обнаруживалъ — ни суетливаго гостепріимства, ни привѣтныхъ припѣвовъ, только глаза у него словно отъ яркаго свѣта, печально сощурились. Плохое дѣло, коли господа пришли.

— Ну! началъ членъ управы: — тебя какъ зовутъ?

— Васильемъ звали, сурово отвѣчалъ хозяинъ.

— Экой-же ты, братецъ, статуй, Василій!.. Видишь, господа пріѣхали въ гости, и ни о чемъ ты не хлопочешь... Ну, самоваръ поставь, что-ли?.. Василій, а прозвище какъ?

— Прозвище наше—Нѣжная Тухань,—Василій, значитъ, Нѣжная Тухань...

— Гм!.. Гордое имя! Ставь самоваръ-то!..

— Самоваръ можно, а только направлять его мы не умѣемъ...

— Однако-же, самоваръ есть? вступился статистикъ:—вотъ и говорите, что у нихъ куска хлѣба нѣтъ... въ каждой избѣ нынче самоваръ пошелъ... А сколько у тебя самоваровъ?

— Кольки?.. да намъ и съ однымъ нечего дѣлать...

Между тѣмъ статистикъ развернулъ свои «вѣдомости», досталъ походную чернильницу. Ко всѣмъ этимъ таинственнымъ приготовленіямъ мужикъ приглядывался искоса и молча вздыхалъ, отвертываясь въ сторону. Было что-то неладное, но какая повинность пришла, Богъ знаетъ. Бумаги развернулъ, перо держитъ, но что будетъ отписывать и арестовывать, неизвѣстно.

— Ты, Василій Нѣжная Тухань, не сокрушайся! сказалъ членъ управы:—вотъ господинъ пріѣхалъ тебя описывать... Это только такъ, для порядка, чтобы имущество было въ извѣстности, а взысканій никакихъ не будетъ.

— Ну, говори по порядку, приступилъ статистикъ: — сколько у тебя душъ?

— Душъ всего я да баба, да племяшекъ Игнатъ, да Анютка-пріемышъ, да работникъ Ѳедотъ, да собака за мѣсто сторожа, Жучкой звать.

— Это все твои души?

— А то что?

Статистикъ занесъ въ вѣдомость, что ему надо.

— Видите, улыбнулся статистикъ: — Ѳедотъ-работникъ—уже начинаетъ работать чужими руками. Какое жалованье работнику?

— Девять рублей за страду, на нашихъ харчахъ...

— Чортъ знаетъ, что за счетъ!.. за страду?.. Я запишу въ мѣсяцъ, а то непонятно.

И записалъ.

— Сколько у тебя лошадей?

— Лошадей всего Сивко-конь да Машка-жеребенокъ, всего годъ ростомъ. Да вѣдь лошадей, ваше благородіе, не велѣно списывать.

— Какъ не велѣно? Почему это?

— Потому, ежели коня списать со двора, такъ намъ все равно, что здыхать надо. Не велѣно коней списывать. Закону нѣтъ.

— Слышите, какимъ тономъ поговариваетъ?.. Ты пойми, любезный, коня не возьмутъ... Это только для порядка записывается.

- А не возьмутъ, пошто писать?

— Это ужь не твое дѣло. Велѣно все имущество записать. Коровъ сколько?

— А пѣту коровъ.

— Ну, какъ нѣту?.. Должны-же быть коровы.

— Поищи, можетъ у кого и есть.

— Овецъ сколько?

— И овецъ не случилось.

— Какія-же животныя у тебя есть?

— Какимъ у насъ быть?.. Знамо блохи есть... Иной и клопъ заведется, потому — нечистота...

— Дуракъ!.. Вотъ и извольте съ нимъ говорить.

— Да и говорить не о чемъ, сердито замѣтилъ членъ управы:— пишите въ графѣ лошадей: Жучка-песъ, дамскаго пола. Вотъ и все... И при немъ цѣпь желѣзная, столько-то фунтовъ.

— Ну, а птица какая есть во дворѣ, спросилъ статистикъ.

— Птица? Птица всякая залетаетъ: ворона, воробей, ласточкины гнѣзды въ крышѣ есть,—къ большому благополучію, по примѣтамъ.

— Вы видите, онъ смѣется, смѣется надъ научнымъ изслѣдованіемъ, не даетъ никакихъ свѣдѣній... Ну, что съ нимъ дѣлать?..

— Пишите: Василій Нѣжная Тухань ожидаетъ большого благополучія, сказалъ членъ управы: — а ты, дядя Василій, слетай-ка — гдѣ у васъ питейное-то? духомъ слетай — прохладительнаго, насладительнаго, усыпительнаго полштофа, да яичницу, что-ли, всхлопочи... Э-эхъ! и охота мужиковъ безпокоить?.. Ну, что вы задумались? Пишите: лошадей нѣту, скотины нѣту, душъ нѣту. Есть, молъ, подворное владѣніе—полтинникъ стоитъ, и въ немъ гнѣздо воронье...

— Вы тоже изволите шутить?..

— Сами-то мы обездушѣли, ну, и давай мужика ворошить... Вотъ статистика—ну, на кой чортъ мужику статистика? Толстую книгу отпечатаютъ, все на мужицкій-же счетъ, а кому надо?... И все будетъ въ той книгѣ налгано, и всѣ это прекрасно знаютъ.

Мужикъ, почувствовавъ въ пальцахъ рублевку, мгновенно и какъ-то судорожно обвеселѣлъ. Господа посылаютъ за виномъ—знакъ хорошій: выпьютъ, добрѣе станутъ и скотину со двора не спишутъ.

Мужики давно примѣтили, что господа, ѣдущіе по разнымъ надобностямъ, раздѣляются на двѣ категоріи: «Одинъ выпьетъ и ничего не сдѣлаетъ, а другой вина, словно яду, боится, да ужь и напишетъ на тебя... такъ вспишетъ, такъ усчитаетъ и животовъ, и недоимку, и что ему слѣдуетъ, что хоть дворъ бросай да въ лѣса бѣги».

Статистикъ разглядывалъ свои вѣдомости, и внутренно какъ будто

соглашался, что все въ нихъ налгано, все какія-то гадательныя, неувѣренныя цифры торчатъ, какъ будто онѣ что-то и значатъ, и ничего не значатъ.

— Бросьте эту ерунду! сказалъ членъ управы.

— Поневолѣ бросишь, согласился статистикъ и свернулъ свои вѣдомости.—Удивляетъ меня въ русскомъ человѣкѣ отвращеніе къ статистикѣ. Помилуйте, въ Европѣ...

— Ну, поѣхали въ Европу! Въ Европѣ статистика — наука, а у насъ—живоглотство. Тамъ она, можетъ быть, и нужна, а у насъ ее завели, когда уже ѣсть нечего стало, давай по дворамъ шататься да барановъ уписывать...

— Вотъ, вотъ... всѣ такъ смотрятъ, даже помѣщики съ образованіемъ терпѣть не могутъ статистики. Пріѣзжаешь въ домъ, такъ прекрасно тебя принимаютъ, ухаживаютъ, угощаютъ до одуренія... Какъ узнали, что пріѣхалъ за статистикой, кончено!... «Да это для чего-же, да какое-же у насъ имущество, да это, наконецъ, оскорбленіе: кто смѣетъ въ мой домъ врываться и считать мое добро?... Земство?... Ахъ, дармоѣды! Ахъ, такіе сякіе!»... Знаете, иной даже непечатными словами начнетъ обращаться, хоть избить готовъ... Къ помѣщику Атурову заѣхалъ на прошлой недѣлѣ... ужь, кажется, какой человѣкъ!... и ума палата, и воспитаніе утонченное, и жена у него образованнѣйшая дама, и все такъ хорошо про заграницу разсказывалъ, и такого либеральнаго образа мыслей держится, и англійскій парламентъ хвалилъ, и парижскую коммуну очень высоко ставилъ, а какъ дошелъ до земства, даже совсѣмъ преобразился отъ злости. «Это», говоритъ, «усыпальницы для объѣвшихся міроѣдовъ». А какъ узналъ, что я за статистикой пріѣхалъ,—«да вы-бы, говоритъ, такъ и сказали, потому у меня порядокъ такой: земцевъ дальше прихожей не пускать. Какую вамъ статистику? Кто это смѣетъ собирать статистику? Кто вамъ далъ право являться ко мнѣ за статистикой?»... Какъ пошелъ, какъ пошелъ...—«Знаю я», говоритъ, «что такое статистика: нельзя революцію дѣлать, такъ вы — статистику!... Нѣтъ вамъ никакихъ платежей!... Убирайтесь, говоритъ, да и другимъ скажите, чтобы за статистикой ко мнѣ не ѣздили, а то, говоритъ, изъ пистолета застрѣлю!»...

— Ну, изъ пистолета палить, положимъ, не показано, а непріятность дѣйствіемъ иногда нанести можно да и слѣдуетъ... Что это въ

самомъ дѣлѣ за манера въ чужихъ карманахъ пошевеливать, есть-ли въ нихъ что выбрать да съѣсть...

Несмотря на то, что «Угоры» состояли всего изъ двухъ дворовъ, кабакъ оказался въ непредвидѣнной близости, и Василій Нѣжная Тухань дѣйствительно «духомъ слеталъ» за полуштофомъ. Бесѣда немедленно измѣнилась и потекла свободнѣе, согласнѣе, даже умнѣе. Мужику тоже «поднесли», и онъ, повидимому, совсѣмъ успокоился за судьбу своихъ животовъ.

— Удивляюсь я, говорилъ членъ управы: —по какому это случаю у насъ статистика въ моду вошла.!.

— Помилуйте, во всей Европѣ...

— Опять Европа!... Тамъ и статистика настоящая, да и понимать ее умѣютъ, надъ ней работаютъ большіе умы, обобщаютъ, выводятъ цѣлыя теоріи, соціальные законы... Это, конечно, приближаетъ къ пониманію жизни народной, даетъ хотя приблизительныя данныя о положеніи, да и статистика тамъ умѣренныхъ размѣровъ, томикъ напечатаютъ маленькій, а въ немъ цѣлое государство. А у насъ вѣдь это чортъ знаетъ что! Объ одномъ уѣздѣ нагрохотали четыре тома и каждый въ кулакъ толщины... Вотъ вы третій годъ обозрѣваете уѣздъ, и можно себѣ представить, какая куча свѣдѣній вами собрана...

— Да, матеріаловъ много...

— Ну, и какого-же чорта вы станете съ ними дѣлать? Напечатаете такіе-же безобразные томы, а что дальше?

— Земство разошлетъ гласнымъ.

— Да для чего-же? Нѣтъ, вы укажите мнѣ, какой дьяволъ прочитать можетъ эти томы, да и за коимъ лѣшимъ онъ станетъ читать ихъ? Что я изъ этихъ томовъ узнать могу? Одно разоренье, да я и такъ знаю, вижу во очію на каждомъ шагу и мужика, и нашего брата въ самомъ захудаломъ видѣ, безъ денегъ, безъ земли среди необъятныхъ пространствъ, пустующихъ втунѣ, или на землѣ безъ хлѣба... Почему оно такъ? Что мнѣ статистика на это скажетъ?... Ну, я, положимъ, проѣлъ выкупныя, а мужику-то что было проѣдать? Говорятъ, подождите, статистика, уяснитъ дѣло. Это когда-же, позвольте спросить? Когда вы нагромыхаете милліонъ томовъ, а потомъ еще милліонъ уясненій? А къ тому времени положеніе станетъ еще хуже, а вы все будете писать да уяснять....

— Но что-же дѣлать, Павелъ Павлычъ, наша спеціальность узкая, дѣлаемъ, что можно въ своей сферѣ...

— Да, дѣлаемъ... Призови насъ хоть къ какому дѣлу, сейчасъ писать учнемъ, а ужь разъ начавши, никогда кончить не можемъ. Писать и писать. Вотъ теперь въ уѣздѣ какая-то сыпь пошла на ребятъ, мрутъ безъ счета, и всѣ мы это знаемъ, и всѣ пишемъ, усердствуемъ до одури, и хоть-бы что!... Управа пишетъ врачамъ циркуляры о принятіи мѣръ, а всѣмъ извѣстно, что у врачей никакихъ мѣръ нѣтъ, кромѣ разгонныхъ денегъ, и сдѣлать они ровно ничего не могутъ. Напиши они это просто и ясно, ихъ прогнали-бы съ мѣстъ,—значитъ, надо отписываться. Одинъ пишетъ, что соотвѣтственныя мѣры имъ приняты и мужикамъ строжайше внушены; другой, что народъ противодѣйствуютъ введенію его мѣръ; третій прислалъ какое-то ученое изслѣдованіе о сыпяхъ вообще, надъ которымъ онъ, въ самый разгаръ эпидеміи, трудился; четвертый пишетъ, что въ его участкѣ ребята всѣ перемерли и никакой эпидеміи нѣтъ, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ. Всѣ пишутъ, а ребята мрутъ. Случись голодъ, недородъ—опять управа пишетъ циркулярно: восполнять до законныхъ предѣловъ запасные магазины хлѣбомъ, а его-то и нѣтъ, не уродило. И писаря изъ волостей отвѣтствуютъ, что всѣ магазины въ исправности, а ѣсть нечего. Тогда давай писать о пособіи и въ губерніи, и въ министерство, и оттуда пишутъ, а ѣсть нечего. Созовутъ экстренное собраніе и оно постановитъ: поручить управѣ выработать соотвѣтственныя мѣры. Управа начинаетъ писать—дѣльно, или нелѣпо, это рѣшительно все равно. Главное, было-бы о чемъ писать. То-же самое и съ пожарами... Выгорѣла деревня Кузояровка,—а предписать мужикамъ правила строительнаго устава да взаимнаго страхованія... Да вѣдь Кузояровка-то сгорѣла, чортъ возьми! причемъ-же тутъ строительный уставъ и взаимное страхованіе? А при томъ, что надо что нибудь писать, зудъ неодолимый писарскихъ способностей... Горитъ село Панфилово... Ночью скачетъ дуракъ изъ города, будитъ меня, сдаетъ бумагу, проситъ управа немедленно ѣхать на пожаръ, и неизвѣстно зачѣмъ. Одѣваюсь, ѣду вотъ по этакимъ-же проселкамъ, чтобъ ихъ прорвало! На другой день пригналъ въ Панфилово—точно, горитъ... И въ газетѣ было пропечатано, что членъ управы и начальникъ уѣзда лично изволили выѣхать на пожаръ, словно каждый изъ насъ—паровая труба въ пятьсотъ силъ...

Ну, выѣхали на пожаръ, видимъ собственными глазами — горитъ, и все до тла сгорѣло.

Начальникъ уѣзда написалъ донесеніе, и я написалъ донесеніе: зловѣщіе огненные языки, неопреодолимое пламя, скоты и человѣчьи жертвы — все написалъ, вотъ какъ въ газетахъ, хоть печатай. Конечно, измучился, обкричался до хрипоты, кого-то избилъ, и Богъ знаетъ за что, лошадь загналъ... Ну, скажите намилость, неужели Панфилово безъ моего присутствія не могло благополучно сгорѣть? За коимъ чортомъ я гналъ туда цѣлую ночь? А вотъ отписаться, что былъ и все тамъ сгорѣло, и причина неизвѣстна, и бѣдствіе великое, и нужна этому бѣдствію помощь немедленная. Ну, и управа куда слѣдуетъ пишетъ, что нужна помощь, и оттуда пишутъ, чтобы принять мѣры для помощи погорѣльцамъ. Словомъ, замололо писарское круженіе во всѣ жернова, а помола такъ и нѣту. Исписались и успокоились, а Панфилово сгорѣло и мужики пошли по міру собирать на погорѣлое. И всякая другая деревня сгоритъ при такой-же писарской суматохѣ. Вотъ вы, небойсь, и о пожарахъ статистику ведете, а для чего это?

— Какъ-же: для чего,—для полноты свѣдѣній... для изученія дѣла, для наглядности цифръ... для приведенія въ извѣстность всѣхъ убытковъ.

— Да вы возместите, что-ли, эти убытки?

— Я не возмещу.

— Полагаю... И мнѣ до убытковъ дѣла нѣтъ, и никому нѣтъ дѣла, а вотъ только скверно, что черезъ эти убытки задерживается уплата жалованья, неисправно поступаютъ сборы съ мужиковъ, ну, и это ужь мы чувствуемъ... Не даромъ-же намъ ѣздить по пожарамъ для личнаго присутствія, а надо за это получать жалованье.

— Да какъ-же можно безъ жалованья?..

— Никакъ нельзя... Одни сумасшедшіе могли-бы писать безъ жалованья, да и то преслѣдуя какія нибудь высшія цѣли, а у насъ никакихъ цѣлей нѣтъ, вотъ мы и пишемъ на досугѣ: одни — статистику, другіе — циркуляры, третьи — приказанія, всѣ пишемъ.

— Да что же дѣлать-то? спросилъ статистикъ.

— Оттого и дѣлать ничего, что всѣ пишемъ и ничего не можемъ, создали цѣлый безконечный кругъ дѣятельности письменной, кое-какъ, можетъ быть, и отражающей жизнь, да кому-же отъ этого легче?.. Ну, а письменность всегда слѣпитъ человѣка и показываетъ не то и не такъ:

у одного мысль прекрасная, у другого слогъ возвышенный, у третьяго почеркъ замѣчательный, и всѣ восторгаются своими произведеніями, а жизни настоящей, по насъ, хоть и вовсе не надо. Были-бы чернила да жалованье. Какая бѣда ни встрясись надъ нами, — предписать, отписать, подписать. Вотъ теперь вся земля сплошь бѣднѣетъ, давно бѣднѣетъ, дичаетъ, соромъ заростаетъ, грунтовыя дороги и тѣ заросли, потому ѣхать никому и никуда не надо, и гдѣ ни сидитъ человѣкъ, вездѣ передъ нимъ одна задача: съ чего и какъ начать? Нѣтъ ничего... И тысячи умныхъ людей объ этомъ пишутъ, предлагаютъ свои мѣры — великолѣпныя мѣры, да за что ни хватись, безъ рубля ни на чемъ не удержишься, а рубля-то и нѣту. Умный человѣкъ говоритъ: сдѣлайте то да вотъ это, и у васъ будутъ цѣлые милліоны, да вѣдь это и дураку въ пору сказать: это всѣ знаютъ. А ты вотъ приди съ своими мѣрами,—глаза вытаращишь и плюнешь, потому никакая мѣра насъ не пройметъ. Что было, все пріѣли, а начать не съ чего... И земля пустуетъ, и человѣкъ безъ дѣла ходитъ по уѣзду, гдѣ что можно украсть, кого убить, кого спалить... А умный человѣкъ и тутъ дѣло смекаекъ. «А, это все пошло отъ безурядья. Мало людей, что по бумагѣ пишутъ, — послать еще по писарю на душу». завертывается новый кругъ: предписать отписать, подписать... И, сохрани Боже, сказать, будто никто ничего не дѣлаетъ, — пишутъ безъ всякаго удержу, безъ передышки. Одинъ пишетъ мѣры, другой статистику, третій проекты, никому нѣтъ ни покоя, ни пощады, и нѣтъ никакого толка...

— Да вѣдь нельзя-же все вдругъ, Павелъ Павлычъ... Со временемъ все приберется къ рукамъ, и даже статистика къ чему нибудь пригодится.

— Можетъ быть, можетъ быть... Эй, дядя Василій, слетай-ка еще за посудиной...

Дядя Василій «полетѣлъ».

— Все равно торопиться некуда, пояснилъ членъ управы: — а тутъ всетаки будто исполняемъ обязанности службы ..

ЕЛЕНА ШТОРХЪ.

I.

«Это было въ 1875 г.», такъ началъ разсказъ Сергѣй Михайловичъ Парусовъ. «Городъ Пустохлябинъ, куда занесло меня на земскую службу, состоялъ изъ восьмисотъ душъ: половина мужика, половина чиновника. Крошечныя хаты, тучи пыли, цѣлыя стада цѣпныхъ собакъ, жгучій зной, усыпляющій всякую тварь, и это тоскливое, терзающее безлюдье... Даже вспомнить страшно... По вечерамъ чиновники собирались въ городскомъ саду, играли въ карты, танцовали и обвораживали дамъ и дѣвицъ. Жизнь загрузла въ этой хлябинѣ, образовала свое болото, и всѣмъ было въ немъ какъ-то невѣроятно хорошо. Всѣ успокоились. Ѣли, спали, ходили въ присутствіе, играли въ карты. Благополучіе надъ болотомъ стояло непреодолимое, и все народъ здоровый, сильный, отъѣвшійся, чему-то смѣющійся и довольный. Каждый въ глубинѣ болота что-то такое копалъ, пыхтѣлъ и, можетъ быть, страдалъ, но когда всплывалъ на поверхность, отъ него такъ и несло торжествующимъ упоеніемъ, какъ будто послѣ геройскаго подвига. Выспится человѣкъ послѣ тяжелаго обѣда, выходитъ и смѣется таково радостно, сердечно, что вчужѣ сердце сжимается отъ тоски и холода. Разговоры все съѣдомые: либо рубль, либо ревизія, либо телячьи ножки, либо страшное сновидѣніе. Дамы... только самыя смѣлыя, эмансипированныя, рѣшались поддерживать умную бесѣду. Всѣ остальныя по-азіятски держались своимъ кругомъ, въ сторонѣ отъ мужчинъ. Возьмешь ее за корсетъ, отвертишь сколько требуется и посадишь на мѣсто. Чинно и безсловесно. Даже мужья довольны за такое безобидное вниманіе. Были хорошенькія, интересныя, съ романическими склонностями, но говорить съ ними никакъ не полагалось. Приходилось

лечить ихъ, и болѣзни все странные: скука и жажда чего-то. Одной хочется улетѣть за облака, другой — сбѣжать въ умное, интеллигентное общество, такъ какъ здѣсъ ее не понимаютъ. Мужья называли эти недуги «блажью» и «одуреніемъ отъ книжекъ». Оно и правда. Одуреніе я почувствовалъ скорехонько. Школьныя мечтательства, начитанныя идеи, возвышенныя стремленія, вся моя внутренняя жизнь какъ будто отдѣлилась отъ меня и убѣжала опять въ Петербургъ. Со мною осталось одно брюхо и тупая, почти нѣжная забота объ его наполненіи. Пробовалъ я, въ качествѣ земскаго врача, лечить мужиковъ, — нѣтъ, не пошло; пробовалъ даже насильно привлекать къ леченію, грозилъ эпидеміями, сочинялъ доклады, ѣздилъ въ управу за жалованьемъ, и волочился непозволительно — глупымъ образомъ — глядѣлъ какъ одержимый на одну изъ нашихъ дамъ, и думалъ одно и то-же: хорошо-бы. Всѣ онѣ стали нравиться мнѣ удивительно, какъ будто я постепенно втягивался во вкусъ чего-то неизвѣданнаго и очень заманчиваго, и каждая дама проходила мимо меня съ такимъ чувствомъ, съ такимъ гордымъ величіемъ, какъ будто она Богъ знаетъ какія сокровища несла, и все только мимо и мимо. Наболѣвало раздраженіе отъ пустоты безпрерывнаго кошмара. Всѣ забавные, добродушные и, конечно, не дурные люди, составлявшіе городское общество, стали казаться мнѣ замѣчательными дураками. Для чего они живутъ здѣсь? Для чего шляются въ присутствіе? придирался я къ нимъ, и съ горькимъ, ядовитымъ озлобленіемъ припоминалъ Петербургъ. А, такъ вотъ для чего я учился по книжкамъ, мыслилъ, надѣялся на что-то крупное, чуть не великое... О себѣ я былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія, и мнѣ всегда было больно, что я оказался такимъ-же чиновникомъ, который, самъ не знаетъ зачѣмъ ходитъ въ присутствіе, спитъ послѣ обѣда и всю ночь сидитъ за картами. Чувствовалось что-то несообразное и оскорбительное, возмущавшее мою гордость: земскій врачъ, и только. Поставилъ я себя въ обществѣ скверно, безтактно. Злое чувство къ людямъ росло во мнѣ съ каждымъ днемъ: я попалъ въ дурацкій омутъ и злился на свое положеніе. Почему я былъ такъ увѣренъ, что общество глупое, что жизнь не достойна меня, что я выше всѣхъ, этого я не понимаю. Конечно, были люди и умнѣе меня, и образованнѣе, но я никому простить не могъ, что они живутъ въ такомъ городѣ, ходятъ въ присутствіе и воображаютъ, что это нужно. Эти механическія занятія чиновниковъ меня возмущали: либо дамъ вертятъ, либо карты

мечутъ: при чемъ тутъ умъ?.. Съ визитами я ни къ кому не пошелъ, затворился въ своей хатѣ и сталъ поджидать больныхъ. Разумѣется, никто ко мнѣ не пришелъ. Пролежалъ такъ мѣсяцъ, другой, — все опротивѣло: и книги, и самомнѣніе, и тягучая, тупая тоска, и какая-то сумасшедшая безцѣльность. Ничего кругомъ нѣтъ, все чужое, ненужное. и я боюсь переступить порогъ этой новой жизни: почва рыхлая, разъ ступишь и увязнешь по уши. Ссылка — не ссылка, и воли нѣтъ, и людей тѣхъ нѣтъ, съ которыми такъ хорошо не жилось, а мечталось въ Петербургѣ, по выкройкамъ новыхъ идей, великихъ задачъ. Я чувствовалъ себя несчастнымъ, потеряннымъ, не умѣлъ справиться съ своимъ упорствомъ, надменностью, презрѣніемъ къ людямъ. Выпадаетъ такой странный складъ жизни, необъяснимый и безсмысленный: человѣкъ становится какъ во снѣ, говоритъ и дѣлаетъ что-то совсѣмъ не то и не такъ, присутствуетъ при чужой жизни, чужихъ интересахъ, а самъ мучится мечтаніями о томъ, что осталось позади, живетъ заднимъ числомъ, прошлыми связями, и съ непобѣдимымъ упрямствомъ любитъ свою завѣтную мечту про себя, въ одиночку. Глупое, мучительное состояніе, бьешься, какъ рыбина на пескѣ, не понимая, зачѣмъ это нужно, ко всему относишься автоматически, со злобной апатіей, чувствуешь, что надо сдѣлать надъ собою что-то рѣшительное, и ничего не умѣешь придумать. Развѣ только выругаешь кого нибудь изъ окружающихъ отъ тоски, отъ тошноты одиночества. При томъ, ѣхалъ я изъ Петербурга на мѣсто съ совершенно фантастическими задачами, великими и модными, съ полной вѣрой, что я выполню ихъ блестящимъ образомъ. Въ модѣ былъ народъ, его интересы, будущность, и вотъ я въ народѣ, у меня подходящая роль, широкое поприще, я могу многое сдѣлать, и... ну, и ничего не выходитъ. Собрался я въ уѣздъ, именно къ мужикамъ, на сближеніе, ѣздилъ, ѣздилъ, съ ямщиками въ политическія бесѣды пускался, заѣхалъ въ какой-то помѣщичій домъ и напустилъ на себя такую развязность, что тамъ за жениха меня приняли и чуть-было не благословили съ горластой пѣвицей, готовившейся въ оперу. Произошло со мною что-то необычайное, какая-то нервная встряска, и прояснилась почти отчаянная рѣшимость махнуть рукой на всѣ грезы и мечтанія, и зажить по болотному: живутъ-же люди не хуже меня и, можетъ быть, у каждаго изъ нихъ были великія цѣли, а теперь вотъ они ходятъ и въ баню, и въ присутствіе, и другъ къ другу въ гости, и всѣ, благодареніе Богу, отличаются

непомѣрнымъ здоровьемъ. Въ экстазѣ я купилъ даже у жида модную брючную матерію, блѣдно-сиреневаго цвѣта, и приказалъ штаны построить экстренно, въ двадцать четыре часа. Жидъ построилъ, и вотъ изъ этого ничтожнаго обстоятельства суждено было возникнуть убійственному роману. Брюки оказались узки, въ обтяжку, и хотя жидъ увѣрялъ меня, что это самая послѣдняя мода и есть, и всѣмъ господамъ онъ давно нашилъ еще болѣе узкіе штаны, все-таки, было что-то комически-безобразное, ворочался я передъ зеркаломъ, точно медвѣдь въ балетномъ трико, — ну, совсѣмъ вышло не хорошо, никуда показаться нельзя, несчастіе... Сижу на постояломъ и раздумываю, какъ мнѣ быть... Подъѣзжаетъ бричка и мужикъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ подходитъ ко мнѣ.

— Пожалуйте къ нашимъ господамъ.

— А что у вашихъ господъ?

— Да Богъ знаетъ.

Сажусь въ бричку и ѣду. Дорогой разспросилъ мужика, кто такіе господа,—мировой судья Шторхъ, нѣмецъ и маіоръ.

Нѣмцевъ я не любилъ: во-первыхъ, они слишкомъ симметричны, разсчетливы, дѣловиты; во-вторыхъ, всѣ аристократы самаго дурного тона; въ третьихъ, нѣмецъ въ Россіи всегда болѣе или менѣе варягъ, а тутъ еще и судья... Словомъ, нѣмецъ — это какая нибудь водоподъемная машина, неуклюже-тяжелая, громоздкая, вырабатывающая благосостояніе грошъ за грошемъ, неумолимо, долго и замѣчательно скучно. На своихъ правилахъ нѣмецъ, какъ паровозъ на колесахъ, идетъ и что попало давитъ. Механизмъ очень совершенный, достойный изученія и удивленія, но намъ, русскимъ, довольно-таки антипатичный. Много у него и знаній, и выдержки, и политическаго такта, и честенъ онъ до степени дурачества, и въ работѣ дисциплинированъ до механической точности, и на слово его можно всегда положиться, но съ нимъ ужасно скучно: ни на какіе экспромты онъ не способенъ, всегда можно его высчитать, какъ инструментъ, и знать заранѣе въ самыхъ тложныхъ случаяхъ, какъ онъ поступитъ. Мы къ этому не привыкли, руководствуемся вдохновеніемъ и часто кажемся опасными и злыми только потому, что не умѣемъ изображать себя въ цифрахъ. У насъ больше поэзіи, непосредственности, впечатленія и ужь совсѣмъ много безпорядочности. Правильныя люди у насъ не удаются, на колеса насъ никакъ нельзя поставить, — непремѣнно сойдемъ съ рельсъ и по-

терпимъ крушеніе... Да и то сказать, гдѣ и на чемъ могла-бы у насъ воспитаться манера жить?.. Изъ студенческихъ кружковъ мы выходимъ въ общество почти въ дикомъ состояніи и выносимъ въ жизнь одно политиканское презрѣніе, красивое и напыщенное, а за нимъ уже совершенная пустота, передъ которой сами-же мы впадаемъ въ ужасъ и съ большимъ удовольствіемъ стрѣляемъ себѣ въ лобъ, съ полной увѣренностью, что никакого ума въ немъ не повредимъ. Но это уже послѣ грубыхъ ошибокъ, потрясеній и разочарованій. То, что я испытывалъ въ Пустохлябинѣ, эта ядовитая горечь гордости, насиженная именно въ кухмистерскихъ кружкахъ—это неизбѣжное послѣдствіе ни съ чѣмъ несообразнаго воспитанія, даже больше — совсѣмъ не нужнаго, не годнаго. Прочиталъ сотню книжекъ, научился, какъ фокусникъ, переставлять соціалистическіе софизмы передъ изумленными дѣвицами и младенцами и возмнилъ о себѣ Богъ знаетъ что. Дѣвицы и младенцы, конечно, склонны къ обожанію любого дурака за ловкій, фразистый вольтъ, но какъ мы-то, зрѣлые, этого не поняли и на такихъ жалкихъ успѣхахъ въ кухмистерскихъ кружкахъ строили свое исполинское величіе и самообожаніе, да не только для собственнаго обихода, а прямо выносили его въ большую публику и требовали преклоненія. Совсѣмъ ужь ребяческая наивность, и это всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, кромѣ самихъ дѣятелей изъ кухмистерскихъ кружковъ, было видно и понятно.

Ну, вотъ, проѣхали мы городской лѣсъ. Свѣтлый, чистенькій домикъ стоитъ у самой рѣки. На крыльцѣ дѣти играютъ въ пескѣ и стоитъ молодцоватая фигура въ бѣломъ кителѣ. Голова стриженная, круглая, и глаза воздушные—нѣмецъ и есть. Вылѣзая изъ брички, я съ ненавистью оглядѣлъ свои злополучные штаны, самъ нѣмецъ сквозь усы усмѣхнулся, и думаю, за какого балетнаго идіота онъ долженъ принять меня. Познакомились. Нѣмецъ оказался не только правильнымъ, но и очень пріятнымъ человѣкомъ. Черезъ пять минутъ мы уже говорили объ уѣздныхъ дѣлахъ и я совсѣмъ забылъ про жидовски-модные штаны.

Вдругъ на порогѣ остановилась женщина или дѣвушка, коротко остриженная щетинкой, съ бойкимъ, мальчишески-лукавымъ, розовымъ лицомъ, остановилась, въ крупныхъ, карихъ глазахъ ея что-то мгновенно дрогнуло и неудержимый, звонкій хохотъ такъ и покатился по всему дому.

«Вотъ проклятіе-то!» думалъ я.

Нѣмецъ строго взглянулъ на нее. Да, несомнѣнно, она хохотала надъ моими штанами, и что я былъ смѣшенъ въ нихъ, это тоже несомнѣнно. Но въ ту минуту я былъ золъ и на себя, и на жида, и на этого мальчишку въ юбкѣ, и чуть не заоралъ: какъ вы смѣете? чувствовалъ, что краснѣю до слезъ и никакихъ объясненій дать не могу.

Штаны невѣроятно модные сгубили меня во мнѣніи женщины, и я тогда-же почувствовалъ къ ней долгую, прочно засѣвшую злобу. Я пуще всего боялся показаться хлыщемъ, а это-то именно и случилось, потому кому-же придетъ въ голову надѣть такіе безподобные, поражающіе штаны, блѣдно-сиреневаго цвѣта и въ обхватъ. Нѣтъ болѣе горькой обиды, какъ быть смѣшнымъ въ глазахъ молодой, да еще и хорошенькой женщины. При томъ она никакъ не сообразитъ, что штаны сооружалъ не я, стало быть, и не виноватъ. Да, было что-то писарское и ужасное по франтовству въ моей особѣ. И безъ того у человѣка довольно-таки глупое лицо, когда онъ впервые представляется, оглядываетъ другого съ любопытнымъ недоумѣніемъ, а тутъ этакой толстолапый жидъ въ обтяжку, — разумѣется, было надъ чѣмъ хохотать. У ней даже слезы проступили въ глазахъ, нервный хохотъ еще слышался въ ея голосѣ, когда она говорила:

— Простите... это нервы... но, право-же, я совсѣмъ не о томъ. И вотъ, когда она сѣла въ сторонкѣ, я внимательнѣе сталъ всматриваться въ ея нервное, тоскливо сосредоточенное лицо, со вздернутымъ, воробьинымъ носикомъ и прелестными, мягкими глазами — самыми опасными и обманчивыми, съ выраженіемъ фальшивой, ласкающей доброты.

Трудно сказать, что въ ней было хорошо. Въ сущности ничего, самая заурядная наша дама, какихъ вертишь подъ музыку въ безсловесномъ состояніи, скучающая барынька, читающая книги.

Я остался у Шторховъ обѣдать и просидѣлъ до поздняго вечера. Мужъ и жена выдавались изъ мѣстнаго общества и не бывали въ немъ. Это были интеллигентные читатели, съ развитымъ вкусомъ, съ чутьемъ ко всякому свѣжему вѣянію, выписывали журналы, даже книги, и преблагополучно скучали отъ своего ума, такъ какъ дѣвать его было некуда по условіямъ и складу жизни.

Францъ Эдуардовичъ Шторхъ былъ превосходнѣйшій нѣмецъ, точ-

ный, вымѣренный, трудолюбивый, добродушно гордый и увѣренный въ себѣ, служилъ уже третье трехлѣтіе и пользовался въ уѣздѣ не симпатіей, а какимъ-то враждебнымъ почтеніемъ. Къ нему не ѣздили и онъ ни къ кому не ѣздилъ, ненавидѣлъ карты, и цѣлые годы, изо дня въ день, проводилъ въ своей камерѣ, съ непобѣдимымъ терпѣніемъ и вѣжливостью разбирая мужицкія дѣла. Елена Васильевна была лѣтъ на двадцать моложе его, вышла за Шторха по любви, и жила съ нимъ, какъ живутъ всѣ порядочные люди. Дѣтей у нихъ было двое: дѣвочка лѣтъ трехъ и ползунокъ-мальчишка. Благополучная семья интеллигентнаго труженика. Шторхи оставили во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе и я сталъ ѣздить къ нимъ почти каждый день. Въ городѣ не было другихъ людей, съ которыми можно-бы говорить объ общихъ вопросахъ, а это для нашего брата важнѣе самаго хлѣба. Нашелъ одного терпѣливаго слушателя и сейчасъ-же воообразишь: общественное мнѣніе—это то самое, что мое, ну, разумѣется, кокетничаешь своимъ умомъ въ полное удовольствіе, воображая, что дѣлаешь великое дѣло. Въ присутствіи хорошенькой женщины непремѣнно хочется ей понравиться. Даже и не надо, а врешь на себя съ самой чудесной стороны, выпишешь такого рыцаря, что послѣ самъ въ одиночку покраснѣешь: зачѣмъ, молъ, это я?.. Привычка студенческихъ кружковъ осталась въ полной силѣ, привычка къ раболѣпному вниманію младенцевъ и дѣвицъ, и къ выбрасыванію изъ себя всего умнаго, вычитаннаго изъ книжекъ. Тогда всѣ были торжественными трибунами, оракулами. Научное и политическое чревовѣщательство было въ большой модѣ. Случалось, два человѣка говорили одно и то же, спорили по цѣлымъ часамъ и никакъ не могли другъ друга понять, о чемъ это они говорятъ, и расходились съ полной увѣренностью, что каждый изъ нихъ бесѣдовалъ съ болваномъ, съ идіотомъ. Такое время было, такое вѣяніе. Пріѣзжалъ я къ Шторхамъ и обыкновенно время проводилъ въ разговорахъ съ Еленой Васильевной—о новыхъ книжкахъ, о замѣчательныхъ статьяхъ и умныхъ людяхъ изъ студенческихъ кружковъ, которые Богъ знаетъ какъ опечалены неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ, и, конечно, все передѣлаютъ въ будущемъ. Замѣчательно, что никогда такой теоріи не было на счетъ богатствъ умственныхъ.

Говорили мы съ ней очень мило. Бабенка не глупая, сама читаетъ и любитъ порисоваться смѣлостью фразы. Шторхъ мужиковъ судитъ,

а мы разсуждаемъ о будущности. И такъ я втянулся въ это милое занятіе, что и мужиковъ позабылъ, и неравномѣрное распредѣленіе. Она, съ своей стороны, видимо тяготилась ребятишками, и готова была хоть сейчасъ заняться болѣе справедливымъ распредѣленіемъ богатствъ. Умныя бесѣды шли своимъ порядкомъ. Шторхъ, какъ порядочный человѣкъ, конечно, не придавалъ подозрительнаго значенія нашимъ бесѣдамъ, а начиналось уже что-то неладное. Да оно и понятно: молодая, красивая, умненькая женщина была оцѣнена мною, другой такой въ Пустохлябинѣ не было. Доходили мы много разъ и до любви, и я съ ребяческимъ ожесточеніемъ отрицалъ ее, и долженъ былъ намекнуть ей на свое чувство, да это и не нужно было. Когда женщина кокетничаетъ, она не замѣчаетъ, какъ доходитъ до искренности, и даже одними глазами диктуетъ позволеніе, и съ адскимъ нетерпѣніемъ ждетъ, какая глупость изъ этого выйдетъ. Вывернется-ли благополучно сама, объ этомъ она не думаетъ, а интересно ей видѣть, знать, чувствовать, какъ я люблю, какая она въ самомъ дѣлѣ хорошая и чудесная, умная и возвышенная въ моемъ мнѣніи... Да что, я уподоблялъ ее Мадоннѣ, я, наконецъ, сталъ глядѣть на нее съ бѣшенствомъ, съ отвращеніемъ, съ ненавистью. Раздраженіе мое переходило въ злобный тонъ, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ дурно со мной поступала, была виновата. На нѣсколько дней установилось враждебное молчаніе. Шторхъ поглядывалъ на насъ съ изумленіемъ, что, молъ, такое?.. Неужели здѣсь уже ссора за мою собственность?.. Наступила пора разговоровъ интимныхъ, и при Шторхѣ какъ-то невольно длилось тягостное молчаніе. Нѣмецъ былъ уже лишній, совсѣмъ лишній.

— Вы думаете, мнѣ легко? говорила Елена Васильевна:—а это... это?..

Она гладила по головѣ кудрявую дѣвочку и озабоченно вздыхала. Дѣвочка эта ненавидѣла меня и, держась за руку матери, говорила мнѣ;

— Мама моя... моя... моя...

Замѣтно было и Елена Васильевна избѣгала меня и выходила съ этой противной дѣвченкой. Языкъ страстей совсѣмъ замолкъ и мы встрѣчались уже прямо на враждебномъ положеніи, какъ будто-бы мы свои роли сыграли и при томъ скверно, и выступалъ уже самъ Шторхъ. Тогда вопросы о свободной любви разрѣшались модно, по установленному шаблону и мнѣ казалось страннымъ и дикимъ, отсталымъ и

глупымъ всякое рѣшеніе не въ моемъ вкусѣ. Елена должна была бросить мужа и дѣтей и уйдти со мною: она-же любитъ. Такъ было модно, прямолинейно, просто и «*разумно*». Что такое въ самомъ дѣлѣ мужъ и дѣти, если женщина полюбила, и хочетъ свободы и даже ученья?.. Ученье было искупленіемъ всего. Можно было отца роднаго повѣсить, чтобы завоевать право учиться. Права мужей хорошенькихъ женщинъ — это была совсѣмъ уже археологическая отсталость, признакъ дикости. Одно право признавалось за мужемъ: отдай жену кому она желаетъ, и это благородно, честно, по модѣ, а защищать семью, интересы семьи — нелѣпость, ретроградство, тупоуміе. Такъ смотрѣли мы тогда на жизнь и что же могло быть умнѣе... Я ни минуты не сомнѣвался въ рѣшеніи Елены: неужели въ ней еще могутъ жить предразсудки рядомъ съ такими свѣтлыми и умными идеями — любовь, свобода, наука... Нѣмецъ-же сухъ, скученъ, терпѣливъ, какъ камень, и, конечно, надоѣлъ ей своимъ деспотизмомъ. Почему нѣмецъ былъ деспотъ Елены, этого я никакъ не могъ уяснить себѣ, но такъ должно быть по теоріи: иначе отъ чего-же ей надо было бѣжать и непремѣнно къ умнымъ людямъ въ Петербургъ? Ясно, что нѣмецъ глупъ и деспотъ, и я съ полнѣйшей развязанностью говорилъ это Еленѣ.

— Вы ошибаетесь, съ горячей грустью заступилась она: — Можетъ быть, въ томъ и бѣда, что Францъ Шторхъ — благороднѣйшій человѣкъ, и я знаю это лучше васъ. Съ дурнымъ мужемъ не бываетъ ни вопросовъ, ни страданій, и я не мучилась-бы ни минуты. Я думала, вы не нуждаетесь въ его униженіи, а вы говорите о немъ дурно и безъ всякаго права.

Не хорошо вышло, и Елена, конечно, была права. Вся вина Шторха состояла въ томъ, что обладалъ хорошенькой женщиной, а я хотѣлъ отнять ее и не могъ, не умѣлъ, злобствовалъ на свои неудачи, завидовалъ счастливому. Но вѣдь и мое положеніе трагическое: будь благороденъ втроемъ, когда двое въ заговорѣ противъ тебя. Хороша позиція!... Наконецъ, страсть и голодъ не разсуждаютъ и если говорятъ благородныя слова, то только съ эксплоататорскою цѣлью. Страсть и голодъ, по природѣ, хищники, а уважать чужія права не только личный аппетитъ, но и теоріи не позволяли. При томъ-же сближеніе съ красивой интеллигентной женщиной само порождаетъ очень смѣлыя теоріи, по которымъ то и честно, что пріятно и желательно. Хорошень-

кое личико—ужасная, непобѣдимая сила, когда кругомъ видишь одни свиныя рыла. Весь отдаешься ему и весь міръ забываешь. Самая чуткая совѣсть и та предательски помалчиваетъ предъ красотой. Да, вотъ и подите: реалисты, почти циники, а вѣдь какое поклоненіе красотѣ воздавали... Топтали въ грязь эстетику, ненавидѣли искусство, воспѣвали равенство женщинъ, ихъ независимость и право, и достигали либо рабства ея, либо собственнаго порабощенія.

Я былъ возмущенъ колебаніями Елены. Я такъ вѣрилъ въ свою обворожительность, что могъ только удивляться ея тупости, какъ это она мнѣ, — м-м-мнѣ, понимаете, — предпочитаетъ благороднѣйшаго нѣмца, котораго я всей душой ненавидѣлъ?... Да, ненавидѣлъ... и, можетъ, именно за то, что нѣмецъ правиленъ, честенъ, величественъ, какъ монументъ.

И вотъ онъ заговорилъ, этотъ нѣмецъ. Скрѣпя сердце, тяжело пыхтя, видимо негодуя, онъ вспоминалъ о томъ, какъ въ молодости любилъ чужую жену, и это было честно, идеально, безъ всякой грѣшной мысли, и какое облагораживающее вліяніе эта идеальная любовь имѣла на его нѣмецкую душу. Онъ велъ корреспонденцію съ ней, глядѣлъ какъ баранъ на часы, на ея фотографію, и это было очень хорошо.

Мы съ Еленой переглянулись, мы поняли, что для насъ это нѣчто невозможное, и нѣмецъ поймалъ наши взгляды и понялъ ихъ. И вдругъ онъ побѣлѣлъ, задрожалъ, ударилъ ножомъ по тарелкѣ, сбросилъ со стола осколки и неистово заревѣлъ.

— Я убью... убью того подлаго человѣка, который... который пользуясь моимъ гостепріимствомъ, моей дружбой, опозоритъ мой домъ... мою жену,.. мою честь... И я прошу васъ, господинъ докторъ, оставить мой домъ!.. Я честный человѣкъ, чего и вамъ желаю... Я готовъ съ вами драться, а теперь—вонъ изъ моего дома... Я не хочу здѣсь васъ видѣть!..

Все это произошло совсѣмъ неожиданно. Шторхъ былъ страшно взбѣшенъ. Елена, блѣдная, растерянная, съ горящими и изумленными глазами расхохоталась насильственно, съ какимъ-то злораднымъ изступленіемъ. Шторхъ взволнованно ходилъ по комнатѣ. Я поднялся изъ-за стола, молча поклонился Еленѣ и повернулся къ выходу. Не было во мнѣ ни обиды, ни злобы, одно сдавленное равнодушіе.

— Такъ какъ вы уходите, то дайте мнѣ вашу руку: я признаю васъ честнымъ человѣкомъ, сказалъ Шторхъ, и я далъ ему руку. Въ томъже окаменѣломъ спокойствіи я сошелъ съ лѣстницы, за мной—Елена.

— Сергѣй Михалычъ, простите меня, простите! ой, какъ худо!.. простите!..

Что-то жалко-молящее, ничтожное, рабски-покорное было въ ея красивомъ, блѣдномъ лицѣ. Она поцѣловала меня, она плакала, она не помнила, что мужъ стоитъ за ней, на лѣстницѣ...

— Ой, какъ жаль! вздохнула она.

II.

Обида была горькая, безобразная и несправедливая, и это доставляло мнѣ большое удовольствіе. Я шелъ перелѣскомъ въ городъ, припоминалъ каждый звукъ шумной сцены, изумленіе Елены, и радовался безтактности Шторха. Ходъ слишкомъ рѣшительный и, по всѣмъ даннымъ, не вѣрный. Теперь нѣмецъ проиграетъ и честь, и жену, и убить ему некого будетъ. Она сама все кончитъ изъ жалости ко мнѣ за такой скандалъ. Этого она не проститъ ему. Ну, а я-то какъ?.. Меня выгнали самымъ позорнымъ образомъ и я покорно вышелъ... Да развѣ онъ смѣлъ это сдѣлать? Вытерпѣть такой скандалъ и потерять «привязанность»... какъ быть?.. Онъ говоритъ: драться, но развѣ я опозорилъ его честь? да и въ чемъ у этого господина честь?.. Въ одной боязни огласки скандала, по ихнему, это называется смѣшнымъ положеніемъ. Но вѣдь этого нѣтъ, и Елена не изъ такихъ, которыя по первому приступу сдаются, хотя она и не прочь заняться увлеченіями, все-таки весело и ново въ ея жизни: съ ребятишками скучно, съ мужемъ еще скучнѣе. Жизнь однообразная, праздная, сегодня, какъ вчера. Женщина молодая, кровь, нервы, живое слово еще раздражаетъ... Иная и въ пятьдесятъ лѣтъ не перестаетъ снимать съ себя фотографіи въ страстныхъ позахъ и увѣрена, что хороша, какъ дѣвочка... Дамы — такъ. У нихъ никакой логики нѣтъ въ событіяхъ... Но все-таки, какъ это возмутительно... Этотъ крикливый нѣмецъ... У него воображеніе разыгралось, а мнѣ скандалъ. Да, наконецъ, уйми жену: это твое право, твоя власть. Пусть не намекаетъ ни глазами, ни кивками, ни вздохами, ни волненіями. Извѣстенъ покрой добродѣтельной женщины, она до интимныхъ рѣчей не дойдетъ и не допус-

титъ... отъ страха, — и держи ее въ страхѣ, не давай либеральничать. Женщина вообще гораздо проще и глупѣе, чѣмъ о ней сложилось мнѣніе; при всемъ коварствѣ, она непремѣнно скажетъ то, что хочетъ сдѣлать, и при этомъ увѣритъ себя въ благородствѣ, честности, искренности. Она не можетъ, — ну, и права, даже геройски поступаетъ. Скажетъ, конечно, въ общихъ выраженіяхъ, будто не о себѣ, а сама она не такая, потому-то и говоритъ о всѣхъ, что сама выше ихъ... Какъ это просто, а мужья все-таки не понимаютъ.

Пока я шелъ лѣсомъ, да разсуждалъ, какъ мнѣ поступить со Шторхомъ, въ городѣ готовился мнѣ совсѣмъ неожиданный сюрпризъ. Давно уже всѣ были противъ меня, всѣ говорили съ изумительной точностью, когда и гдѣ мы съ Еленой цѣловались, когда она стала моей и какъ ко всему этому скандалу относится «бѣдный» мужъ, что я гублю свою карьеру, и весь городъ и уѣздъ мною совершенно недовольны. Небрежность, даже подлость со стороны врача, который беретъ деньги съ народа на свою любовь и такъ много о себѣ думаетъ. Словомъ, поднялось волненіе умовъ. Всѣ были рады случаю сдѣлать мнѣ непріятность и пакость за высокомѣрное пренебреженіе къ обществу. Такъ надо. Мой вызовъ — мнѣ и пуля. Но это было табунное недовольство, раздраженіе, художественная сплетня, захлестнувшая своей грязью имя порядочной, честной женщины, жены и матери, оно не могло-бы еще насытить праздную низость толпы. Случилось что-то худшее. Безъ меня прибылъ изъ студенческаго кружка делегатъ, двое сутокъ прожилъ въ моей пустой квартирѣ и оставилъ мнѣ тюкъ съ «пропагандой» и письмо на шестнадцати листахъ, «соборное посланіе». Широковѣщательныя письма были въ большой модѣ, выписывалась вся мудрость, перечитанная въ книгахъ, велась безконечная полемика по поводу пріемовъ пропаганды въ народѣ, дѣйствовали на совѣсть, на нравственную обязанность передъ народовъ, словомъ, за фразой въ карманъ не лѣзли. Переписывались цѣлыя программы поведенія пропагандиста въ народѣ, какъ онъ долженъ былъ задружить интеллигентное общество, и подъ его покровительствомъ и симпатіей дѣйствовать въ народѣ...

Письмо это я прочиталъ ночью, въ постелѣ, и что-то дрогнуло во мнѣ мучительно и безпокойно. Какъ далекъ былъ отъ меня этотъ мірокъ съ его міровыми задачами!.. Я весь отдался личному чувству, личному наслажденію, я любилъ. Роскошь непозволительная и опаль-

ная. Можно было знать женщину естественно, а еще лучше — экономически, т. е. эксплоатируя ея состояніе въ пользу кухмистерскаго кружка, но любовь совершенно не допускалась. А любовь была, — да, несомнѣнная любовь: постоянная мысль объ Еленѣ, волшебныя грезы страстныхъ желаній, жажда счастія, наслажденія, — вѣдь это такъ въ порядкѣ вещей, такъ невозможно отъ этого искушенія уберечься, такъ охотно каждый ложится подъ колесо, находя радость и счастіе въ самой пыткѣ, что колесо его перерѣзало, — никакія теоріи съ такимъ чувствомъ мириться не могутъ. Всѣ ихъ доводы и доказательства меркнутъ передъ однимъ взглядомъ любимой женщины.

Но тутъ я понялъ, что чѣмъ-то и кѣмъ-то связанъ, что разорвать эти путы не въ моей власти, что я долженъ кружку своего рода «фунтъ мяса» *), что не сегодня, завтра придетъ кредиторъ и съ неумолимой настойчивостью потребуетъ уплаты.

Измѣнить идеаламъ я никакъ не хотѣлъ и не думалъ, но и о нихъ я не думалъ: Елена, одна Елена наполняла всю мою голову.

Я дрогнулъ отъ письма. Оно было суровое и безтолковое, высиженное въ кабинетѣ, гдѣ и народъ, и пропаганда, и интеллигенція приняты были, какъ теоретическія формулы извѣстнаго ученія, гдѣ люди разсуждали ночи на пролетъ, совсѣмъ не зная предмета своихъ сужденій. Тамъ все казалось легко и вѣрно, разсчитано, какъ дважды два, но не то выходило на дѣлѣ, у самаго народа: книжекъ народъ не бралъ, слушалъ проповѣдь съ суровой опасливостью и явнымъ недоумѣніемъ, что ему дѣлать передъ бунтовскою рѣчью: связать-ли бунтаря и представить его въ полицію, или просто намять ему шею по собственному соображенію.

Ничего этого въ студенческихъ кружкахъ не знали, а прямо требовали: сдѣлать революцію, а въ распоряженіе ваше посылаются для этой цѣли извѣстныя брошюры. Этотъ тюкъ съ «пропагандой», какъ привидѣніе, стоялъ въ углу, и что-то мрачно-чудовищное предвѣщалъ. Съ письмомъ я зналъ что дѣлать — отписаться по канцелярски: революція, молъ, преуспѣваетъ, народъ расположенъ, все понялъ и организуется, успѣхи громадны, ожидайте событій. Но куда дѣвать «пропаганду?..» Сжечь какъ-то совѣстно, разбросать по городу, по уѣзду, глупо... Все предпріятіе задумано глупо.

---

*) «Шейлокъ».

Вотъ вечеркомъ приходитъ ко мнѣ исправникъ, старый воитель, должно быть прекраснѣйшій человѣкъ: «Очень радъ, говоритъ, познакомиться... Все общество глубоко сожалѣетъ о вашемъ отчужденіи», наговорилъ любезностей безъ конца, спросилъ рецептъ отъ кашля и гемороя, водки выпилъ, все какъ слѣдуетъ, разсказалъ городскія новости, даже весело стало, и такъ неловко, что я къ старику не явился съ визитомъ. Извиняюсь, конечно, дѣлъ много.

— У мировихи? подхватилъ онъ: — ну, само собой, не безъ хлопотъ, но и дама прелестная, обворожительная, первая, можно сказать въ городѣ. Вотъ вы тамъ гостили, а здѣсь у васъ гости были. — «Да говорю, товарищъ проѣзжалъ».—Знаете,Сергѣй Михайловичъ, лицо-то у вашего товарища ужь очень примѣтное...— «А что»?—Наружность такая необщественная, сейчасъ и видно, что къ новому классу людей принадлежитъ... Вы понимаете, я, какъ благородный человѣкъ, говорю съ вами, это не хорошо.— «Что не хорошо»?— Ну, вы знаете, что... Товарищъ-то у васъ тючекъ оставилъ, а въ немъ, надо быть, революціонныя книжки... Не хорошо то, что вы меня, человѣка стараго, заслуженнаго, подводите подъ жестокую отвѣтственность, да и вамъ, человѣку съ положеніемъ въ обществѣ, не слѣдуетъ за такія дѣла браться.— «Помилуйте! говорю, изъ чего вы могли заключить?.. Никакого тючка у меня нѣтъ... А тюкъ такъ и смотритъ предателемъ изъ угла, и самъ краснѣю до волосъ, нервная лихорадка бьетъ, въ головѣ поднимается шумъ, стукотня, чуть не обморокъ».— Эхъ, Сергѣй Михалычъ, говоритъ исправникъ, и водки еще выпилъ.— «Человѣкъ вы ученый, все понимаете, и уваженіе мое къ вамъ чувствуете, а говорите неправду. Бѣды я вамъ не желаю, избави Богъ каждаго, а только меня-то вы не подводите... Ну, что хорошаго, судите сами, появится эта самая революція въ уѣздѣ, гдѣ и когда еще виноватыхъ найдутъ, а улики на лицо, сейчасъ меня въ первую голову: куда ты, старый дуракъ, смотришь? у тебя въ уѣздѣ революція, книги читаютъ, а ты?.. Понимаете, вѣдь это тяжкое преступленіе по должности, меня отставятъ, засудятъ... Развѣ это хорошо»?—Помилуйте, что хорошаго... Только вы напрасно...—«Не напрасно, а вѣрно, что революція у васъ въ углу лежитъ, вонъ она!.. Давайте-ка запремъ двери, да тючекъ-то вскроемъ, посмотримъ, что въ немъ»...— «Да я самъ не знаю, что въ немъ... Мало-ли что можно подкинуть человѣку въ его отсутствіе... Я за это не отвѣчаю»...— «Эхъ, да кто-же васъ къ отвѣту зоветъ?..

вскроемъ да посмотримъ, коли революція есть, возьмемъ, да и сожгемъ ее, вотъ и все». У меня отъ сердца отлегло. Но все-таки сжечь революцію — подвигъ позорный для меня, и какимъ-же я ничтожнымъ, жалкимъ человѣкомъ долженъ казаться даже въ глазахъ этого добродушнаго старика... Нужно-бы, конечно, протестовать, защищать свое дѣло величественно,—фразы такъ и закружились въ головѣ: деспотизмъ, сыскъ, насиліе надъ свободой мысли, необезпеченность личныхъ правъ... И все это такъ картинно, съ геройской убѣдительностью. Легко сказать, однако-же, протестовать, а у исправника-то стража за дверью, мигнулъ,—она входитъ: «Пожалуйте»!.. Тутъ жизнь на ставкѣ, любовь, Елена... Хотя у насъ и принято было жизнью не дорожить, спасенія не искать, идти обреченными глупцами за низверженіе въ будущемъ, въ ссылку, на каторгу, пока правительство ужаснется нашему множеству. Но вѣдь это рѣшеніе студенческое, принципіальное, а здѣсь сама жизнь, факты самаго шкурнаго достоинства. Вскрыли мы тючекъ,—въ немъ, конечно, была революція, всѣ цюрихскія издѣлія налицо. Исправникъ торжествовалъ.—«Вотъ видите! радостно говорилъ онъ;—и переписки не будетъ, и розысковъ не надо дѣлать, и непріятностей по службѣ никому не будетъ. Любезное дѣло!.. Зажигайте-ка огонька»... И я зажегъ огонекъ и затопилъ брошюрами печь, и кочергой ихъ къ печи пошевеливалъ, да и самъ со стыда сгорѣлъ передъ старикомъ, выслушивая его поученіе, вовсе не важное по книжной мудрости.—Вы, конечно, имѣете право меня арестовать, сказалъ я съ возможной гордостью:—хотя книжки и сгорѣли, но убѣжденія мои остаются тѣ-же самыя. Это уже вольность для самооправданія, почти увѣренность въ безнаказанности. Исправникъ еще водки выпилъ и сердито крякнулъ: «Арестовать, мой милостивый государь, послѣднее дѣло, когда вы находитесь въ моихъ рукахъ, сказалъ онъ:—я не хочу этого дѣлать по чувству, вамъ еще непонятному: у меня сынъ-гимназистишка за эти самыя книжки арестованъ. Ему тоже дали ихъ умные люди: иди, молъ, неси въ народъ эту революцію—герой будешь, онъ и понесъ. Всю жизнь себѣ мальчикъ испортилъ, да и родителямъ кстати», и вдругъ старикъ зарыдалъ, опустился на стулъ, схватилъ свою голову обѣими руками, и какъ-то по дѣтски всхлипывалъ, приговаривая: «Николушка, бѣдный мой Николушка!.. И учился-то мальчикъ хорошо, да вотъ подите: все умные люди нынче пошли, насочиняютъ вотъ этакую революцію, а

ребятишки таскай ее, разсовывай куда попало... А вотъ вы ужь и не гимназистъ, слава Богу, а мысли-то у васъ, пожалуй, зловреднѣе: сами-то вы эти книжки не пошли-бы разносить, а приспособили-бы ребятишекъ, въ родѣ моего Николушки, да вотъ и даму чужую тоже, говорятъ, вовлекаете, мать у дѣтей хотите отнять, да, пожалуй, и ее пошлете книжки разносить»...

Долго старикъ говорилъ въ этомъ родѣ—поучительно, съ отеческой заботливостью, но это-то хуже всего и раздражаетъ. Археологическій тонъ поученій былъ нестерпимо противенъ: онъ унижалъ не мое личное высокомѣріе, а надменность студенческихъ авторитетовъ, идоловъ, заправлявшихъ судьбами революціи. А я и тогда уже мѣтилъ на идольскій постъ. Жизнь въ Пустохлябинѣ сказала мнѣ что-то совсѣмъ другое. Эта жизнь какъ будто страдала обжорной одышкой и окована была такой несокрушимой броней косности, привычки, тупости, отъ которыхъ всѣ снаряды революціи отскакивали, какъ отъ стѣны горохъ. Я впервые начиналъ понимать весь вздоръ кухмистерскихъ революцій, впервые видѣлъ совсѣмъ новый для меня міръ, ничтожную частицу цѣлой Россіи, и по ней я долженъ былъ составить свое понятіе о цѣлой странѣ. Заключеніе вышло совсѣмъ не утѣшительное. Въ кухмистерскихъ давно уже твердили и во «Впередъ» писали, что народъ приготовленъ жизнью къ самому рѣшительному перевороту. Остается ему прочитать цюрихскія брошюры, и пойдетъ по Руси революціонное броженіе. И я этому вѣрилъ. Экзальтація и холопское приниженіе передъ бойкимъ словомъ, столь свойственныя русскому невѣжеству съ претензіями на первыя политическія роли, не могли вооружить насъ ни знаніями, ни опытомъ. Но мнѣ страшно было повѣрить въ то, что я видѣлъ, я не хотѣлъ вѣрить, я не вѣрилъ даже въ исправника, который стоялъ предо мною съ мокрыми и красными глазами, не хотѣлъ вѣрить въ его Николушку, а такихъ были тысячи, и всѣ хотѣли быть героями. Все мое прошлое исчезало въ этихъ фактахъ, а я только и жилъ имъ, ничего больше у меня не было. Страшно становится, когда все содержаніе жизни сразу вычеркивается, а пустая жизнь, скорлупа одна, остается. Невозможно этому повѣрить,—такъ, безъ боли, безъ долгихъ страданій.

Съ исправникомъ мы разстались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Книги сожгли, онъ ушелъ чрезвычайно довольный своимъ милосердіемъ ко мнѣ, и я остался въ полномъ спокойствіи за свою

судьбу. Ужасное спокойствіе, въ родѣ кошмара. Глупое состояніе мое было какъ-то возмутительно-понятно и комично—какъ будто продолжалась та-же медвѣжья неуклюжесть въ жидовски-модныхъ штанахъ. Раздраженіе становилось острой, жгучей болью, въ то-же время нельзя было понять, на кого оно направлено. Шла какая-то стихійная глупость, переставлявшая меня изъ одного смѣшного положенія въ другое. Передъ своими кружками сконфузиться было-бы преступленіемъ, а надѣлалъ я чортъ знаетъ что и не по своей волѣ. Судьба не дала мнѣ даже для самообольщенія ни одной геройской минуты. Я всюду оказывался ниже даннаго положенія. У Елены я все проигралъ, у исправника, у общества—и подавно. Положеніе мое въ Пустохлябинѣ было невозможно. Всѣ были противъ меня: я всѣми пренебрегалъ и у всѣхъ на глазахъ полюбилъ женщину, которая была бельмомъ въ глазахъ всѣхъ нашихъ дамъ: она была и красива, и образована, и принадлежала къ кругу уѣздныхъ властей, и никого знать не хотѣла. А тутъ романъ, сплетни, догадки, пріѣздъ человѣка не общественной наружности, сцена съ исправникомъ, которую, можетъ быть, уже весь городъ знаетъ, я даже увѣренъ былъ, что знаетъ,—одинъ исходъ: бѣжать. Но и бросить Елену я не могъ. Она неотразимо стояла передо мной во всей чарующей прелести красоты, молодости, страсти, съ дерзкимъ вызовомъ, съ рѣшительной самоувѣренностью. Нельзя бросить такую, нельзя обойти. Чертовски много власти въ красотѣ женщины, а если при этомъ есть еще хоть намекъ на характеръ, на страсть—все пропало, все къ ея ногамъ.

Цѣлую ночь я прометался въ бреду: исправникъ обращался въ Елену, Елена въ исправника, страстный поцѣлуй прерывался звономъ кандаловъ, этотъ звонъ шумно разростался въ уличную бойню, на истерзанныхъ трупахъ горѣли огненныя слова: «равенство, братство, свобода», и вдругъ появлялся Шторхъ съ громаднымъ, всемірнымъ кулакомъ, покрывавшимъ всю картину, и оралъ нечеловѣческимъ голосомъ: «Не позволяю!»

Утромъ я рано вышелъ изъ дома въ ближайшій лѣсъ. Такъ противно было видѣть городское лицо съ общественной наружностью, которое непремѣнно шарахнулось-бы отъ меня въ сторону, какъ отъ лукаваго, либо какой-нибудь развязный писарь съ кокардой прямо въ лицо фыркнулъ-бы: «А что, братъ, революцію идешь пущать?..» Мнѣ невольно все представлялось, какъ это смѣшно въ глазахъ дру-

гихъ: получилъ пропаганду и спалилъ при помощи исправника... А что если отписать нашимъ все, какъ есть?

Шелъ я по лѣсу знакомыми тропинками, а всѣ тропинки вели къ одному дому, къ Еленѣ. Въ домѣ окна были завѣшаны. Я спутился на рѣку купаться. Кучеръ Шторха купалъ лошадей и сказалъ, что сегодня велѣно рано закладывать.

— Ѣдемъ въ городъ на съѣздъ.

Прекрасно, я увижу Елену, я скажу ей самымъ рѣшительнымъ тономъ, если она честная женщина и любитъ меня, то... Ни одной минуты я не думалъ о томъ, что рѣшеніе Елены будетъ не въ мою пользу. Жадность чувства глушила всякую мысль. Предстоялъ счастливый случай воспользоваться отсутствіемъ Шторха. А вѣдь скверно, что она такого хорошаго о немъ мнѣнія: при обманахъ мужей женщины это принимаютъ въ счетъ, и хорошаго человѣка усерднѣйшимъ образомъ смачиваютъ слезами. Ей нельзя давать время рѣшать и думать. Надо сразу...

Я дождался отъѣзда Шторха и вошелъ въ домъ. Скверное чувство воровской робости охватило меня, и при встрѣчѣ съ Еленой жуткая боль дрогнула въ сердцѣ. Она разливала чай въ столовой, и не обрадовалась, а какъ-то печально изумилась. Старуха-нянька одѣвала дѣтей на прогулку, и дѣвочка, какъ и всегда, съ свирѣпымъ нетерпѣніемъ косилась на меня. Повидимому, и ее возмущала моя необщественная наружность.

— Знаете, Парусовъ, заговорила Елена: — я много думала объ этой грубой выходкѣ мужа, и нахожу, что онъ почти правъ. Мы ужь слишкомъ не двусмысленно себя держали. Что это въ самомъ дѣлѣ: другъ дома и мать семьи у него на глазахъ. Конечно, это раздражало его...

— Признаюсь, я мало интересуюсь, правъ вашъ мужъ, или нѣтъ. А вотъ правы-ли вы, — это другое дѣло. Вамъ не слѣдовало мной забавляться. Я человѣкъ занятой, моя жизнь посвящена большимъ задачамъ, интересамъ всего человѣчества, и я не въ правѣ растрачивать ее на амуры.

А въ сущности, радехонекъ былъ этимъ амурамъ, и вниманіе Елены мнѣ особенно льстило. Я умѣлъ показаться ей больше себя, выше, значительнѣе. По устройству судебъ человѣчества, я хлопоталъ съ усердіемъ безпардоннѣйшаго фразера и міровые вопросы рѣшалъ вдох-

новенно и смѣло. Это ей нравилось, да и вкусъ къ общимъ вопросамъ у ней былъ воспитанъ на чтеніи. По студенческимъ теоріямъ низверженія выходило, что мужъ и дѣти—обязанности низшія, и знаменуютъ тупость и варварство тѣхъ, кто подчиняется имъ. Умнымъ людямъ, способнымъ на міровую работу—а такими признавались всѣ недоучки и тупицы—отнюдь не слѣдовало такими пустяками заводиться. Семья—формула буржуазнаго эгоизма, и наша философія осуждала ее на гибель, и всѣ вольности по нарушенію семейныхъ правъ признавались для умныхъ обязательными. Интеллигентныя разводки чуть-ли не впервые у насъ появились и своею стадностью закрѣпили торжество моды. Это были женщины передовыя, у всѣхъ на виду, игравшія роли въ умныхъ кружкахъ и не признававшія счета любовниковъ. Онѣ пользовались совершенно исключительными правами въ обществѣ—правами вульгарничать и издѣваться надъ своими-же привиллегіями. Это нравилось, и въ красивыхъ выходило эффектно. Ихъ замѣчали, имъ льстили и поклонялись. За ними шло многоголовое стадо уродовъ, преимущественно родовспомогательныхъ. Этимъ ужь и на роду было написано равенство труда, по безнадежности хоть за кого-нибудь выйти замужъ. Наконецъ, весь складъ этой новой жизни культивировался въ петербургскихъ кухмистерскихъ. Въ провинцію долетали одни его литературныя отраженія, идеализированныя и возвеличенныя, соблазнявшія многихъ, искренно вѣрившихъ въ туманные идеалы перестройки міра по кухмистерскимъ и родовспомогательнымъ теоріямъ. Этихъ наивно вѣрившихъ невольно влекло къ Петербургу, къ умнымъ кружкамъ, къ эффектно-фразистымъ ролямъ въ судьбахъ человѣчества. Каждому и каждой думалось, что онѣ-то особенно и должны бросить отцовъ, мужей, дѣтей, и поощрять своимъ вліяніемъ героевъ на подвиги.

Шторхъ, конечно, не замѣчалъ, какъ отъ скуки и праздности Елена всю эту школу прошла. Я засталъ ее уже вполнѣ развитою и мыслящею, и потому мнѣ не стоило большого труда ей поправиться. Все у насъ съ ней было общее—и книжныя стремленія, и народныя фразы подъ именемъ убѣжденій, и оба мы ужасно много болтали начитаннаго вздора о міровыхъ неправдахъ, и оба желали прославить свою надутую, безмѣрно преувеличенную гордость.

Разумѣется, я не сказалъ ей, какъ я отличился въ сценѣ съ исправникомъ. Напротивъ, я представилъ мое положеніе чрезвычайно

опаснымъ: не сегодня, завтра меня схватятъ, и я погибъ за міровое дѣло. Единственное спасеніе—бѣжать: хочетъ-ли она вмѣстѣ?

— Боже мой! мнѣ бѣжать съ вами? вскрикнула Елена:—Да такъ-ли вы меня любите, чтобы за вами было право на такое предложеніе?

— Да, Елена, я люблю васъ.

— Елена?.. Сразу уже «Елена»?.. И здѣсь ваше положеніе опасно... и надо бѣжать... и все это такъ, вдругъ?.. Вамъ не трудно бѣжать, а мнѣ?..

— Если вы женщина убѣжденная, то и вамъ не трудно.

И вотъ она стала «волноваться».

— Я женщина безъ предразсудковъ. Я очень уважаю своего мужа, какъ порядочнаго человѣка, и только. Его дюжинность, ограниченность, труженическая скромность — все это очень похвально, когда лучшаго кругомъ нѣту. Но встрѣча съ вами, наши бесѣды, наши симпатіи открыли мнѣ глаза на мое положеніе, и я прекрасно вижу, что оно глупо. Быть нянькой дѣтей, вѣроятно, такихъ-же скромныхъ труженниковъ—призваніе, по моему, не важное. Я могла-бы сдѣлать что-нибудь больше, значительнѣе. Наконецъ, мнѣ скучно и больно такъ убить свою молодость, я хочу жить, видѣть людей мыслящихъ, людей будущаго. Что здѣсь кругомъ? Одна сплошная одурь, дичь, тупоуміе, и въ счастливомъ случаѣ — благонравіе. И это цѣлые годы, цѣлую жизнь... Ни откуда ни капли свѣта... Мое замужество — ошибка институтки, но смѣшно-же за случайную ошибку, за мимолетное увлеченіе страдать всю жизнь, — я не хочу! Я всегда признаю за собой право сказать мужу: прощай, мнѣ съ тобой скучно... Тѣмъ болѣе, что Бокль говоритъ, что міръ движется умственными идеями, а не нравственными. Я сама того же мнѣнія.

Это «тѣмъ болѣе» и «я сама» прорвались у ней невольно, какъ и всѣхъ насъ прорывало. Говоритъ человѣкъ какъ будто свое мнѣніе, вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, вставитъ авторитетъ,—ну, хоть святыхъ выноси. Все дѣло испортитъ, карты свои покажемъ, и видишь ясно, что козырей-то у него и нѣту. И всѣ такъ. Всѣ обходились начитанной фразой, мало продуманной и дерзко обобщенной формулой, а главное: Бокль говоритъ, Дарвинъ говоритъ, Спенсеръ говоритъ, революціонное «Впередъ» говоритъ... Словомъ, гдѣ-то водятся люди, которые говорятъ, а мы—безсмысленные отзвуки, нелѣпыя пустоты, производящія одно эхо... И откуда взялась у насъ эта гор-

дость, самомнѣніе, самообожаніе?.. Почему намъ вездѣ и во всемъ уступали, давали дорогу, какъ будто въ самомъ дѣлѣ какому-то великому явленію?.. Силъ у насъ не было, но сумма ничтожествъ, всполошенныхъ возможностью играть видную роль, была громадная. Можетъ быть это-то и производило импонирующее впечатлѣніе на общество. Вѣроятно, такъ. Елена продолжала:

— Стало быть, если-бы я измѣнила мужу, поступила безнравственно, міръ отъ этого ничего не теряетъ, а мужъ и дѣти и безъ меня справятся: у него есть средства нанять женщинъ, которыя занимаются воспитаніемъ. Но если я могу принять участіе въ умственной жизни и политическо-соціальной борьбой содѣйствовать достиженію общаго счастія, — разумѣется, я буду права, въ томъ, что пожертвовала семьей.

— Елена, вы не только правы, вы говорите святыя слова! хватилъ я. Ей это очень понравилось. Она была въ сильномъ возбужденіи, и, кажется, никогда я не видалъ ее болѣе красивою, завлекательною. Я поцѣловалъ ея руку, рука нервно дрожала, притянулъ ее къ себѣ за эту дрожащую руку, — она, съ выраженіемъ горькой, утомленной покорности, подалась ко мнѣ, и страннымъ, груднымъ стономъ, какимъ умѣютъ говорить только взволнованныя женщины, сказала:

— Ваша!

Нѣсколько мгновеній она оставалась въ моихъ рукахъ. Я цѣловалъ ее, и вдругъ, словно ужаленная, она вырвалась изъ моихъ рукъ, оттолкнула меня, и смертельно-поблѣднѣвшая, съ искаженнымъ, злымъ лицомъ, бросилась отъ меня въ дѣтскую.

— Оставьте... сейчасъ придутъ... придутъ люди... Боже мой!.. мои дѣти, дѣти... Да не смѣйте-же, — здѣсь дѣти!..

Я опять перехватилъ ея гибкій станъ, и она больше не вырывалась.

Женщина всегда придумаетъ волшебно-оправдательныя декораціи и для торжества, и для паденія. Иначе ей не по себѣ, а тутъ выходитъ такъ, какъ будто она уступаетъ непреодолимой силѣ, въ родѣ разбойничьяго нападенія.

— Елена, скажи откровенно, что это: торжество твое, или паденіе? спросилъ я.

— Не знаю, мой милый, ничего не знаю... Это ново, интересно, счастливо... Я этого никогда не знала... Я счастлива — вотъ и все... А ты?..

Первый разъ въ жизни я убѣдился, какое свинство, предательство и низость могутъ превратиться въ человѣческое счастіе...

III.

Нужна была развязка скорая и рѣшительная. «Нѣжничать» не приходилось: міровая работа ждала. Но когда человѣку нужно скорое рѣшеніе, онъ невольно становится глупѣйшимъ философомъ, и что ни придумаетъ, все отмѣняетъ. Какъ поступить?.. Къ Шторху было чувство вполнѣ ясное — злораднаго надругательства, торжествующаго безсилія, и непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ все узналъ, бѣсился и мучился. Елена уже отошла на второй планъ и казалась не особенно нужною для міровой работы, но ее необходимо было увлечь, взять, какъ революціонное завоеваніе, и чтобы Шторху было очень худо и больно. Разбить семью, буржуазное счастіе—какая побѣда!.. Притомъ-же хорошенькая женщина не бываетъ лишней.

Пріѣзжая въ городъ за покупками, Елена заходила ко мнѣ, всегда трепетно торопилась, безсвязно лепетала свои опасенія, спѣшила уйти. Съ каждымъ днемъ я замѣчалъ, какъ разростался въ ней страхъ, постоянно гнетущее безпокойство за минуты отравленнаго счастія.

— Ужасъ... ужасъ, что я дѣлаю! говорила она, хватаясь руками за голову: — Знаешь, онъ, кажется, догадывается... Избави Богъ, узнаетъ!.. Какое несчастіе, позоръ... дѣти... Въ городѣ всѣ говорятъ... Голова идетъ кругомъ... И все-таки надо-же видѣться... Ты когда уѣзжаешь?.. Конечно, жаль, а все-таки будетъ лучше, спокойнѣе... Или сказать ему все?.. Мучительно, силъ нѣтъ скрывать... Гадко!.. Если я уйду съ тобой, что-же мы будемъ дѣлать?.. Чѣмъ жить? Куда мы поѣдемъ?..

Нервная торопливость, недосказанность и сбивчивость всего, что говорила Елена, заразительно дѣйствовали и на меня. Вмѣсто быстраго рѣшенія я положился на ея рѣшимость, а она путалась, не знала что съ собою дѣлать. Короткія минуты свиданія становились пытками. Къ радости встрѣчи прибавлялась злоба.

— Ты... одинъ ты виноватъ, нервно рыдала она:—ты до этого довелъ меня... Я не могу на него глядѣть... Дѣвочка, Варя, и та подозрѣваетъ... Боже мой! зачѣмъ этотъ адъ?!.. Неужели это счастье?.. А знаешь, онъ собирается къ тебѣ: объясняться, либо драться, либо я ужь не знаю зачѣмъ. Ты не дѣлай скандала, онъ убьетъ и тебя, и меня...

— А что-же мнѣ дѣлать, Елена, сказать: виноватъ, простите?

— Нѣтъ, ты молчи: молчу-же я, а вѣдь мое положеніе не равнять съ твоимъ: ты—одинъ, ты свободенъ, а я?.. Ты бросишь меня, а мнѣ вѣкъ съ нимъ жить... Ахъ, какъ это глупо, какъ глупо!..

— Что-же глупо, Елена?

— Все: и онъ, и ты, и я, и все это краденое счастіе пополамъ съ ядомъ страха, раскаянія... Послушай, Сергѣй, я твоя любовница, но ты все-таки пощади мать... для дѣтей... Они не виноваты... ничего не знаютъ, не поймутъ... Тебѣ вѣдь все равно, не правда-ли?..

Она невольно, неудержимо плакала и эти слезы меня бѣсили.

— А, Елена Васильевна, когда вопросъ поставленъ ребромъ, вы уже готовы остаться со Шторхомъ и воспѣвать его порядочность?.. Вы готовы бросить меня, чтобы я не бросилъ васъ, — предусмотрительно...

— Боже мой! да неужели и это можно сдѣлать безъ борьбы? Слушай, вѣдь есть-же врожденное, воспитанное съ дѣтства... Я и понимаю умомъ, что это глупо, но рѣшить, сдѣлать поступокъ...

— Да что-же тебѣ остается дѣлать?

— Да... ничего не остается, тѣмъ хуже!.. Онъ, конечно, меня прогонитъ... А ты?.. Что сдѣлаешь со мной ты?..

— Странно... Даже умная женщина никакъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что она раба и что съ нею все можно сдѣлать...

— Ну, хорошо... Я уйду съ тобой, уйду... я скажу ему все... Мы поѣдемъ въ Петербургъ... будемъ... А Варя, Коля, онъ?.. Какъ они станутъ плакать... Онъ объяснитъ имъ, что мать у нихъ—преступница, подлая, злая... Самый большой кусокъ вырвать изъ дѣтскаго сердца,—тебѣ не жаль, тебѣ ничего не жаль. Ты все: бить, истреблять, всѣмъ горе и зло, а если этого не надо? Неужели, Сергѣй, и въ этомъ нельзя сомнѣваться: въ чемъ право, кто насъ проситъ?... Я сама признаю, что буржуазный строй невозможенъ, будущее за демократіей, это такъ...

И, словно вдохновленная, подхваченная возбужденіемъ, она заговорила именно такъ, какъ говорили необыкновенно умныя и родовспомогательныя дамы въ петербургскихъ кружкахъ.

— Какъ ты хороша, Елена!.. Какой громадный успѣхъ тебя ожидаетъ въ Петербургѣ! восторженно замѣтилъ я:—Ты умная, вотъ что важно...

И она опять улыбалась счастливо, сквозь слезы, по дѣтски и сквозь

эту дѣтскую улыбку проглядывало злобное торжество, властительное и фальшивое, какъ будто раскрывающее одной улыбкой всю тайну обмана. Ей давали понять ея власть, чарующую прелесть бойкой фразы и она забывала и Варю, и Колю, и его, она готова была все бросить и бѣжать, даже не замѣчая, что она уже наскучила, примелькалась, прицѣловалась, да это и не бѣда: въ Петербургѣ, конечно, найдутся новые поклонники, вспыхнетъ новая страсть—такая-же подержанная, нервически-больная, печальная до трагизма.

— Ну, прощай, Сергѣй... Молчи-же пока! говорила она, уходя. Она радовалась удовольствіямъ тайныхъ свиданій, даже гордилась въ душѣ измѣной мужу: это какъ будто давало ей аттестатъ зрѣлости въ супружеской жизни, своего рода поэтическій шикъ, окруженный ореоломъ городской сплетни. Она плакала, она была несчастна, путаница отношеній къ мужу, къ дѣтямъ, къ любовнику, къ общественному мнѣнію была выше ея силъ, но все-же ей чрезвычайно нравилось положеніе исключительной героини и особенно нравилась мечта о будущихъ успѣхахъ въ петербургскихъ кружкахъ.

Мое положеніе выяснялось съ самой дурной стороны.

Я ничего не дѣлалъ: какъ говорится, баклуши билъ. Къ Шторху у меня было злобное, мстительное сознаніе, что я передъ нимъ виноватъ. Къ праву и правдѣ особенно жгуче чувствуется злость и месть. Никого нельзя съ такимъ искреннимъ наслажденіемъ ненавидѣть, кромѣ человѣка, которому вы чѣмъ-нибудь обязаны. А тутъ вина, большая вина... И что мнѣ съ ней дѣлать? Она говоритъ: «молчи», но развѣ это рѣшеніе? И, конечно, можно молчать за одну прелесть ласки порядочной женщины: развѣ мы когда-нибудь знали ихъ, этихъ порядочныхъ? Развѣ теорія ихъ искушеній придумана не такими-же голодными фразерами, превосходно умѣвшими обдѣлывать свои дѣлишки, подъ видомъ освобожденія отъ семейнаго деспотизма и тираніи? Все такъ, но революціонный режимъ имѣлъ свое властное обаяніе и сопротивляться ему было тѣмъ болѣе неудобно, чѣмъ меньше я содѣйствовалъ его успѣхамъ. Нужно было взять Елену, какъ торфей, какъ побѣду.

Когда она приходила ко мнѣ, жалко и больно было глядѣть на нее. Она была глубоко-несчастной, она мучилась, не зная, какъ поступить. Чувство правды во мнѣ все-же прорывалось между Боклями и Спенсерами и я приходилъ къ заключенію, что надо уѣхать. оставить ее съ семьей. И сама она со временемъ это приключеніе забу-

детъ, и никому не будетъ больно и стыдно, все пройдетъ, перемелется, какъ проходятъ всѣ подобныя приключенія. Но оставить красивую, «умненькую привязанность», не похвалиться передъ кружкомъ своимъ пріобрѣтеніемъ,—да, для этого, пожалуй, требовалась и настоящая честность—не та, оловянная и гибкая, беззвучная и мягкая, какую мы искусственно воспитали въ себѣ, а взаправдашная, общечеловѣческая честность. Вѣроятно, ея не было у меня. Честной была одна безпощадность ко всему живущему, одно звѣрство, одна ненависть. И странно, какъ безумно мы сами любили жизнь, ея радости и наслажденія, и какъ злостно, инквизиторски-принципіально ненавидѣли и преслѣдовали всякое проявленіе ея вчужѣ. Принципы строгіе и жестокіе, какъ-то сами собою прилагались только къ нашимъ врагамъ, отъ нихъ мы требовали по меньшей мѣрѣ добровольнаго самозакланія, и никакъ не могли допустить, что эти враги, такъ глубоко и страстно ненавидимые нами, тоже имѣютъ какое-то право на жизнь. Этого не должно быть: мы не желаемъ.

Господствовала революціонная эпидемія въ полномъ разгарѣ, ей не доставало одной уличной, стадной власти для повторенія безобразій такъ называемой «великой революціи». Но гдѣ-же у насъ было взять эту власть голодной уличной черни? Ея не было, и нужно было выработать ее искусственно и, разумѣется, изъ ближайшихъ, болѣе подручныхъ элементовъ, т. е. недоразвитой интеллигенціи «мыслящаго пролетаріата». Народъ совершенно не понялъ-бы, какъ и почему надо бунтовать. Потребовалась цѣлая литература цюрихскаго издѣлія, вздорно-безумнаго пошиба, литература шальныхъ, сошедшихъ съ ума спеціально отъ «развитія» порядочныхъ женщинъ...

Дни проходили за днями, а рѣшенія невозможно было придумать. Елена приходила ко мнѣ украдкой, но зная, что всѣ знаютъ и говорятъ объ этомъ, и что мужъ давно уже подозрѣваетъ и каждую минуту можетъ не только сдѣлать скандалъ, но прямо-таки убить ее, или меня, или обоихъ вмѣстѣ. И это могло быть: Шторхъ — характеръ и человѣкъ. Меня привязывалъ къ Еленѣ еще одинъ ея стыдъ, одна красота, изящество стыда, картина стыда, отъ которыхъ женщина семейнаго воспитанія эмансипироваться даже насильственно не можетъ никогда, и это доставляло мнѣ большое наслажденіе: я видѣлъ страданіе, жертву, — я радовался, что это дѣлается для меня, изъ-за меня. Ей было больно, — мнѣ хорошо. Злорадство, постоянное злорадство,

даже надъ ней, надъ Еленой, хотя я любилъ ее — на сколько было возможно для меня — хорошо любилъ, искренно, беззавѣтно. Умереть за нее сразу, мгновенно, я не задумался-бы ни минуты, но терпѣть изъ-за нея даже мелкія неудобства не согласился-бы никогда. Плохо, безнадежно положеніе той женщины, которая заставляетъ себя терпѣть: именно терпѣть-то ее и не станутъ. Она сдалась, — потеряла все. Чтобы удержать за собою власть, ей нужно что-нибудь постоянно новое и все болѣе увлекающее, — иначе ея власть потеряна и она погибла, она будетъ непремѣнно покинута.

Этого почти не понимаютъ наши семейныя женщины, и разъ онѣ уже замужемъ, у нихъ постепенно складывается почти животная опущенность, пренебреженіе къ тому впечатлѣнію, какое онѣ производятъ на мужей, и злая самоувѣренность въ томъ, что всякая распоясанность ихъ для мужей должна быть очаровательна, главное, — обязательно-очаровательна, а это-то и нестерпимо, и невозможно.

«Я скажу ему все», повторяла Елена, но сдѣлать это, конечно, было не легко. Сказала она или нѣтъ, но Францъ Шторхъ ко мнѣ явился. Онъ былъ мраченъ и торжественъ и съ истинно судейскимъ величіемъ приступилъ:

— Вы, г. Парусовъ, находитесь въ любовной связи съ моею женой, Еленою Шторхъ... Не правда-ли?

— Спросите у нея, г. Шторхъ, мы съ вами не такъ близки, чтобы довѣрять другъ другу такія интимныя вещи.

— Я обращаюсь къ вамъ и желаю знать вашъ отвѣтъ.

— А я отвѣчать не желаю и удивляюсь странности вашего допроса.

— Она созналась... Вы обольстили ее... Что вы намѣрены дѣлать?

— Полагаю, надо достать чемоданъ и уложить свои вещи.

— Т. е. бѣжать отъ обольщенной женщины? Въ вашемъ положеніи это, конечно, всего практичнѣе — вамъ вѣдь отовсюду придется бѣжать, гдѣ существуютъ законы и жандармы. Это я понимаю. Но какъ-же вы думаете на счетъ Елены Васильевны? Оставляете вы ее мнѣ или берете ссбѣ?

— Я полагаю, это она рѣшитъ. Она женщина полноправная, и если не желаетъ подчиняться вашему деспотизму, не я-же въ томъ виноватъ...

— Разумѣется, г. Парусовъ... Но вы, надѣюсь, готовы хоть защищать ее отъ моего халатнаго деспотизма?

— Если это будетъ нужно, если она пожелаетъ.

— У васъ, г. Парусовъ, довольно странныя понятія о людяхъ и жизни. Вы рыцарски спасаете женщину отъ деспотизма законнаго мужа, даете любовь, молодость, можетъ быть, счастье. Она рада, благодарна вамъ, готова съ вами въ огонь и въ воду, и даже въ революціонную пропаганду. Не такъ-ли?

— Можетъ быть... Что изъ этого?

— А изъ этого выходитъ то, что вы, рыцарь, бѣжите отъ нея, какъ мелкій трусъ, укравшій что-то чужое и сильно испугавшійся отвѣтственности. Но это не все, г. Парусовъ, еще хуже то, что жертва, вами спасенная, не желаетъ за вами слѣдовать, когда деспотъ готовъ отпустить ее на всѣ четыре стороны. Вотъ что особенно дурно: идея спасенія отъ халатнаго деспотизма превращается въ полную декорацію дрянной и легкомысленной связи, безъ всякаго чувства долга. Вы не въ силахъ на себя ничего взять, рыскаете, какъ заблудившійся звѣрь по чужимъ берлогамъ, проповѣдуете свободу, презрѣніе къ долгу, и становитесь страшнымъ человѣкомъ только потому, что вы невмѣняемы, у васъ нѣтъ правилъ, и я не могу относиться къ вамъ, какъ къ взрослому человѣку.

— Вы, пожалуй, правы. Я презираю всякія правила буржуазной морали и, конечно, соображаться съ ними не стану. Но я не вѣрю тому, что вы говорите о своей женѣ. Она — женщина убѣжденная и не позволитъ такъ одурачить себя...

— Помилуйте, г. Парусовъ, зачѣмъ-же мнѣ-то ее дурачить? Неужели нужно обольщать? Дурачили ее вы, и, къ сожалѣнію, довольно удачно: иначе вы и не могли-бы ничего достигнуть, въ вашемъ распоряженіи нѣтъ честныхъ средствъ, и понятно, почему вы презираете ихъ.

— Да вѣдь это все нарядныя фразы... Не понимаю, для чего вы говорите ихъ...

— Для того... для того говорю, г. Парусовъ, чтобы вы выслушали рѣшеніе обманутой вами женщины.

— Она не обманута... Вы ошибаетесь!.. Вы хотите подавлять благородствомъ, котораго въ васъ нѣтъ. Вы сами обращаетесь къ гадкимъ средствамъ. Я не виноватъ предъ вашей женой...

— Но передо мной?.. Мои законныя права...

— Тѣмъ болѣе... Наплевать на права, — чувство выше... Взыщите съ нея, съ жены, и оставьте меня въ покоѣ.

Шторхъ былъ въ тревожномъ недоумѣніи, почти въ бѣшенствѣ.

— Вы пріѣхали затѣмъ, чтобы сорвать зло, наглумиться надъ моимъ безсиліемъ: нельзя же жену у васъ отнять. Но вы говорите неправду. У ней нѣтъ ни повода, ни права такъ оскорблять меня черезъ третье лицо, и я совершенно увѣренъ, что она уйдетъ со мною и не останется съ вами.

— Позвольте, куда-же уйдетъ? Ей путь одинъ: съ перваго-же дня, какъ только изчезнутъ всѣ запреты, она наскучитъ вамъ. Вы станете искать случая развязаться съ нею, и пошлете ее съ брошюрами на пропаганду — авось гдѣ нибудь голову сломитъ. Кажется, это общая дорога, по которой сплавляютъ брошенныхъ любовницъ. Что больше вы можете дать ей?

— Что больше?... Что за возмутительная самоувѣренность!

— Однако отвѣчайте-же на вопросъ?..

И отвѣчать было нечего. Нѣмецъ съ упрямой послѣдовательностью давилъ и давилъ меня, и я сознавалъ, что онъ—правъ, или нѣтъ — все равно, побѣдитель. Но сдаться такъ позорно, уступить Елену, когда она моя — это было невозможно. Все это вѣрно: и она надоѣстъ, и дорога ей открыта на пропаганду, и никто ею лично дорожить не будетъ и въ особенности никто не приметъ на себя долга оберегать ея жизнь,— да, но какъ онъ смѣетъ это говорить мнѣ; унижать, отрицать во мнѣ всякое человѣческое чувство даже къ любимой женщинѣ,—этого я не хочу простить ему, не хочу и не могу: Елена все-таки на моей сторонѣ, и этимъ надо воспользоваться

— Я долженъ Елену Васильевну видѣть, и отъ нея самой услышать рѣшеніе.

— Да, вы увидите ее и услышите, но предупреждаю, вы навязываетесь на лишнія непріятности. Дѣло, мнѣ кажется, ясно: ей дано полное право оставить меня, деспота, и дѣтей, и она проситъ спасти ее, помиловать отъ этого права, она проситъ васъ простить, но, сколько вижу, вы не нуждаетесь въ этомъ и позволите мнѣ остаться при дурномъ мнѣніи о васъ...

— Т. е. какъ о подлецѣ?..

— Вполнѣ.

— Фу, чортъ! Знаете, г. Шторхъ, ваша роль такъ величественна, побѣдоносна, такъ много у васъ презрительнаго великодушія, что я не въ силахъ извинить вамъ такое нахальство. Кто-нибудь тутъ лжетъ:

или вы, или ваша жена. Не цѣня ни въ грошъ вашихъ мнѣній, не дорожа нисколько вашимъ уваженіемъ, я потребую его у васъ, — потребую потому, что у васъ есть правила, и по этимъ вашимъ правиламъ вы обижаете меня нечестно.

Шторхъ испуганно задумался, онъ даже откинулъ голову и, пытливо глядя мнѣ въ глаза, нерѣшительно пробормоталъ:

— Это будетъ интересно. Я жду васъ завтра утромъ и прошу васъ вѣрить, что не выйду изъ границъ моихъ правилъ.

Пріятно имѣть дѣло съ рыцарями. О, нѣмецкая кровь и нѣмецкая флегма, и священное благоразуміе практичности, — это ты! Кто еще можетъ такъ разсуждать о грѣшкахъ и увлеченіяхъ хорошенькой жены—красиво, благородно, и столь неубыточно?

Однако, я дѣйствительно напросился на рисковую сцену. Шторхъ уѣхалъ, а я цѣлый вечеръ проходилъ изъ угла въ уголъ, припоминая всѣ мельчайшія подробности своихъ отношеній къ Еленѣ. Много было хорошаго, искренняго, великодушныхъ порывовъ и благородныхъ рѣчей, а главное — была молодость, жажда жизни, радости, ласки съ обѣихъ сторонъ. Кто виноватъ? Говоря по совѣсти, трудно найти такого идеальнаго дурака, который отказался-бы отъ благосклонности хорошенькой женщины, которой некуда дѣвать эту благосклонность, й ужь если нѣмецъ хлопочетъ о нравственности и съ такимъ развязнымъ самодовольствомъ меня унижаетъ, пусть онъ и доказываетъ.. Она хотѣла, чтобъ я цѣловалъ ее, я цѣловалъ, она не сопротивлялась, т. е. сопротивлялась поощрительнымъ шепотомъ, она хотѣла, чтобъ это такъ было, и я хотѣлъ... Да, и она должна это сказать... Должна, если честная женщина!..

На этомъ я успокоился, и въ этомъ-то была главная ошибка. Я такъ и положилъ въ умѣ: Елена Васильевна, скажите все, какъ было или, какъ спрашиваетъ судья: что вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Я хотѣлъ безпристрастія и правды отъ заинтересованной женщины!..

Безъ сомнѣнія, можно было знать раньше, что этого не будетъ. Этого вообще не бываетъ у дамъ. Женская логика разсуждаетъ такъ: если я полюбила, значитъ, иначе не могла, и потому права. Если это мужу непріятно, значитъ, виновата, и потому нельзя этого говорить, надо скрывать, лукавить, нельзя оправдаться, по крайней мѣрѣ, можно налгать и главную часть вины свалить съ своей отвѣтственности.

Мужъ, все-таки остается высшимъ авторитетомъ, и хотя Бокль доподлинно говоритъ, какими идеями движется міръ, все-таки семейной женщинѣ нужно и чистое имя. Наконецъ, любовью женщины часто называютъ маленькія приключенія, вызываемыя вспышками крови, къ которымъ на другой-же день является не только равнодушіе, но даже раздраженіе сытости, оскомина такъ называемаго «счастія».

Все это нужно-бы знать впередъ, но я до того уже былъ подавленъ своимъ величіемъ и успѣхомъ, до того беззавѣтно хотѣлъ уничиженія Шторха, что знать ничего не хотѣлъ. Елена моя и должна она сознаться Шторху, именно для того, чтобы зарекомендовать меня честнѣйшимъ человѣкомъ.

Утромъ я былъ у Шторха, долго ждалъ въ залѣ, прибирая всякія хорошія и гнѣвныя слова, полныя несомнѣннаго благородства, и рѣшительно ни однимъ словомъ мнѣ не пришлось воспользоваться. Какъ только Елена появилась въ дверяхъ, по одному ея взгляду, испуганному до злобы, до отвращенія, я понялъ, что дѣло мое проиграно.

— Зачѣмъ... зачѣмъ вы? прошептала она.

Послышались шаги Шторха. Онъ вошелъ и сразу принялъ на себя роль судьи. Елена была блѣдна, съ тоскливымъ нетерпѣніемъ блуждали ея глаза, не зная, на чемъ остановиться. Каждую минуту она готова была заплакать отъ мысли, кто подготовилъ ей такую сцену. Видя неумолимую надутость Шторха, его непобѣдимую увѣренность въ себѣ, я досадовалъ на себя, зачѣмъ пошелъ, что это объясненіе втроемъ для всѣхъ оскорбительное и никому ненужное. Жалко было глядѣть на Елену. Она, видимо, боялась и заискивала въ Шторхѣ.

— Г. Парусовъ, обратился ко мнѣ Шторхъ: — вы пріѣхали къ намъ дѣлать великую революцію и сдѣлали маленькій скандалъ съ семейной женщиной. Вамъ, кажется, угодно было оправдаться, представить свои объясненія,—я готовъ васъ слушать.

— Къ чему это? Къ чему? нервно вскрикнула Елена: — Что за сцены?! Чего вы хотите? Неужели я мало унижена?.. Боже мой, да что-же это такое?..

— Елена Васильевна! строго перебилъ Шторхъ: — вы должны сказать правду, какъ сложились ваши отношенія къ г. Парусову. Одно искреннее ваше раскаяніе можетъ разсчитывать на мое снисхожденіе. Г. Парусовъ утверждаетъ, что онъ не обращался къ низ-

кимъ средствамъ, и отъ васъ вполнѣ зависитъ подтвердить это, или опровергнуть?

— Вы, г. Шторхъ, совсѣмъ не того подсудимаго припираете къ стѣнѣ, вступился я.— Подумайте, вѣдь это жена ваша, — неужели вы не можете допросить ее неофиціально?

— Но вы хотите доказать... вы требуете, чтобы была виновата она.

— Я хочу, чтобы никто не былъ виноватъ, кромѣ васъ... Нельзя заставлять жену повторять, какъ это было. Объ этомъ не говорятъ втроемъ... и кому нужно?..

— А!.. значитъ, оба въ заговорѣ!.. Оба съ одинаковымъ безстыдствомъ лгутъ, нарушая мои законныя права!.. Права моихъ дѣтей?.. вздумали меня дурачить?.. Вы не подлецъ... она честнѣйшая, идеальная женщина... я подлецъ?.. Я соблазнилъ чужую жену?.. Это, можетъ быть, ваша, милостивый государь, жена, а не моя И хотятъ моего великодушія, моего глупаго довѣрія?.. Я обязанъ быть глупымъ, не правда-ли? Это вы разрѣшаете мнѣ?.. Ха, ха!..

Онъ въ бѣшенствѣ вскочилъ, отставилъ ногу, выпятилъ грудь колесомъ, уперъ перстами въ пространство и провозгласилъ.

— Моя жена, Елена Васильевна! Я требую отъ васъ... требую именемъ закона... именемъ семейнаго счастія... счастія нашихъ дѣтей... Не забудьте вы—мать... На васъ сама природа возложила обязанности воспитанія... Примите во вниманіе честь семьи... позоръ семьи... словомъ, чортъ знаетъ, что на дѣлали въ семьѣ, во имя ложныхъ, революціонныхъ теорій... Вы должны, должны сознаться по совѣсти, безъ утайки.

Шторхъ отъ избытка волненія путался и не зналъ, что еще можно сказать неопровержимое и возвышенное. Елена поднялась и направилась съ какою-то злобною рѣшимостью ко мнѣ.

— Дайте вашу руку... Шторхъ, прощайте!.. Призовите горничную, она дослушаетъ вашъ монологъ... Ну, скорѣе... скорѣе...

— Постойте! Что такое?.. Ни съ мѣста! сдавленнымъ горломъ закричалъ Шторхъ.

— Скорѣе!.. скорѣе-же! судорожно дергая меня за руку, шептала Елена:—Скорѣе, или вы принудите меня остаться съ нимъ... Идемъ, идемъ... Пусть хоть убиваетъ... или ты боишься?..

Шторхъ недвижимо обмеръ...

ТРАГИЧЕСКАЯ ТРУППА.

Васька Калгановъ—человѣкъ самый безпечальной отчаянности. По профессіи онъ скромный пріискиватель занятій. Никто не могъ-бы сказать о немъ ничего болѣе опредѣленнаго. Развязный и бойкій до нахальства, всегда въ полпьяна, одѣтъ по послѣдней картинкѣ, даровой и непремѣнный присутствователь во всѣхъ загородныхъ уголкахъ, при всѣхъ попойкахъ и побоищахъ, всегда находчиво умѣющій занять три рубля у перваго встрѣчнаго, другъ всѣхъ садовыхъ дамъ, клубныхъ шулеровъ и ресторанныхъ лакеевъ, человѣкъ—чортъ знаетъ что такое. Онъ былъ актеромъ, и служилъ въ какихъ-то удаленныхъ пустыняхъ, но какъ-то странно случалось, что отовсюду его гнали. Ловкій и наглый, мастеръ пить и посуду бить, прекрасный молодой человѣкъ велъ самую загадочную жизнь и, повидимому, былъ вполнѣ доволенъ собою. Какъ человѣкъ сорвавшійся, онъ ничего не искалъ, ничѣмъ не дорожилъ, шлялся и урывалъ, оказывалъ покровительство начинающимъ дѣвицамъ, искалъ *случаевъ* и всегда былъ увѣренъ, что найдетъ какое-нибудь интересное пристанище, гдѣ въ немъ нуждаются, накормятъ и напоятъ, и взаймы денегъ дадутъ.

Васькой Калгановымъ переполнены всѣ разгульныя мѣста. Онъ даетъ цвѣтъ и тонъ извѣстнаго рода публикѣ, и даже нерѣдко вы встрѣтите его въ роли распорядителя, особенно въ такихъ возбужденныхъ бесѣдахъ, гдѣ одни «начинаютъ бить», а другіе — кричать «караулъ!»

Васька Калгановъ повсюду свой человѣкъ, вездѣ по счетамъ числится *на смаркѣ*, въ клубахъ съ нимъ играютъ, но съ опасностью, кутилы съ нимъ пьютъ, но въ трезвомъ состояніи не кланяются, не узнаютъ. За нимъ огромная прожигательная опытность. Всѣ темныя

исторіи, притоны, интересные будуары ему извѣстны, какъ пальцы на рукахъ. Такіе люди, не обремененные судьбою и житейскими печалями, необыкновенно легко вдохновляются и увлекаются, повидимому, самыми взбалмошными и нелѣпыми предпріятіями и самое дикое, необузданное фантазерство, благодаря общей неожиданности и даже пугливости, совершенно спокойно приводится въ исполненіе. Это смѣлость, граничащая съ безуміемъ. Другой станетъ обдумывать, разсчитывать, сомнѣваться и бояться—Васька Калгановъ всѣ эти пороги перепрыгиваетъ однимъ прыжкомъ, не зная, что впереди: пропасть или твердая почва, потому—ему все равно, когда-нибудь надо-же и кончить съ собою.

Подъ жгучимъ полуденнымъ зноемъ, погруженная въ тучи густой пыли, Новая Деревня спала, какъ спитъ сытое животное, сильно пригрѣтое солнцемъ. Одни кабаки зѣвали настежь распахнутыми дверьми и окнами, да изрѣдка нарушала сонливую тишину роскошная коляска съ парой рысаковъ, толсторожимъ кучеромъ и шикарной куколкой въ брилліантахъ и бѣлилахъ, мчавшейся куда слѣдуетъ. По первой линіи, въ скучливомъ раздраженіи, бродили бѣдныя хористки съ нотами въ рукахъ, въ расшитыхъ, аляповатыхъ костюмахъ, съ истертыми гримировкой лицами. За ними плелись ухарскіе молодцы съ чрезвычайно предпріимчивымъ видомъ, завитые и гладко выскобленные, всецѣло поглощенные собственнымъ франтовствомъ и тѣмъ неотразимымъ впечатлѣніемъ, какое они производили на дамъ. Тутъ были и голоса, и комики, и скромные музыканты нѣмецкаго происхожденія, и надменные жиды съ правомъ жительства, и балетныя и драматическія итальянки жидовской породы, и опереточныя примадонны, и нахальнѣйшіе хлыщи буйнаго пошиба, считающіеся въ предѣлахъ Новой Деревни тоже артистами, короче сказать, сновало цѣлое населеніе принцевъ и принцессъ пизанскихъ. Одни шли на репетицію, другіе—съ репетиціи, и вся эта безшабашная толпа не то, чтобы напѣвала про себя, но какъ-то иносказательно давала знать, что только доведись, а запоетъ на удивленіе міру. Тутъ-же толпились у трактира лупоглазые цыгане и сухія, поджарыя цыганки, между которыми уже не видится тѣхъ баснословныхъ, завлекательныхъ красавицъ, ловкихъ интриганокъ и продажно-недоступныхъ невѣстъ, которыя такъ часто дѣлали блестящія партіи.

Все измельчало, выродилось, выголодалось, главнымъ образомъ, потому, что русскія дѣвицы, занимающіяся свободными искусствами,

достигли замѣчательнаго совершенства въ подражаніи цыганскому пѣнію и цыганскимъ карьерамъ.

Кое-гдѣ журчали нѣжныя рулады флейты и тутъ-же, подъ окнами, какой-нибудь верзила загибалъ трехъэтажныя слова, неизвѣстно къ кому обращенныя, а рояль изъ оконъ сосѣдней дачи, точно надсмѣхаясь надъ всѣмъ уличнымъ гамомъ, отчетливо и весело выбивалъ вальсъ «Цыганскаго барона», а дальше, изъ нѣмецкаго кегельбана ревѣли голоса любителей извѣстную «Caterinchen», изъ ливадійскаго балагана гремѣли хоры развеселаго опереточнаго «народа». Всюду что-нибудь гудѣло и пищало, ухало потѣшнымъ неистовствомъ. Какая-то страшная сила неслась надъ деревней кабаковъ и изо всѣхъ инструментовъ выматывала душу, вылетавшую въ пронзительныхъ, отчаянныхъ вопляхъ. Трубы, скрипки, голоса и барабаны—все орало и гоготало, надрываясь подъ гнетомъ неисходнаго отчаянія.

Прислушиваясь къ сумбурнымъ звукамъ, Васька Калгановъ сидѣлъ въ портерномъ садикѣ, противъ «Ливадіи», и за кружкой пива меланхолически размышлялъ, что-бы ему совершить и для удовольствія публики, и для своей выгоды. Въ это время къ сосѣднему столику подсѣлъ страннаго вида человѣкъ, съ острымъ, исхудалымъ лицомъ, выглядывавшимъ изъ воротника волчьей потрепанной шубы. Длинная фигура больного показалась Калганову замѣчательной, по всѣмъ признакамъ принадлежавшей къ міру артистовъ, и, глядя на него, Калгановъ спрашивалъ себя, что этотъ человѣкъ могъ изображать на сценѣ и зачѣмъ онъ въ волчьей шубѣ. Вдругъ этотъ человѣкъ заговорилъ, обращаясь къ Васькѣ:

— Каково жарятъ?..

— Да, бойко идетъ, отвѣчалъ Калгановъ.

— Бойко?.. Тутъ въ самомъ воздухѣ чувствуется нашествіе, изступленіе продажнаго голода, а вѣдь тоже, подите-ка, артисты. Ихъ отъ Никольскаго рынка набираютъ—горничныя, лакеи, а еще больше изъ благороднаго сословія... Этимъ только мигни, сейчасъ набѣгутъ, и вѣдь какія?.. образованіе и маменька при нихъ неотлучно, выкормлены на бѣлой булкѣ, и идутъ на этакое безобразіе.

«Однако, эта шуба что-то мрачно проповѣдуетъ», подумалъ Калгановъ.

Между тѣмъ, шуба распахнулась и Васька увидѣлъ грязный и пухлый шарфъ, обмотанный вокругъ шеи.

— Должно быть, вы большой любитель тепла...

— Не любитель, а я изъ больницы, ну, и берегусь... Я подъ Кронштадтомъ крушеніе потерпѣлъ, утонулъ во льдахъ...

— Но, однако, вы живы? Какъ-же это вы?..

— На гастроли ѣздилъ. . Успѣхъ имѣлъ положительный... Можетъ быть, слышали, Рр-разносовъ-Перепаловъ...

— Нѣтъ, не слыхалъ...

— Ну, какъ-же, въ газетахъ печатали, даже телеграммы были: успѣхъ колоссальный имѣлъ...

— Гм... Вы на какихъ-же амплуа?..

— Я—трагикъ, сильный трагикъ... Послѣ крушенія у меня голосъ маленько опалъ,—во льдахъ плавалъ, помилуйте...

— Да, непріятно...

— Трагедія—это я понимаю, это искусство, это даръ боговъ, а вотъ эта визготня балаганная, собраніе инфузорій на сценѣ—не понимаю-съ... Да и публикѣ надоѣло... Вѣдь идутъ такъ, по привычкѣ куда-нибудь дѣваться... Теперь-бы хор-рошую драматическую труппу да въ Парижъ... Будь предпріимчивый человѣкъ съ капиталомъ,—дѣло сдѣлалъ-бы. Въ Парижѣ теперь медвѣдей можно показывать, и то капиталъ соберешь: страсть, какъ любятъ все русское, и показать имъ драму съ хорошей обстановской... Можно Кукольника поднять. «Прокопій Ляпуновъ»—вѣдь это что такое?.. Успѣхъ, на всю Европу успѣхъ и слава.

Васька Калгановъ мгновенно осіялъ, ему что-то стукнуло въ голову.

— Въ Парижъ—да, я понимаю, ѣхать въ Парижъ съ медвѣдями, но вы говорите: драму?..

— Драму-съ... въ костюмахъ, съ обстановкой, съ пѣсней, съ гармоніей,—съума сойдутъ...

— Позвольте, а на какомъ-же діалектѣ мы можемъ въ Парижѣ играть?

— На различныхъ діалектахъ, разъ съиграемъ по-русски, разъ по-французски. «Власть тьмы» въ Парижѣ каждый день даетъ полные сборы, а ежели мы поставимъ «Около денегъ» г. Потѣхина?..

— Да, знаете, это идея. Но гдѣ-же мы возьмемъ актеровъ, актрисъ?

— Сколько угодно. Во-первыхъ, я и вы. Во-вторыхъ, стоитъ на-

печатать въ газетахъ кличъ, и сразу набѣжитъ пять тысячъ душъ, а ужь выбрать—это наше дѣло.

— Но откуда-же набѣжитъ?

— Откуда?.. Петербургъ такой городъ, въ которомъ всегда найдутся люди, незнающіе куда дѣваться.

— Но вѣдь это-же не актеры, не актрисы?

— Именно актеры и актрисы. Надо только, чтобы человѣкъ возголодалъ, а ужь талантъ сценическій непремѣнно у него явится. Но можно набрать и такихъ, которые возголодали долго и сильно, мыкались по мостовымъ безъ пристанища, безъ куска хлѣба, не ѣли сутокъ по пяти и больше, смотря по комплекціи,—изъ такихъ выйдутъ уже замѣчательные таланты.

— Это вы по опыту говорите?

— Н-да... отчасти.

— Но эти инженю, гран-дамы, созданія нѣжныя, рыхлыя, пухлыя, вотъ именно выкормленныя бѣлой булкой, какъ вы говорите, приспособленныя для счастія на чужія деньги,—гдѣ мы ихъ наберемъ?..

— Не безпокойтесь, падшихъ ангеловъ всегда на землѣ много, и всѣ любятъ сладкое, мягкое, нарядное, модное. Сцена во всякомъ случаѣ соблазнительна не для талантовъ, а для выставки сокровищъ природы. Этимъ ангелы чрезвычайно дорожатъ, станутъ даромъ играть, только позвольте выставиться на подмосткахъ.

— Да, есть такія, но только это, знаете, предпріятіе не вѣрное...

— Въ Парижъ, при нынѣшнихъ симпатіяхъ, я головой ручаюсь за успѣхъ.

— Головой,—ну, это еще не цѣна.

— Да, но нуженъ капиталъ, декораціи, костюмы, словомъ, фондъ... Есть онъ у васъ?

— У меня есть два двугривенныхъ и способность добыть милліонъ...

— Ну, ужь и милліонъ?

— Два милліона, три, но только я не хочу связываться, и полагаю, что можно начать дѣло на товарищескомъ довѣріи. Есть у васъ деньги на опубликацію?

— Деньги?.. Извините, какъ-же это? Я потерпѣлъ крушеніе, я только-что изъ больницы, я думалъ даже у васъ позаимствовать, полагая, что вы собратъ по искусству. И вдругъ вы требуете отъ меня

денегъ... Невѣроятно!.. Внезапные друзья разошлись довольно враждебно. Трагикъ въ волчьей шубѣ даже гнѣвно отвернулся и не подалъ руки новому знакомцу.

— Парижъ—не Парижъ, размышлялъ Калгановъ:—а если за дѣло взяться съ умомъ, можно прекрасную аферу устроить — взять да и объявить себя антрепренеромъ. Нѣтъ ничего проще: занять приличный номеръ въ гостиницѣ, дать опубликацію и ждать—это вѣрно, непременно набѣжитъ народъ, который болѣе или менѣе долгое время не ѣлъ. Эта трагическая шуба изъ кронштадтскаго крушенія совершенно права: и падшихъ ангеловъ, и бродячихъ шелопаевъ въ Питерѣ лопатой не огребешь, и все это живье привыкло къ барственности, упитано булкой, ѣстъ все готовое, чужое, нахальничаетъ и грабительствуетъ во всѣхъ пьяныхъ притонахъ,—самая подходящая вольница для артистической турне. Если и прогоримъ въ какомъ-нибудь безчеловѣчномъ городѣ, гдѣ обыватели занимаются спеціально спасеніемъ душъ въ скитахъ—кто-же отъ этого пострадаетъ? Развѣ этакой шушерѣ привыкать къ бѣдамъ?.. Ничуть. Пройдутъ пѣшкомъ изъ города въ другой, а съ меня что имъ взять?

Главное достоинство калгановскихъ разсужденій заключалось въ ихъ современности, въ вѣрномъ указаніи повальнаго недуга. Призовите людей къ какой угодно выгодной работѣ,—не пойдутъ. Потребуйте тысячу сельскихъ учителей и учительницъ, явятся десять, да и изъ нихъ девять по побужденіямъ неисходнаго голода и тупости. Потребуйте тысячу актеровъ и актрисъ,—явятся десятки тысячъ праздношатающейся, воспитанной кабаками, публики, съ самымъ утонченнымъ изяществомъ и даже образованіемъ.

Васька Калгановъ не ошибался. Онъ превосходно зналъ эту кабинетно-питейную, пудро-брилліантовую публику столицы, всегда безъ гроша, но необыкновенно весело живущую на счетъ перваго встрѣчнаго, всегда прилично, франтовски разодѣтую, вздорную и пустую, бездушную и дикую, опереточно-безсмысленную и увѣренную въ побѣдѣ своего безсмыслія.

Нѣсколько дней спустя послѣ встрѣчи Калганова съ трагической волчьей шубой, въ газетахъ появлялось такое объявленіе: «Нужны басы, теноры, сопраны и контральты, женъ-премьеры, премьерши, гран-дамы и благородные отцы. Являться отъ 10 до 3 ч. въ гостиницу «Первопутка», № 26».

Гостинница «Первопутка» находилась въ глухой улицѣ, далеко отъ центра. Въ день артистическаго клича Калгановъ съ ранняго утра находился въ возбужденномъ состояніи. Денегъ у него совсѣмъ не было. Ни въ Парижъ, ни въ Новую Деревню не съ чѣмъ ѣхать, и никакой обстановочной пьесы нельзя поставить.

Первымъ явился на кличъ трагикъ Разносовъ-Перепаловъ, въ той-же шубѣ и шарфѣ.

— А, это вы, дорогой собратъ?.! Экой-же вы, плутина! Я далъ вамъ мысль, а мнѣ-то вы и ни слова... Ну-съ?.. Мои условія слѣдующія...

— Позвольте, первое условіе: есть-ли у васъ залогъ?

— Конечно, нѣту, дорогой собратъ, но мы дѣло поправимъ... Вамъ безъ меня шага не сдѣлать... Я у васъ и распорядитель, и трагикъ, и кассиръ... Даю вамъ имя... Мое имя, вы понимаете, что значитъ имя... Притомъ, я понимаю, вы въ такомъ-же положеніи, какъ и я... Денегъ у васъ столько-же, это ясно. Идетъ пополамъ? Имѣйте въ виду, опытность, талантъ, имя...

— Все это прекрасно, только зачѣмъ-же вы и кассиромъ?

— Ну будьте вы кассиромъ, а я хозяиномъ?.. Декораціи, костюмы, парики—я все достану...

Черезъ пять минутъ трагикъ сидѣлъ уже безъ шубы и принималъ посѣтителей.

Вошла полная дама, приличная и внушительная, изъ благородныхъ, и ввела за руку «ребенка». Этимъ «ребенкомъ» была дѣвица за двадцать, представительной наружности, что называется, фигура сценическая, державшаяся еще съ тою застѣнчивой неуклюжестью, которая въ глазахъ любящихъ матерей почитается граціей.

— Здѣсь записываются на парижскую сцену? спросила толстая дама.

— Здѣсь, сударыня. Прошу васъ сѣсть.

— Моя дочь Варвара. Она... училась... у извѣстныхъ профессоровъ граціи и пластики, играла въ любительскихъ спектакляхъ Офелію, Орлеанскую дѣву, Марію Стюартъ, и вообще у ней уже обширный репертуаръ... классическій...

— Очень пріятно.

— Она и пѣть можетъ, продолжала маменька. — И пѣть училась у разныхъ профессоровъ... Ничего не жалѣли. И всѣ, рѣшительно

всѣ признаютъ въ ней талантъ, фуроръ производила... Я ужь попрошу васъ принять мою дочь на первыя роли... Я увѣрена, такая трагическая актриса и Парижъ заставитъ о себѣ говорить. Вѣдь вы играть будете въ «Comedie française», не правда-ли?

— Н-да, и тамъ сыграемъ, отчего-же?..

— Я увѣрена, моя дочь будетъ украшеніемъ вашей труппы. Сколько-же вы намъ положите?.. Я должна васъ предупредить, что для карьеры дочери я рѣшилась сама сопровождать ее въ Парижъ. Согласитесь сами, нельзя-же такого ребенка отпустить безъ надзора въ такой омутъ, въ этотъ Вавилонъ... Такъ сколько-же вы намъ положите? Проѣздъ въ первомъ классѣ, содержаніе, костюмы, это ужь само собою ваше, а еще деньгами?..

— Но позвольте, сударыня, перебилъ Калгановъ: — мы съ радостью примемъ въ товарищи вашу дочь, но довольно трудно устроить при этомъ и васъ.

— Ахъ, нѣтъ... Вы не можете разлучить мать съ дочерью... Это невозможно!... Въ Парижъ... Богъ знаетъ съ кѣмъ... Нѣтъ, я не могу этого позволить... И, наконецъ, надо-же знать, какое у васъ жалованье...

— Сударыня, у насъ дѣло поставлено на новыхъ началахъ — товарищескихъ. Каждый вноситъ залогъ, и, если вамъ угодно участвовать въ барышахъ труппы, вы можете поступить кассиршей. Двѣ тысячи нужно залогу...

— Ка-акъ? Я предлагаю вамъ свою дочь, единственную дочь, талантъ... талантъ, даже, прямо сказать, феноменальный... Другой-бы антрепренеръ, ежели порядочный человѣкъ, гордился-бы такой артисткой... Я, милостивый государь, вдова капитана, благородная женщина... Я дала дочери прекрасное воспитаніе... Консерваторія, курсы, чего это стоило...

— Мама! заявилъ о себѣ «ребенокъ».

— Не твое дѣло, Варенька, въ практическихъ дѣлахъ надо умѣть говорить за себя. Такъ неужели нельзя насъ безъ залога принять въ труппу?

— Это несогласно съ правилами товарищества.

— Это значитъ, у васъ сосьете, товарищеское сосьете? Ахъ, я съ удовольствіемъ... Теперь я понимаю... Ну, конечно, нуженъ залогъ... Варенька, прочти имъ что нибудь изъ «Орлеанской дѣвы»... Вы увидите, какой она фуроръ сдѣлаетъ въ Парижѣ...

«Ребенокъ» выступилъ впередъ, запрокинулъ красивую головку и съ совершенно неожиданной обезстыженностью залепеталъ:

„Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
„Я дочь простаго пастуха; родилась...

— Родилась въ Тамбовской губерніи, приправила маменька:—и не отъ пастуха, а офицера... Отъ пастуховъ не очень-то нынче передаются таланты... Вѣрили когда-то и въ это... Ахъ, я безъ ума отъ Парижа... Ты будешь играть въ «Comedie française», гдѣ Сара Бернаръ... Варенька!.. Сердце мое предчувствуетъ, что ты сдѣлаешь большую карьеру... Я даже увѣрена, что тебѣ и быть долго на сценѣ не придется: тебя замѣтятъ... о, непремѣнно замѣтятъ... Только нельзя-ли уменьшить залогъ?.. Пожалуйста! Я готова при ней даромъ служить... такъ, будто горничная... Боже мой, какая-же мать не дѣлаетъ этого для дочери... Убавьте залогъ на тысячу рублей... Я сейчасъ и деньги изъ банка выну...

— Если ужь вы такъ желаете и при томъ для насъ совершенно ясно, что ваша дочь — талантъ, большой талантъ, извольте, для васъ сдѣлаемъ исключеніе, уступчиво согласился Калгановъ. — И при томъ, вѣдь не въ одномъ Парижѣ люди находятъ счастіе, мы и вообще проѣдемъ по городамъ съ комедіей. Нельзя-же и родные города лишать просвѣщенія и удовольствія. Хотя нынче и много труппъ шляется за сборами, но онѣ намъ не конкурренція. У насъ есть такія силы, — да вотъ, позвольте представить, извѣстный, знаменитый трагикъ Кронштадтскій-Ледоходовъ.

— Разносовъ-Перепаловъ, поправилъ трагикъ. — Съ большимъ успѣхомъ... въ газетахъ печатали... во льдахъ тонулъ... Видя вашу дочь, сударыня, я не сомнѣваюсь въ ея успѣхѣ. Это будетъ крупнѣйшая звѣзда въ нашей труппѣ...

— Слышишь, Варенька, какого о тебѣ мнѣнія г. Ледоходовъ... Ахъ, мнѣ такъ пріятно... Парижъ!.. Боже мой, я даже не вѣрю... Одно вотъ непріятно, что тамъ республика.

Даже трагики остолбенѣли передъ этимъ выводомъ.

— Никакихъ титуловъ у нихъ не осталось, послѣ Наполеона всѣхъ записали въ мѣщане... А ужь за мѣщанина, извините, я никогда не соглашусь отдать свою дочь, никогда!..

— Мама! опять заявилъ о себѣ «ребенокъ».

UNIVERSITY OF ILLINOIS
LIBRARY

— Лучше-же въ отечествѣ поискать... по крайней мѣрѣ князья, банкиры...

— Поищемъ и въ отечествѣ, согласился трагикъ. — Мы сдѣлаемъ турне и по южнымъ, и по восточнымъ городамъ. Ваша дочь принята въ сосьете... Доставьте залогъ...

Осчастливленныя дамы, мать и дочь, откланиваются.

— Здѣсь въ актеры берутъ? съ наступательной рѣшимостью спросилъ молодой человѣкъ, переступая порогъ. Встрепанные волосы, бѣгающіе глаза, испитое лицо, изношенный костюмъ — все выдавало предпріимчивость безграничную.

«Ну, у этого въ банкѣ залежныхъ денегъ нѣтъ», рѣшилъ про себя Калгановъ. — Вы чѣмъ-же изволили заниматься?

— Игралъ на клубныхъ сценахъ, имѣлъ ангажементъ въ провинцію, хотѣлъ ѣхать на берегъ Маклая, былъ тоже репетиторомъ въ какомъ-то золотушномъ семействѣ, сотрудничалъ въ газетахъ...

— Имѣли успѣхъ?

— У женщинъ преимущественно престарѣлаго возраста.

— Почему-же вы хотите на сцену и на какія роли?

— На сцену хочу единственно для славы. Въ наше время человѣкъ безъ славы — одно ничтожество, ему даже ѣсть не даютъ нигдѣ, а жить безъ ѣды — это ужь послѣднее дѣло.

— Вы вполнѣ правы. Ѣсть—это, такъ сказать, вопросъ. А кстати, не случалось-ли вамъ быть художникомъ? Намъ вотъ нужны декораціи для маленькой сцены.

— Художникомъ не могу, а стиховъ непристойныхъ много знаю, и ежели для холостой компаніи, могу удружить до полнаго удовольствія.

— Ну, а напримѣръ, въ классическихъ драмахъ можете что-нибудь взять на себя?

— Помилуйте, меня изъ классической гимназіи исключили: что-же я могу знать?.. Ни латыни, ни греческаго совсѣмъ не уважаю, я человѣкъ современный.

— Ну, а бытовый репертуаръ у васъ есть?

— Бытовый?.. Это изъ русскаго быта?.. Да вѣдь теперь это все жидамъ поручено... Кто-же, кромѣ жидовъ, можетъ изображать русскій бытъ?.. «Архъ, мамэне!» Нѣтъ, ужь это оставьте... Это дѣло кагальное, дѣло не наше...

— Да что-же вы можете дѣлать?

— Потому-то и явился къ вамъ, что ничего не могу. Я ужь пробовалъ... только и могу быть актеромъ.

Послѣ этого любителя явилась миловидная дамочка съ необычайно пышнымъ турнюромъ, съ разрисованными бровями и губами, съ побѣдительской увѣренностью во взорѣ, по всѣмъ признакамъ глубокая душа. Она торжественно опустилась въ реверансъ и вдругъ словно подхваченная вихремъ, понесла:

— Играю на клубныхъ сценахъ... Я женщина семейная... мой мужъ... о, надо знать, что это за человѣкъ, что это за деревянная душа въ халатѣ!.. Это извергъ, извергъ!.. Поймите, онъ испортилъ мою жизнь, поработилъ мое дарованіе, испортилъ будущность... Я всегда рвалась на сцену, я чувствовала свое призваніе... И вотъ съ своей красотой, съ независимымъ состояніемъ, я, глупая, прожила пять лѣтъ съ этимъ злодѣемъ, губила талантъ, и всѣ признаютъ это, кромѣ мужа... Ахъ, вы не можете отказать мнѣ въ справедливости, это было-бы такъ жестоко... Я такъ люблю сцену... Я рождена для сцены... Прослушайте, я прочту...

— Я слышу по тону, по энергіи, что вы прекрасно читаете, отвѣчалъ Калгановъ.

— Не правда-ли? не правда-ли? вы признаете... вы находите, что во мнѣ есть что-то, есть чувство, увлеченіе, сила?..

— Не сомнѣваюсь, что въ васъ все есть для большого успѣха на сценѣ... Вы очаровательны...

— Ахъ, благодарю васъ... Вы спасаете меня для искусства... Мои туалеты... гардеробъ у меня превосходный... Ни у одной актрисы нѣтъ такихъ выходовъ... И главное, вѣдь я даромъ согласна у васъ играть... Я даже свою мебель дамъ для обстановки... Поймите, мнѣ ничего не нужно, только играть, играть... Я такъ люблю, такъ обожаю искусство, что готова всѣмъ пожертвовать...

— Ваше предложеніе — находка для каждаго антрепренера, но у насъ совсѣмъ иныя условія. Для поступленія въ наше товарищество необходимъ залогъ, и чѣмъ больше будетъ вашихъ паевъ, тѣмъ больше вы будете получать прибылей...

— Ахъ, я все согласна отдать въ пользу бѣдныхъ!.. Не нужно мнѣ никакихъ прибылей... Дайте мнѣ только роль, одну роль, гдѣ я могла-бы развернуть свои силы...

Калгановъ началъ посвящать увлекательную артистку въ организацію товарищества, а въ корридорѣ все шумнѣе и шумнѣе надвигалась толпа, одержимая талантами, басами и сопранами. Труппа, очевидно, была обезпечена силами, и оставалось только намѣтить города, куда ѣхать за сборами.

ТЕНОРЪ.

Послѣ какого-то нелѣпаго представленія, мнѣ довелось ужинать въ компаніи артистовъ. Тутъ были знатоки и покровители балета, поклонники звѣздъ, сіяющихъ и падающихъ, милліонеры и нищіе, опереточныя женщины со сцены и изъ партера, мужикъ-содержатель, самаго печальнаго пошиба комики и рецензенты, неунывающіе пѣвцы, куплетисты, былъ даже удивительный фокусникъ, и цѣлая толпа хлыщей, осчастливленныхъ случаемъ всякой попойки. Не скажу, чтобы мнѣ было скучно. Изрѣдка такая блажь очень занятна: вѣдь рѣдко приходится видѣть людей на распашку.

Изъ всей толпы особенно скверное впечатлѣніе произвелъ на меня молодой, нахалъ, франтовски одѣтый, по-женски напудренный, самодовольно кривлявшійся, говорившій актрисамъ: «ты», и всѣмъ женщинамъ намекавшій какую нибудь безотрадную «исторію» изъ ихъ интимной жизни. Съ нимъ обращались тоже безцеремонно, какъ съ лицомъ, которое давно привыкло ко всякаго рода вмѣняемостямъ, которое обидѣть уже ничѣмъ нельзя.

Я зналъ этого господина наглядно, зналъ, что у дамъ Новой деревни онъ былъ очень популяренъ. Это видно было на прогулкахъ, какъ дамы таяли и мякли отъ его побѣдоноснаго вниманія, какъ ему улыбались сладостно и нѣжно, и какое ханское, надменное до позора, выраженіе принимало его глупое, молодое, но уже распитое лицо, и даже нѣсколько ошалѣлое отъ пьяныхъ ночей.

— Кто этотъ развязный молодой человѣкъ? спросилъ я у ближайшаго сосѣда.

— Какъ? Вы не знаете?.. Да это извѣстный теноръ Кубаревъ, Мишка Кубаревъ... Триста рублей получаетъ... Актриса Печорина— его любовница.

— А которая изъ нихъ Печорина? спросилъ я.

— Богъ мой! Да откуда вы? Печориной не знаете. Вонъ толстая старуха, вся закрашена, въ брилліантахъ сидитъ... Князя N. ограбила, опоила дурманомъ и ограбила... Развѣ вы не слыхали? А Мишка—прохвостъ съ ней заодно... Кажется, онъ-то и ограбилъ ее... Т. е. послѣ того, какъ она князя N. ограбила.

«Ограбили», «опоили дурманомъ»,—и все это сходится вмѣстѣ и вмѣстѣ пьетъ, панибратствуетъ, цѣлуетъ другъ друга, какъ будто каждый изъ присутствующихъ глубоко убѣжденъ, что и онъ—такой-же: можетъ тоже ограбить, опоить...

Удивительные нравы выработала оперетка! Даже аристократъ по рожденію и воспитанію, чокаясь съ опереточнымъ рецензентомъ, говоритъ:

— Ну, ты, скотина!.. Пей!.. Поцѣлуемся!..

И это не была еще интимная оргія, это былъ публичный ужинъ, на которомъ было много лишнихъ, не «нашихъ», не однѣ «мунги».

Начинался уже пьяный, совершенно непристойный гвалтъ, начинался скандалъ, когда шампанскимъ плещутъ въ лица лакеевъ, однако, съ памятнымъ разсчетомъ, что этотъ подвигъ стоитъ только денегъ, и именно столько-то рублей, начиналось открытое таксированіе женщинъ, но оно-то и было самое возможное.

Скоро я совсѣмъ пересталъ понимать, гдѣ нахожусь, что говорятъ, и сознательно чувствовалъ впечатлѣніе сумасшедшаго дома.

Но этотъ пѣвецъ не переставалъ меня занимать. Онъ какъ-то особенно нагло и глупо высовывался, самымъ нахальнымъ образомъ напрашивался на общее вниманіе. Больше его никто не успѣлъ сказать глупыхъ и пошлыхъ рѣчей, какъ этотъ «извѣстный» теноръ Мишка... въ триста рублей. Онъ бахвалился, какъ пьяный фабричный, грубо и неуклюже, называлъ прямо имена своихъ случайныхъ любовницъ, и, вѣроятно, больше лгалъ, чѣмъ изобличалъ ихъ, явно не сознавалъ, какъ гадко выдавать тайны женщины, ему довѣрившейся, короче сказать, это разъѣвшееся животное было сыто, пьяно, отвратительно.

И вдругъ онъ подсѣлъ ко мнѣ.

— Нельзя-ли просить васъ, началъ онъ: — видите-ли я... какъ артистъ, я человѣкъ прямой... въ деньгахъ мнѣ воля... Сколько хочу, столько достану... Вы, конечно, знаете, что я—на роляхъ вторыхъ любовниковъ, видали меня на подмосткахъ!.. Публика завсегда прини

маетъ меня съ наслажденіемъ... И первымъ сюжетамъ не часто выпадаютъ такія оваціи, это могу сказать...

— Да вы короче: что надо?

— Позвольте съ вами выпить... на «ты»... Я здѣсь со всѣми на «ты», и, признаюсь, всѣ меня любятъ... даже вотъ ихъ сіятельство, князь N. находитъ, что лучше меня нѣтъ Баринкая... Даже заграницей князь не видавалъ...

— Большой прохвостъ, нигдѣ такого не видывалъ! подтвердилъ почти черезъ весь столъ князь N. Въ общемъ хохотѣ снова высовывался Мишкинъ теноръ.

— Такъ вотъ-съ, продолжалъ Мишка:—мнѣ хотѣлось-бы видѣть въ печати свою полную артистическую характеристику... разумѣется, не даромъ, это я понимаю...

Я всталъ и пересѣлъ къ князю N. въ разсчетѣ, что если надо будетъ Мишку бить, то пусть ужь князь съ нимъ раздѣлывается.

Послѣ этого герой Новой деревни началъ артистически фамильярно со мной раскланиваться при встрѣчахъ, улыбаться и выкрикивать:

— Какъ ваше здоровье? Что новенькаго?..

Или:

— Не видали-ли князя?.. Гдѣ онъ, чортъ его возьми?.. Мнѣ такъ нужно его видѣть...

Цѣлое лѣто онъ былъ пьянъ, и не только вралъ на сценѣ, но всѣхъ женщинъ въ личныхъ отношеніяхъ перепуталъ и пересплетничалъ, даже пропилъ костюмъ какого-то бога, въ которомъ отличался въ феріи, и подъ конецъ сезона пропилъ хозяйскій тюфякъ, за что былъ вызванъ къ мировому, но явиться не могъ, потому что состоялъ въ бѣсовскихъ видѣніяхъ.

Словомъ, теноръ Мишка отличался, какъ истинный талантъ самой высокой пробы.

Кончился этотъ безпутный сезонъ, и Мишка переселился въ городъ. Шлялся онъ по Невскому, по ресторанамъ, присматривался къ компаніямъ, но въ лицѣ уже видно было какое-то нелѣпое уныніе, повидимому, очень душеспасительно дѣйствовавшее на Мишку.

— Теперь не пью-съ, скромно объявилъ онъ.

— Что-же вы дѣлаете?

— Ожидаю ангажемента въ провинцію. Жаль, что голосъ маленько отсырѣлъ... Подлецы-антрепренеры боятся условіе заключать... Но вѣдь

голосъ — не водка, его всегда можно возстановить — стоитъ только коньякомъ смачивать, бутылки по двѣ въ день, утромъ и вечеромъ,— наростетъ такой баритонище, хоть въ оперу... Да, кажется, я и поступлю въ оперу...

— Гдѣ вы учились пѣть?

— Да развѣ пѣть учатся... вотъ пустяки... Я пою отъ таланта, на слухъ... Все дѣло въ талантѣ... Слухъ у меня замѣчательный, а впрочемъ ноты тоже знаю, и, ежели кому надо, могу по нотамъ...

Въ голосѣ тенора Мишки такъ и звучало убѣжденіе, что онъ беззавѣтнѣйшій изъ всѣхъ прохвостовъ, что для него все равно на свѣтѣ и никакихъ препонъ ему нѣтъ. Сегодня онъ пѣвецъ, завтра пойдетъ въ маркеры, послѣ завтра стащитъ чужой тюфякъ, или костюмъ, потому жить надо.

Теперь я не встрѣчалъ уже его въ пьяномъ видѣ, но въ немъ явилась безпокойная нервность, заставлявшая его съ утра убѣгать изъ квартиры въ уличную толпу, искать, за что-бы зацѣпиться. Онъ цѣлый день ходилъ, цѣлый вечеръ просиживалъ въ билльярной у Доминика, при встрѣчахъ съ знакомыми всячески старался занять рубль, и, можетъ быть, цѣлыя ночи шлялся, размышляя, гдѣ удобнѣе утопиться. Вѣроятно, и въ его головѣ бывали мрачныя мысли. У женщинъ, повидимому, онъ всякій успѣхъ потерялъ. Онъ обносился, загрязнѣлъ, и уже не по сезону легко былъ одѣтъ. Изъ платья оставался одинъ фракъ, да дымчатое лѣтнее пальто. Въ ресторанахъ, прежде чѣмъ присѣсть къ столу, онъ уже перешептывался съ лакеями, и съ каждымъ днемъ опускался и терялъ бодрость духа. Очевидно, теноръ Мишка погибалъ, какъ погибаютъ осеннія мухи—медлительно, уныло, глупо, ползая до послѣдняго изнеможенія, самъ не зная, для чего и куда.

— Вотъ и пить пересталъ, а что толку? говорилъ Мишка. Онъ становился жалокъ.

— Дайте рубликъ! вдохновлялся онъ, какъ будто неожиданно для самого себя.

— Да что-же: рубликъ... Вы-бы чѣмъ нибудь занялись... Рубликъ съѣдите и опять надо просить...

Такъ это и было — рубликъ ни въ чемъ не измѣнялъ положенія Мишки. Богачи, съ которыми онъ кутилъ на правахъ артиста, не велѣли его впускать къ себѣ, при встрѣчѣ его не узнавали, и Мишка

переносилъ это, какъ должное, ни минуты не сомнѣваясь, что съ нимъ можно такъ обращаться.

— Какъ это вы сдѣлались пѣвцомъ? спросилъ я.

— Да набирали народу,—ну, я пошелъ и запѣлъ. Передъ выходами я все коньякъ душилъ, хватишь чайный стаканъ,—ну, и чортъ не братъ, въ глазахъ шары ходятъ, ну, и поешь, жестъ этакой пустишь, публика всегда принимала съ восторгомъ... дамы въ любви изъяснялись и даже очень... Одна барыня въ Италію предлагала ѣхать на казенный счетъ.

— Какъ на казенный счетъ?

— Да такъ, учиться у тамошнихъ пѣвцовъ, чтобы потомъ сюда, въ оперу.

— Что-же вы не воспользовались предложеніемъ?

— Да ужь не въ терпежъ опротивѣла... Я въ то время съ другой сошелся.

— Ну, а другая что предлагала?

— Мужа убить...

— Тьфу, чортъ!.. Какіе у васъ все романы... На-те рубль...

Признаюсь, я каждый день встрѣчалъ Мишку на Невскомъ, съ какимъ-то тоскливымъ испугомъ. Кажется, я боялся, что вотъ сегодня уже не встрѣчу его, а прочту въ газетѣ, что вытащено изъ Невы тѣло «извѣстнаго» пѣвца, а въ карманѣ его найдено интимное письмо патронессы и казенная ассигновка въ Италію, «для усовершенствованія». Ничего такого не случилось. Мишка жилъ, и, по всѣмъ признакамъ, разсчитывалъ долго жить.

II.

Наступили холода, и теноръ Мишка совсѣмъ исчезъ съ улицы. То мнѣ думалось, что онъ застылъ у кабака, то опять въ кабакѣ нахальствуетъ и дамскія сердца соблазняетъ, то стащилъ у какой нибудь патронессы что либо изъ «необходимостей» и привлеченъ къ отвѣту, но никакихъ точныхъ свѣдѣній о немъ не было. Я почему-то увѣренъ былъ, что съ этимъ человѣкомъ должно случиться несчастье глупое и смѣшное, но ни туалетный листокъ, ни «артель содержанцевъ» никакой «исторіи» о немъ еще не печатали, и «неподражаемый» артистъ гдѣ нибудь процвѣталъ и смачивалъ голосъ.

Однажды получилъ по городской почтѣ письмо.

«Зная ваша сострада»—больше ничего нельзя было понять, а въ концѣ: «пришлите рубликъ». Послалъ я свою старуху.

— Поди ты узнай, Сергѣевна, живъ-ли такой человѣкъ, и отдай ему вотъ конвертикъ.

Старуха вернулась въ большомъ волненіи.

— Барыня желаетъ васъ видѣть—евойная барыня, хозяйка...

— Ну, думаю, скандалъ, больше этому человѣку ничего на роду не написано.

Вошла почтенная старушка въ черномъ, съ красными, заплаканными глазами, губы у ней отъ волненія дрожали.

— Не сродственникъ-ли вы будете господину Кубареву? спросила она.

— Нѣтъ-съ, слава Богу, не родственникъ.

— Господи, Господи! на старости лѣтъ до этого дожить!.. А вѣдь вотъ денегъ-то вы прислали ему: можетъ, только скрываете, что не сродственникъ.

Да, я и раньше не сомнѣвался, что изъ-за тенора Мишки, изъ-за рубля, который ему нуженъ, можно попасть въ самое подозрительное положеніе. Есть люди, профессія которыхъ обязываетъ стѣсняться и даже скрывать, что вы знаете ихъ: того и гляди угодишь съ ними въ благородные свидѣтели какого нибудь совсѣмъ неправдоподобнаго скандала.

— Да что-же случилось? спросилъ я.

— Помилуйте, въ дрызгъ пьяны и онъ, и госпожа Печорина, ихняя душенька будетъ, орутъ, на фортепьянахъ гремятъ, посуду бьютъ и выселить ихъ никакъ невозможно. Денегъ третій мѣсяцъ не платятъ, къ мировому никакъ невозможно доставить—все какъ-бы не въ своемъ умѣ отъ вина. Я ужь и ей-то говорю, Печориной-то госпожѣ: какъ, молъ, вамъ, барышня, не стыдно... Молодая вы и прекрасная особа, съ этакимъ воспитаніемъ, и въ такомъ видѣ. Каждый день у васъ дебошъ, и всегда у васъ деньги есть на безобразіе, а я бѣдная вдова.

Голосъ у старухи дрогнулъ и оборвался.

— Своихъ-то денегъ передавала больше тридцати рублей, увѣрили, что вотъ-вотъ пособіе получатъ, какой-то казенный интересъ имъ выйдетъ... Каждый день просьбы писали то къ тому, то къ другому, что въ великомъ они несчастіи и безъ сапоговъ сидятъ. Да зачѣмъ имъ са-

поги, помилуйте... Имъ на домъ денегъ пришлютъ, на домъ и водку, и пиво носятъ... Сдѣлайте божескую милость, вступитесь вы за меня, бѣдную... Вѣдь я даже спросить денегъ теперь не смѣю... Такой озорникъ, такой безсовѣстный... вѣдь что онъ сдѣлалъ-то!..

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Да что: вошла я къ нему за деньгами, а онъ бацъ на колѣни, руки сплеснулъ, а самъ безъ сюртука, безъ сапоговъ—сапоги наканунѣ татарину продалъ—всклоченный, дикій такой, и глазъ у него подбитъ—то-же наканунѣ Печорина госпожа не въ своемъ видѣ была... Палъ это на колѣни и оретъ: «Любовь Максимовна! люблю тебя, люблю!» Это мнѣ-то онъ!.. Позвольте, я честная женщина, мнѣ пятьдесятъ пять лѣтъ... да какъ-же это?.. что такое?

— Да, дѣйствительно, странно...

— «Увѣнчайте», говоритъ, «увѣнчайте»... И пошелъ это сочинять—вотъ какъ въ балаганахъ на масляницѣ... Позоръ! У меня другіе жильцы: капитанъ живетъ третій годъ, двѣ дѣвицы-студентки сбѣжали отъ этого идола, потому развѣ возможно жить за перегородкой, когда онъ всякія неприличности оретъ, потому для него все равно, онъ потерянный человѣкъ... Что людямъ позоръ, то ему слава...

— Да вѣдь Печорина госпожа, кажется, богата, она могла-бы уплатить...

— Богата?.. Вся фальшива: красота намазана, брилліанты поддѣльны, голоса нѣтъ, потому пьетъ, вся публика отъ нея отшатнулась, да и что ужь отъ нея осталось подъ сорокъ лѣтъ?.. Какъ ни прикидывается дѣвочкой, а вѣдь и на сценѣ никто не повѣритъ, да и не отъ добра-же связалась съ такимъ. А публика-то все какая къ нимъ идетъ: прохвостъ за прохвостомъ... того и гляди, изъ прихожей пальто, либо галоши упрутъ,—все артисты, пѣвуны, «Цыганскаго барона» изображаютъ... да зачѣмъ имъ изображать, имъ-бы вотъ выступить во всей натуральности, какъ дома,—ужь ничего такого никто не сочинитъ... И Печорину-госпожу такую нельзя сочинить, да ужь и Кубарева никому не придумать...

— Это вѣрно, но что-же дѣлать-то?

— Да вотъ помогите, ради Христа, выселить... Пусть комнату мнѣ очистятъ... Богъ съ ними, съ ихними деньгами, пусть только уйдутъ...

Вступаться въ чужой скандалъ—скандалъ артистическаго сброда—было-бы ужь совсѣмъ безразсудно, но теноръ Мишка все-таки инте-

ресовалъ меня, и я никакъ не могъ предугадать его дальнѣйшую карьеру: убьютъ-ли его въ пьяной свалкѣ, или на цѣпь посадятъ, или онъ самъ кого убьетъ: долженъ-же быть нормальный исходъ изъ такой жизни.

III.

Два дикихъ голоса пѣли изъ «Цыганскаго барона». Дуэтъ напоминалъ пѣніе слѣпцовъ, сидящихъ на проѣзжей дорогѣ съ чашками.

— Поютъ, значитъ, еще ѣдятъ, подумалъ я, отворяя дверь.

Комната, въ которой жилъ теноръ Мишка и его «душенька», была въ одно окно. Въ ней былъ одинъ диванъ, множество окурковъ на полу и пивныя бутылки. Все цѣнное хозяйка предусмотрительно унесла. Печорина-госпожа стояла по серединѣ, Мишка сидѣлъ передъ ней на диванѣ и въ тактъ болталъ ногой.

— Это опять за деньгами? обернулась Печорина-госпожа.

Фрака на Мишкѣ уже не было и сапоговъ не было. Оставалось одно блѣдно-дымчатое пальтецо. Фракъ съѣли «въ трехъ рубляхъ», а сапоги «въ двугривенномъ». Физіономія у Мишки какъ будто даже раздобрѣла и приняла выраженіе животнаго покоя. На мотивъ «яблочковъ» Мишка запѣлъ:

— «Рублики, рублики».

— Слушайте, да что-же это вы? заговорилъ я.

— А что?.. Ангажемента ждемъ... Вотъ она надняхъ уѣзжаетъ въ Тифлисъ...

Я взглянулъ на Печорину-госпожу и подумалъ:

— Господи, неужели и такимъ еще деньги даютъ?.. Она кокетливо и самодовольно улыбнулась, и лицо ея подъ бѣлилами безобразно багровѣло, какъ будто и оно изнемогало подъ тяжестью наложеннаго слоя. Не то чтобы оно было некрасиво, нѣтъ, но неприлично. На немъ отлегла вся закулисная грязь и роковая привычка ко всякимъ положеніямъ. Ворвутся-ли мясники и булочники за деньгами, придетъ-ли вѣжливый приставъ описывать костюмы боговъ или пьяный гуляка заберется и потребуетъ:

— М..м-мнѣ шампанскаго, а ей—три порціи битковъ!..

Все это выносилось съ зачерствѣлой обезстыженностью, даже съ нѣкоторой артистической надменностью. И теперь, хотя положеніе ужь

совсѣмъ плохое, но бывало и хуже. И Мишка, и Печорина-госпожа совсѣмъ спокойны, и что, особенно странно, у нихъ есть деньги, копѣекъ двадцать, сорокъ непремѣнно найдется и находится каждый день. Такой ужь сезонъ несчастливый, копѣечный. Но сезонъ пройдетъ, не умирать-же изъ-за этого.

— Меня везутъ въ Тифлисъ на гастроли, объявила Печорина-госпожа:—контрактъ уже подписанъ и завтра я получу деньги. Не можете-ли вы до завтра дать намъ сто рублей?.. Видите, ему надо платье, шубу, нельзя-же такъ.

— Рубликъ, пожалуй, можно дать.

— Давайте рубль! встрепенулся Мишка: сейчасъ за водкой...

И онъ вышелъ въ корридоръ распорядиться.

— А ста рублей не дадите? переспросила Печорина.

— Полноте, сто рублей только опереточные мужики могутъ давать...

— Позвольте, мнѣ предлагаютъ четыреста рублей въ мѣсяцъ, а было время и по шестисотъ платили... У меня однихъ подношеній было на сто тысячъ... Меня мужъ обобралъ...

— Это вѣрно, подтвердилъ Мишка:—а я вотъ удивляюсь, почему это меня не везутъ на гастроли... Все-таки у меня есть извѣстность, успѣхъ... Всѣ говорятъ, даже въ газетахъ писали, что другого Баринкая такого нѣтъ...

— Да что возить-то? вѣдь всѣ и каждый могутъ то-же самое... Я думаю, теперь и угла медвѣжьяго на свѣтѣ не осталось, гдѣ не было-бы своихъ Баринкаевъ.

Артисты видимо были обижены, а куда ужь на гастроли, хоть-бы на безголосое столпленіе «аркадійскихъ» инвалидовъ попасть.

Начались воспоминанія блестящей поры, припоминались поклоненія, подношенія, свои экипажи, попойки, словомъ, весь ореолъ животности—время хорошей ѣды и хорошей одежи. Печорина-госпожа даже всплакнула отъ волненія. Какъ публика ломилась, театръ дрожалъ, цвѣтами засыпали, князь N, графъ X, газеты безъ ума, пятьсотъ рублей за спектакль, всегда полные сборы—словомъ, начался обыкновенный разговоръ сумасшедшихъ людей, въ которомъ уже совсѣмъ ничего нельзя было понять. Мишка перебивалъ Печорину-госпожу, она не давала ему досказать о тріумфахъ, кричали разомъ, каждый свое. Особенно пылко разгорѣлось вдохновеніе артистовъ, когда принесли водку. Выпили по одной, по другой, и какъ будто поуспокоились.

— Что-же вы думаете дѣлать? обратился я къ Мишкѣ.

— Да нечего дѣлать: зима, не поютъ нигдѣ, нѣтъ никакихъ ангажементовъ въ виду... Развѣ въ дворники куда-нибудь... Да я и такъ проживу...

— Какъ-же «такъ»? Вонъ хозяйка на васъ обижается...

— Пусть обижается... вѣдь я просилъ у нея двадцать рублей за то, что уйду съ квартиры... Не могу-же я такъ уйти, безъ сапоговъ, безъ шубы... Теперь морозы, можно вѣдь и умереть отъ стужи...

— Какой вздоръ вы говорите: вы всѣмъ должны и вамъ-же должны платить деньги?.. да этого даже и въ опереткахъ не бываетъ.

— А то какже, ну, какже я уйду?.. Ну, давайте вы двадцать рублей, мнѣ вѣдь все равно.

И Мишка всталъ передо мною въ трагическую позу.

— Да позвольте, объясните мнѣ, почему я долженъ дать двадцать рублей.

— Да это само собою ясно, вы видите, въ какомъ онъ положеніи, пояснила Печорина-госпожа:—стоитъ разговаривать о какихъ-то двадцати рубляхъ...

IV.

Печорина уѣхала на гастроли. Нашелся опереточный мужикъ съ деньгами, который повезъ эту «несравненную» на выставку къ восточнымъ людямъ.

Теноръ Мишка остался одинъ, по прежнему, безъ сапоговъ и безъ фрака, въ нетопленой комнатѣ, изъ которой никакъ не соглашался уйти.

— Чѣмъ-же онъ занятъ цѣлые дни? спросилъ я хозяйку.

— Стынетъ, батюшка, лежитъ и стынетъ... И къ ѣдѣ даже всякое удовольствіе потерялъ, дашь чего нибудь,—съѣстъ, а то и не проситъ... Я ужь пять цѣлковыхъ отступного давала, выходныхъ,—куда!

«Теперь, говоритъ, меньше тридцати никакъ нельзя взять». Я въ полицію, къ мировому, а онъ говоритъ: «Я повѣшусь»! Ну, гдѣ-же мнѣ, бѣдной женщинѣ, такой грѣхъ на душу брать... Вѣдь шутка-ли, по триста серебра въ мѣсяцъ получалъ, а теперь вотъ до чего дошелъ... Я къ содержателямъ ходила съ его письмами за пособіемъ,—не даютъ... Да кто нынче даетъ!.. Много, вишь, нынче пѣвуновъ-то этакихъ

развелось, всѣхъ не одѣлишь... Иные, сказывали, съ горя-то нынѣ бѣсятся, на людей кидаются... Пропѣлись до безсапожья... Я ужь и то нашему-то внушаю: ты-бы, молъ, въ кондукторы, либо въ посыльные шелъ... Ужь какой ты пѣвунъ въ этакомъ видѣ... Ну, другое женское дѣло, и такъ, и этакъ... на то ужь идутъ... Да гдѣ ему пѣть, коли всѣ костюмы татарину сплавилъ... Принца-ли, барона-ли запоетъ, а все слышно, что сапожникъ, забулдыга...

— Да что-же вы церемонитесь съ нимъ?

— Какія церемоніи, коли никакими силами избыть его нельзя... Сколько разъ гнала, — не идетъ. И честью просила и гнала, и пять рублей выходныхъ давала.

Я собрался еще разъ убѣждать Мишку въ несправедливости его поведенія относительно хозяйки.

— Ну, въ такомъ случаѣ я къ вамъ пойду, находчиво рѣшилъ Мишка.

— Зачѣмъ-же ко мнѣ?... Мнѣ непріятно было-бы видѣть васъ... Я лучше вамъ сапоги дамъ...

При этомъ мнѣ невольно вспомнился разговоръ Чичикова съ Ноздревымъ. Бываютъ такія несчастныя положенія, въ которыхъ самое истинное горе смѣшно, и никакъ нельзя привыкнуть понимать его серьезно. Въ такомъ положеніи былъ теноръ Мишка.

— Вы все-таки никакъ не хотите отказаться отъ сцены? спросилъ я.

— Я артистомъ родился, артистомъ и умру.

— Хотите мѣсто писаря — пятнадцать рублей?

— Это за кого-жъ вы принимаете меня?.. Мнѣ?.. мѣсто писаря?.. Первому Баринкаю, по вашему, идти въ писаря?

— Да вѣдь вамъ ѣсть нечего? Оглянитесь, вы всѣхъ стѣсняете... Развѣ пріятно, что всѣ гонятъ васъ и даже выгнать не могутъ...

— Непріятно, но занимательно... Пусть гонятъ... У меня еще одна дама есть въ виду, — она сразу можетъ дать мнѣ пять тысячъ!..

— Полно пули-то лить! вступилась хозяйка:—слыхала я отъ тебя эти тысячи... Куда ужь тебѣ о дамахъ мечтать! въ такомъ-ли видѣ...

Всѣ униженія, издѣвательства Мишка переносилъ «какъ статуй». Ничто не могло ни тронуть его, ни возмутить, — все та-же равнодушно нахальная усмѣшка расплывалась по всему лицу его.

— Чѣмъ-же вы кончите? спросилъ я.

Мишка гордо отвернулся и не удостоилъ меня отвѣтомъ. Повидимому, артистъ, имѣвшій успѣхъ въ Новой деревнѣ, превозмогалъ надъ всѣми скорбями и бѣдами, и даже надъ человѣческими слабостями къ деньгамъ.

Послалъ я ему двѣ пары сапоговъ и получилъ ихъ обратно при письмѣ, въ которомъ сказано было: «Не уважайт» — больше ни слова.

Почти всю зиму я не заходилъ къ нему, но хозяйку его встрѣчалъ часто.

— Ну, что подѣлываетъ вашъ жилецъ? спрашивалъ я.

— Стынетъ—лежитъ и стынетъ... Жалко смотрѣть, какъ стынетъ: вѣдь человѣкъ-же...

Бѣдная женщина какъ будто примирилась даже съ Мишкинымъ игомъ. Привычка и жалость брали свое и повліяли-бы на самую непреклонную волю. Въ самомъ дѣлѣ, что-же дѣлать съ такимъ артистомъ? Его гонятъ,—не идетъ, его просятъ,—«не уважайт», ему предлагаютъ,—пренебрегаетъ, его унижаютъ,—не замѣчаетъ, просятъ къ мировому,—онъ въ бѣлой горячкѣ, пріѣзжаютъ описывать имущество за долги,—у него нѣтъ ровно ничего, голъ и святъ какъ Іовъ.

Онъ рѣшился побѣждать людскую надоѣдливость по части денегъ однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Онъ прямо выставлялся:

— На-те, дѣлайте со мной что хотите, а я пальцемъ не шевельну, чтобы выбраться изъ положенія, которое вамъ такъ не нравится. Это *вамъ* не нравится,—ну, а мнѣ что за дѣло?..

Я не думаю даже, что такіе люди могутъ нуждаться и находить утѣшеніе въ чужомъ участіи, или тяготиться имъ. Это опереточное безразличіе, это безчеловѣчное «все равно» и «будь что будетъ» — результатъ самаго новѣйшаго одичанія. Артистъ заявляетъ міру:

— Или я — богъ, или всѣ вы дураки и понять меня не можете: не вамъ и судить...

Но о чемъ-же, о чемъ судить?.. Приведите этого человѣка въ нормальное состояніе, и увидите, что онъ никуда не годится, ничего не стоитъ и ничего не можетъ.

Онъ поетъ Баринкая!!! Да давайте мнѣ перваго попавшагося извозчика, и черезъ недѣлю, выученный съ голоса, по птичьи, онъ запоетъ не лучше, не хуже, а именно такъ, какъ поютъ всѣ наши опереточные «артисты» и «артистки».

Съ наступленіемъ весны Мишка хотя все также стынулъ, но уже сильно повеселѣлъ.

— Ну, теперь уже скоро! — приговаривалъ онъ, и едва прошла Нева, едва потянуло тепломъ, Мишка, уже одѣтый, въ сапогахъ и цилиндрѣ, катилъ на извозчикѣ, сидя на новомъ матрацѣ. Онъ выѣзжалъ въ Новую деревню.

Въ виду близкаго открытія заведеній, Мишка нашелъ кредитъ и началъ приводить свою особу въ соблазнительный порядокъ.

Теперь онъ опять поетъ, но уже за двѣсти рублей, и такимъ-же ухаремъ летаетъ по первой линіи, также успѣваетъ у новодеревенскихъ дамъ и пьетъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ.

— А что? — побѣдоносно говорилъ онъ: — Я всегда вѣрилъ, что талантъ меня выручитъ!

— Я не сомнѣвался...

ОНА.

I.

Посреди бѣдной комнаты стояла молодая дѣвушка, въ одной юбкѣ, корсажѣ, съ обнаженными, посинѣлыми отъ холода и покрытыми пупрышками, какъ гусиная кожа, руками. Внутренняя дрожь ее мучила, и вся сила молодости и красоты не могли побѣдить отвращенія ко всему, что ее окружало. Только любуясь собою въ зеркало, суровое, ожесточенное личико примирялось съ собою—только съ собою. Она чувствовала свою красоту и вѣрила въ нее.

Возлѣ нея безпокойно суетились двѣ женщины: одна еще молодая, съ чахлымъ, истомленнымъ и сѣрымъ лицомъ, другая—въ своемъ родѣ классическая мать: худенькая, остроносая, быстроглазая, особа вѣчно воинственная, свирѣпая, но превосходная, чудесная мать.

Мать и старшая сестра одѣвали младшую, красавицу, на торжественный вечеръ, къ Осипу Исаевичу, банкиру, покровителю искусствъ и наукъ, отъ котораго Настя получала стипендію на свое образованіе. Собственно этой стипендіей жила вся семья. Заработки старшей сестры на швейной машинѣ едва-ли окупали даже ночное освѣщеніе. Бѣдность была безвыходная. Всѣ надежды, всѣ голодныя мечтанія семьи возлагались на красоту Насти, на ея таланты, и не удивительно, что мать и сестра Варвара всѣ усилія употребляли, чтобы привести «ангела» въ какой-нибудь поразительный видъ, чтобы все высшее общество ахнуло. Бѣдныя женщины, какъ казалось Настѣ, просто съ ума сошли, убирая ее. Настя нѣсколько разъ вырывалась изъ ихъ рукъ и плакала отъ истерическаго напряженія.

У банкира Осипа Исаевича большой вечеръ—вечеръ роковой для Насти. Она впервые имѣетъ возможность явиться въ «свѣтъ». Для этого ничего не пожалѣли. Одно бальное платье стоило до тридцати

рублей: не заплатили за холодную квартиру (пусть зовутъ къ мировому!) и сдѣлали на эти деньги Настѣ платье.

— Ты понимаешь? спросила мать, окидывая это платье ястребинымъ взоромъ:—мы могли-бы на эти деньги мѣсяцъ жить... Гляди-же, мой другъ!.. Ну, пройдись, повернись, наклонись, улыбнись, перевернись, въ реверансъ опустись, ну, и разговорись... Первыя фразы: «я очень счастлива», «я неожиданно польщена такимъ незаслуженнымъ вниманіемъ»... Присѣдай!.. да ну-же!..

Все это Настя продѣлала съ автоматической покорностью. Усердіе сестры и матери бѣсило ее. Она видѣла, что онѣ даже скрывать не умѣютъ, какъ грубо разсчитываютъ на ея красоту.

Настѣ двадцать лѣтъ. Четыре лучшіе года разцвѣта прошли безслѣдно и Настя голоднымъ инстинктомъ предвидѣла, что такъ нельзя, что нужно что-то другое. Елена Трофимовна, мать, поняла это лучше всѣхъ: надо на выставку, на сцену—только тамъ видятъ женщину во всей прелести очарованія. Мать рѣшила, что у Насти долженъ быть какой-нибудь музыкальный талантъ (иначе чѣмъ-же намъ жить?) и всякими искательствами, мученіями и слезами добилась не только того, что Настю приняли въ консерваторію, но и нашли благодѣтеля, покровителя искусствъ и наукъ, Осипа Исаевича, который взглянулъ на нее внимательно, оцѣнилъ по достоинству, и рѣшилъ выдавать ей пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

II.

— Ну, благослови тебя Богъ, дитя мое! съ трогательнымъ волненіемъ проговорила Елена Трофимовна. Вдругъ въ дверь вскочилъ ливрейный лакей, въ сѣромъ, съ красными полосками, и трагически провозгласилъ:

— Генеральша Сафьянова изволятъ ожидать!

— Иди, мой другъ!.. Хорошенько хвостами-то замотайся... Знаешь, какъ надо горло беречь... да холоднаго не пей, мороженаго не ѣшь... Держись, какъ я говорила... выступай, не робѣй, не прячься за спины,—все такіе-же люди... Показаться тоже надо умѣть... Постарайся...

Все это Елена Трофимовна говорила уже на лѣстницѣ, провожая дочь съ лампой въ рукахъ.

Она устала отъ волненія и ухода за дочерью. Съ отъѣздомъ «ан-

гела», бѣднота какъ будто еще мрачнѣе насунулась въ тускло освѣщенные углы комнаты, и мать и дочь безмолвно переглянулись и вздохнули. Обѣихъ занимала одна мечта, что будетъ съ Настей, сдѣлаетъ-ли она карьеру... Дочь ушла въ свою комнату и загремѣла швейной машиной. Елена Трофимовна невольно стала припоминать, какихъ многолѣтнихъ трудовъ, лишеній, униженій стоило ей сдѣлать Настю талантомъ, поставить на дорогу, обратить на нее вниманіе цѣнителей и покровителей искусства. И вотъ она видитъ, по широкой мраморной лѣстницѣ входитъ Настя. Она блѣдна, взволнована, и эта робость придаетъ ей прелесть дѣтства. Въ дверяхъ роскошной, волшебной залы появляется самъ Осипъ Исаевичъ. Круглое брюшко выступаетъ изъ фрака съ торжественнымъ самодовольствомъ, все лицо преисполнено величавой надменности, холодной и туповатой. Всѣ черты этого человѣка говорили не только о томъ самообольщеніи, что онъ счастливъ, но и что онъ уменъ безконечно и неизмѣримо, и при томъ какое состояніе—чуть-ли не сто милліоновъ!.. За нимъ стоитъ жена его, дама цвѣтущихъ лѣтъ, въ роскоши невѣроятной: она вся, какъ сказочная волшебница, сверкаетъ бриллiантами и надушена до того чудесными духами, что приближаясь къ ней, люди впадаютъ въ обморокъ. Кругомъ народу множество. Весь «свѣтъ», все лучшее общество. Ихъ жены, дочери точно также сіяютъ и неземными красотами, и всѣми благами земли.

— Я радъ васъ видѣть, дитя мое! пожимая Настѣ руку, говоритъ Осипъ Исаевичъ и вводитъ ее въ залу. Она жмурится отъ непривычнаго блеска и сразу привлекаетъ общее вниманіе. Всѣ осматриваютъ ее съ почтительнымъ вниманіемъ, дамы наводятъ на нее свои лорнеты. Шепотъ слышенъ въ залѣ.

— Аріозова... Аріозова... знаменитая пѣвица... чудесный голосъ... замѣчательная красота .. Она—королева бала. О ней говорятъ.

Настя очень мила, проста, натуральна, всѣ замѣчаютъ въ ней чарующую власть.

— Знаменитая пѣвица! раздается сладкій шепотъ въ ея ушахъ, голова кружится отъ восторга и счастья. Сколько блеска, огней, драгоцѣнностей, чудовищно-роскошныхъ туалетовъ, красивыхъ женщинъ и важныхъ, значительныхъ и представительныхъ мужчинъ, такъ степенно и торжественно, словно святыню, несутъ свои гордыя головы, такъ величаво и картаво говорятъ сдавленными гортанными голосами, столько могущества, власти, богатства въ ихъ самоувѣренныхъ по-

захъ и движеніяхъ, въ ихъ вылощенной любезности, въ ихъ изящныхъ искательствахъ, въ заученныхъ словахъ, въ капризно-повелительныхъ, до приторности красивыхъ манерахъ.

— Что за удивительная выставка! восторженно шепчетъ Настя:— сколько ума, счастія, талантовъ, всего, что краситъ жизнь, собрало вокругъ себя богатство! Я никогда этого не видала.

И съ какимъ-то безнадежнымъ ужасомъ ей вспомнилась тѣсная, мрачная, холодная комната, мать, сестра, швейная машина, свирѣпая, неумолимая забота о кускѣ хлѣба.

— Ахъ, елка!.. Какая прелесть!..

Она невольно остановилась передъ раскрытыми дверями. Посреди зала стояла большая елка, затѣйливо убранная, увѣшанная множествомъ изящнѣйшихъ коробочекъ и футлярчиковъ.

«Это намъ подарки», думаетъ Настя. А толпа кругомъ нея все ростетъ, новыя лица мелькаютъ, и всѣ шепчутъ, словно очарованныя:

— Вотъ знаменитая пѣвица.

«Странно! думаетъ Настя,—кажется, Осипъ Исаевичъ—еврей: зачѣмъ-же у него елка?.. Ахъ, какъ хорошо!.. сколько золота, камней... Какія все извѣстныя имена!.. Какія дамы, какіе наряды... И какъ всѣ они счастливы, всего у нихъ въ волю, какъ трогательно нѣжны въ обращеніи... Свѣтъ—вотъ жизнь... Никакая нищета не смѣетъ переступить порога»...

Вотъ генеральша Сафьянова, толстая, одеревенѣлая дама, которая привезла ее къ Осипу Исаевичу, подводитъ къ ней молодыхъ людей. Всѣ они чинно шаркаютъ, съ жадной, упоительной покорностью заглядываютъ ей въ глаза, ловятъ ея улыбку и съ почтительной благодарностью говорятъ изысканно блестящіе комплименты. Весь свѣтъ окружаетъ подобострастнымъ вниманіемъ, всѣ упрашиваютъ ее пѣть. Ей не ловко до смущенія.

— Это, милая, вамъ очень нужно, и это очень большая честь... Нужно цѣнить вниманіе свѣта и не забывать, чѣмъ вы обязаны, внушительно говоритъ ей генеральша, совершенно раздраженная успѣхомъ Насти.

Она запѣла. Да, ей это надо. Чувствительный романсъ какъ-то безобразно расходился съ ея мыслями. Все было фальшиво, и пѣніе, и чувство, и успѣхъ. Лестныя одобренія сыпались со всѣхъ сторонъ. Дамы цѣловали ее, поздравляли «съ талантомъ», разспрашивали о по-

ложеніи. Самъ Осипъ Исаевичъ выступилъ съ объясненіемъ. Онъ проситъ дамъ не безпокоиться о судьбѣ талантливой особы, онъ считаетъ за особое счастіе открытіе такого феноменальнаго таланта...

— Это очень, очень благородно, шепчутъ окружающіе, и Осипъ Исаевичъ польщенъ до полнаго удовольствія.

«Да, они очень добры ко мнѣ, думаетъ Настя:—но развѣ это и все, что они могли-бы для меня сдѣлать?.. Здѣсь нѣтъ ни одной красивѣе меня, и всѣ это знаютъ... Я прекрасна, но куда-же мнѣ дѣться?.. Неужели опять во тьму и бѣдноту?..»

— Дитя мое, обращается къ ней Осипъ Исаевичъ:—весь свѣтъ восхищенъ вашимъ чудеснымъ голосомъ... И я... я тоже очарованъ... Я поздравляю васъ... Вотъ вамъ праздничный подарокъ... возьмите!..

Настя взяла шелковую коробочку, открыла ее и ровно ничему не изумилась: въ ней лежали деньги, много денегъ... Ей такъ нужны деньги.

Елена Трофимовна плачетъ отъ радости—такое неожиданное счастіе хлынуло на ея дочь. Она тянется трепетными руками къ этой роковой коробочкѣ, она такъ нѣжно, радостно цѣлуетъ Настю... И вдругъ вся толпа въ какомъ-то пугливомъ ужасѣ отхлынула, огни начали меркнуть и гаснуть, всѣ князья, маркизы, посланники какъ будто таяли, сливались въ безразличную массу тумана, исчезали, и чувство потери денегъ язвительнымъ ужасомъ кольнуло въ сердце Елену Трофимовну.

— Настя! Настенька! отчаянно кричитъ она.

— Ахъ, уйдите, уйдите! еще отчаяннѣе кричитъ Настя:—развѣ вы не видите, что вы все испортили, что вамъ нельзя показываться въ такомъ обществѣ...

И Настя рванулась за толпою. Мучительное чувство тоски, нищеты, надоѣдливая стукотня швейной машины, упорный, чахлый кашель старшей дочери, долги за квартиру, въ мелочную, грошевая разсчетливость, полная злобы, досада и ненависть къ ѣдѣ и теплу, за которыя надо съ утра до ночи выбиваться изъ силъ,—вся будничная жизнь, горькая и жадная, опять передъ глазами. Елена Трофимовна молится, плачетъ и вздыхаетъ.

— Настя, Настенька, гдѣ-же ты? Съ твоимъ-то талантомъ, съ такимъ успѣхомъ, оставить насъ...

И вотъ опять свѣтло. Тысячи огней, тысячи головъ, цѣлыя стѣны изъ головъ, и всѣ кричатъ, рукоплещутъ.

— Аріозову, Аріозову! словно чудовище стонетъ эта круглая стѣна изъ головъ:—Браво-о-о!.. Аріозову!..

Вскрылась занавѣсъ и богиня-кокотка, вся преданная, благодарная, взволнованная до слезъ, подходитъ къ рампѣ и, безпомощно побѣжденная, преклоняется передъ толпой герцоговъ, маркизовъ, князей, посланниковъ и репортеровъ. Впереди лысые младенцы заволновались и самъ Осипъ Исаевичъ передаетъ черезъ оркестръ брилліантовое ожерелье.

Какъ она счастлива, съ какой дѣтской восторженностью она сейчасъ-же надѣла на шею подарокъ, какъ гордъ и доволенъ Осипъ Исаевичъ.

— Боже мой, да это наша Настя!.. вскрикиваетъ Елена Трофимовна: — Ахъ, какое счастіе!.. Какой успѣхъ, тріумфъ!.. Настенька, Настя!.. дорогая моя!..

— А, вы опять здѣсь? раздражительно отвѣчаетъ Настя:—кажется, вамъ сказано, чтобы не шляться сюда.

— Настя... Настенька! ты не узнала!.. вѣдь это я, я...

Между тѣмъ, толпа реветъ, бушуетъ... Всѣ герцоги, посланники и репортеры бѣгутъ на подъѣздъ, тысячи молодыхъ и старыхъ уродовъ выпрягаютъ рысаковъ изъ кареты и дерутся другъ съ другомъ за честь исполненія ослиныхъ обязанностей.

— Ура, Аріозова! браво! ура!..

По всей площади гремятъ ликующіе крики, и все это стадное торжество стремительно несется, какъ вихрь, и затираетъ Елену Трофимовну все дальше и дальше, въ какой-то темный уголъ, въ которомъ слышенъ монотонный грохотъ швейной машины, сухой кашель старшей дочери и отвратительный ревъ лавочника, который Христомъ-Богомъ увѣряетъ, что безпремѣнно подастъ къ мировому.

А герцоги, бароны, посланники и репортеры стоятъ въ сторонѣ и разсуждаютъ о томъ, во сколько десятковъ тысячъ обходится новая «знаменитость» почтенному Осипу Исаевичу, и разсуждаютъ по статьямъ, какъ рысачники о лошадяхъ. А вотъ и сама генеральша Сафьянова съ дочерью, вся пунцовая отъ гнѣва, кричитъ прямо въ упоръ Еленѣ Трофимовнѣ:

— Отвратительная дѣвица — ваша дочь!.. Она у моей дочери всѣ лучшія партіи отняла!.. И все потому, что она на содержаніи... Да, нынче честнымъ дарованіямъ никакого хода не даютъ... Для успѣха

надо сдѣлаться «извѣстностью», гадкой, безчестной, продажной... помірушкой!.. хищницей!.. А вы, маркизы, князья, посланники и репортеры, развѣ вы понимаете что такое добродѣтель честной дѣвушки, изъ хорошей фамиліи, съ благородными традиціями? Развѣ не вы женитесь на «знаменитостяхъ», не даете имъ трепать свои имена на подмосткахъ?.. Развѣ не вы, не ваша вина, что дочери людей заслуженныхъ унижаются на счетъ выскочекъ изъ грязныхъ норъ, въ которыхъ никогда, ни-и-и-ко-г-да не ступала моя нога!.. Да, моя дочь — посмотрите, чистый херувимъ!—моя дочь не пойдетъ къ жидамъ, которые Христа распяли, а теперь въ честь успѣховъ воровства и мошенничества въ христіанскомъ мірѣ, устраиваютъ елки и украшаютъ ихъ, на соблазнъ погибающей добродѣтели, самими блестящими и неоплатными должниками

— Боже мой, что она говоритъ?.. о комъ? неужели о Настѣ, все о Настѣ? бѣдная дѣточка! Настя, Настя! рыдая шептала Елена Трофимовна.

— Да, сударыня, продолжала генеральша Сафьянова!—ваша дочь неприлична, невозможна въ порядочномъ обществѣ!.. Это низкая интриганка, соблазнительница, гетера!.. И еще скажу вамъ, такія женщины не имѣютъ права врываться въ высшее общество, и не за таланты ихъ чествуютъ...

— Помилуйте, помилуйте! визгливо вскрикивала Елена Трофимовна: — я мать!.. я виновата, ваше превосходительство!.. Я ошиблась... Я желала счастія моей бѣдной дѣвочкѣ, — счастія, счастія... И если въ вашемъ свѣтѣ счастіе достигается позоромъ, моя-ли вина?.. Какая-же мать не желаетъ счастія своей дочери?.. Развѣ вы, ваше превосходительство?..

Но вотъ и генеральша Сафьянова съ дочерью таютъ въ туманѣ. Еще видно, какъ генеральша усаживалась въ наемный рыдванъ и вмѣсто адреса бѣшено крикнула:

— Съ глазъ долой!!..

III.

Изъ мрака, окружающаго Елену Трофимовну, словно буря несутся грозные голоса, преслѣдуютъ ее ужасомъ и позоромъ.

— Скандалъ, Скандалъ! вся слава — одинъ скандалъ! — трубятъ кругомъ злобныя чудовища, постоянно мѣняя свои причудливые

образы, и она понимаетъ, что все это тѣ самые герцоги, бароны, посланники и репортеры, которые окружали такимъ почтительнымъ поклоненіемъ талантъ ея дочери, и всѣ эти раздраженные злорадные голоса кричатъ о ней.

Гдѣ Настя. Мать никакъ не можетъ ее уловить, ищетъ, спрашиваетъ, не видали-ли. Мучительное чувство скорби и обиды не даетъ ей минуты покоя, и она снова идетъ убитая горемъ и стыдомъ, нищетой, болѣзнью старшей дочери.

— Спаси, спаси насъ, Настенька! — рыдаетъ она: — ты теперь богата, тебѣ цѣлое счастье далось... Пожалѣй насъ, дай хоть умереть намъ въ покоѣ...

И вотъ Настя, вся сверкающая драгоцѣнностями, красивая и счастливая, окруженная несмѣтными полчищами лысыхъ младенцевъ, проходитъ мимо. Злобная блѣдность покрываетъ ея лицо и губы судорожно шепчутъ:

— Уйди, умри, безпокойная старуха! Ты мѣшаешь мнѣ жить... Та всегда портила мой успѣхъ своею нищенской надоѣдливостью... Ты бѣдна, ты на показъ выступаешь съ своей бѣднотой,—я бѣднѣе тебя, мнѣ больше надо. Посмотри, какая у меня свита... Вотъ молодецъ, который проигралъ деньги... вотъ другой, который выпросилъ брилліанты на уплату долговъ... вотъ счеты модистокъ, обойщиковъ, мебельщиковъ, прачекъ, лакеевъ, поваровъ... всѣ обираютъ меня, воображая, что я богата, а когда дойду до твоей нищеты, никто даже не пожалѣетъ меня...

— Настенька, пойдемъ домой!.. Если такъ худо въ твоемъ положеніи, въ нашемъ лучше...

— Уйди, умри, безпокойная старуха!.. Уйди, умри!.. уйди!..

Неумолимыми, тяжелыми взрывами гремятъ страшныя слова, а кажется, съ каждымъ ихъ звукомъ смерть все ближе и ближе подходитъ и своей костлявой рукой добиваетъ старуху приговаривая:

— Уйди, умри!

— Да, это дѣйствительный стукъ, —очнулась Елена Трофимовна.— Стучатъ въ дверь... Боже мой, да это Настя пріѣхала...

И Елена Трофимовна съ тревожною радостью бросилась отпирать дверь — скорѣе, скорѣе увидѣть Настю — настоящую хорошую любящую...

ШКОЛА.

«Бывъ сего числа на сходѣ, для разсужденія о своихъ дѣлахъ, мы, нижеподписавшіеся, хозяева села Лошаки, постановили: Принимая во вниманіе историческій ходъ прогресса и страны важнѣйшей цивилизаціи съ просвѣщеніемъ, и какъ дѣти наши никакой человѣческой премудрости, въ книгахъ умными людьми записанной, не обучались, а согласія отъ міра не было по бездѣтности, а тоже по неразумію, дабы не платить по 24 копѣйки съ души на содержаніе учителя, при налогахъ, и безъ него хребты бременящихъ, нынѣ пришли мы къ соглашенію на мірскомъ сходѣ, и, по милости Божіей, желаемъ водворить прогрессъ съ просвѣщеніемъ въ селѣ Лошаки, и для того постановили: открыть нынѣ школу для обученія дѣтей нашихъ мудростямъ цивилизаціи, въ книгахъ записаннымъ, и на содержаніе вышеозначенной мудрости собрать по 24 копѣйки съ души, каковыя деньги не пропивать и отъ пожара блюсти».

Этотъ шикарный приговоръ съ водвореніемъ прогресса въ Лошакахъ, былъ написанъ четыре года назадъ бойкимъ писаремъ Просвѣтовымъ, повидимому, хорошо начитаннымъ и доброжелательно относившимся къ школѣ.

Приговоръ состоялся послѣ десятаго схода. Шуму и брани было много, потому бездѣтные бунтовали.

— Твои дѣти, ты и плати! кричали бездѣтные.

— Эко вы, ребята, дурь-головы! убѣждалъ писарь:—сказано есть въ законѣ, по чемъ съ души, а не сказано, какая душа многодѣтная, какая—бездѣтная. Бунтовать тоже не приходится.

— Да ты врешь! возражали бездѣтные:—надо попа позвать, а либо въ городѣ спросить...

Къ частію, попъ самъ пріѣхалъ изъ сосѣдняго села, выслушалъ

бунтующихъ и увѣщающихъ, сосчиталъ, что денегъ лошаковскій міръ наберетъ рублей сто, и рѣшилъ:

— Хорошее дѣло задумано... съ головой задумано... Вотъ эти сто-то рублей мнѣ и положите за законъ Божій... Хорошее, хорошее дѣло!..

— Да эти деньги у насъ, батюшка, на учителя...

— Ну, да, понимаю, на законоучителя... Можно будетъ отписать отцу благочинному. Мо-ожно!..

Въ дѣло внесено было новое недоумѣніе, требовавшее другой раскладки: то было на учителя, а теперь и на законоучителя. Тому платить, другому платить, да школу строить, да книжной премудрости накупить—дѣло сильно усложнялось.

Денегъ требовалось гораздо больше, чѣмъ міръ желалъ платить за водвореніе прогресса въ Лошакахъ.

Поднялся снова шумъ и споры, но такъ какъ всѣ мірскіе умы ничего рѣшить не могли, а вѣрить всему опасались, потому каждый могъ сказать, что ему нужно положить мірскія деньги, а потому приговоръ своимъ чередомъ пошелъ по назначенію. Лошаковскій міръ разошелся совершенно успокоенный, потому что бумага написана, по 24 копѣйки съ души, а дальше все сдѣлается гдѣ-то тамъ у господъ.

Писарь тоже не вдругъ приступилъ къ перепискѣ на-бѣло. Какъ единственный дипломатическій чиновникъ на всю волость, онъ долженъ былъ сообразить, куда бумагѣ ходъ дать, кто прямое начальство и подъ какимъ титуломъ сочинять отношеніе. Писарь былъ сердечно озабоченъ. Годъ, другой, и у него парнишка подростетъ, надо будетъ учить. Какъ самъ человѣкъ, ума набравшійся, онъ лучше всѣхъ могъ оцѣнить человѣческую премудрость, въ книгахъ записанную. Сидѣлъ онъ и думалъ, какое начальство есть надъ школой? Отецъ благочинный, надо быть, начальство, потому отецъ Петръ прямо его упомянулъ. Исправникъ ужь само собой начальство, а, пожалуй, и становой тоже. Непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, навѣрно, начальникъ. Училищный совѣтъ—начальство несомнѣнное. Земская управа, пожалуй, еще поважнѣе начальство, потому денегъ даетъ. Инспекторъ народныхъ училищъ—начальство. Директоръ народныхъ училищъ еще выше начальство. Губернаторъ, архіерей... На этихъ сановникахъ у писаря даже голова закружилась. Куда ни оглянись, вездѣ начальство, и каждый начальникъ, прочитавъ приговоръ о водвореніи прогресса въ Лошакахъ, легко можетъ сказать:

— Ага, голубчики!.. На школу у васъ деньги есть, а недоимка?.. Ну-ка, пошевеливайтесь...

Всѣ могутъ запретить водвореніе прогресса въ Лошакахъ, но кто можетъ разрѣшить—неизвѣстно.

Къ счастью, проѣзжалъ членъ управы, вліятельный помѣщикъ и, въ силу оппозиціонныхъ убѣжденій, завѣдывавшій именно школами. Писарь къ нему съ подробнымъ докладомъ.

— Хорошо, прекрасно! одобрилъ членъ управы:—это вы глупо всунули сюда прогрессъ-то съ цивилизаціей, но я радъ поддержать благое начинаніе!..

— Къ кому-же за разрѣшеніемъ-то? неувѣренно спросилъ писарь.—Къ директору училищъ?..

— Г-мъ, н-да, напишите директору.

— А, можетъ быть, въ училищный совѣтъ?

— И въ училищный совѣтъ напишите, но прежде всего мнѣ въ управу, а ужь я...

— А инспектору писать?

— Пишите и инспектору. Почему не написать?... Онъ порядочный человѣкъ... вѣжливость никогда не мѣшаетъ.

— А г. исправнику?

— Ну, этому... да, что-жъ такое, напишите и ему... Всѣмъ пишите...

— Но отъ кого-же собственно зависитъ разрѣшеніе?

— Ну, это вопросъ еще спорный. А вы вотъ что имѣйте въ виду: если директоръ пришлетъ вамъ учителя, вы не принимайте его, потому я пришлю вамъ учителя своего, иначе вы и земской доплаты не получите, а на сто рублей какой-же дуракъ пойдетъ къ вамъ въ учителя?

— Точно, на сто рублей кто пойдетъ...

— Ну, вотъ... Такъ и знайте... Учитель долженъ быть нашъ, земскій, потому что деньги наши. Нельзя допускать, чтобы земскими суммами всякій чиновникъ распоряжался по усмотрѣнію. Мы должны стоять за авторитетъ выборнаго начала, а не назначеній по усмотрѣнію какихъ нибудь изгнанныхъ бурсаковъ. У насъ учителя развитые, мыслящіе, педагоги по убѣжденію, а вамъ пришлютъ чортъ знаетъ что, идіота...

Писарь все говорилъ: «слушаю-съ», онъ и слушалъ, но про себя соображалъ, что дѣло о школѣ пойдетъ на долгія и великія испытанія.

Въ старые годы это было такъ просто: объявлялся въ селѣ отстав-

ной дьячекъ, или странникъ, возлюбившій путешествіе ко св. мѣстамъ, подряжался у мужиковъ — у кого по гривнѣ, у кого по полтинѣ съ головы, и обучалъ часослову и псалтырю. Правда, и грамотность была такова, что обученный могъ читать только по своей книгѣ, а по чужой не умѣлъ. Теперь эта простая потреба чрезвычайно усложнилась: книги пошли «съ нѣмецкаго», учителя развитые да мыслящіе, денегъ требуютъ уже не отъ головы, а съ души, а изъ множества начальствъ каждое увѣрено, что школа—только его дѣло, а всѣ остальныя начальства мѣшаются не въ свое дѣло.

Писарь разослалъ во всѣ мѣста рапорты и отношенія, «присовокупляя приговоръ о водвореніи прогресса въ Лошакахъ».

— Написалъ? спрашивали мужики.

— Написалъ. Теперь станемъ ожидать послѣдствій.

— А бумагу-то когда ждать?

— А бумагу по чину ждать: поменьше начальство, и отвѣтитъ скорѣе, покрупнѣе начальство, и подождешь подольше. Это ужь какъ водится.

И вотъ начали мужики ждать послѣдствій. Въ первое время еще воспоминали о своемъ приговорѣ, разсуждали о постройкѣ школы, облюбовали мѣсто на площади, сговорившись, какъ приступать къ рубкѣ лѣса, избу затѣвали бѣлую, обширную.

— Что-жъ, бумага послана, говорили мужики:—пока выйдетъ рѣшеніе, надо-бы и лѣсъ рубить.

— Да надо-бы, неохотно вторили другіе, и никто не принимался. Лѣсъ былъ свой, да все безъ принуды его рубить какъ-то неловко. Надо всѣмъ міромъ, а гдѣ собрать весь міръ. Бездѣтные такъ и говорятъ:

— Эво на!.. станемъ мы для вашихъ поросятъ рубить школу?.. Дураковъ нашли!..

И какъ ни вразумляли ихъ, что школа—дѣло общее, земское, но еще гдѣ-то, когда-то начальство разрѣшитъ, а тѣмъ временемъ жизнь у всякаго на шеѣ сидитъ, требуетъ и денегъ, и труда, и постояннаго сокрушенія...

Однако, дѣдъ Ефимъ, самый древній старикъ во всей волости, на досугѣ, первый повалилъ дерево, обтесалъ его и привезъ на площадь.

— Ну, благослови Христосъ! вздохнулъ дѣдъ Ефимъ:—начнемъ по маленьку строиться.

Въ мужикахъ невольно заговорила совѣсть, пора и имъ по бревну обдѣлать. Постепенно стали складывать срубъ. Изрѣдка спрашивали у писаря:

— А что слышно про школу?

— Да школа будетъ. Не сегодня, завтра отвѣтъ придетъ. Исправникъ наѣзжалъ за недоимками,—ничего, даже и такъ сказалъ, что пора, молъ, уму-разуму набираться. Въ нѣмецкихъ странахъ, вишь, всѣхъ поголовно учатъ, ну, и у насъ поэтому какъ-бы полегчало. Учить можно, дозволено. Вы школу-то стройте...

Мужики строили. Тѣмъ временемъ рапорты и отношенія писаря дошли во всѣ мѣста, и каждый изъ начальниковъ задумался, что ему дѣлать съ полученной бумагой, когда и какъ отписаться. Исправникъ писалъ такъ:

«Признавая похвальныя стремленія жителей села Лошаки къ просвѣщенію и прогрессу, въ видѣ обученія дѣтей своихъ началамъ грамотности и страха Божія, съ своей стороны не усматриваю препятствія къ открытію школы въ селѣ Лошаки, буде на таковое воспослѣдуетъ разрѣшеніе подлежащихъ властей».

Инспекторъ училищъ писалъ такъ:

«Вслѣдствіе отношенія господина директора начальныхъ училищъ, имѣю честь увѣдомить, что просьба и приговоръ крестьянъ села Лошаки признана подлежащею удовлетворенію, о чемъ своевременно будетъ сдѣлано особое распоряженіе. При чемъ доводится до свѣдѣнія жителей села Лошаки, что для открытія школы должны быть ассигнованы мірскія средства: жалованье учителю 300 р., жалованье законоучителю 100 р., вполнѣ приспособленное для школы зданіе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, съ вмѣщаемостью не менѣе опредѣленнаго числа кубическихъ футовъ воздушнаго пространства на каждое дыханіе, съ натуральной повинностью сторожа, съ квартирой для учителя, съ ассигновкой на учебныя принадлежности, какъ-то: книги, бумагу, чернила, перья, карандаши, мѣлъ, доски грифельныя и деревянныя, розги, по прилагаемой при семъ смѣтѣ. Если-же общество села Лошаки, или земство, принимающее въ немъ участіе, не въ силахъ гарантировать всѣ вышеозначенные суммы и натуральные расходы, то господинъ директоръ народныхъ училищъ не считаетъ себя въ правѣ рекомендовать въ село Лошаки благонадежнаго и свѣдущаго учителя».

Это было уже слишкомъ сложно. Писарь даже глаза вытаращилъ и ротъ раскрылъ, не произнося ни слова.

Членъ управы съ оппозиціонными убѣжденіями дольше всѣхъ не отвѣчалъ. Тутъ было много сложныхъ причинъ: сборы поступали туго, противъ злостныхъ недоимщиковъ нѣтъ никакихъ мѣръ, учительская семинарія изъ экономіи была закрыта и всѣ обучавшіяся въ ней дѣвицы поступили хористками въ странствующую труппу. Сами члены управы были смертельно злы на исправника, который еще могъ-бы что нибудь взыскать имъ на жалованье, но не взыскивалъ, о доплатахъ учителямъ и рѣчи не могло быть. За сотни верстъ пріѣзжали они за этими «доплатами», проѣдали и проѣзжали послѣдніе гроши, и тутъ-же, въ городѣ, пропадали безъ вѣсти, разбѣгались кто куда могъ: одни—въ писаря, другіе—въ кондуктора, третьи — въ маркеры. Весь просвѣтительный персоналъ земства былъ голоденъ и перепуганъ. У всѣхъ на умѣ была пища отнюдь не духовная, и тотъ-же членъ съ оппозиціонными убѣжденіями никакъ не могъ внушить учителямъ, чтобы они потерпѣли для успѣховъ святого дѣла, пока злостные недоимщики взнесутъ налоги.

— Помилуйте, намъ ѣсть надо! настоятельно взывали учителя, какъ будто это было новое открытіе, достойное общаго вниманія.

— Но, поймите-же, господа, укрощалъ гнѣвъ голодныхъ просвѣтителей, членъ съ оппозиціонными убѣжденіями: —Поймите, что даже мы, члены управы, судьи, врачи, фельдшера, весь земскій персоналъ въ такомъ-же точно положеніи. Мы обезоружены совершенно: сборы не поступаютъ, ѣсть нечего. Это злая система противъ самаго принципа земскихъ учрежденій... Вы понимаете-ли, что этимъ-то путемъ и ходятъ дискредитировать земство... Вернитесь, господа, въ школы... При первой-же возможности, деньги вами будутъ высланы... Дайте намъ справиться съ злостными недоимщиками, провести обязательный законъ о взысканіяхъ, и тогда...

Послѣ такихъ увѣщаній, весь персоналъ, почти въ сумасшедшемъ переполохѣ, разбѣгался по городу, куда глаза глядятъ.

Новыхъ учителей нельзя было даже вербовать. Приходили духовные племянники и внуки даже въ большомъ количествѣ, но, благодаря злостнымъ недоимщикамъ, нельзя было даже изъ нихъ никого послать на учительское мѣсто, такъ какъ всѣ духовные племянники и внуки, словно организованные заговорщики, съ перваго слова заявили, что они ѣсть хотятъ, и что голодъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ мотивовъ ихъ просвѣтительной предпріимчивости.

Не понимаю, какъ это пренебрегать *такими* учителями, когда нѣтъ *никакихъ?* И чѣмъ собственно духовный племянникъ или внукъ отличается отъ фразера съ фиктивнымъ цензомъ, служащаго по выборамъ изъ-за того-же голода? Почему члены управъ, судьи занимаются излюбленнымъ дѣломъ, будто-бы по любви... (къ окладамъ?), а земскій врачъ, учитель, фельдшеръ служатъ только для утоленія голода?

Народный учитель вездѣ голоденъ, даже въ бисмарковской Германіи. Нигдѣ не даютъ ему столько денегъ, чтобы въ немъ зародилось презрѣніе къ низшимъ по сану и окладу. Не вездѣ этотъ фактъ возведенъ въ философскую систему, но онъ вездѣ существуетъ, въ самыхъ высшихъ цивилизаціяхъ, и почти всюду, кромѣ Россіи, умѣютъ имъ пользоваться.

Недоучекъ у насъ множество, какого нѣтъ нигдѣ въ Европѣ—недоучекъ грамотныхъ, изъ которыхъ каждый можетъ научить пару мужиковъ читать и писать; изъ каждаго учебнаго заведенія ихъ ежегодно выбрасываютъ сотнями, и вся эта полуинтеллигентная толпа исчезаетъ безслѣдно, непроизводительно, въ омутѣ канцелярскихъ чернилъ, въ роляхъ переметныхъ актеровъ, одурѣлыхъ отъ сомнѣнія бездарностей, избалованныхъ, изнѣженныхъ, въ разгулѣ и пьянствѣ теряющихъ всякую способность къ тяжелому и честному труду и кончающихъ или убійствами, или самоубійствами.

Духовные племянники и внуки инстинктивно жмутся къ сельской школѣ: здѣсь ужь навѣрно съ голоду они не умрутъ, мужикъ принесетъ и хлѣба, и птицу, и всякой снѣди домашней, а учить его можно исподволь.

Нынче вотъ пошли книжки «съ нѣмецкаго», методики да дидактики, книги не столь мудренныя, сколь толстыя, внушающія непобѣдимое отвращеніе племянникамъ и внукамъ, да и учить стали на заказъ, къ сроку. Потребовались учителя новѣйшаго приготовленія, съ психологіей и логикой, съ дипломами высшей учености. Прежній племянникъ, запустивъ руки въ безконечные карманы отцовскаго подрясника, потрясающимъ голосомъ воводилъ: «Воспишемъ тя!». Нынѣшній основательно знакомъ съ достоинствами оперныхъ дѣвицъ, потерся въ любителяхъ и, какъ солдатчину въ школѣ отбудетъ, непремѣнно сдѣлается репортеромъ. На деревню онъ смотритъ чрезвычайно презрительно, никогда съ нею не свыкнется и, хотя учился и учитъ по толстымъ книгамъ, но результаты его просвѣтительской дѣятельности отнюдь не выше духовныхъ племянниковъ и внуковъ. Племянниковъ изгоняли изъ бурсы

за ненормальное поведеніе, за «буйство ума», и это сразу смиряло ихъ въ жизни тише воды, ниже травы. Для культивированія нынѣшнихъ учителей земства строили новыя бурсы съ психологіей и логикой, выписывали дорогихъ учителей, дорогія книги, возводили дорогія зданія, въ подражаніе нѣмцамъ, у которыхъ что ни школа—дворецъ. Но нѣмецъ все это дѣлалъ съ великой скупостью, велъ точный счетъ каждому грошу, и на школьныхъ постройкахъ воспиталъ въ себѣ непреклонную увѣренность, что у него, у его дѣтей и внуковъ всегда будутъ гроши на школу.

У насъ начали прямо съ тысячной расточительности, съ учрежденія какъ можно больше денежныхъ должностей, и въ какой нибудь десятокъ лѣтъ дошли до «злостныхъ недоимщиковъ», до полнаго прекращенія земскихъ функцій, до какой-то «злой системы», умышленно дискредитирующей земскія пользы и нужды.

Въ сущности, вся «злая система» заключается въ томъ, что денегъ не стало. Смѣты и раскладки дѣлаются самымъ аккуратнымъ образомъ, а сборы не поступаютъ, нечѣмъ платить, и тотъ-же членъ управы съ оппозиціонными убѣжденіями готовъ тотчасъ-же сочинить свой собственный законъ, обязывающій полицію «вышибать» налоги изъ злостныхъ недоимщиковъ, такъ какъ безъ средствъ и содержаній невозможно проявлять даже оппозиціонныя убѣжденія. «Функціи» стали. Возлѣ земской управы, словно звѣри у ковчега во время потопа, толпились культурные піонеры, удручающими воплями заявлявшіе, что они ѣсть хотятъ.

Духовный племянникъ и внукъ, все въ томъ-же отцовскомъ подрясникѣ, но ужь престарѣлый, изболѣвшій въ ходьбѣ на колокольню и обратно, снова вышелъ на свѣтъ Божій, держа подъ мышкой букварь, часословъ и псалтирь.

Тѣ *хорошіе* учителя, которые доподлинно знали, отчего скачетъ блоха и какое у ней кровообращеніе, разбѣжались, въ видахъ самоспасенія, куда глаза глядятъ; но духовный племянникъ и внукъ остался вѣренъ деревнѣ и никуда не сбѣжалъ, ходилъ по-міру со сборомъ «нови», пѣлъ на клиросѣ, «ввергался въ пучину зеленаго змія», и «потихоньку», незаконно, продолжалъ обученіе ребятъ по букварю, часослову и псалтирю, дрожа всѣмъ нутромъ передъ нашествіемъ ревизоровъ, инспекторовъ, директоровъ, членовъ совѣта, членовъ управы, вообще людей разъѣздныхъ и на одномъ мѣстѣ не покойныхъ.

По замѣчанію мужика, нынче «страсть сколько господъ гонитъ по уѣзду».

— Сперва, вишь, отъ совѣта господинъ прогналъ, спрашивалъ: «Есть школа?» — Нѣту школы, и погналъ дальше. Потомъ спекторъ гналъ — тоже за школой. Самъ дилехторъ погналъ, и опять: «Есть у васъ школа?» — Нѣту у насъ школы. Земскій членъ ѣхалъ, тоже спрашивалъ: «Гдѣ у васъ школа?» Все за школой такъ и гонятъ, и гонятъ, а рѣшенія вотъ ни откуда не выходитъ. Пришла одна бумага, другая; кажись, ужь и третья пришла, да, говорятъ, все не то, самаго-то главнаго, вишь, и нѣту, а кто долженъ прислать ту главную бумагу, тоже неизвѣстно.

Долго ждали лошаковскіе мужики, возвели срубъ, отдѣлали нутро.

— Когда-жъ школа придетъ? спрашивали мужики у писаря.

— Подождать надо, бумаги нѣтъ.

Ждали. Пришла еще бумага, въ которой извѣщалось, что препятствій не усматривается, но...

За этимъ «но» слѣдовало опять что-то сложное и путаное, чего даже самъ писарь не понималъ.

Во всѣхъ бумагахъ говорилось: «не усматривается, предоставляется, разрѣшается», а школы все-таки не было. Наконецъ, получили тюкъ съ книгами, а потомъ привезли сразу двухъ учителей: одного — отъ управы, другого отъ директора. Одинъ былъ рябой и долговолосый, одѣтъ въ нанку и, повидимому, долго не ѣлъ. Другой былъ поформеннѣе, въ сукнѣ и съ цѣпочкой. При каждомъ изъ нихъ находилась своя бумага. Про рябого сказано «назначается», про франта—«опредѣляется» и въ обѣихъ бумагахъ было упомянуто что-то одна противъ другой. Обѣ бумаги чрезвычайно опасались незаконныхъ дѣйствій и выставляли цѣлые ряды законовъ, по которымъ ни того, ни другого учителя нельзя было принять. Въ управской бумагѣ сказано, что только рябой будетъ считаться законно назначеннымъ учителемъ, въ директорской бумагѣ значилось, что только франтъ съ цѣпочкою можетъ выдержать всѣ существующіе законы.

Собрали міръ и вычитали всѣ бумаги, много разъ вычитали, поясняли, обсуждали, — ничего не выходило.

— Вотъ оказія-то! говорили мужики: — два года ждали, вотъ за то двухъ и прислали. Что теперь съ ними дѣлать?.. Ищи законъ...

Писарь объявилъ, что такихъ законовъ у него нѣтъ, а надо исполнять что предписано.

— Да кого слушать-то?.. вишь, и тотъ и другой пишутъ...

Между тѣмъ, оба учителя, рябой и франтъ, присутствовали на сходѣ съ нескрываемой враждой другъ къ другу, съ подавленнымъ отчаяніемъ за свое будущее. Оба молодца были налегкѣ, съ узелками въ рукахъ и съ кроткими надеждами сейчасъ-же выпросить на харчи впередъ денегъ.

— Вы откуда будете? угрюмо спросилъ рябой.

— Изъ губерніи. А вы?

— Я изъ Азова-города.

— Вишь, какіе смѣшные города на свѣтѣ бываютъ: Азовъ!..

И оба замолкли.

— Кого-то изъ насъ оставятъ? снова заговорилъ рябой.

— Я не боюсь, отвѣчалъ франтъ: — я директоромъ назначенъ по всѣмъ законамъ, по испытаніямъ, у меня и дипломъ есть.

— Да и я по испытаніямъ. Полагать надо, управа-то земская посильнѣе будетъ директора...

— Глупости говорите... Директоръ чиновникъ и очень даже важный, значитъ, и говорить нечего, вамъ приходится уходить, а я останусь.

Долго спорили два учителя, долго шумѣлъ и галдѣлъ деревенскій міръ, не умѣя никакъ доискаться въ подручныхъ законахъ, что ему дѣлать съ двумя учителями и Богъ знаетъ, который изъ нихъ лучше и дешевле. Всѣ разошлись въ недоумѣніи.

Бездѣтные и горланы только этого случая и ждали. Горланы—это то-же, что въ Петербургѣ застольные и погребальные ораторы, головы вывихнутыя, языки распущенные, по большей части нелѣпыя тупицы, которымъ дороже всего на свѣтѣ выставиться и настоять на своемъ, или по меньшей мѣрѣ сбить людей съ толка, «подложить имъ свинью». Горланъ глубоко вѣритъ, что весь міръ держится водкой, и за полштофъ всегда готовъ сдѣлать какіе угодно обороты съ міромъ. На міру горланъ всегда рѣшающая сила: «Потому—реветъ онъ», говорятъ мужики, реветъ за десятерыхъ, и побѣждаетъ. Кабатчики всѣхъ селъ прекрасно знаютъ силу горлана, и всегда ему кредитъ открытъ невозбранно.

Появленіе сразу двухъ учителей въ Лошакахъ привело всѣхъ горлановъ въ необычайное неистовство. Кабакъ дрожалъ отъ ихъ громыханья. Пили и ревѣли.

— Это на пагубу міра двухъ дармоѣдовъ наслали, а завтра, слышь,

сказывали, еще двухъ пришлютъ, а ты корми ихъ, жалованьемъ ублажай, горбомъ обмозоливай: господа тоже...

— Экого и одного цѣлый міръ не прокормитъ, а тутъ на-ко: двухъ заразъ... Вотъ теперь и расхлебывай... Накликали на свою голову...

Всѣ приверженцы школы сами видѣли, что накликали, что дѣло не ладно, и одинъ изъ учителей, навѣрно, незаконный, а который?.. Выберешь одного, а онъ-то и окажется незаконный: и учителя прогонятъ, и деньги пропали, да—чего добраго—на міръ взысканіе наложатъ за ослушаніе.

— Гдѣ законъ?.. давай законъ!..

— Нѣтъ у меня такихъ законовъ! отвѣчалъ писарь.

Цѣлую недѣлю міръ сходился, разсуждалъ, горланы орали, и водка появилась ведрами. Самъ кабатчикъ съ почтеніемъ подчивалъ и ублажалъ, и когда міръ постепенно насосался, кабатчикъ держалъ къ мужикамъ такую рѣчь:

«Почтеннѣйшіе господа! Какъ я извѣстенъ всему міру и даже всему уѣзду за человѣка благонадежнаго, потому смѣю надѣяться. Эта самая школа теперича отстроена два года, и домъ, можно сказать, находится въ обреченіи, никакого жильца надежнаго въ емъ нѣтъ, и пожаръ во всякую минуту очень даже возможенъ. Легли спать, а ночью взяло да и засвѣтило, и капиталъ тысячный погибъ, значитъ, безъ всякаго процента. Я очень понимаю, что отцы нашего селенія пожелали учить своихъ дѣтей грамотѣ. Я своихъ дѣтей даже въ городѣ учу и кажинный годъ пять сотъ серебра за нихъ выпь да положь въ это самое ихнее ученье. Не шутка. Хоша я человѣкъ коммерческій и при капиталѣ состою, но и то приходится волкомъ выть отъ этого самаго просвѣщенія, по нынѣшнимъ временамъ. Гдѣ-же вамъ-то учить ребятъ, да еще на два учителя?.. Два жалованья, двѣ фатеры,—одна, можно сказать, насмѣшка надъ міромъ. А я, по все совѣсти, какъ тутошній вашъ гражданинъ за этотъ самый домъ школьный взношу вамъ полтораста серебра и пять ведеръ водки, да еще страховать буду на свое иждивеніе. Надо-бы подумать объ этомъ...»

Сказалъ и отошелъ. На сцену выступили горланы.

— Да нечa думать... Чѣмъ намъ двухъ учителей кормить, лучше домъ въ аренду Никитичу отдать—по крайности и деньги и водка вѣрныя... Дѣла наши плохи, денегъ нѣтъ... Ставь вино, Никитичъ, выпьемъ да съ Божьей помощью велимъ писать приговоръ.

— И учителевъ вашихъ не обидимъ продолжалъ кабатчикъ: чтобы, значитъ, не напрасно проѣздили, и они съ нами водочки откушаютъ и по десять серебра на проѣздъ получатъ. Съ нашимъ удовольствіемъ. Эй, малый, выставляй-ка міру ведро. Благослови, Христосъ!..

Часъ спустя, все было пьяно, все безтолково орало и требовало новаго приговора—на этотъ разъ уже не о водвореніи цивилизаціи въ селѣ Лошаки, а объ отдачѣ школьнаго дома кабатчику въ долгосрочную аренду.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

I.

Въ домѣ все было странно, таинственно и безлюдно-загадочно. Огромный барскій дворецъ одиноко стоялъ среди пустыхъ, безконечныхъ степей, и на цѣлые десятки верстъ кругомъ глядѣлъ, какъ мрачное привидѣніе. Здѣсь была старая дубовая роща, на крутомъ, гранитнитномъ берегу рѣки, и изъ нея поднимался этотъ сказочный дворецъ, наводящій суевѣрный страхъ на проѣзжихъ. Жуткое и тоскливое недоумѣніе закрадывалось въ душу путника, зачѣмъ этотъ безмолвный гигантъ такъ гордо поднялся въ безлюдной и дикой тишинѣ? Что за чудакъ вздумалъ воздвигнуть здѣсь волшебный замокъ? Не сходятся-ли сюда по ночамъ хороводы русалокъ и рыцарей?.. Не носятся-ли здѣсь мстительныя тѣни кровавыхъ романовъ? Ахъ, навѣрно, этотъ домъ полонъ таинственныхъ легендъ и ужасовъ. Съ его суровымъ величіемъ не могло мириться воображеніе. Этотъ слѣпой великанъ глядѣлъ на міръ, какъ глядитъ трупъ съ открытыми глазами, и вы невольно догадывались, что онъ, ничего не видя, не понимая, насмѣшливо и безсильно улыбается, какъ-бы раздѣляя ваше недоумѣніе.

Подъ голубоватымъ, серебристымъ мерцаніемъ луннаго свѣта, этотъ дворецъ принималъ такой фантастически грозный видъ, подъ впечатлѣніемъ котораго въ человѣкѣ невольно закипало тоскливое предчувствіе, что случится съ нимъ именно здѣсь что-то недоброе и необычайное.

Въ шелестѣ рощи, въ плескѣ волнъ чудились унылые звуки человѣческихъ жалобъ, и сквозь просвѣты листвы и столѣтнихъ стволовъ, казалось, мелькаютъ, кружатся въ воздухѣ легкія прозрачныя тѣни.

При дневномъ свѣтѣ эта волшебная иллюзія исчезала, и на мѣсто ея выступала во всей запущенности дворянская необитаемость. Дворецъ

былъ заброшенъ безъ всякаго призора. Что обваливалось, то и лежало въ развалинахъ; гдѣ были выбиты бурей стекла лѣтъ десять назадъ, такъ и оставались мрачныя впадины; дорожки въ рощѣ давно заросли непроходимымъ бурьяномъ, даже главный подъѣздъ, вымощенный плитнякомъ, обрушился, и на парадныхъ дверяхъ, точно изсохшій трупъ повѣшеннаго, болтался ржавый замокъ.

Приближаясь къ дому, человѣкъ чувствовалъ ту многолѣтнюю, безжизненную тишину, которую съ давнихъ поръ облюбовали нечистыя силы, и потому, даже при свѣтѣ дня, испытывалъ непріятное чувство, съ какимъ человѣкъ вступаетъ въ склепъ.

И, однако, здѣсь жили, только эта жизнь была несообразно мелка и ничтожна передъ громадностью и величіемъ дворца. Въ лѣвомъ «крылѣ», примыкавшемъ къ главному дворцу, доживалъ свой вѣкъ старый дворецкій Андрей Захарычъ, крѣпостной человѣкъ очень крупнаго барскаго дома—человѣкъ, какіе давно уже стали изумляющей и теперь уже мало понятной рѣдкостью. У петербургскихъ «вельможъ» уже всѣ перевелись такіе «дворовые люди», которые въ барскомъ домѣ родились, съ барчуками росли, а потомъ и у этихъ-то барчуковъ дѣтей вынянчили, помнятъ на своемъ вѣку «француза» и «Наполеоху», всѣхъ крупныхъ царедворцевъ трехъ, даже четырехъ эпохъ, видали самихъ государей и служили имъ, близкіе къ одной роскоши и барской выхоленности крѣпостнаго могущества въ лучшихъ, сильнѣйшихъ, родовитыхъ представителяхъ, они сохранили до глубочайшей старости умъ и *благородство*, перенятые отъ господъ. Служебные выскочки нашего времени, карьеристы слѣпого счастія могли-бы многому поучиться у такихъ «дворовыхъ людей».

Андрей Захаровичъ жилъ одиноко. При немъ была баба Лукерья, готовившая кушанье, ходившая за коровой, и «казачекъ» Митька, который чистилъ сапоги, раскуривалъ трубку, вычесывалъ блохъ у собакъ и обучался грамотѣ. Андрей Захарычъ взялся вывести Митьку «въ люди», т. е. въ лакеи къ важнымъ, высокимъ господамъ, научить его «всякому пониманію».

Андрей Захаровичъ жилъ въ опалѣ у «молодого» барина, въ «заглазныхъ мѣстахъ». Этому «молодому» барину было около шестидесяти. А сослали старика на покой за то, что въ Петербургѣ, въ княжескомъ дворцѣ, на многолюдномъ раутѣ, гдѣ присутствовалъ самъ государь, старикъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы молодые лакеи

подавали чай высокимъ гостямъ, самъ пошелъ съ подносомъ, а стаканы-то у него и поползли съ подноса,—бѣдняга впалъ въ отчаяніе и руки на себя наложилъ, едва спасли... «Молодой» баринъ тоже былъ въ отчаяніи, плакалъ, уговаривая «Захарыча» ѣхать на покой, въ деревню, и все-же старика отправили насильно, и онъ никогда уже не могъ примириться съ «молодымъ».

— Всѣмъ государямъ служилъ, самого Николая Павловича принималъ... Ты для государя-то дворецъ выстроилъ, а кто у тебя государю-то служилъ? кому государь-то «спасибо» сказывалъ? Все мнѣ, а не тебѣ... Кабы не я, что-бы ты?..

Это была любимая воркотня старика по адресу «молодого».

И теперь у Захарыча другихъ мыслей нѣту, кромѣ того, что какъ-то тамъ въ Питерѣ, эти вольные Петьки, Ваньки, Николашки, и гдѣ имъ такъ служить, какъ мы служивали...

II.

Тихо, мирно доживалъ «въ обидѣ» Захарычъ свой благочестивый долгій вѣкъ и все ждалъ, что «молодой» самъ пріѣдетъ и опять къ нему соберутся изъ Питера всѣ вельможи съ своими барынями, заиграетъ крѣпостной оркестръ на хорахъ и при блескѣ восковыхъ свѣчей въ люстрахъ, сотни паръ закружатся въ упоительномъ вальсѣ—въ той самой громадной залѣ («она и теперь цѣлехонька»), въ которой самъ государь Николай Павловичъ «соизволилъ стоять вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, у стѣны, гдѣ теперича портретъ его виситъ, и усъ государь лѣвой рукой изволилъ покручивать, и улыбался милостиво, и ласковыя слова изволилъ дамамъ говорить и вельможамъ тожъ».

Старикъ вздыхалъ объ этомъ времени, можетъ быть, соображалъ по своему, что государь доволенъ и веселъ,—это было въ то время, когда Николай Павловичъ ѣхалъ въ Севастополь осматривать укрѣпленія, наканунѣ великой войны. Одному изъ своихъ приближенныхъ, «молодому» барину Захарыча, государь сказалъ, что мимоѣздомъ въ Севастополь онъ будетъ у него. Въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ до поѣздки государя было снесено съ лица земли болѣе десяти деревень и воздвигнутъ въ дубовой рощѣ, на крутомъ гранитномъ берегу рѣки, сказочный дворецъ.

— Государя-то, Николая-то Павлыча, я встрѣтилъ, ворчалъ про

себя старикъ: — а государь-то мнѣ: «Здравствуй, Захарычъ!» да въ руку-то кошелекъ съ червонцами... Господа-то у дома встрѣчали, а я на встрѣчу скакалъ да его величеству... хлѣбъ-соль... А государь-то: «Спасибо, спасибо тебѣ, Захарычъ! жаль, что ты у меня не въ гвардіи»... Вотъ какъ было...

И на сизыхъ, добрыхъ глазахъ старика выступали жидкія и мелкія слезинки, постоянно вызываемыя благодарными воспоминаніями.

— На балу-то было больше тысячи персонъ, припоминалъ Захарычъ:—всѣмъ служилъ, и всѣ спали у насъ, да кромѣ благодарности ничего отъ господъ не слыхалъ... Самъ государь изволилъ опочивать,— у дверей всю ночь простоялъ, глазомъ не моргнулъ, не пошевелился, духа не перевелъ... И горница съ той поры запечатана, чтобы никому туда доступа не было, и печать, и ключъ у нашего...

На этихъ воспоминаніяхъ сосредоточивалась вся многолѣтняя жизнь старика. Выходилъ онъ на берегъ рѣки грѣться на солнышкѣ и припоминалъ, какіе господа были, какъ выѣзжали и принимали, у кого какой былъ мундиръ, и по какимъ случаямъ тѣ лица припоминались. Дома сидѣть Захарычъ не любилъ, да онъ съ Лукерьей порядкомъ-таки обжилъ уголъ барскаго дворца, развелъ клоповъ и таракановъ, утятъ, циплятъ и щенятъ, словомъ, полное хозяйство, и хотя бранилъ бабу за распространеніе тварей, но самъ считалъ-бы дурнымъ предзнаменованіемъ, если-бы клопы и тараканы исчезли. Крупныхъ черныхъ таракановъ онъ почиталъ даже неприкосновенными, какъ особенный признакъ домовитости и богатства. Безъ нихъ ему стало-бы грустно.

Однажды, подъ вечеръ, заслышалъ старикъ звонъ колокольчика. Сердце въ немъ такъ и стукнуло: ужъ не баринъ-ли катитъ... Прислушался—нѣтъ, жидокъ звонъ и шагъ почтовый, вышелъ изъ рощи: точно, къ дому подъѣхалъ фургонъ, нагруженный досчатыми ящиками, среди которыхъ едва замѣтенъ былъ молодой человѣкъ въ парусинѣ и соломенной шляпѣ. По осанкѣ и походкѣ его старикъ рѣшилъ: «смутнаго происхожденія».

— Не вы-ли Андрей Захарычъ? обратился къ нему пріѣзжій.

— Точно такъ, привѣтливо отвѣчалъ старикъ, обнажая лысую голову.

— Я художникъ Хорьковъ изъ Петербурга.

— Милости просимъ... Давно ждемъ вашу милость... Почитай, мѣ-

сяцъ, какъ Аркадій Львовичъ писалъ, чтобы аппартаменты приготовить, да у насъ все, слава Богу, готово... Просимъ пожаловать...

Старикъ ввелъ гостя въ свои комнаты, приказалъ Лукерьѣ скорѣе самоваръ ставить, а самъ съ Митькой принялся таскать ящики.

Пріѣзжій гость казался усталымъ, раздраженнымъ и почти испуганнымъ. Дворецъ Аркадія Львовича поразилъ его.

«Вотъ блажь-то барская, думалъ художникъ:—сколько милліоновъ ухлопано на этотъ гробъ... Можетъ быть сколько крѣпостныхъ жизней погибло на работѣ!.. И для чего? Кому это нужно?»

Вскорѣ гость и хозяинъ сидѣли за самоваромъ и привѣтливо, весело разговаривали. Старикъ разсказывалъ, что помнилъ, о господахъ, художникъ слушалъ внимательно и, любуясь старикомъ, про себя думалъ:

«Вотъ человѣкъ ко двору, все великолѣпіе воспѣваетъ... Послушать его, такъ всѣ эти графы, князья, а тѣмъ болѣе ихъ дамы—сущіе ангелы, даже боги... Хорошо умирать въ такомъ очарованіи».

Пока онъ слушалъ Захарыча, непреодолимое любопытство въ немъ волновалось. Эта угасшая жизнь, бурно клокотавшая здѣсь и сохранившая одного Захарыча, какъ-то раздражительно привлекала. Не симпатизируя ни людямъ, ни нравамъ, которыми наслаждался Захарычъ, воображеніе художника было заинтриговано разсказами о тѣхъ пиршествахъ, о тѣхъ высокихъ знаменитыхъ людяхъ, о которыхъ Захарычъ постоянно разсказывалъ съ неизмѣняемымъ умиленіемъ и восторгомъ.

«Ну, это ужь общее свойство лакейской благодарности, заключилъ Хорьковъ:—все велико, торжественно, даже геніально, чортъ побери, что имѣло храбрость оставить на лакейскомъ лицѣ неизгладимые слѣды ударовъ. Рабство обаятельно—вотъ и доказательство».

И несмотря на саркастическій тонъ художника, это рабство и это барство привлекали его вниманіе своею чудовищной грандіозностью.

— Не будете-ли вы добры, Андрей Захарычъ, показать мнѣ домъ, обратился онъ къ старику.

— Да какъ-же не показать, сударь,—домъ весь къ вашимъ услугамъ... Вотъ сейчасъ мы съ вами, до ужина, и обойдемъ. Гдѣ вамъ понравится, тамъ и останетесь, туда и препараты ваши перенесемъ, и Митьку къ вашей милости приставимъ... А все-же, осмѣлюсь доло-

жить, лучше до завтрева, — ночью что-жъ, никакого великолѣпія не увидите... Переночуйте ужь у меня...

— Да переночевать-то переночую, а все-же, если васъ не затруднитъ...

— Да съ нашимъ удовольствіемъ... Милости просимъ... пожалуйте!..

Они пошли осматривать домъ. Старикъ шелъ впереди съ сальной свѣчей, Хорьковъ за нимъ. Едва они вступили въ «большія» комнаты, Хорьковъ тотчасъ-же почувствовалъ нервическій холодъ на головѣ и въ груди. Въ глубинѣ тьмы, куда не проникалъ свѣтъ, повсюду сверкала заманчивая позолота, изъ каждаго угла эхо громко повторяло шаги и слова, изъ тяжелыхъ рамъ, со стѣнъ, смотрѣли строгія, торжественныя лица, точно изумленныя появленіемъ неожиданнаго гостя. Казалось, отъ нихъ исходило эхо, они въ омертвѣломъ спокойствіи повторяли слова, недоумѣвая, для чего принуждаютъ ихъ заявлять о своей полужизни, полусмерти. Свѣтъ свѣчи вносилъ въ комнату ничтожное, тускло-матовое, красноватое мятно, и это пятно даже доброму лицу Захарыча придавало выраженіе мефистофельское, какъ-будто онъ былъ въ заговорѣ съ потемнѣвшими ликами предковъ, чтобы сильнѣе поразить тревожное воображеніе художника. Они проходили длинный рядъ огромныхъ комнатъ. Въ каждой старикъ останавливался и объяснялъ, что въ этой комнатѣ было, и тамъ, впереди въ глубокой, густой тьмѣ, тотъ-же, но уже омертвѣлый голосъ отчетливо повторялъ слова, а позади, за Хорьковымъ... кто-то незримо двигался такъ близко, что слышно было его дыханіе. Ужасъ напалъ на художника. Онъ весь дрожалъ, не смѣя оглянуться, такъ увѣренъ былъ въ чьемъ-то дыханіи за собою. Онъ чувствовалъ, какъ на головѣ его, съ мучительно-безпокойной болью, поднимались волосы, все въ груди холодѣло и замирало, и ноги подкашивались...

— Какой вздоръ! превозмогая свое настроеніе, сказалъ онъ громко, и слышалъ, сознательно слышалъ, какъ эхо отвѣтило ему вопромъ: «вздоръ?»

Захарычъ увлекся воспоминаніями и безъ умолку говорилъ. Хорьковъ уже не слышалъ его. Онъ слышалъ, кто-то слѣдуетъ за нимъ, дышетъ, надвигается, догоняетъ, даже шепчетъ, и не смѣлъ головы повернуть, боясь встрѣтиться съ привидѣніемъ, съ какою-нибудь безпокойною тѣнью, блуждающей на мѣстѣ своихъ страданій. И какъ

ни воспѣвалъ старикъ блаженство господъ, Хорьковъ невольно думалъ:

«Ужь здѣсь-ли не страдали?»...

— А вотъ и зала... Здѣсь покойный государь Николай Павловичъ изволилъ на балу...

Зала совершенно терялось во тьмѣ, не видно было ни стѣнъ, ни потолка. Они шли, и звонкій стукъ ихъ шаговъ повторялся надъ ними, въ углахъ, въ другихъ отдаленныхъ комнатахъ.

«Боже мой, что здѣсь было!» спрашивалъ себя Хорьковъ, и вдругъ передъ нимъ выросла могучая, грозная фигура, знакомое лицо, на которое упало пятно свѣта.

— Ты зачѣмъ здѣсь? послышался грозный вопросъ и эхо молчало. Такъ написано было это красивое, энергичное, царственно-гордое лицо, что оно всѣхъ зрителей вопрошало, какъ-бы возмущенное нарушеніемъ этикета.

Хорьковъ затрепеталъ. Разсудокъ говорилъ ему, что это портретъ, у портрета остановился старикъ и началъ разсказывать, какъ государь пожаловалъ кошелекъ съ червонцами...

«А онъ все-таки спросилъ: «Ты зачѣмъ здѣсь?» мысленно повторилъ Хорьковъ.

— А вотъ теперича пойдутъ дамскіе сепараты, объяснялъ старикъ:—Это ужь нутряныя комнаты, сплошь войлокомъ обиты, чтобы значитъ не слышно было разговоровъ... Ну, и ежели сюда попадали дамы, а либо барышни, то немного отъ нихъ и оставалось... Что-жъ господа были.. .Все позволительно... всяко бывало...

Въ далекіе «сепараты» Хорьковъ не заглянулъ. Добродушныя объясненія старика затронули въ немъ уже брезгливое отвращеніе, и онъ торопился скорѣе отдѣлаться отъ жуткихъ впечатлѣній ночи въ этомъ вымороченномъ дворцѣ.

Они вернулись въ жилье старика. Лукерья подала ужинъ. Старикъ выставилъ свои спиртовыя наливки, въ которыхъ зналъ толкъ, и любилъ доводить ихъ до помрачающаго совершенства. Время пошло веселѣе, занятнѣе. Хорьковъ слушалъ разсказы Захарыча, но домъ, этотъ странный, безжизненный, но полный живыхъ преданій, домъ не переставалъ терзать его какимъ-то, мрачнымъ, угрожающимъ впечатлѣніемъ.

«Все это нервы... въ дорогѣ меня разбило, разсуждалъ Хорь-

ковъ: выпью еще рюмку и засну, какъ камень. Завтра все объяснится просто, никакой чертовщины и слѣда не останется, буду надъ собой смѣяться...

Однако, ни рюмка, ни нѣсколько рюмокъ не умиротворили расходившіеся нервы. Онъ уже опустился въ глубокіе пуховики съ пріятной, сонливой нѣгой отдыха во всемъ тѣлѣ, но заснуть не могъ, слышалъ, какъ старикъ молился, долго и безпокойно вздыхалъ и ворочался, какъ на дворѣ подымался тоскливо завывающій вѣтеръ, все сильнѣе, рѣзче, визгливѣе и порывистѣе, ударилъ громъ, нѣсколько разъ блеснула молнія, и все сильнѣе завывалъ вѣтеръ.

— Эко горе! ворчалъ Хорьковъ: — и здѣсь не уснешь...

Не только вѣтеръ въ полѣ, а весь домъ гудѣлъ и какъ будто сотрясался, и страннымъ показалось ему, что среди шума и воя совершено ясно долетали до него звуки рояля. Какъ ни прислушивался онъ, не могло быть сомнѣнія, что на роялѣ кто-то играетъ, слышны были аккорды, по временамъ, какъ будто цѣлыя знакомыя мелодіи, гдѣ-то далеко, далеко играютъ, можетъ быть въ далекихъ «сепаратахъ», но кто-же ночью можетъ играть?

«Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ старика съ прислугой,—кому играть, и въ такую ночь?.. Охъ, не чисто въ этомъ домѣ, навѣрно привидѣнія ходятъ... Надо старика разспросить хорошенько...»

Едва онъ начиналъ дремать, какъ снова доносились аккорды отдаленной, глухой игры. Странно, что звуки прилетали вмѣстѣ съ вѣтромъ и въ тонъ воющему вѣтру, какъ будто-то кто-то нарочно всю ночь аккомпанировалъ его напѣвамъ.

Хорьковъ не могъ заснуть всю ночь. Малѣйшій шелестъ таракана приводилъ его въ ужасъ. Встревоженные нервы доводили его до безумія.

«Старикъ храпитъ, въ кухнѣ храпятъ, а тамъ играютъ, прислушивался онъ: — видно здѣсь ко всему привыкли и никакой чертовщиной не удивишь...»

Только утромъ, когда совсѣмъ разсвѣло, послѣ долгихъ часовъ мученій, онъ уснулъ.

За утреннимъ чаемъ онъ съ самымъ подозрительнымъ вниманіемъ вглядывался въ старика, разсѣянно слушалъ его безпрерывные разсказы о старинѣ и какъ-то странно робѣлъ, пугаясь своего вопроса, не находя нужнаго тона, какъ узнать о ночномъ виртуозѣ, да не показаться-бы смѣшнымъ.

— Вотъ теперь, если вамъ угодно осмотрѣть домъ предложилъ Захарычъ.—Кстати и комнаты себѣ выберете, гдѣ вамъ понравится.

— Да знаете что, Андрей Захарычъ, нерѣшительно отвѣчалъ Хорьковъ:—вы лучше позвольте мнѣ здѣсь остаться...

— Помилуйте, да здѣсь вамъ безпокойно будетъ: у меня извините, Петръ Васильевичъ, и клопъ водится, и тараканъ, и еще какая тварь...

— Ну, а тамъ тоже Богъ знаетъ кто водится... Нѣтъ я не пойду туда... А скажите-ка есть у васъ въ домѣ рояль, фортепьяно?..

— Фортепьянъ этихъ—хоть сколько, штукъ шесть есть, на любомъ играйте!..

— А у васъ никто не играетъ?

— Кому у насъ играть?

— Сегодня ночью никто не игралъ?..

— Богъ съ вами!.. И днемъ прикасаться никто не смѣетъ, не Митькѣ-же съ Лушкой играть...

— Нѣтъ, это я такъ спросилъ, а вы ужь разрѣшите мнѣ, Андрей Захарычъ, у васъ здѣсь поселиться, а то мнѣ одному тамъ скучно будетъ...

— Какъ вамъ угодно...

Художникъ съ нервной торопливостью принялся распаковывать свои ящики, наполненные большими холстами, складнымъ мольбертомъ и огромнымъ запасомъ красокъ и кистей. Разобрался и побѣжалъ «на натуру».

Да, думалъ онъ, подозрительно озираясь на домъ: — здѣсь не безъ чертовщины... даже теперь не по себѣ, какъ глянешь на эту громаду... Должно быть дорого воспоминаніе какой нибудь барынькѣ съ романическимъ прошлымъ, — ну, вотъ тебѣ и заказъ, поѣзжай и пиши, слушай по ночамъ, какъ черти серенаду поютъ... И что тутъ писать?.. Ни красы, ни радости... Кругомъ дико, пусто, а тутъ вдругъ куча монументальная... Пиши... Охъ, ужъ это барство! Мало того, что въ наслажденіяхъ-то пріѣдятся до отврата, дай имъ еще и картину гдѣ ихъ романъ разыгрался, чтобы постоянно травило, за сердце щипало...

Художникъ разсуждалъ грубо и, подъ впечатлѣніемъ безпокойной ночи и боязни таинственной чертовщины, готовъ былъ наговорить своимъ заказчикамъ такихъ упрековъ, которые и къ нему были-бы

вполнѣ приложимы. Развѣ онъ не писалъ тысячи разъ домикъ въ какой нибудь Пушкарской улицѣ, въ которомъ жила обожаемая имъ дочь коллежскаго ассессора? Развѣ онъ не находилъ этотъ «видъ» чуднѣйшимъ въ цѣломъ мірѣ? И, наконецъ, развѣ благодаря этому заказу, онъ не надѣется, что дочь коллежскаго ассессора благосклонно приметъ его руку, сердце и туго набитый кошелекъ? Развѣ онъ не мечтаетъ, что среди благодатной, южной природы напишетъ такой удивительный пейзажъ, который станетъ центромъ выставки, магнитомъ толпы, и не одна обладательница его «работы», а цѣлыя тысячи дамъ съ романическимъ воображеніемъ будутъ вздыхать и глаза закатывать, подъискивая въ своей памяти такіе-же очаровательные «виды», въ которыхъ и онѣ отличались?.. Да, наконецъ, развѣ не свойственно человѣку вездѣ и всегда, видя хоть малѣйшее напоминаніе о прошломъ счастіи и страданіяхъ юности, завопить на весь міръ:

«Остановись, мгновенье!»

А картина и есть остановившееся мгновенье. Понятно, что владѣлецъ необитаемаго дворца остановился на мололомъ, даровитомъ художникѣ и поручилъ ему «остановить мгновенье», написать декорацію, гдѣ разыгрывались пережитыя страсти. Даже бѣдняки не чужды этой роскоши.

Цѣлый день Петръ Васильевичъ посвятилъ на осмотръ всѣхъ «видовъ» этого чудовищнаго дворца. Нѣсколько этюдовъ онъ намѣтилъ. Внутренность рощи при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, вечерній закатъ солнца сквозь чащу деревьевъ, но всего соблазнительнѣе представлялась ночь, съ противоположнаго берега рѣки.

Цѣлый день онъ провелъ на ногахъ, желая достигнуть физической усталости, чтобы заснуть замертво и не слышать ни малѣйшаго проявленія чертовщины. Онъ вернулся усталый, раздраженный, и еще засвѣтло улегся въ постель.

«Ну, ужь сегодня, надѣюсь, нервы мои не заиграютъ на фортепьяно, подумалъ онъ, и, словно мысль его была услышана чертовщиной, опять стали долетать къ нему глухіе, отдаленные аккорды какой-то странной, мучительно-тоскливой мелодіи. Завывалъ вѣтеръ въ степи, и мелодія ему вторила.

— Да что-же это, наконецъ? бѣшено закричалъ онъ:—ей, люди!.. Захарычъ!.. Караулъ!..

И этотъ «караулъ» гдѣ-то глухо отозвался, а люди спали. Ни

Захарычъ, ни Митька, ни Лушка не слыхали крика трусливаго отчаянія.

— Боже мой, что-же это? спрашивалъ себя Хорьковъ: — или я съума схожу, или здѣсь дѣйствительно черти живутъ!.. Кто играетъ?.. Кар-р-раулъ! Кто играетъ?.. Старикъ!.. Захарычъ!.. Караулъ! спасите!..

Но вотъ онъ слышитъ шаги. Захарычъ со свѣчей въ рукѣ идетъ къ нему.

— Что съ вами, Петръ Васильевичъ? участливо спросилъ старикъ:— успокойтесь... Проснитесь!..

— Кой чортъ, «проснитесь»,—я другую ночь не могу глазъ сомкнуть: тамъ, въ домѣ, черти на роялѣ играютъ... Вѣдь это, наконецъ, непріятно!..

— Богъ съ вами!.. да это вѣтеръ... вѣтеръ гудитъ... Стекла-то перебиты, ну, вотъ онъ и гудитъ... Откуда тутъ чертямъ быть, — мѣсто возвышенное и домъ благородный... Успокойтесь, усните съ Богомъ!..

Хорьковъ не могъ успокоиться на объясненіяхъ Захарыча, что это вѣтеръ гудитъ: и еможетъ-же вѣтеръ владѣть клавишами и извлекать такіе отвратительные, терзающіе звуки... Онъ припоминалъ, какъ онъ осматривалъ вчера домъ,—что-то инстинктивно страшное закрадывалось въ душу, въ самомъ воздухѣ что-то незримо носилось,—проклятый домъ, тутъ черти!..

— Хорошо, что я у старика остался, успокоивалъ себя Хорьковъ:— все-таки вотъ пришелъ старикъ на помощь, а вѣдь тамъ... пропалъ-бы... Черти унесли-бы...

Но и въ покояхъ Захарыча ему страшно было: каждое движеніе и шорохъ таракана производилъ на него потрясающее впечатлѣніе. Нервы были разбиты до галлюцинацій. Онъ уже слышалъ тѣ мелодіи, которыя помнилъ, и зналъ, что не слышитъ ихъ, что все это ему кажется, но въ этомъ-то и познавался весь ужасъ его страшнаго положенія, нигдѣ ничего не казалось, а здѣсь кажется, — черти, никто больше.

На слѣдующій день онъ написалъ удачный, эффектный этюдъ съ противоположнаго берега рѣки, и тотчасъ же рѣшилъ, что это будетъ обворожительная, чарующая «ночь». Задумано — сдѣлано. Нервная фантазія не выноситъ выдержки и ожиданія. При томъ-же у художниковъ есть повѣрье, что лучшая «вещь» пишется сразу, съ одного маха, сѣлъ и написалъ. Хорькову не чужды были эти художественныя причуды

и шарлатанскія суевѣрія, и потому онъ тоже сѣлъ и сразу написалъ «ночь». Затѣмъ отставилъ ее къ стѣнѣ и началъ отыскивать недостатки. Ихъ было множество...

Старикъ Захарычъ пришелъ въ восторженное изумленіе передъ картиной: сколько разъ въ своей жизни онъ видѣлъ эту чудную картину, при такомъ-же волшебномъ синеватомъ блескѣ луны, и какъ все вышло вѣрно, удивительно вѣрно.

— Одного только и не хватаетъ, прибавилъ старикъ:—чтобы сама матушка луна сошла на картинку... У Хорькова луна была выше рамы, а отъ нея только блѣдно-серебристый свѣтъ à la Айвазовскій, падалъ на всю картину.

Замѣчаніе Захарыча понравилось художнику. Въ самомъ дѣлѣ, что за молодушіе, что за трусость избѣгать условныхъ эффектовъ, если они всегда писались и всегда будутъ писаться и лучшими, и худшими мастерами?.. Почему не писать луну прямо, въ видѣ желтаго двугривеннаго, какою она и фигурируетъ на множествѣ знаменитыхъ картинъ?..

Часъ работы и весь фонъ неба преобразился. Луна сіяла надъ дворцомъ, отражалась рябымъ блестящимъ столбомъ въ рѣкѣ, сильнѣе, рѣзче освѣщала весь пейзажъ. Легкія облачка набѣгали на нее и скользили по землѣ угрюмой, таинственной тѣнью. Поэтическое впечатлѣніе «ночи» чувствовалось сильнѣе. Страстная нѣга такъ и томила зрителя волшебнымъ очарованіемъ.

Петръ Васильевичъ самъ былъ доволенъ, онъ даже улыбнулся самодовольно отъ сознанія, что пейзажъ роскошенъ, чудесенъ.

Первый разъ онъ заснулъ спокойно и крѣпко и не слышалъ никакой игры на фортепьяно. Луна и легкія, дымчатыя облачка, перенесенныя имъ на полотно, самому ему нравились и становились центромъ всей картины.

— На рѣдкость удалось! закончилъ онъ свои размышленія:—ни у кого такой *настоящей* луны еще не было... Публика будетъ поражена, озадачена... Такого эффекта она еще не видывала...

На этой пріятной мысли онъ заснулъ, намѣреваясь завтра-же картину отправить въ Петербургъ:—тамъ пойдетъ говоръ, гулъ, рецензіи въ газетахъ, повалитъ публика смотрѣть,—славное имя готово!..

Онъ проснулся подъ лучами яркаго солнца, вспомнилъ, съ какимъ наслажденіемъ вчера любовался картиной, и нетерпѣливо вскочилъ поскорѣе взглянуть, какова она была при дневнемъ свѣтѣ сегодня,

когда уже прошло то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго онъ писалъ.

Онъ отступилъ отъ картины и побѣлѣлъ весь. Волосы поднялись на его головѣ. Онъ запрепеталъ весь отъ страннаго, непостижимаго ужаса: луна съ картины исчезла. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, ковырялъ ногтями на томъ мѣстѣ, гдѣ была луна, съ безумнымъ напряженіемъ вглядывался въ фонъ неба, десятки разъ протиралъ свои глаза,—луны не было. Возможно-ли? Вчера онъ такъ прекрасно написалъ ее, помнилъ каждый мазокъ, а сегодня ничего нѣтъ: ни луны, ни дымчатыхъ облачковъ, и весь пейзажъ принялъ какой-то невѣроятный, невозможный тонъ тусклой и мрачной безжизненности—такая-же тоска, какъ въ натурѣ. Все хорошее, опоэтизированное, созданное талантомъ, совершенно исчезло. Даже чувство стыда шевельнулось въ немъ: неужели *онъ* написать могъ такую странную картину?..

— Да, полно, написалъ-ли я луну? спрашивалъ онъ себя:—Не мечталось-ли мнѣ, не собирался-ли я съ своими мыслями, чтобы написать ее? Не опередила-ли фантазія творчества? Наконецъ, не приснилось-ли мнѣ? Странно!.. Я такъ былъ доволенъ, такъ хорошо удалась луна, и вотъ она исчезаетъ безслѣдно!.. О, да, это проклятый домъ, здѣсь черти шутятъ, это ихъ дѣло... Луна была, я помню точно, какъ писалъ ее, вотъ на палитрѣ и краски, которыми писалъ... да развѣ это возможно, чортъ возьми? Что за странныя явленія!.. То вѣтеръ на роялѣ играетъ, ну, а это что-же такое—тоже вѣтеръ луну-то съ картины сорвалъ?.. Больше ужь некому такъ чисто исполнить... Да писалъ-ли я луну? Вѣдь исчезновеніе ея такъ невѣроятно, хуже всякаго ужаса, отъ котораго люди могутъ съ ума сходить... Исчезла?.. странно, ужасно странно...

Цѣлый день онъ проходилъ по окрестностямъ въ тревожной задумчивости, стараясь найти уголокъ, изъ котораго не видно было-бы барскаго дома. Исчезнувшая луна совсѣмъ сбила его съ толку, не давала ему ни о чемъ больше думать. Онъ пробовалъ писать новые этюды, нѣтъ, не удавались. Ничѣмъ развлечь не могъ возмущенную мысль.

— Да, тутъ не чисто, ворчалъ онъ: — никакихъ объясненій не найдешь, просто чортово гнѣздо... Дьяволъ, можетъ быть, луны не любитъ,—пришелъ ночью и снялъ... Его дѣло, его!..

— Почтеннѣйшій Андрей Захарычъ, обратился онъ къ старику:— вы видѣли вотъ здѣсь, на картинѣ, луну?

— Нѣтъ, не видалъ, Петръ Васильевичъ, а съ луной-то, пожалуй, лучше-бы было...

— Представьте, и я тоже думаю... Навѣрно, лучше... вотъ посмотрите, я при васъ сдѣлаю луну... Сядьте пожалуйста...

Онъ нервно писалъ и поглядывалъ въ сторону, не исчезъ-ли и старикъ,—нѣтъ, старикъ сидѣлъ и жмурился, какъ котъ на припекѣ и Хорьковъ радовался въ душѣ, что у него теперь есть свидѣтель, при которомъ луна написана. Вчера онъ могъ забыться, принять мечту за фактъ: предъидущей ночью нервы были сильно потрясены, но теперь, въ присутствіи Захарыча,—вѣдь это уже внѣ сомнѣній! убѣждалъ онъ себя:—Неужели и это исчезнетъ? да, если дьяволу не угодно, исчезнетъ и эта луна... Черти вообще не любятъ ясныхъ ночей, это всѣмъ извѣстно...

И опять ему луна удалась такъ-же хорошо, какъ вчера. Онъ былъ доволенъ и въ возбужденіи еще разъ пригласилъ старика полюбоваться пейзажемъ. Митька и Лушка тоже были позваны и луну признали. Художникъ съ облегченнымъ сердцемъ легъ спать—теперь онъ обмануться уже не можетъ; три свидѣтеля подтвердятъ, что луна была написана.

На другой день, едва онъ успѣлъ глаза открыть, тотчасъ-же бросился къ картинѣ—луны не было.

Съ тѣмъ-же чувствомъ невольнаго смущенія и страха отошелъ художникъ отъ своего холста. Мучительное уныніе сдавило его сердце. Больше не было никакихъ сомнѣній, черти шутили надъ нимъ. Все, что онъ видѣлъ въ этомъ домѣ, что перечувствовалъ, на всемъ здѣсь было что-то таинственное и недосказанное, какъ-то безпокойно влекущее, а тутъ еще и луна стала исчезать съ картины.

— Да что-же это, наконецъ?! въ бѣшенствѣ закричалъ Хорьковъ:— Или меня дурачитъ кто-нибудь, или дѣйствительно чертей полонъ домъ!.. Андрей Захарычъ, гдѣ луна? Вы видѣли, при васъ вчера писалъ?.. Митька видѣлъ? Лушка видѣла?

— Точно, всѣ видѣли, подтвердилъ старикъ, недоумѣвая, куда въ самомъ дѣлѣ исчезла луна, и не самъ-ли художникъ стеръ ее, чтобы посмѣяться надъ старикомъ.

— Гдѣ-же луна?.. Вотъ видите, клочки облаковъ остались, а луны нѣтъ.

— Да вы, сударь, можетъ быть, сами какъ нибудь...

— Полноте, почтенный старикъ, неужели я стану смѣяться надъ вами?.. Видите, нѣту луны, второй разъ исчезаетъ... А вы еще увѣряли, что у васъ вѣтеръ на роялѣ игралъ,—чортъ игралъ, а не вѣтеръ!.. Чортъ и луну укралъ...

— Позвольте, сударь, да не Митькино-ли это дѣло...

— Кой чортъ!.. Моя комната кругомъ заперта и никто, кромѣ чорта, войти сюда не могъ...

— Оказія!.. Ума не приложишь...

Хорьковъ такъ всецѣло былъ поглощенъ этимъ страннымъ приключеніемъ, что цѣлый день никуда не выходилъ и съ напряженнымъ усердіемъ снова писалъ луну. Жаръ и стукъ въ головѣ были дурными предвѣстниками. Онъ терялъ самообладаніе и чувствовалъ, что постепенно подчиняется голосу внутренняго отчаянія, нервической тоски, бившей его лихорадкой. Подъ вечеръ онъ немного успокоился, пришелъ въ себя. Луна была написана сильнѣе прежняго. Съ смутнымъ волненіемъ легъ онъ въ постель —что-то завтра будетъ, уцѣлѣетъ-ли луна?..

Ночь онъ провелъ безпокойно, почти въ кошмарѣ. Какія-то странныя, противныя маленькія существа обступали его кругомъ и надоѣдливо кричали: «Луна, луна, луна!..» Потомъ они хохотали нахально и удалялись нашептывая: «Луна, луна»...

Онъ проснулся рано, чуть свѣтало, бросился къ картинѣ,—луны не было.

Съ судорожной торопливостью, почти въ бреду, художникъ началъ укладывать свои пожитки и немедленно уѣхалъ, бросивъ злополучную картину, съ которой каждую ночь исчезала луна.

Черезъ недѣлю Захарычъ отписалъ своему барину, что луну съѣдали не черти, а тараканы, которымъ пришлась по вкусу желтенькая краска, но объясненіе было уже поздно, художникъ былъ въ домѣ умалишенныхъ.

ОНА ХОЧЕТЪ ЖИТЬ.

I.

«Дай разводъ! дай паспортъ на отдѣльное жительство!» Вотъ самый модный вопль женской души, если она не стара, не слишкомъ безобразна. Моднѣй пуховаго турнюра ея слова и она сама чувствуетъ въ нихъ злорадную отраду, видя, въ какомъ безвыходномъ ошеломленіи мужъ слушаетъ ея вопли и молча отдувается тяжкими вздохами.

— Для этого не надо было замужъ выходить.

— Нѣтъ, надо: я теперь все-таки твоя жена, а не старая дѣвка и, если ты порядочный человѣкъ, ты долженъ дать мнѣ паспортъ... Ты видишь самъ, наша жизнь невозможна...

— Да, невозможна, подтверждаетъ мужъ:—Намъ пятисотъ рублей въ мѣсяцъ не хватаетъ, не можемъ концы съ концами сводить...

— Извергъ! дурачина! Что-же у меня есть-то, кромѣ вотъ этого платья? Пятьсотъ!.. Это все на меня пятьсотъ?

— Все на тебя...

— Лжешь! Неправда!.. Я мамашѣ скажу, пусть она объяснится съ тобой...

— Мамашѣ. — Да съ твоей мамашей безъ огнестрѣльнаго оружія говорить невозможно. Такая-же мотовка чужеядная...

— Но послушай... Должна-же я имѣть платье по сезону...

— Не по сезону, а по средствамъ, глупая!.. Сезоны не для тебя... Ты жена работника... Изъ-за чего-же я бьюсь, хлопочу?.. Неужели для того только, чтобы наряжать тебя, какъ огородное пугало?..

— А для чего-же? Всѣ мужья такъ... Не мнѣ-же биться и хлопотать изъ-за денегъ... Дай паспортъ, тогда и безъ тебя обойдусь, хуже одѣта не буду.

— Да ты пойми, что я себѣ во всемъ отказываю, нигдѣ не бываю, пары платья порядочнаго нѣтъ... квартира дрянная, мебель дрянная... Ни гроша не остается на черный день...

— Боже мой! что я за несчастная! позволила себѣ одно порядочное платье сдѣлать и вотъ сцена за сценой, упрекъ за упрекомъ...

— Да, именно непорядочное, неприличное...

— Въ «Луврѣ» заказано и неприлично!.. Ха, ха, ха!.. Непремѣнно мамашѣ скажу.

— Револьверъ куплю на мамашу! Не смѣй упоминать объ этомъ чудовищѣ!.. Смотри, вотъ расходъ подсчитанъ за мѣсяцъ, — на твои тряпки ушло болѣе трехсотъ рублей...

— Да вѣдь ты получаешь шесть тысячъ,—отчего-же мнѣ не позволить расходъ въ триста рублей? Надо-же въ чемъ нибудь показаться въ обществѣ.

— Въ какомъ обществѣ? въ «Аркадіи», въ «Ливадіи», въ «Зоологическомъ саду»? Да и тамъ съ тобой ходить совѣстно: всѣ смотрятъ такъ двусмысленно, оглядываются...

— Да, потому, что я красивая женщина,—поневолѣ оглядываются и заглядываются...

— Глупенькая, да зачѣмъ-же это тебѣ?

— А тебѣ будто не лестно, что у тебя такая жена?

— Стыдно, обидно, а не лестно...

— Ну, въ такомъ случаѣ дай паспортъ. Я безъ тебя обойдусь. Мнѣ надоѣли глупые упреки твои.

— Мнѣ еще больше надоѣли глупые поступки твои, и, однако, я терплю ихъ.

— Не терпи, дай паспортъ...

— Хороша жизнь!.. Выйти замужъ, чтобы одѣться, а потомъ: «Давай паспортъ,—пойду въ «Аркадію». Изгулялась, отрепалась и опять пришла... Куда-же дѣваться законной женѣ, если не къ мужу?..

— Ну, такъ что-же, что ты хочешь? Держать чужую любовницу своей женой?

Колоссальное, хотя и не новое открытіе. Жизнь становится адомъ. Въ этотъ адъ врывается теща, съ которой говорить нельзя безъ огнестрѣльнаго оружія, у которой въ головѣ помѣщается вся перинная линія со всѣми товарами, которая впадаетъ въ нѣмотный ужасъ отъ всякой человѣческой мысли, и бѣдную мученицу Сашеньку, Машеньку,

воспитала такъ, что любой графъ считалъ-бы за честь. Начинается дуэтъ слезъ и рыданій.

— Мамаша, я несчастна...

— Сашенька, ты несчастна...

— Мамаша, я больна...

— Милая, полечись... Сходи къ доктору такому-то: знаменитость... Вотъ до чего вы довели мою бѣдную дочь!.. Любуйтесь!..

И начинается уже шлянье параллельное: и въ перинную линію, и къ лекарямъ-знаменитостямъ. Въ перинной линіи нельзя найти матеріи, которая осчастливила-бы красоту бѣдной молодой женщины, у лекарей-знаменитостей нельзя найти лекарства, которое было-бы ей по вкусу.

Чѣмъ она больна? Медицинскіе шарлатаны обязательно прописываютъ ей какую-нибудь новую, вполнѣ модную болѣзнь, какою даже теща никогда не страдала. Смотрите, для чего эта красивая дурочка разоряетъ мужа на батистъ, кружева, на дорогіе костюмы изъ «Лувра», — вотъ ее раздѣваютъ, укладываютъ, разсматриваютъ во всѣхъ подробностяхъ, съ серьезнѣйшими рожами перебрасываются латинскими терминами, какъ будто ее въ самомъ дѣлѣ нужно лечить отъ какихъ-то смертельныхъ и мудреныхъ недуговъ, а она... Она вся поглощена тѣмъ впечатлѣніемъ, какое она произвела на лекарей. Она счастлива сознаніемъ своей красоты, пикантности, роскоши — счастлива тѣмъ, что показала свою рубашку изъ батиста, обшитую дорогими кружевами, счастлива, что можетъ платить за визитъ пять, десять рублей, и показаться блестящей женщиной высшаго круга. И вотъ ей прописываютъ одинъ рецептъ на десять рублей, другой на пятнадцать, даютъ строгія наставленія, по сколько капель этихъ драгоцѣнныхъ помоевъ она должна принимать и утромъ, и вечеромъ, чтобы не умереть отъ терзающаго ее недуга. Она почти счастлива: на ней такіе очаровательные, шелковые чулки—шесть съ полтиной въ Перинной линіи. Къ ней все такъ идетъ и кружевная мантилья и кружева, какими отдѣлано платье, и шелковый корсетъ, голубой съ кружевами, и рыцарскія перчатки на десять пуговицъ—пять рублей съ четвертью въ Перинной линіи. Ахъ, у ней пропасть вкуса, пропасть того геніальнаго таланта, какимъ награждаетъ Перинная линія каждую порядочную женщину. Она, наконецъ, влюблена въ себя, въ свою красоту, въ свои туалеты, въ свою модную болѣзнь, въ свою подлую расто-

чительность. День и ночь она опечалена одной постоянной мыслью, гдѣ-бы ей выставиться и ослѣпить публику своимъ великолѣпіемъ.

Взгляните на нее, когда она мыкается въ Перинной линіи и роетъ товары. Ей нужно выбрать ленточку, прошивочку, бархаточку,—всѣ магазины обойдетъ, всѣ полки и картонки взроетъ, и съ горькимъ вздохомъ пожалѣетъ о томъ, что купцы не настроили еще другой Перинной линіи. Выборъ для ея воображенія слишкомъ малъ. А сколько размышленій, глубокихъ и вѣрныхъ, разбросаетъ она надъ всякой моделью, «только-что полученной изъ Парижа», — даже приказчики изумляются ея опытности и мудрости. Ну, и благословляютъ-же ее, когда она уходитъ изъ магазина съ двумя аршинами прошивочекъ! Въ косметическомъ магазинѣ у ней счеты годовые, и здѣсь она требуетъ прямо что дорого, модно и ново, наслаждаясь тѣмъ, что и ей лукавые коми говорятъ: «ваше превосходительство». Въ Елисѣевскомъ ряду она тоже свой человѣкъ, постоянная покупательница, знающая вкусъ и толкъ въ такихъ заморскихъ диковинахъ, какихъ и названія-то не сразу выговоришь. Но истинное призваніе ея—это модистки, и непремѣнно модистки-француженки. Только онѣ, эти наглыя, плосколицыя хищницы, обладаютъ геніальнымъ вкусомъ и могутъ угодить ей фасономъ самой послѣдней моды, построить турнюръ на удивленіе міра, взгромоздить шляпу каланчей, и положить на весь туалетъ самую шикарную отдѣлку.

Ее знаетъ партеръ Михайловскаго театра, а Стрѣлка и закатъ солнца нарочно для нея устроены. Роковая мечта ея—свое ландо, свои лошади, свой лакей,—покуда мужъ. Всѣ страсти молодости сконцентрировались въ ней въ одно подраженіе безсмысленной пустотѣ свѣтскихъ дамъ. Дѣлать визиты, принимать у себя артистовъ, дипломатовъ, модныхъ знаменитостей, болтать по-французски глупый вздоръ съ видомъ священнаго почтенія къ этому вздору, ѣздить на-воды и выставляться въ купальномъ костюмѣ подъ биноклями нагло смѣющихся мужчинъ, быть окруженной толпой восторженныхъ поклонниковъ, слушать вѣчно одни и тѣ-же пошлые комплименты своей красотѣ и уму, и—что всего важнѣе—ни въ чемъ себѣ не отказывать.

II.

Въ старые годы такихъ дурочекъ воспитывали роскошь и глупость милыхъ родителей. Для нихъ, какъ водится, «ничего не жа-

лѣли». Большинство этихъ милыхъ куколокъ и шло на украшеніе того круга, въ которомъ роскошествующая глупость господствовала, давала тонъ жизни. Дурочки были на своемъ мѣстѣ и обладали слишкомъ достаточными средствами для обнаруженія всѣхъ очаровательныхъ свойствъ своихъ сердецъ и умовъ. Изъ нихъ удавались даже хорошія жены, хорошія матери. Какъ ни фальшиво ихъ воспитывали, но все-же воспитывали, и чувство долга, даже простой семейной животности не допускало ихъ до увлеченій слишкомъ вульгарныхъ. Наконецъ, если увлеченія одолѣвали ихъ волю, ихъ строгое понятіе о нравственномъ, то въ нихъ почти всегда рѣшающее вліяніе имѣла страсть. Она оправдывала, по меньшей мѣрѣ извиняла всѣ разрывы съ семьей. Никто не сомнѣвался хоть въ томъ, что такая-то разошлась съ мужемъ потому, что сошлась съ другимъ. Она любитъ его, онъ любитъ ее, и оба, во имя своего счастія, жертвуютъ своими семейными связями, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ общественныхъ сплетень и пересудовъ. Виновные, можетъ быть, и блаженствовали, но едва-ли безъ страданій за судьбу тѣхъ, кого они покинули и обидѣли. Это былъ романъ, борьба эгоизмовъ, жертвы страсти, словомъ, что угодно, но чему легло было пріискать удовлетворительное объясненіе. Декоративная сторона совершенно исчезала изъ человѣческихъ отношеній. Она не интересовала ни досужую публику, ни дѣйствующихъ лицъ. Люди увлекались людьми-же, людскими страстями и слабостями. Неизгладимымъ позоромъ заклеймило-бы общество эксплоатацію страсти во имя матеріальныхъ выгодъ. Допускалось извиненіе страсти—оно даже льстило людямъ, и все-же въ этомъ извиненіи, какъ и въ самой страсти, былъ неуловимый, примиряющій оттѣнокъ благородства, человѣчности.

Это очень устарѣлая исторія, и нынче она не повторяется. Самый типъ женщины изъ общества, женщины-шалуньи, легкомысленно отдающейся страсти, ограничивается уже до того тѣснымъ кругомъ, что становится почти незамѣтнымъ, исчезнувшимъ. Это типъ барственной культуры, и вмѣстѣ съ нею онъ вымираетъ.

Жалѣть объ этомъ, или нѣтъ, это какъ кому угодно, во всякомъ случаѣ этотъ барственный типъ не былъ лишенъ ни заманчиваго романтизма, ни страданій, ни даже ума.

На смѣну ему выступила *женщина-имитація*, женщина декоративной обстановки, глупая, бездушная, безнравственная, не потому что

она пала, а потому, что она никогда и не поднималась на ту высоту, съ которой можно пасть. Старое, институтское воспитаніе давало намъ дурочекъ и куколокъ, изъ которыхъ, однако, выходило очень много порядочныхъ и умныхъ женщинъ.

Нынѣшнее (уже не воспитаніе, а только выучка) даетъ намъ прямо гетеру съ вполнѣ опредѣленными цѣлями, для достиженія которыхъ выучка только и требуется, какъ средство вспомогательное.

Кто она? Ее знаютъ по мужу: m-me такая-то, но урожденность ея подлежитъ самымъ темнымъ сомнѣніямъ. Весьма часто она даже не принимаетъ своихъ родныхъ въ домѣ мужа, чтобы не компрометировать его передъ знакомыми, чтобы не обнаружить, изъ какой трясины она вышла. Ея maman, эта до бѣшенства вульгарная и притязательная маркиза, съ которой нельзя говорить безъ огнестрѣльнаго оружія—вдова сапожника, прачка, торговка изъ жидовскаго ряда, что нибудь въ этомъ родѣ, особа неграмотная, но въ молодости нахватавшаяся фальшиваго лоска и представительства. Она—мать, она ничего не жалѣла, чтобы дать своей дѣвочкѣ образованіе, т. е. она обивала барскіе пороги и всюду христарадничала, чтобы за образованіе дѣвочки платили другіе. Ни передъ какимъ униженіемъ она не останавливалась,—для нея не существуетъ мѣры униженія. Какъ только она прослышитъ о состоятельномъ человѣкѣ, склонномъ къ благотворительности, она идетъ къ нему; не принимаютъ,—сто разъ придетъ, наплачетъ передъ швейцаромъ, передъ лакеями о своемъ положеніи, и добьется того, что о ней доложатъ. Дальше писать о ней невозможно. Никто еще не измѣрилъ границъ женскаго униженія и женской низости.

Если-бы спросить ее, для чего она хлопочетъ объ образованіи дочери, вовсе не соотвѣтствующемъ ея общественному положенію, она отвѣтила-бы прямо:

— Пусть дѣвочка выучится хлѣбъ заработывать.

Фраза болѣе чѣмъ тревожная. Что означаетъ «хлѣбъ заработывать», когда эту фразу бросаетъ почтенная съ виду женщина, съ которой, однако, нельзя говорить безъ огнестрѣльнаго оружія? Что понимаетъ она подъ словомъ «заработывать?» Какъ и чѣмъ?

Къ сожалѣнію, я долженъ съ полной увѣренностью сказать, что въ наши демократическія понятія о «заработкѣ» перешло уже всецѣло понятіе жидовское, т. е. «заработать»—значитъ, «сдѣлать деньги», безъ малѣйшаго смущенія и выбора средствъ. Развратъ есть заработокъ,

Кража—заработокъ. Мошенничество женской хитростью—заработокъ. Грабежъ и убійство—заработокъ. Самая позорная услужливость—заработокъ. Нѣтъ преступленія, которое жиды не называли-бы «заработкомъ».

Это черезчуръ вольное понятіе воинствующаго въ мірѣ племени о «заработкѣ» перешло къ намъ полностію,—потому-ли, что слишкомъ много жидовъ и жидовокъ въ нашихъ «воспитательныхъ заведеніяхъ», возрощенныхъ въ совершенно дикихъ семьяхъ, гдѣ главенствуютъ папеньки и маменьки, которыхъ ничѣмъ нельзя удовлетворить, кромѣ огнестрѣльнаго оружія,—извѣстно, что всюду, куда жиды проникаютъ, они несомнѣнно имѣютъ власть развращенія своею назойливостью, надоѣдливостью, истерической впивчивостью въ чужую шкуру, изворотливой низостью душевныхъ качествъ,—потому-ли, что эта чумная зараза идетъ можетъ быть не изъ школъ, а изъ общества, гдѣ жиды играютъ ту-же самую роль факторовъ общественнаго разложенія, говорить объ этомъ здѣсь не мѣсто *). Я желаю установить только фактъ этого тлетворнаго, жидовскаго вліянія на русскую жизнь, на русскіе нравы, въ особенности на русскую женщину. Не умѣю объяснить, почему эта избалованная, русская женщина такъ безвольно подчинилась жидовскимъ вліяніямъ, почему она рѣшилась подражать и копировать только хищныхъ жидовокъ, забывъ всѣхъ русскихъ женщинъ порядочнаго круга.

Маленькое объясненіе я могу предложить сейчасъ-же. Оно заключается въ томъ, что жиды и жидовки, какъ только они избавятся отъ акцента, уже начинаютъ возмущаться тѣмъ, что ихъ принимаютъ за жидовъ и жидовокъ, и вызывающе протестуютъ:

— Помилуйте!.. и какіе-же мы жиды, если родились въ Россіи, живемъ постоянно въ сношеніяхъ съ русскимъ обществомъ, воспитывались въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже награды получаемъ за прилежаніе и успѣхи?..

Этотъ протестъ обезоруживаетъ русскихъ людей: имъ думается, что если люди свободно владѣютъ ихъ роднымъ языкомъ, значитъ, они тоже русскіе, такіе-же, какъ мы сами. Это едва-ли не лучшій пріемъ

*) Въ отчетѣ попечителя одесскаго учебнаго округа приведено множество фактовъ развращающаго вліянія евреевъ въ русскихъ школахъ. Вѣроятно, это показаніе и послужило къ процентному ограниченію евреевъ.

изо всего, что изобрѣла жидовская интеллигенція, чтобы успѣшнѣе деморализировать русскіе нравы.

III.

У своей maman она жила въ черномъ тѣлѣ. Къ ея услугамъ была мрачная, холодная каморка въ подвалѣ, съ убогимъ тряпьемъ подъ изголовьемъ. Капуста и сельди были едва-ли не единственныя блюда, которыя она знала. Нужда не отходила отъ дверей промозглаго подвала, съ утра до ночи оглашаемаго проклятіями нищеты и голода. Мать и дочь постоянно стонали: «Скоро-ли?» Передъ глазами подростающей дѣвочки проходила вся рабочая жизнь. Каждый день подступало одно и то-же горе, тотъ-же голодъ, то-же немощное попрошайство, та-же неукротимая, ожесточенная зависть къ довольству и роскоши. И когда мать поучительно говорила: «Учись, Сашенька, заработывать будешь», дѣвочка уже чувствовала смутно, что ее ожидаетъ не такая работа, за которой люди терпятъ горе и лишенія. Она уже и дома, съ самаго дѣтства, жила на привиллегіяхъ. Зная, какимъ униженіемъ доставались матери деньги, какъ больно ей ходить по чужимъ дворамъ, жалиться и выпрашивать, выплакивать участливую подачку, просить кого попало, чтобы платили за образованіе дѣвочки, давали средства на жизнь — эта куколка и глазомъ не моргнетъ, подожметъ губки и глядитъ въ сторону, какъ-бы говоря: «Чѣмъ-же я виновата, что такая безтолковая мать не умѣетъ денегъ достать сколько надо?»

Гимназія развила въ ней удивительно изящные вкусы. Вмѣстѣ съ учебнымъ курсомъ она проходила другой, неуловимый курсъ уличныхъ и трактирныхъ вліяній. Въ рукахъ у ней всегда можно было найти какой-нибудь заманчиво-скарбезный романъ, или листокъ газеты съ переводомъ кроваваго романа, съ подобострастной-прислужнической хроникой, воспѣвавшей отмѣнные таланты опереточныхъ дамъ. Она знала, сколько каждая изъ нихъ получаетъ и съ кѣмъ живетъ, сколько прокучиваетъ и какъ велика цѣнность нажитыхъ ею брилліантовъ, кто и за что подарилъ ей прекрасныхъ рысаковъ.

Въ ея дѣтскомъ міросозерцаніи постепенно наростала цѣлая система самыхъ безшабашныхъ воззрѣній на жизнь. Люди успѣха, попавшіе въ роскошную обстановку и живущіе ни въ чемъ себѣ не отказывая, становились ея героями, ея идолами. Жидовскій идеалъ—жить хорошо,

ни въ чемъ себѣ не отказывая, усвоенъ былъ ею вполнѣ. Сложилась дѣвочка образованная и дикая, одинъ изъ опаснѣйшихъ типовъ нашего времени. Ненасытный, безграничный аппетитъ и круглая, бѣлорукая неумѣлость. Самомнительная заносчивость и горькая неспособность къ какому-либо дѣлу. Завистливая, жадная мечтательность, необузданная страсть къ хорошимъ обстановкамъ и совершенно дикое невѣжество въ вопросахъ, какими средствами, какою совѣстью достигается шальное, ничѣмъ незаслуженное счастіе.

Она недурна собой, и этого ей вполнѣ довольно, чтобы претендовать на счастіе въ ея вкусѣ. Она хочетъ жить—безправно, подло, ей все равно. У ней нѣтъ ничего завѣтнаго, нѣтъ той человѣческой искорки въ душѣ, которую она боялась-бы оскорбить своими поступками. Этой искорки не могли въ ней зажечь ни семья, ни школа.

И вотъ она все кончила, всего достигла, въ ея рукахъ дипломъ—двѣнадцать съ полтиной въ университетѣ—на званіе образованной молодой особы. Она ждетъ, съ трепетной завистью оглядываясь на окружающую жизнь. Ждетъ и мать, съ такою-же разнузданной склонностью къ счастію. Но чего-же онѣ ждутъ.

По этому вопросу между матерью и дочерью установились нѣмыя, но совершенно понятныя обѣимъ отношенія. Ждутъ онѣ счастія, продолжаютъ еще ѣсть капусту и сельди, не платить за квартиру, горевать и стонать: «скоро-ли?» но въ общихъ чертахъ у нихъ уже намѣчено это счастіе. Дочь надѣется на выгодный сбытъ своей миловидности и молодости, а мать—на полученіе всѣхъ процентовъ за свои родительскія попеченія.

Кому и какъ она достанется, объ этомъ нѣтъ вопроса. Вся задача въ томъ, чтобы жить въ хорошей обстановкѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Тутъ не воспитана даже физическая брезгливость, и всякая рѣчь о руководящихъ правилахъ въ жизни приравнивается къ такой-же постыдной болтовнѣ, какъ успѣхъ, или неуспѣхъ вчерашней оперетки.

Люди страстно-озлобленной зависти начинаютъ *работать* своими мечтаніями. Вы видите эту стройную, миловидную дѣвушку, очень бѣдно одѣтую, въ сопровожденіи мамы, къ которой подходить нельзя безъ огнестрѣльнаго оружія,—видите ихъ въ театрахъ, въ садахъ «Аркадіи», «Ливадіи», на скачкахъ, на каждомъ гуляньѣ. Онѣ все еще продолжаютъ жить попрошайствомъ, и выходятъ на выставку, на ловлю счастія.

IV.

И вотъ ей счастіе улыбнулось. Она понравилась человѣку петербургскаго склада, молодому, хорошо поставленному чиновнику съ вѣрной и привлекательной будущностью, на хорошемъ счету у «старшихъ», одному изъ тѣхъ бойкихъ, ловкихъ, нерѣдко талантливыхъ работниковъ, на трудахъ которыхъ строятъ свои заслуги «старшіе». Это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, вѣжливый и даже изящный эгоистъ, карьеристъ съ хорошимъ самолюбіемъ, не способный переходить въ служебныхъ искательствахъ ту роковую черту, за которою начинается лакейство.

Онъ уже пожилъ въ этихъ кабакахъ, среди этихъ тривіальныхъ женщинъ, прошелъ весь циклъ вульгарныхъ удовольствій, и начиналъ скучать — скучать тѣмъ сиротливымъ одиночествомъ среди шумной и съ виду веселой толпы, которое предостерегаетъ человѣка отъ окончательнаго, безнадежнаго поглощенія кабакомъ, и рѣшилъ, что надо ему жениться.

Въ Петербургѣ можно-бы насчитать цѣлыя тысячи браковъ по причинѣ этой разгульной тоски, не смѣняемой никогда ни однимъ свѣжимъ, душевнымъ впечатлѣніемъ. Когда человѣкъ мечется изъ канцеляріи въ кабакъ и обратно, проводитъ дни въ работѣ, ночи въ загулѣ и дешевыхъ интригахъ, таксированныхъ общей доступностью, — весь этотъ кругъ кабацкаго столпленія, этотъ иронически циничный тонъ въ обращеніи съ женщинами, весь этотъ мелкій, грошевый кутежъ, съ скрежещущимъ высчитываніемъ каждаго рубля, вся орава этихъ сбитыхъ съ ногъ работой и оподленныхъ пьяными подачками лакеевъ, вся эта публика, примелькавшаяся, надоѣвшая, подъ видомъ развлеченій ищущая хлѣба и хлѣба нечестнаго, взаимно нуждающаяся въ рублѣ, который необходимо промотать,—словомъ, все кабацкое столпленіе, всѣ закулисныя и буфетныя радости и восторги становятся наконецъ невыносимо противны и омерзительны. Человѣкъ сидитъ, окруженный шумной оргіей, и страстно мечтаетъ, куда-бы сбѣжать отъ этой подлой, ежедневно покупаемой веселости, гдѣ найти покой, осмысленные интересы и непродажную привязанность женщины. Невольно является поздняя мысль о женитьбѣ, лишь-бы попалась женщина хоть сколько нибудь похожая на человѣка и не похожая на тѣхъ кабацкихъ дамъ, среди которыхъ онъ провелъ многіе годы, въ сущности лучшіе свои годы.

Человѣкъ женится отъ тоски, отъ горькой ненависти къ кабаку. Онъ инстинктивно ищетъ какого-нибудь отраднаго контраста этой постылой стыдящей жизни и мечтаетъ:

— Вотъ у меня будетъ семья... по меньшей мѣрѣ жена. Я чувствую себя въ силахъ работать, чтобы устроить свое гнѣздышко, свое маленькое счастіе... У меня будетъ разумная цѣль, задача жизни... Я буду знать, для кого, для чего я расточаю свои силы... Мнѣ пріятно знать, что отъ моихъ трудовъ кто-то зависитъ и кому-то я могу быть полезенъ, необходимъ...

Да мало-ли что думается человѣку на эту тему... Я беру слишкомъ общее положеніе и не хочу выходить изъ него. И вотъ онъ женится. Онъ искалъ эту бѣдную, трудящуюся дѣвушку, которая знала-бы счетъ каждой копѣйкѣ и дорожила-бы ею, могла-бы сосредоточиться на интересахъ домашняго очага, и, какъ существо разумное (по нынѣшнему, образованное), сознавала-бы, что всѣмъ благосостояніемъ обязана только мужу. Начинается такъ-называемое счастіе—тусклое, худосочное, болѣзненное и фальшивое. Жена никоимъ образомъ не можетъ возвыситься до интересовъ мужа. Черезъ мѣсяцъ она начинаетъ откровенно удивляться его одичанію, еще черезъ мѣсяцъ она истерически рыдаетъ отъ тоски и требуетъ, чтобы онъ ѣхалъ съ нею въ тѣ самые кабаки, отъ которыхъ онъ искалъ спасенія въ ея объятіяхъ. Съ каждымъ днемъ обнаруживается яснѣе и яснѣе вся непримиримая разность личныхъ вкусовъ: одному все опротивѣло, другая ничего еще не испытала въ этой соблазнительной сферѣ. Одинъ говоритъ: «Надо жить» разумѣя, что надо и *терпѣть* жизнь, другая говоритъ: «Хочу жить, ни въ чемъ себѣ не отказывая». У мужа есть деньги, онъ получаетъ слишкомъ много, по ея мнѣнію, даже несообразно много: ея умъ не въ силахъ сразу придумать на такую сумму мотовства. Она теряется въ выборахъ: вся Перинная линія, самыя дорогія модистки, самые знаменитые лекаря—все доступно ей. Остается только желать и придумывать наряды, болѣзни, и развлеченія. Въ счастіи она признаетъ одно слѣпое исполненіе ея капризовъ, ея блажи. Maman, съ которой говорить нельзя безъ огнестрѣльнаго оружія, подтверждаетъ, что если не жить въ свое удовольствіе, то не зачѣмъ было и замужъ выходить. Такая красавица и умница, какъ ея Сашенька, для воспитанія которой она ничего не жалѣла, и безъ мужа нашла-бы сколько угодно покровителей, которые окружили-бы ее безконечными удовольствіями. На

этомъ основаніи она тоже лѣзетъ въ Перинную линію: «Сашенька, купи себѣ вотъ это... Ахъ, милая, у тебя еще вотъ этого нѣтъ...»

Первое время мужъ терпитъ и молчитъ. Когда эта красавица и умница подходитъ и цѣлуетъ его, онъ спрашиваетъ:

— Сколько рублей надо?

— Ахъ, милый... У меня почти ничего нѣтъ... Мнѣ не въ чемъ показаться въ обществѣ...

Оказывается, ей все надо. Нѣтъ во всей Перинной линіи такой тряпки, въ которой она не нуждалась-бы.

— Да зачѣмъ-же это? возражаетъ мужъ: — у тебя цѣлый шкафъ набитъ платьями и все надѣть нечего?..

— Ахъ, ты не понимаешь... Тѣ платья устарѣли, вышли изъ моды, ихъ уже не носятъ... Теперь совсѣмъ другой фасонъ...

— Фу, чортъ!.. да неужто этимъ подлымъ фасонамъ и конца не будетъ? раздражается мужъ: — Невозможно столько денегъ бросать на фасонъ...

— А какъ-же другія-то бросаютъ...

— Другія... Кто другія?.. Пустыя, бездушныя куклы, неспособныя понять, какъ мужьямъ достаются деньги... Другія, наряжающіяся для «Аркадіи»... да чему-же тебя учили въ гимназіи и зачѣмъ?

— Странный вопросъ... Я молодая женщина... Я должна быть одѣда прилично.

Тысячу разъ повторяетъ онъ, что она одѣвается неприлично, что съ нею стыдно показываться въ толпѣ, — она не понимаетъ: не можетъ быть, чтобы у ней не было вкуса и умѣнья одѣться; не можетъ быть, чтобы всѣ модистки-француженки нарядили ее, какъ огородное чучело...

V.

Мужъ занимаетъ прекрасное положеніе. Но извѣстно, что такое эти служебно-прекрасныя положенія, на которыхъ нужно держаться постоянно балансируя на одной стрункѣ и постоянно озираясь, откуда воспослѣдуетъ щелчокъ. Вѣрнаго въ такихъ положеніяхъ нѣтъ ничего, и тѣмъ труднѣе держаться на нихъ, тѣмъ легкомысленнѣе вѣрить въ нихъ, какъ въ несокрушимою твердыню. Мужъ знаетъ прекрасно, что первое-же вѣяніе сдуетъ его съ этого прекраснаго положенія, и ста-

рается хоть что-нибудь отложить на черный день. Жена ничего подобнаго допустить не можетъ. Какъ? ея мужу вдругъ перестанутъ платить жалованье? Невозможно... Чѣмъ-же мы тогда будемъ жить?.. Должны-же это понять... Нѣтъ, это вздоръ... Ни одной копѣйки она не согласна уступить для какихъ-то глупыхъ сбереженій. Ея дѣло свести балансъ такъ, чтобы ко дню получки жалованья въ домѣ оставался гривенникъ.

Другая, не менѣе характерная черта — это ея обезстыженная неряшливость передъ мужемъ. Она рѣшительно ничѣмъ не стѣсняется, какъ будто его и не существуетъ. Насколько она строга и притязательна къ своимъ туалетамъ, выносимымъ на удивленіе публики, на столько она отрицаетъ самыя примитивныя стѣсненія передъ мужемъ. Онъ не скрываетъ, что она противна ему, отвратительна во всѣхъ совершенствахъ и въ патріархальномъ цинизмѣ безграничной наивности, и въ притязательномъ самомнѣніи передъ публикой, и въ модныхъ болѣзняхъ, и въ глупыхъ пристрастіяхъ къ выставленности. Въ немъ наболѣваетъ не ревность, не злоба, а тоскливая гадливость, какъ будто онъ осужденъ на казнь быть заживо съѣденнымъ насѣкомыми, а цѣлыя стада ихъ преобразились въ одно неотразимое чудовище— жену.

Усталый, раздраженный, приходитъ онъ домой, надѣясь отдохнуть просмотрѣть новыя книжки журналовъ, новую интересную книгу. Не рѣдко радъ хоть-бы выспаться въ волю, поговорить съ пріятелемъ,— нѣтъ минуты свободной. Вотъ она уже сдѣлала свой туалетъ и вертится передъ трюмо, выгибая назадъ голову, какъ норовистая лошадь.

— Что-же, ѣдемъ... Я жду! рѣшительно объявляетъ она.

— Куда? зачѣмъ?

— Я обѣщала, что мы будемъ сегодня у N—скихъ... Отъ нихъ поѣдемъ за городъ... Нельзя-же въ такой вечеръ дома сидѣть...

— Знаешь что: поѣзжай одна...

— А ты не хочешь къ N—скимъ, — въ такомъ случаѣ поѣдемъ въ «Аркадію» — Делль-Эра танцуетъ...

— Да почему-же не посидѣть дома, не почитать книгу...

— Фу, вздоръ какой! для чего-же я дѣлала туалетъ? Одѣвайся... Не могу-же я ѣхать одна... Согласись, это неприлично.

— Ну, возьми кухарку Мароу... Не все-ли тебѣ равно?..

Въ концѣ концовъ всѣ протесты мужа оказываются безсильными

и онъ ѣдетъ — ѣдетъ въ тѣ-же кабаки, отъ которыхъ думалъ найти спасенія у жены.

И вотъ мученикъ семейнаго счастія стонетъ, отдувается мучительными вздохами и дѣлаетъ самодовольныя рожи передъ публикой какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ гордится сокровищемъ, которое повисло и мотается у него на локтѣ.

Чѣмъ больше уступокъ дѣлаетъ ей мужъ, тѣмъ смѣлѣе она вѣритъ, что онъ глупѣйшій изъ смертныхъ. Но эта увѣренность не мѣшаетъ ей сознавать, съ какимъ презрѣніемъ относится къ ней мужъ, какъ раздражается онъ даже ея надоѣдливымъ, крикливымъ голосомъ, ея нервическими порывами въ обращеніи съ прислугой.

Какъ? онъ смѣетъ презирать ее, презирать такъ явно, передъ чужими?.. Она отмститъ—она непремѣнно заведетъ любовника, а затѣмъ альтернатива:

— Паспортъ, или любовникъ?..

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕРЪ У ЗВОНЪ-ВАЛДАЕВЫХЪ.

I.

— Лидочка! душечка! умница! Пора намъ съ тобой вздохнуть... Все у насъ теперь, слава Богу, въ порядкѣ: мебель и серебро выкуплены, піанино на мѣстѣ, есть зеркала, бронза, ковры... вѣдь хорошо обставлены, хорошо?.. Кого угодно не стыдно принять... Деньги тоже есть, да вѣдь пустяки и надо... Слушай, голубушка, пять бутылокъ коньяку, десять мадеры... гм, рублевой, дюжины три пива, водки, ну, и приличный ужинъ... холодныхъ закусочекъ: колбасокъ, сардинокъ, сырку, того, другого... Позовемъ человѣкъ десять самыхъ близкихъ... Нельзя-же, мой другъ, безъ общества... Я совсѣмъ не могу жить безъ общества... Тоска грызетъ, вѣдь такъ и очумѣть можно безъ общества, человѣку необходимо общество... Все-таки позабавимся, споемъ, попляшемъ...

Такъ говорилъ Валерьянъ Романовичъ Звонъ-Валдаевъ, съ покорнымъ смиреніемъ упрашивая свою супругу. Лидія Николаевна въ душѣ согласна съ нимъ. Она тоже любитъ общество.

— Кого-же позовемъ? отзывается она.

Валерьянъ Романовичъ перечисляетъ наиболѣе близкихъ и пріятныхъ людей, къ которымъ и сама Лидія Николаевна благоволитъ. Проектъ вечера окончательно принятъ.

Супруги Звонъ-Валдаевы любили пожить въ удовольствіе и прожили хорошее состояніе. Потомъ нуждались, перебивались, закладывали все, до послѣдней хламиды, и всегда жили весело, душа въ душу. Иногда нечего было ѣсть, нечѣмъ платить за квартиру, но водка и пиво всегда гдѣ-то находились въ долгосрочный кредитъ, и Звонъ-Валдаевы все-таки жили и пили, и, если въ квартирѣ не случалось даже стула, не было куска мяса, они все-же принимали общество и

поили его. Застарѣлыя привычки широкаго гостепріимства не покидали ихъ.

Переходило тяжелое время, Валерьянъ Романовичъ находилъ новую службу, и дѣла поправлялись, выкупалась изъ кассъ вся обстановка, и опять созывалось общество. Пирушки устраивались дешевенькія и гости подбирались къ водкѣ и пиву. Съ потерей состоянія супруги убѣдились, что въ Россіи вино пить невозможно, и кое-какъ еще терпѣли и признавали коньякъ.

Какъ ни странно покажется читателю, что Лидочка вполнѣ раздѣляла хмѣльную участь Валерьяши, я долженъ подтвердить это. Лидочка пила даже побольше Валерьяши и почаще. Она и въ одиночку «клюкала», а Валерьяша безъ общества даже одной рюмки не могъ пропустить, и, если попадалъ иногда въ протоколъ, въ участокъ, то не иначе, какъ въ роли благороднаго свидѣтеля, у котораго лицо, впрочемъ, тоже свидѣтельствовало о глубокомъ пессимизмѣ и отвращеніи къ нормальному состоянію.

Валерьяшѣ было подъ пятьдесятъ, Лидочкѣ—подъ тридцать. И онъ, и она—прекрасной души люди, и такъ замѣчательно дружно спѣлись во всѣхъ мотивахъ жизни, что никогда между ними разногласія не выходило. Если Лидочка не помнила, что было вчера, то, ужь навѣрно, и Валерьяша не помнилъ; если Лидочка выдавала послѣдній рубль на пиво, то и въ карманахъ Валерьяши не могло-бы обнаружиться ни единаго гроша; если Лидочка обдумывала, какую вещь удобнѣе заложить, то непремѣнно и Валерьяшина мысль сосредоточивалась на той-же самой вещи. Удивительно трогательное единомысліе, и необыкновенно рѣдкое счастіе въ супружествѣ.

Лидочка была когда-то красавица и умница. Въ ея салонѣ собирался цвѣтъ петербургской интеллигенціи. Журналисты, поэты, художники — всѣ находили, что она не только необыкновенно мила, роскошна и завлекательна, но и геніальный умъ. Лидочкинъ умъ славился по всему Петербургу. О Валерьяшѣ въ то время говорили: «Это мужъ Лидіи Звонъ-Валдаевой», и онъ былъ гордъ, онъ проматывалъ послѣднія крохи крупнаго состоянія на ея капризы и кутежи. Тогда она еще только кутила, а не пила. Потомъ, подъ тридцать, произошло то, что обыкновенно случается съ умными женщинами: утративъ завлекательную миловидность и пикантность, онѣ перестаютъ числиться умными, и салоны ихъ предательски пустѣютъ. Почему это такъ бываетъ, я объяснить не могу, но знаю по

многимъ наблюденіямъ, что слава дамскаго ума ни въ комъ не возбуждаетъ зависти, потому что исчезаетъ вмѣстѣ съ красотою. У мужчинъ это гораздо опредѣленнѣе и вѣрнѣе: и въ молодости, и въ старости глупецъ остается глупцомъ, умный—умнымъ. У дамъ совсѣмъ не такъ, съ потерей красоты и чувственныхъ приманокъ, испаряется и дамскій геній. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ въ общемъ признаніи. Не смотря, однако, на то, что Лидочка почитала себя львицей престарѣлою и безопасною, утратившей весь шикъ страстной обаятельности и геніальности ума, она не сохранила въ душѣ ни малѣйшей мстительности къ неблагодарнымъ поклонникамъ, которымъ въ цвѣтущую пору доставляла великія наслажденія своимъ геніальнымъ умомъ. Она осталась безгранично доброй и выглупѣвшей. Валерьяша при всемъ его добродушіи озлобился, но по традиціямъ воспитанія никогда не рѣшался обнаружить свою озлобленность, былъ веселъ, любезенъ, молодцоватъ и удалъ, и только послѣ третьей бутылки коньяка позволялъ себѣ уже Богъ знаетъ что.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лидочка выглупѣла, была забыта и покинута клятвопреступными обожателями, у нихъ постоянно проживалъ какой-нибудь сирота: то, былъ больной, съ разбитой ногой, гимнастъ, подпимавшій двадцать пудовъ, то уволенный по третьему пункту писарь, распившійся до того, что выходилъ въ одиночку на медвѣдя съ пустыми руками, то горемыка писатель, пораженный параличемъ, жилъ и пилъ съ полнѣйшимъ усердіемъ, чтобы какъ нибудь доканать свою жизнь, то появлялась больная француженка, пріѣхавшая «дѣлать счастіе» и свихнувшаяся на первомъ-же шагу, то какой-нибудь знаменитый, но безымянный концертантъ, которому совсѣмъ уже нечего ѣсть, находилъ привѣтливый добрый пріютъ у Лидочки и, Богъ одинъ знаетъ, почему эти люди узнавали, что Звонъ-Валдаевы такіе добряки и простаки, у которыхъ можно невозбранно кормиться, проживать и даже очень весело проводить время. Однажды прибылъ даже спиритъ удивительный изъ Америки и прямо къ нимъ, поселился, какъ у себя дома, распоряжался и хозяйствомъ, возбуждая неисходное недоумѣніе въ Лидочкѣ и Валерьяшѣ, которые, однако, ни слова не смѣли ему сказать и, проживъ на ихъ иждивеніи около полугода, спиритъ нашелъ, наконецъ, покровительство въ сумасшедшемъ листкѣ, печатавшемъ предсказанія и бѣсовскія видѣнія.

Въ настоящее время у нихъ гостилъ геніальный самородокъ Азъ

Варуловичъ Пуфпуфовъ, изобрѣтатель совершенно новаго воздухоплавательнаго снаряда, на которомъ уже погибло пятнадцать человѣкъ, и потому онъ прибылъ въ Петербургъ хлопотать о привиллегіи на десять лѣтъ. Можно себѣ представить степень невмѣняемости этого геніальнаго человѣка... Онъ жилъ у Звонъ-Валдаевыхъ четвертый мѣсяцъ, и до того вошелъ во вкусъ ихъ жизни, что совсѣмъ забылъ о привиллегіи на смертную гибель пятнадцати душъ. Азъ Варуловичъ не дуракъ былъ выпить, и даже пофилософствовать о чудесахъ науки, но самоваръ писалъ черезъ ять... Это ужь самимъ Богомъ такъ устроено...

— Скажите, почтеннѣйшій ученый, приступалъ къ нему въ раздраженіи Валерьяша:—ну, за коимъ чортомъ, вы поселились у насъ.

— Богъ привелъ, Валерьянъ Романовичъ, успокоительно отвѣчалъ Пуфпуфовъ.

— Богъ?.. Ну, съ Богомъ я не спорю... Выпьемте, почтенный коллега? Лидочка, выпьемъ за успѣхъ ученаго изобрѣтенія!... Да здравствуетъ велосипедъ!

— Позвольте! обижался почтеннѣйшій ученый, Азъ Варуловичъ:— я вовсе не велосипедъ, я воздухоплаватель... Я изобрѣлъ то, что не снилось вашимъ ученымъ мудрецамъ!..

— Лидочка, выпьемъ: не снилось нашимъ ученымъ мудрецамъ, а ему вотъ взяло да и приснилось!

И Лидочка, и Валерьяша, и Азъ Варуловичъ съ удовольствіемъ выпивали, чокались, даже цѣловались, и все обходилось благополучно. Правда, Валерьяша немножко ревновалъ, но это было до того не серьезно и неосновательно, что сама Лидочка возмущалась и говорила:

— Фу, скотина! да неужели ты можешь допустить?

Валерьяша тотчасъ-же припадалъ къ ножкамъ и вопилъ:

— Лидочка! красавица! геніальная моя!..

— Была геніальная, да и то не твоя, отвѣчала Лидочка.

— Ангелъ мой!.. умница... Любезный коллега!.. каналья!.. да неужели вы предполагаете, чортъ побери, что я... что моя жена... Нѣтъ, позвольте, давайте-ка коньяку съ лимонадомъ... Эхъ, Боже мой! и такъ жизнь горька, сурова, безпощадна... Лидочка!.. Азочка!.. Азъ Варуловичъ, чортъ-бы тебя заѣлъ!.. выпьемъ!.. да здравствуетъ твое изобрѣтеніе, чортъ его знаетъ какое!.. Мнѣ-то вѣдь все равно, что ты изоб-

рѣлъ... А только я радъ за тебя: ты человѣкъ съ головой, у тебя умъ, эта самая изобрѣтательность... Конечно, я радъ и выпьемъ!.. И выпивали, и еще выпивали, и еще, еще, еще...

Но для людей широкаго размаха, каковы были Лидочка и Валерьяша, такія удовольствія были мелки, мизерны, можетъ быть, даже оскорбительны. Имъ нужно раздолье неоглядное, воля несуразная, взбалмошность неукротимая, деньги безъ счета, сколько влѣзетъ. Широкія и страстныя натуры въ кутежахъ и глубоко-сострадательныя въ нуждѣ и лишеніяхъ. Это уже большая рѣдкость. Можетъ быть, эти люди неопрятны, грубоваты, язвительно насмѣшливы, но они — люди...

Такъ бѣдный изобрѣтатель благополучно прижился у Звонъ-Валдаевыхъ въ качествѣ своего человѣка и никто не зналъ, когда онъ уйдетъ и есть-ли у него какія нибудь дѣла на свѣтѣ.

II.

Наступилъ день торжества. Съ утра все было заготовлено съ должной торжественностью. Столъ былъ убранъ яствами и питіями. Всего было въ волю, и Валерьяша съ особеннымъ удовольствіемъ поглядывалъ на предстоящее пиршество. Все у него есть, не стыдно принять общество, безъ котораго ему жизнь не мила.

— А ты, Азочка, не пей сегодня, надо, мой другъ, кому нибудь и за хозяина быть, распорядиться, присмотрѣть, любезность оказать... Дамы будутъ... Хотя это распоряженіе не совсѣмъ нравилось Азочкѣ, и не пить, когда кругомъ море разливное, было не въ его характерѣ, но дѣлать нечего, покорился со смиреніемъ и даже фракъ надѣлъ, единственный предметъ имущества.

Лидочка была въ веселомъ возбужденіи. Этотъ день напоминалъ ей цвѣтущую пору, когда она, красивая и умная, окружена была роскошью и поклоненіемъ, и въ грубой водкѣ не находила еще ничего привлекательнаго.

Часовъ въ семь гости начали съѣзжаться. Первою прибыла Мина Карловна, злополучнѣйшее существо, дама строжайшихъ правилъ съ музыкой и языками, которая даже въ дни молодости едва-ли когда нибудь была сыта.

— Милая Лидія Николаевна! Васъ-ли я вижу?.. Ахъ, Боже мой!.. Какъ узнала, вѣрите-ли, ну, душа не на мѣстѣ, такъ и рвусь, такъ и

рвусь... Три урока пропустила, только-бы видѣть васъ... Никакъ, никакъ не могла отказать просьбѣ Валерьяна Романовича... Ну, какъ-же вы?..

И началась безумно-потерянная, изолгавшаяся болтовня. Ей предлагаютъ мѣсто гувернантки въ шесть тысячъ, на вечерахъ она не играетъ дешевле трехсотъ рублей, и въ полчаса она налгала такое несуразное количество тысячъ, что Лидочка пришла въ отчаяніе и предложила приступить прямо къ коньяку.

Вошли два гостя весьма благообразнаго и степеннаго вида.

— Вотъ душечка, позволь представить... Это нашъ знаменитый г. Лупояровъ, а это г. Нежелаевъ, тотъ самый, знаешь... ну Нежелаевъ...

Тотъ самый и знаменитый откланялись хозяйкѣ и оглянули ее съ какимъ-то загадочнымъ подозрѣніемъ, отошли къ Азочкѣ и съ благородной тоской праздныхъ шулеровъ занялись метеорологическими наблюденіями.

Явился престарѣлый отставной, съ крикливымъ раздраженіемъ въ голосѣ, нервный и все презирающій, не то чтобы генералъ въ полной мѣрѣ, а видимо въ печали и сокрушеніи. Онъ, однако, довольно гордо пронесъ черезъ комнату свою фуражку въ обѣихъ рукахъ и ни хозяевамъ, ни гостямъ руки не подалъ, и сразу заговорилъ о высшей политикѣ, какъ будто сталъ на каѳедру и началъ лекцію, и вдругъ неожиданно оборвалъ:

— А въ винтъ у тебя играютъ?

— Съ удовольствіемъ, вашество...

— Ты знаешь, я не люблю пустыхъ разговоровъ... По моему, либо дѣло надо говорить, либо винтъ... Гдѣ умныхъ людей мало, тамъ лучше винтъ... Ха-ха...

Часъ спустя, въ маленькихъ комнатахъ было уже тѣсновато. Народу набралось много. Тутъ былъ и извѣстный литераторъ Алтынниковъ, котораго, Богъ знаетъ за какія дарованія, всѣ звали Содержанцевымъ, и онъ самъ всегда отзывался съ животнымъ беззлобіемъ только на это, дорогое ему, имя. Онъ и въ толпѣ тотчасъ-же пристроился къ актрисѣ Поярковой, дамѣ необыкновенно отважныхъ приключеній и безобразнаго, непорядочнаго множества бриллiантовъ. Другой литераторъ былъ Безстыдниковъ, который уже лѣтъ сорокъ изо дня въ день удивляется, что не встрѣтилъ до сихъ поръ ни одного грамотнаго человѣка, знакомаго съ его сочиненіями.

Былъ знаменитый актеръ Трубадуевъ, который тоже гдѣ-то игралъ, кого-то изображалъ, гдѣ-то напился до безчувствія, и битъ былъ до безчувствія. Была опереточная дива Рыдаева, которая была-бы совсѣмъ геніальна, если-бъ не «подлецы-рецензенты», которые и требовали-то отъ нея всего три цѣлковыхъ за похвалу. Было нѣсколько дамъ, очень роскошно одѣтыхъ, съ несомнѣннымъ нотаріальнымъ удостовѣреніемъ на лицахъ о тѣхъ подвигахъ и трудахъ, какими заработана ихъ роскошь. Были и юные хлыщи, у которыхъ, подобно изобрѣтателю Азочкѣ, сохранился отъ заклада одинъ фракъ и превосходнѣйшій аппетитъ, которые на всѣхъ попойкахъ и поѣздкахъ являются неподражаемыми приспособителями ко всему чужому. Апломбъ ихъ голода просто-таки величественъ.

Вечеръ начался прекрасно. Г-жа Рыдаева пѣла, ее упросили, одинъ изъ хлыщей съ фракомъ ей аккомпанировалъ. Генерала усадили винтить, но черезъ четверть часа одинъ изъ партнеровъ всталъ, бросилъ карты, и во всеуслышаніе объявилъ, что съ такими «Иродами» играть невозможно.

— Какъ вы сказали? какъ?..

— Иродъ! Не говорю вѣдь: шуллеръ, а Иродъ!..

Произошла маленькая, непріятная сцена, которая тотчасъ-же была погашена коньякомъ. Генералъ великодушно простилъ, но замѣтилъ:

— Не привыкъ... Не привыкъ, милостивый государь, къ такой фамильярности... Люблю субординацію... Ха-ха!..

Валерьяша былъ счастливъ. Онъ сіялъ и торжествовалъ, и каждому гостю говорилъ самыя отборныя любезности. Онъ подхватывалъ то того, то другого подъ руку, привлекалъ къ столу съ питіями и яствами, и сладкій и разслабленный, какъ подмоченный сахаръ, трогательно говорилъ:

— Ахъ, душа моя, какъ я счастливъ!.. Вѣришь-ли, я думать не смѣлъ, что ты удостоишь... Ну, благодарю тебя, дружище!.. благодарю!..

Гость, конечно, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, иной начиналъ даже оправдываться, а Валерьяша только спрашивалъ:

— Коньячку или мадерки?.. А не пройти-ли по водочкѣ?.. А пивца стаканчикъ?.. Лидочка, поди, мой другъ, гости желаютъ твое здоровье выпить...

Лидочка приближалась къ столу, привлекала съ собою Мину

Карловну, у которой уже носъ зарумянился и глазки посоловѣли, всѣ чокались, говорили взаимный вздоръ, и выпивали. Мина Карловна даже въ любви объяснилась Содержанцеву, но онъ строго и холодно оглянулъ ее съ головы до ногъ и съ достоинствомъ произнесъ:

— Сударыня, я не понимаю васъ...

— А Пояркову-то понимаете за брилліанты, съехидничала Мина Карловна.

Позднѣе всѣхъ прибылъ адвокатъ Пристяжной, тучный, рыхлый, съ развалившимися чертами лица, виверъ и пустозвонъ, вѣчно озабоченный судьбой свѣжихъ устрицъ и свѣжихъ кокотокъ, человѣкъ съ выраженіемъ до того стремительнымъ и плотояднымъ, что страшно было глядѣть на него. Вся суетливая жизнь его была посвящена розыскамъ чего-нибудь необычайнаго, что можно съѣсть, чего никто еще не ѣлъ. Онъ съѣстъ это необыкновенное и обѣжитъ весь городъ, объявляя всюду, что онъ доподлинно съѣлъ. Въ залахъ суда онъ производилъ до того потрясающее впечатлѣніе, что сами судьи начинали робѣть: а, ну, какъ бросится...

— Ну, мой милый, встрѣтилъ его Валерьяша: — тебя, конечно, не удивишь—подай хоть цѣлаго слона зажареннаго, я понимаю, какъ должно: ты почтилъ... почтилъ, ну, и спасибо, дорогой мой... Выпьемъ!.. Лидочка, поди, мой другъ, уважь гостя... Рекомендую коньякъ... Елисѣева, шесть рублей... для одного тебя, милый!.. Эту сволочь поить нельзя такимъ виномъ...

Выпивали, улыбались другъ другу, даже поцѣловались.

— Лидочка, да поцѣлуй его! Ну, вѣдь это лучшій мой другъ! Умнѣйшая голова! Ну, вѣдь ты знаешь, что это самъ Пристяжной! настаивалъ Валерьяша.

Пристяжной, однако, никакого желанія цѣловать Лидочку не изъявилъ,—онъ увезъ-бы лучше Пояркову, еще лучше — одни ея брилліанты.

— Пойдемъ, милый, я представлю тебя генералу... Генералъ безподобенъ... Догматикъ, знаешь.... У него дважды-два—всегда казенная аренда, либо пенсія, либо командировка... Прелестный человѣкъ!.. Ума палата!.. Сейчасъ скандалъ сдѣлалъ за непочтеніе... Ты вѣдь винтишь?

— Нѣтъ, не хочу... Ты меня лучше къ женщинамъ... Это что за дура поетъ?

— Помилуй, да это знаменитость Рыдаева... Ты-же знаешь... Помнишь... Она еще у Берга, лѣтъ двадцать пять назадъ, фуроръ производила...

— Такихъ я уже не знаю... Старо... Я признаю женщинъ только до семнадцати лѣтъ...

— Ну, конечно, конечно, понимаю!.. Ты эпикуреецъ... Ты слегка плутъ... Ты, нѣкоторымъ образомъ, даже мошенникъ... Но ты мой другъ... Мой лучшій другъ!.. Выпьемъ!.. Лидочка, поддержи!..

Становилось уже шумно. Гости, сами не замѣчая, невольно подчиняясь общему настроенію, постепенно выпивали и выпивали — то водочки, то коньячку, то пивца. Дамы тоже значительно разрумянились и каждая успѣла уже покорить хлыща съ фракомъ.

Партія генерала окончательно разстроилась, другой партнеръ вторично обозвалъ его Иродомъ — доподлинный Иродъ! — Пристяжной говорилъ о женщинахъ съ гастрономической точки зрѣнія, литераторъ Безстыдниковъ идеализировалъ дамъ и доказывалъ, что вѣсъ женскаго мозга, на основаніи ученыхъ авторитетовъ, вѣситъ не менѣе мужскихъ мозговъ, а потому...

— Сколь печальны всѣ нареканія на стремленія женщинъ къ высшему образованію, какое глубокое недоразумѣніе коренится...

Литераторъ Алтынниковъ прямо заявилъ, что онъ, какъ невмѣняемый, презираетъ трудовыя мозоли мужиковъ, и уважаетъ одну чистую интеллигенцію, съ собою во главѣ.

Наступалъ уже періодъ того общаго галдѣнія и непониманія, съ котораго начинается вульгарная оргія. Интимныя сцены, стародавнія объясненія, счеты талантовъ, кто даровитѣе, кто бездарнѣе — все это разомъ орало, выпяливалось, заявляло о себѣ съ какимъ-то ожесточеннымъ нахальствомъ и безтыдствомъ, всѣ требовали вниманія и никто не хотѣлъ слушать, всѣ были взволнованы какою-то затаенной горечью униженія и непризнанія, всѣ высказывались торопливо и безпорядочно, какъ-бы опасаясь, что не успѣютъ заявить о себѣ. Одинъ Азочка весь вечеръ оставался въ грустно-трезвомъ видѣ, но и тотъ не выдержалъ, утащилъ бутыль водки и исчезъ въ безвѣстномъ отсутствіи.

Все общество было въ самомъ лучезарномъ настроеніи. Возлѣ фортепьяно пѣли какой-то жестокій дуэтъ. Лупояровъ кричалъ, что терпѣть не можетъ подлецовъ. Актриса Пояркова сидѣла на колѣняхъ у

гостя, никому неизвѣстнаго и Богъ вѣсть откуда взявшагося. Адвокатъ Пристяжной никого еще не закусалъ и рекомендовалъ свою честность. Лидочка плакала, внимая стихамъ Трубадуева, и говорила, будто онъ «душка» и «ангелъ». Валерьяша восходилъ уже до состоянія блаженнаго и мучительно сосредоточивался на роковомъ замыслѣ. Каждый видѣлъ, что этотъ человѣкъ былъ наканунѣ самаго рѣшительнаго боя.

III.

Сѣли за ужинъ и вдругъ Валерьяша началъ бормотать нѣчто въ родѣ рѣчи, обращаясь къ милостивымъ государынямъ и государямъ, сперва смутно, неувѣренно, безтолковыми выкриками и, наконецъ, воодушевился.

— Желалъ-бы я знать, кричалъ онъ во всю мочь: — кто здѣсь не свинья?..

Экспромтъ былъ до такой степени неожиданъ и эффектенъ, что никто изъ гостей не повѣрилъ тому, что слышалъ.

— Посмотрите на рожи-то другъ друга, до чего наугощались... И всѣ на чужое пришли, даромъ... Цѣлый день ѣдятъ и пьютъ, а завтра скажутъ: «Экая скотина этотъ Звонъ-Валдаевъ, зазвалъ въ гости, а у самого, кромѣ водки, нѣтъ ничего». А вамъ-бы, поди, шампанскаго?.. Дурака нашли, такъ и позвалъ-бы я васъ на шампанское... Нѣтъ, потому вамъ и водка, что всѣ свиньи... что ничего человѣческаго въ васъ нѣтъ...

— Позвольте! сурово вскрикнулъ Пристяжной:—Это вѣдь, наконецъ, что-жь такое?..

— А ты еще и воръ, вотъ что! брякнулъ Валерьяша.

— Опомнитесь... возьмите ваше слово назадъ...

— Давай сюда назадъ, а ты все-таки, по совѣсти, большой прохвостъ!.. И не думай, душа моя, что лучше тебя здѣсь люди сидятъ, каждый изъ нихъ въ своемъ родѣ... всѣ скоты ужасные... Зовешь ихъ по человѣчеству, думаешь услышать что путное, и цѣлый вечеръ слышишь одно хрюканье...

Дамы, одна за другой, стали выбираться изъ-за стола.

— Удаляйтесь, милые гости!.. Я не задерживаю... потому голова у меня вспухла—столько сору въ нее нарыли. Уходите всѣ къ чорту, а то бить начну!..

— Помилуй, Валерьяша, опомнись... вѣдь ты самъ всѣхъ звалъ, упрашивалъ, уговаривали его гости.

— Ну, да, звалъ... вѣдь если васъ долго не видишь, подумаешь про себя, что дичаешь, въ скота обращаешься, забываешь человѣческую рѣчь... вѣдь три мѣсяца копилъ сто рублей, чтобы васъ созвать и угобзить, ну, и угобзилъ,—на что похожи? Въ цѣлый вечеръ не слышу ни одного путнаго слова, ошибкой никто не обмолвился... А еще умные люди: философъ, юристъ, литераторъ, актеръ, интеллигентныя женщины... Собрались и сказать нечего... все выпили, все пріѣли, словно сроду ничего подобнаго не видывали... И чортъ знаетъ, откуда кто набрался... Я даже повѣрить не могу, что всѣхъ такъ ужь и звалъ неотступно... Ну, кого звалъ, а кто и самъ прибѣжалъ на огонекъ!.. Ну, а свиней загнать, вы думаете, хуже васъ пріѣли-бы все до тла?.. То-же самое, будьте покойны, такъ къ нимъ вѣдь и требованій никакихъ не сталъ-бы предъявлять, такъ и зналъ-бы: свиньи!.. А вы-то, украшенія, надежды прогресса... каждый изъ кожи лѣзетъ, чтобы заявить о себѣ... Поневолѣ запьешь безъ просыпа... А еще люди!.. Выпьемте-ка съ горя!..

— Браво, браво! отвѣтило нѣсколько человѣкъ, обрадованныхъ перемѣной тона Валерьяши.

— А все-таки убирайтесь прочь! продолжалъ Валерьяша,—надоѣли до тошноты, видѣть не могу... Надежды, жрецы прогресса... свиньи!.. вонъ изъ моего дома!.. Что вы принесли мнѣ, кромѣ душевной смуты, кромѣ отвращенія къ человѣку?.. отвращенія къ вамъ, ну, вотъ лично къ вамъ... Долой!.. всѣхъ долой!..

У него выпалъ стаканъ изъ рукъ и самъ онъ упалъ грудью на столъ и мгновенно заснулъ.

— Ужасно впечатлительный человѣкъ, нервенъ до истерики, снисходительно говорили гости, перенося Звонъ-Валдаева на кровать: — прекраснѣйшій человѣкъ, великой души человѣкъ, но выпилъ лишнее!..

И гости продолжали пить, находя, что они не дошли еще до «лишняго».

АЛТЫНОВЪ.

I.

На окраинѣ города проживала семья бѣднаго и пьянаго чиновника Кузьмы Алтынова. Это былъ самый безпокойный домъ въ городѣ Каждый день происходили въ немъ драки, завершавшіяся воплями побѣжденныхъ: «Караулъ!» Выбѣгала на улицу жена и дѣти Алтынова и стремительно мчались куда глаза глядятъ, взывая къ помощи прохожихъ и сосѣдей. Это значило, что Кузьма Алтыновъ вернулся изъ присутствія и произвелъ надлежащій распорядокъ. Въ догонку побѣжденнымъ летѣли дрова, стулья, горшки и ужасающая брань. Наконецъ, побѣдитель въ изнеможеніи садился у воротъ, на лавкѣ, и горестно поджидалъ прохожаго, чтобы пожалиться на свою жизнь и на бабъ, черезъ которыхъ онъ ужасно несчастливъ. Всѣ бѣды его пошли отъ бабъ — жены и пятерыхъ дочерей. Кузьма Алтыновъ по натурѣ былъ человѣкъ добрый, на службѣ работникъ неутомимый, именно изъ тѣхъ, которые всѣмъ мозгомъ впиваются въ бумагу и доходятъ во всякомъ дѣлѣ до сути. Получалъ онъ рублей тридцать жалованья. Пошли дѣти и дѣти, всѣхъ надо кормить, одѣвать, обувать, да еще по нынѣшнему времени учить, денегъ надо много, всегда больше, чѣмъ можно достать ихъ.

Зло неисходное наболѣвало въ немъ цѣлыми годами, зло къ самымъ близкимъ людямъ — женѣ и дочерямъ: онѣ все съѣдали, жили впроголодь, одѣвались какъ попало, бѣдствіе было круглое, непоправимое. Что ни годъ, то ребенокъ, лишній ротъ, и все дѣвочки. Кузьма Алтыновъ сталъ запивать, и возвращаясь со службы голодный, раздраженный, не рѣдко съ выговоромъ, почему отъ него такъ сильно и постоянно водкой отдаетъ, находилъ дома болѣзненную, измученную лишеніями жену, голодныхъ, плохо одѣтыхъ и грязныхъ дѣвченокъ,

слезы и укоры за жизнь, и самъ не зналъ, отчего поднимаются въ немъ невольные взрывы бѣшенства, мучительной и одинокой тоски которой никто не понималъ, никто ему не сочувствовалъ. Всѣмъ казалось такъ естественно, что и быть иначе не можетъ, чтобы онъ, Кузьма, работалъ на всѣ рты. Вотъ въ такія горькія минуты Кузьма и открывалъ пальбу, сраженіе выходило на улицу и становилось благодарной темой критическихъ разсужденій для публики. Всѣ осуждали его, Кузьму, и жалѣли его покоробленную, похожую на пустой мѣшокъ, жену, его загрязненныхъ, полудикихъ дѣвочекъ.

— Даже дѣти у тебя не такъ, какъ у людей... Чортъ знаетъ что — все дѣвки?.. Ну, для чего столько дѣвокъ? нападалъ Кузьма на жену.

Анна Васильевна была женщина безотвѣтная — долгое горе дѣлаетъ такихъ покорныхъ своей долѣ и религіозныхъ женщинъ, терпѣла безропотно всю жизнь, всю грязь и нищету, всѣ безобразія мужа, и находила одно облегченіе въ молитвѣ. Вся ея молодость прошла въ тупой покорности и безпрерывной работѣ, въ слезахъ и мукахъ за дѣтей, только озлоблявшихъ отца, приносившихъ въ семью новое горе.

Наконецъ въ семьѣ Алтыновыхъ произошло событіе, даже испугавшее отца и мать, — у нихъ родился мальчикъ. Кузьма цѣлую недѣлю не пилъ, сосредоточенно задумывался и съ несвойственной ему заботливостью ухаживалъ за роженицей. Произошло что-то совсѣмъ необыкновенное и подавляющее.

— Никогда не было мальчиковъ... Ужь какъ желали мальчика, и вдругъ мальчикъ.. Видно, самъ Богъ молитву мою услышалъ, говорила Анна Васильевна.

Сраженія на нѣкоторое время прекратились, въ семьѣ стало тихо, даже какая-то робкая, виноватая ласковость явилась у Кузьмы къ дѣтямъ и женѣ. Онъ уже не приходилъ домой пьяный, не разгонялъ всю семью по улицѣ, а приносилъ домой гостинцы. Анна Васильевна изумлялась такой перемѣнѣ въ мужѣ, никакъ не умѣла объяснить ее, и думала, что это не спроста, что въ самомъ рожденіи мальчика есть что-то таинственное и предрѣшающее.

— Богъ знаетъ, что будетъ... На радость или на испытаніе посланъ намъ сынъ?..

Вопросъ этотъ сталъ безпокоить мать. Она боялась вѣрить тому

совпаденію, что сынъ принесъ миръ и радость въ семью, что это не могло быть простой случайностью, нѣтъ, въ этомъ кроется тайна какой-то тревожной, почти мучительной будущности. Судьба сына стала постоянной ея мечтой, что изъ него выйдетъ, какая судьба опредѣлена ему.

Мальчика окрестили, назвали Петромъ, и онъ вступилъ въ армію законнѣйшихъ дѣтей породы Алтыновыхъ. Ребенокъ былъ здоровый, сильный, блажной.

— Вишь, холера Алтыниха-то, говорили сосѣди: — сама — въ чемъ только душа держится, а подика, какихъ здоровыхъ ребятъ рожаетъ...

Тревоги и волненія росли въ Аннѣ Васильевнѣ съ каждымъ днемъ. Материнская страстность любопытства заглушила въ ней даже чувство грѣха, только-бы дознаться, что будетъ изъ ея сына.

Въ городской слободкѣ жила гадалка Даниловна, дама весьма темныхъ правилъ, состоявшая въ чрезвычайно сомнительныхъ отношеніяхъ къ нечистымъ силамъ. Она и въ процентахъ, и въ дѣвицахъ, и въ скучающихъ женщинахъ, и вдовахъ знала толкъ, занималась и сватовствомъ, и колдовствомъ. Говорили, что гадаетъ она удивительно.

— Все, какъ на ладони, покажетъ...

Не вытерпѣла Анна Васильевна, позвала тайкомъ гадалку Даниловну.

— Скажи судьбу младенца...

Даниловна, какъ мастеръ своего дѣла, оглянула ребенка, спросила какъ звать и потребовала чашку съ водой, а на дно кольцо обручальное, долго на ту воду глядѣла и начала говорить съ разстановками:

— Воръ будетъ... большой воръ, мать моя... Извергъ... Судьба его жестокая, и на висѣлицѣ конецъ ему... А если и не на висилицѣ, то въ разбоѣ подъ топоромъ... Худая судьба... Не приведи Богъ...

— Да почему-же такъ? въ ужасѣ спросила Анна Васильевна.

— Такъ мнѣ все провидѣніе выходитъ... Ужь не взыщи, никому не лгала и тебѣ не солгу, а что вижу, тому и быть, безчастный будетъ человѣкъ и ты взвоешь отъ него... воръ будетъ...

— Господи, помилуй! сквозь слезы прошептала несчастная мать.

— Молись, не молись, Васильевна, а чему быть, того не миновать, потому такая его судьба, и ничего тутъ человѣкъ подѣлать не можетъ... воръ будетъ и на висѣлицѣ ему конецъ... Одинъ грѣхъ тебѣ, да позоръ отъ этого сына...

Больная, изможденная горемъ, женщина едва могла вынести такое рѣшительное предсказаніе, бросилась къ сыну и съ безумнымъ воплемъ припала къ его колыбели.

Даниловна за свою науку получила цѣлковый, и ушла, настойчиво повторяя: «Воръ будетъ... На висѣлицѣ ему конецъ...»

Мать обезумѣла совсѣмъ. Небывалое горе сдавило ей сердце: не зря-же говоритъ Даниловна, ссылаясь на провидѣніе, да и авторитетъ ея непоколебимъ, всѣ вѣрятъ ея слову.

Въ тотъ-же день вся улица знала, что у Алтыновыхъ родился воръ, разбойникъ, извергъ, и быть ему непремѣнно на висѣлицѣ: сама Даниловна сказала.

— Вѣдь вотъ, поди-жь ты, диво какое, изумлялись сосѣди:—весь городъ у ней гадаетъ, и никому она не пророчила такой бѣды: а вотъ Петькѣ Алтынову напророчила, да какимъ голосомъ-то сказывала,— словно, вотъ не по своей волѣ... Мать-то въ себя не приходитъ, безъ памяти лежитъ... Да мудрено-ли при такомъ отцѣ сыну сдѣлаться воромъ, даже самое натуральное это дѣло: вѣдь Кузьма-то самъ, коли правду сказать, разбойникъ, а яблочко отъ яблоньки...

Улица даже взволновалась неожиданнымъ пророчествомъ Даниловны и всѣмъ стало казаться, что такъ и быть должно, что Петька хотя еще въ колыбели и разбойничаетъ только на пеленкахъ, а всѣмъ уже вѣрилось, что онъ-то и будетъ настоящимъ разбойникомъ, котораго подъ конецъ повѣсятъ.

II.

Петька росъ, какъ ростутъ всѣ дѣти въ бѣдныхъ чиновничьихъ семьяхъ, въ провинціи, лѣтъ до шести бѣгалъ по улицѣ безъ штановъ, игралъ съ ребятами въ бабки, плескался въ рѣкѣ, мальчикъ былъ здоровый, бойкій, смышленый. Отецъ и мать не успѣвали нарадоваться Петькой. Онъ сталъ любимцемъ въ семьѣ. Но у матери сердце болѣло отъ горькаго предчувствія, что пророчество Даниловны должно исполниться. Она молилась, постилась, ходила на поклоненіе къ угодникамъ, и какъ-то загадочно любовно и грустно глядѣла на Петьку. Не могла

она не вѣрить тому, что съ Петькой будетъ. Слишкомъ больно и глубоко врѣзалось ядовитое гаданье въ ея мозгъ, въ ея любящую душу. Она только и утѣшалась тѣмъ, что Петька еще малъ и ничего худого людямъ сдѣлать не можетъ.

Но гоненіе судьбы уже началось прежде, чѣмъ Петькѣ сшили первые штаны. Улица такъ непоколебимо была увѣрена, что въ Петькѣ ростетъ разбойникъ, такъ гнусно не умѣла ни прощать, ни забывать предсказанія Даниловны, что на немъ-то и основала всѣ свои отношенія къ Петькѣ. Улица ненавидѣла Петьку по предсказанію. Каждый прохожій, особенно баба, считалъ священнымъ долгомъ дать Петькѣ подзатыльника, либо накрутить вихры, только-бы на глаза онъ попался. Что-бы ни случилось въ улицѣ, всѣ вины стали падать на Петьку. Выбьютъ-ли ночью шелопаи стекло мимоходомъ, глядь, утромъ хозяйка бѣжитъ къ Алтыновымъ.

— Смотри ка, твой-то что надѣлалъ...

— Да почему-же мой? возмущалась Анна Васильевна:—мало-ли ребятъ въ улицѣ?... Мой дома былъ...

— Ребятъ-то много, да озорника такого нѣтъ... чай, люди-то видѣли, какъ онъ сгребъ камень да въ окно швырнулъ... Нѣтъ, ужь ты, Васильевна, безъ грѣха, за стекло заплати, а Петьку выдери: некому, кромѣ него. Озорникъ онъ у тебя... Не даромъ сказано, что разбойникъ будетъ.

У другой сосѣдки пѣтухъ захромалъ.

— Смотри-ка, твой-то душегубъ что надѣлалъ! изступленно визжитъ она подъ окнами Алтыновыхъ.—Аль и это, по твоему, не его дѣло? Люди-то, чай, видѣли, какъ Петька твой палку сгребъ, да нашего пѣтуха по ногамъ шарахнулъ... Тутъ ужь нечего запираться,—сказано: разбойникъ...

Обломаютъ-ли ребятишки яблоню, воруя по ночамъ яблоки, опять вся улица вопитъ.

— Онъ, онъ, разбойникъ!.. Некому больше, нѣтъ такихъ сорванцевъ... Ему и гадалка сказала: быть разбойникомъ, такъ оно и есть...

Каждый день на Петьку сыпались какія нибудь бѣды и злоключенія. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы въ улицѣ могло что нибудь случиться и Петька не былъ-бы виноватъ. Петьку не рѣдко пороли просто изъ одной трусости передъ улицей, чтобы не говорили, что мать и отецъ сами воспитываютъ въ немъ разбойничьи наклонности,

пороли для очистки своей совѣсти. Каждый день приходили съ жалобами и ругательствами—непремѣнно взводили на Петьку всѣ продѣлки уличныхъ ребятъ. Петька сидѣлъ дома, отецъ, мать сестры знаютъ, что онъ не виноватъ,—нѣтъ, Петька долженъ быть виноватъ: нѣтъ ни у кого на примѣтѣ другого разбойника. У всѣхъ дѣти, какъ дѣти, одинъ Петька—бѣльмо на глазу. Сама Даниловна принимала самое яростное участіе въ дѣлахъ улицы.

— Его дѣло, его разбойника! съ вдохновеннымъ убѣжденіемъ говорила она:—никому такое дѣло и въ умъ не придетъ, кромѣ Петьки Алтынова... Не даромъ ему вышло: разбой да висѣлица... Это ужь помяните мое слово, что быть бычку на веревочкѣ...

Петька уже самъ начиналъ не сознавать, а бояться того, что житье его не завидное и несправедливое, и никакъ не умѣлъ приспособиться, какъ желала улица, чтобы онъ держалъ себя, чего отъ него такъ яростно, свирѣпо и безправно требовали.

Одна мать понимала, какой Петька несчастный, какъ грубо и подло всѣ сосѣди преслѣдуютъ его. Бывало возьметъ его на руки, обхватитъ, цѣлуетъ и плачетъ, цѣлуетъ и плачетъ, и Петька, глядя на нее, захлебываясь, плачетъ, и гладя рученкой по щекѣ матери, судорожно лепечетъ:

— Мама, полно!.. Мама, больно!.. Брось, мама!..

Что-то дикое, несознаваемое, ужасное и терзающее, чему нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, стало между матерью и сыномъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ этотъ сынъ появился на свѣтъ Божій. Сколько разъ она раскаявалась, зачѣмъ гадала, молила у Бога прощенія, плакала надъ сыномъ, чувствуя всю вину его несчастій, но было уже поздно: слово Данилихи властвовало надъ умами улицы, Петька былъ разбойникъ: онъ и стекло выбилъ, и пѣтуху ногу переломилъ, и яблоню обломалъ, и шарика у сосѣдки убилъ, и картофель въ чужомъ огородѣ выкопалъ, и ведро у другой сосѣдки разбилъ, дно вышибъ камнемъ.

Петьку безъ камня никто и вообразить не могъ, можетъ быть, по аналогіи камня съ именемъ, по общему фатализму глупости, какимъ пробавляется улица съ поконъ-вѣка.

Петька былъ здоровый, краснощекій, бѣлобрысый, синеглазый, пухлый, какъ шаръ, парень, рѣзвый, веселый, впечатлительный и болѣзненно-нервный. Онъ былъ хорошо, заботливо выкормленъ, по ро-

дители не могли передать ему здоровье своей юности. Онъ былъ у нихъ послѣднимъ и родился въ самую несчастную пору ихъ жизни.

Когда на Петьку надѣли штаны и повели его въ школу, тамъ мальчишки встрѣтили его, какъ знаменитость.

— А, Петька-воръ!.. Петька-разбойникъ! трещали окружившіе его школьники. Въ этой популярности даже для самого Петьки не было ничего обиднаго. Онъ зналъ, что вся улица его такъ зоветъ, а что это значитъ «воръ», «разбойникъ», объ этомъ Петька только смутно догадывался по тѣмъ преслѣдованіямъ и озлобленію, какое обнаруживали сосѣдки при каждомъ событіи въ улицѣ, въ которомъ требовалось найти виноватаго.

— Хороша, парень, у тебя репутація, нечего сказать, замѣтилъ Петькѣ учитель:—Только что порогъ переступилъ, и въ такую честь попалъ...

Петька мигалъ, мигалъ глазами, закидывалъ голову отъ подступавшихъ къ горлу слезъ, и вдругъ разрыдался.

— Они врутъ! неистово заревѣлъ онъ: — Я не разбойникъ... Мой отецъ въ полиціи служитъ...

Не успѣлъ Петька азбуку выучить, какъ случилось въ его жизни большое несчастіе, имѣвшее, можетъ быть, на всю жизнь его самое рѣшительное вліяніе. Былъ въ школѣ мальчикъ тихій, смиренный, Ѳедька Маслобойникъ, съ которымъ Петька Алтыновъ особенно былъ друженъ. Вмѣстѣ они гуляли, въ рѣкѣ плескались, уходили въ «бѣги» изъ школы, послѣднимъ кускомъ булки дѣлились. Такъ и звали ихъ неразлучными: Петька-разбойникъ и Ѳедька-маслобойникъ.

Однажды ребята всею гурьбою, прямо со школьной каторги, высыпали на берегъ купаться. Маслобойникъ, у всѣхъ передъ глазами, началъ тонуть и кричать о помощи. Мальчики посильнѣе бросились за нимъ вплавь, бросился и Петька спасать друга. Маслобойникъ утонулъ.

— Такое нехорошее мѣсто, каждое лѣто здѣсь тонутъ, робко заключили школьники, припоминая, кто прошлымъ лѣтомъ утонулъ, Петька былъ глубоко опечаленъ и плакалъ цѣлый день.

— Вишь, пострѣлъ, какъ убивается... Утопилъ пріятеля-то, да еще плачетъ, будто не его дѣло, такъ заключила улица.

— Его дѣло, его — разбойника! пуще всѣхъ бабъ бѣсновалась гадалка Даниловна: — Некому было больше его губить ангельскую душеньку... да наши бабы бѣлье полоскали, своими глазами видѣли

какъ онъ, разбойникъ, насѣлъ верхомъ на покойника, тотъ бился, бился, да и пошелъ ко дну...

И все это во мнѣніи улицы было страшно вѣроятно. И авторитетъ Даниловны, и ея непостижимая ненависть къ ребенку, которому она напророчила висѣлицу, все утверждало улицу въ правотѣ обвиненій. Вѣдьма Даниловна была чернымъ ангеломъ на всемъ пути Петькиной жизни. Въ каждомъ событіи она первая выскакивала и на всю улицу ревѣла:

— Его дѣло, его — разбойника!..

Случалась-ли между школьниками драка, — разбитые носы, вырванные волосы, пробоины головы камнями, — все это неизбѣжно падало на Петьку. Его пороли въ школѣ, пороли дома, и, наконецъ, до того всѣ привыкли къ Петькиной виновности, что перестали даже его спрашивать, онъ-ли виноватъ и не слѣдуетъ-ли пороть кого другого, а прямо, безъ выбора, пороли его.

Хорошо учился Петька, и это ему ставили въ вину.

— Да вѣдь такіе, мать моя, всегда въ голову идутъ, поясняла Даниловна: — Худой человѣкъ всегда ростетъ въ голову, изсохнетъ весь, ни кожи, ни рожи, одна голова, ну, а въ голову, вѣстимо, и набирается разбойничья блажь.

Скоро Петька осиротѣлъ, сперва отецъ умеръ, потомъ мать, сестеръ разобрали изъ жалости добрые люди, а Петьку уже стали явно побаиваться.

— Богъ знаетъ, что у него на умѣ, еще, пожалуй, домъ подожжетъ, раздумывали надъ нимъ люди.

Петька остался совсѣмъ безъ призора и повелъ жизнь совершенно дикую. Онъ ходилъ по дворамъ, собиралъ куски хлѣба, пирога, кое-гдѣ и похлебки, и каши давали, но пріютить его такъ и не смѣли.

— Украдетъ... подожжетъ... Что съ него взять?.. Отчаянный... Пороть теперь некому,—что ты съ нимъ подѣлаешь?..

Только въ этой формѣ и выразилась людская жалость къ Петькѣ, что пороть его теперь некому.

Петька сталъ угрюмъ и какъ-то свирѣпо-молчаливъ.

Днемъ онъ кое-гдѣ еще мелькалъ, видѣли, какъ Петька, притулившись у забора, либо въ чужомъ огородѣ гложетъ краюху хлѣба, сойдетъ къ рѣкѣ водицы испить, оборванный, грязный, дикій, постоянно озирающійся, но гдѣ Петька жилъ, гдѣ ночевалъ, никто не могъ-бы

дознаться. Улица, которая такъ усердно клевала и топтала Петьку, ничего не боясь и не стыдясь, вдругъ смолкла и почувствовала паническій ужасъ передъ Петькой. Петька сталъ для нея живой угрозой. Петька выросъ, выкормился, одинъ Богъ знаетъ, какими собственными средствами, ходилъ по городу, посвистывалъ да все какъ будто высматривалъ, гдѣ домъ попроще, да побогаче. Можетъ быть, Петька шлялся безъ всякаго умысла, потому что надо-же ему было передвигаться за хлѣбомъ, но такъ ужь всѣмъ думалось, что Петька не можетъ жить безъ злаго умысла. Бывало, баба подаетъ ему въ форточку ломоть хлѣба да и приговариваетъ:

— Ты, Петенька, пройди съ Богомъ, пройди... Я женщина бѣдная, нечего взять у меня, да и Богъ накажетъ за обиду сиротъ... Грѣхъ!..

А гдѣ и прямо покрикивали на него:

— Проваливай, проваливай!.. Нечего тебѣ тутъ заглядывать, не свой домъ... Обѣда про тебя не готовили, въ гости не звали...

Петька скривитъ ротъ на сторону, ухмыльнется таково жутко, что вся улица только страхомъ и дышетъ, глядя на него.

— Спалитъ онъ городъ, спалитъ, разбойникъ! думаютъ о Петькѣ рѣшительно всѣ, а Петька ходитъ по городу, собираетъ куски, и самъ прекрасно чувствуетъ свое привиллегированное положеніе. Было въ немъ чувство упоительнаго самонаслажденія, когда онъ замѣчалъ, какъ люди боялись его, какъ осторожно стали взвѣшивать свои слова, опасаясь его мести и ненависти. Пріятно было знать ему, что онъ сильнѣе ихъ, страшнѣе для нихъ, чѣмъ они для него.

III.

Петька выросъ и сталъ извѣстенъ подъ именемъ «отчаяннаго». Робкій, голодный попрошайка превратился въ ловкаго проходимца, въ услугахъ котораго нуждались подчасъ и такъ называемые порядочные люди. Зная общую людскую слабость — трусость и уступчивость передъ нахальствомъ, испытавъ на себѣ всѣ несправедливости улицы, Петька увѣрился, что улица ничтожна, и стоитъ лишь показать ей свою волю, она задрожитъ и уступитъ во всемъ. Петька сдѣлался трактирнымъ героемъ. Безъ него не обходилась ни одна пирушка. Онъ шелъ на огонекъ и непремѣнно попадалъ туда, гдѣ люди пьютъ и бьютъ. Его всѣ знали и онъ всѣхъ зналъ, по времени вызналъ всѣ

личныя тайны и сдѣлался мастеромъ на интимныя услуги не хуже самой гадалки Даниловны. Одѣвался франтомъ, говорилъ съ лоскомъ той трактирной политуры, какой успѣвалъ нахвататься въ компаніи, и пользовался успѣхомъ у женщинъ.

— Чѣмъ ты живешь, Петръ Кузьмичъ? спрашивали его иногда люди, интересовавшіеся его темной судьбой.

— Да тѣмъ-же, чѣмъ и вы, братцы мои, обманомъ, ухмыляясь, отвѣчалъ Петька: — Чѣмъ больше жить по нынѣшнимъ временамъ?.. Правдой никого не проймешь...

— Да средства-то откуда-же у тебя?

— Гмъ, средства... Средства вездѣ есть, въ каждомъ домѣ, надо только умѣть войти да взять...

— Какъ-же взять? украсть?

— Стану я руки марать — красть?!.

— Такъ какъ-же?..

— Да вотъ приду къ тебѣ: давай цѣлковый, — ты и дашь...

— Ну, а если не дамъ?

— Безпремѣнно дашь, потому, коли не дашь, будешь бояться, что я приду къ тебѣ ночью и задушу. Не пересилишь своего страха, дашь.

— Ну, а другой не дастъ да тебя въ полицію?..

— А что мнѣ полиція?.. Я не воръ, я честью прошу.

— Охъ, Кузьмичъ, не сносить тебѣ головы на плечахъ...

— Божья власть... А вотъ твоя голова въ моей власти и ты это знаешь, отъ того самаго твой рубль — мой рубль...

Какъ ни дика была Петькина философія, на практикѣ она оказывалась совершенно вѣрною. Его боялись, ему уступали. Ненавидѣли въ немъ наступательную наглость, съ помощью которой Петька собиралъ дань съ людской трусости, и безсильно покорялись ей, выжидая какого-нибудь большаго скандала, въ которомъ Петька будетъ уличенъ и сосланъ.

Петька, однако, былъ остороженъ. Въ скандалы онъ не разъ попадалъ, и усердно ловили его слѣдователи и прокуроры, но онъ все выправлялся, пока, наконецъ, нашли Петьку въ загородномъ оврагѣ убитымъ.

— Ну, слава Богу, доканали разбойника, такъ ему и надо! говорила вся улица, сразу избавившаяся отъ постоянныхъ мученій страха. Его и убили только для того, чтобы избавиться отъ страха, отъ неосторожныхъ угрозъ, какими переполнена была его болтовня.

ОТЦЫ ГОРОДА.

Если вамъ случалось останавливаться въ городѣ, хотя-бы на одинъ день мимоѣздомъ, вы, навѣрно замѣчали того пещернаго человѣка, въ тулупѣ, покойныхъ сѣрыхъ валенкахъ, съ бородой во весь животъ, который не столько прислуживалъ вамъ, сколько егозилъ возлѣ порога, сердечно улыбаясь, засматривая вамъ въ глаза, съ неудержимымъ усердіемъ изображая собою человѣка способнаго всячески угодить вамъ. Вы начинаете недоумѣвать, за что, молъ, пещерный человѣкъ такъ скоропостижно влюбился въ васъ, а впрочемъ, что-жъ... должно быть, отъ полноты благодушія. А пещерный человѣкъ въ эту минуту свертываетъ шею на бокъ, жалобно ухмыляется, и изъ подлобья зорко разсчитываетъ, какъ и на сколько рублей онъ «ожгетъ» васъ.

— Господинъ!.. Господинъ милостивый! скорбно взываетъ онъ отъ порога: — вѣрите-ли, дѣло какое — ѣсть совсѣмъ нечего... Не будетъ-ли вашей милости уплатить за годъ впередъ за фатеру... Семья большая, а ѣсть все привыкли крупитчатое... вѣрите-ли, дѣло какое—хоть въ петлю...

Странный, совсѣмъ непривычный вопль. Передъ вами самъ хозяинъ дома, по всѣмъ признакамъ, зажиточный. Его взрослыя дочери одѣты по послѣдней модной картинкѣ, знаютъ духи, пудру и фортепьяно, ѣдятъ все крупитчатое, а между тѣмъ, если-бы не вы «господинъ милостивый», то вѣрите-ли, ѣсть совсѣмъ было-бы нечего.

Удивительное положеніе. Какъ-же ѣли все крупитчатое до вашего пріѣзда, кто ихъ кормилъ и выряжалъ въ соболиныя шубы?.

— А это, другъ любезный, отъ старины осталось, объясняетъ пещерный человѣкъ: — въ тѣ поры дѣды наживали, а теперича пришло во какъ — мѣдной пуговицы въ годъ не наживешь... Ну, а ѣсть надо, семья большущая, а привыкла все къ крупитчатому...

Приглядитесь къ этой крупитчатой семьѣ, она живетъ въ совершенно баснословныхъ условіяхъ: дочери-барышни окончили гимназію и ждутъ жениховъ, сыновья уѣхали въ университетъ, а то и вовсе о нихъ ни слуху, ни духу. Пещерные отцы состоятъ на унизительныхъ побѣгушкахъ за деньгами. Еще очень недавно этотъ домъ былъ полонъ купеческимъ чванствомъ и спѣсью, а теперь вотъ и дверь изъ окна пробили въ кабакъ прямо съ улицы, и домъ подѣлили на квартиры подъ чиновниковъ и постепенно все серебро изъ дома вытащили, мебель проѣли на крупитчатомъ, и даже съ чердака сволокли убогія картины, все опустошили, все съѣли. Остались у дочерей однѣ шубы соболиныя, духи, пудра да фортепьяно. Пещерный отецъ уже прилаживался къ шубамъ, — вышелъ скандалъ, судились у мирового по вопросу, кто кого долженъ кормить: дочери-ли въ соболиныхъ шубахъ, или отецъ безъ шубъ. А тутъ пошелъ судебный приставъ, повѣстки, взысканія, окладные листы, даже въ чистомъ воздухѣ пещерному человѣку стали мерещиться страшные когти и зубы, неизвѣстно кому принадлежащіе и все безъ пощады терзающіе. Вѣрите-ли, Богъ знаетъ какъ, откуда и почему, но пришло такое время, что ѣсть стало совсѣмъ нечего.

Дѣвицы, покуда еще не остылъ въ нихъ интересъ къ офицерамъ расквартированнаго полка, не теряютъ ни надеждъ, ни отчаянія сдѣлаться полковыми дамами. У нихъ еще гибкія, какъ у змѣи, таліи, крупитчатая пышность формъ, блескъ и румянецъ молодой страстности, любовь къ благороднымъ занятіямъ — танцамъ, романамъ и безконечно-трогательной жалости къ самимъ себѣ. Можетъ быть, имъ еще что нибудь и удастся, ну, хоть какое-нибудь комическое приключеніе. Но отцы пещерные находятся, по истинѣ, въ трагическомъ положеніи. Имъ-то уже совсѣмъ нечего ждать, и сами они вполнѣ искренно удивляются, зачѣмъ только Богъ вѣкъ ихъ длитъ.

— Да какъ-же это вы живете, почтенный хозяинъ? съ участіемъ спрашиваете вы.

— А такъ вотъ и живемъ, глупо разводя руками, отвѣчаетъ пещерный человѣкъ:—и радъ-бы не жить, да дѣться некуда...

— Да вы-бы хоть служили по выборамъ, что-ли.

— Никакъ нельзя, потому мы не въ довѣріи, по пяти копѣекъ за рубль плачивали. Опять-же и соблазнъ неотразительный... Теперича, банкъ у насъ общеской... Ну, Боже мой!.. ну, какъ это не взять,

примѣрно тысячу, другую, коли до меня крали, и послѣ меня будутъ красть?

— А вы-бы попробовали-бы не кравши служить?

— Никакъ этого у насъ нельзя: въ Сибирь сошлютъ.

— Позвольте, въ Сибирь ссылаютъ тѣхъ, кто крадетъ?

— Порядки у насъ совсѣмъ особенные... У насъ вора никакъ не зашлютъ, покуда не дошло дѣло до закона... Ежели законъ, ну, тогда дѣло другое. Тогда зашлютъ. А ежели такъ, про между собою, то вору-то у насъ самое первое почтеніе, потому онъ денегъ накралъ, и гдѣ-же примѣрно, мнѣ тягаться съ нимъ, ежели я и рубля нигдѣ стащить не могъ?.. Ну, и другой такъ, и всѣ такъ... Вѣдь воръ ужь, ежели онъ забралъ засиліе, то онъ и всю судьбу твою можетъ въ три погибели согнуть. Воръ по нашему времени великое дѣло..

— Но вѣдь прежде не крали?

— Избави Богъ! Неслыханное дѣло!..

— Отчего-же теперь стали сплошь красть?

— А чугунку провели.

Вотъ ужь, поистинѣ, удивительное объясненіе. Но если вы дадите себѣ трудъ выслушать пещернаго человѣка, вы убѣдитесь, что онъ вполнѣ правъ нетолько насчетъ поголовной кражи другъ у друга и непосредственно, и по довѣрію, но даже и по части бѣлилъ и турнюровъ его дочерей, которыя, между прочимъ, и выпиваютъ, и изъ дома исчезаютъ.

— Вѣдь и этого прежде не было?

— Избави Богъ! все пошло отъ чугунки!..

— Да гдѣ-же она у васъ, чугунка-то?

— А вотъ въ пятнадцати верстахъ отъ города. Видишь-ли дѣло какое: станцію-то надо было подвести къ городу, — ну, дай, подай, вишь, сто тысячъ...

— Это кому-же и за что?

— А ужь это Богу извѣстно. Были, значитъ, на собраніи инженеры и докладъ держали, что сто тысячъ имъ надо...

— Ну, а вы что-же?

— Мы-то?.. Да намъ что?.. Нѣшто ѣздить куда?.. Какъ есть, никуда намъ ненадобно ѣздить... Не токмо сто тысячъ, у насъ ста цѣлковыхъ по всему городу не найдешь... Очень ужь объѣлись, обтрепались,—все нужда, а привычка-то къ крупитчатому... Вотъ по этому

по самому инженеры-то и отвели станцію на пятнадцать верстъ,— ста тысячъ не дали. Будь у города сто тысячъ, да мы-бы въ конецъ пропали, съ аукціона пошло-бы...

— Почему такъ?

— Помилуйте, господинъ, теперича отъ тяготъ духъ не переведешь, и вамъ даютъ семь, а то и всѣ десять процентовъ, только давайте деньги въ банкъ. Ну, дали, деньги ваши украли, какъ водится, а въ отвѣтѣ-то ваше имущество... Р-р-разбой!..

— Да-что-же это, безправные вы люди, что-ли? Ну, контролируйте, ревизуйте, требуйте отчетовъ?

— Ха-х-ха-а-а!

— Наконецъ, не выбирайте воровъ...

— Х-х-ха-а-а! да они сами себя выбираютъ.

— Но почему-же вы думаете, что чугунка всему виной?

— Да по всему, господинъ мой милостивый... И чугунка-то у насъ, по правдѣ сказать, сволочь, идетъ десять верстъ въ часъ, а съ остановками и всѣхъ пять, потому спѣшить намъ никуда нельзя: дѣла у насъ никакого нигдѣ нѣту, нигдѣ насъ не ждутъ, и намъ никого не надо, и ежели иногда ѣздишь, то больше для мотовства, что вотъ, молъ, не на конѣ, а на чугункѣ ѣду и деньги плачу за билетъ... А гдѣ взялъ деньги? каждый такъ и знаетъ; что укралъ, глядитъ на тебя да и думаетъ: башка!.. Просто удивленія даже достойно, какъ это у насъ просто пошло на счетъ кражи...

— Ну, такъ что-же, завидуете?

— И очень даже, потому благоденственное по нынѣшнимъ временамъ житье...

— Фу, чортъ!.. да что-же это такое? Какъ разобраться въ логикѣ пещернаго человѣка? Почему онъ принялъ такой лакейскій искательный обликъ, радъ провалиться сквозь землю, и жить рѣшительно не согласенъ безъ крупитчатаго?.. Ну, что ему крупитчатое? Неужели нѣжность вкуса его пройметъ? Наконецъ, неужели въ его головѣ нѣтъ даже той пищенской капли ума, которая доложила-бы его милости, что нельзя уже, спустя рукава, сидѣть у подворотни цѣлые дни, съ промежуточными шествіями въ кабакъ и обратно? Надо-же въ самомъ дѣлѣ что нибудь дѣлать, за что нибудь браться, къ чему нибудь приспособлять, если не умъ, то по крайней мѣрѣ мускульную силу?..

— А дѣвки на что? возражаетъ пещерный человѣкъ.

— Т. е. какъ-же это: «дѣвки»? О чемъ вы говорите?

— Ну, теперича хоша-бы и дочери наши, — нѣшто не должны онѣ восчувствовать и этакъ съ жалостью къ родителю: «На, молъ, тебѣ, тятенька, ты насъ на фортупьянахъ училъ,—вотъ тебѣ»...

— Позвольте, да вѣдь на фортепьяно нуженъ талантъ...

— Знаемъ мы эти таланты!.. Либо ребенка принесетъ, либо этихъ самыхъ спичекъ нажрется, да вѣдь то удивительно, сударь мой, и спички съѣстъ, и жить будетъ, и къ другимъ офицерамъ пойдетъ, словно ни въ чемъ не бывало... Вотъ она, чугунка-то!..

— Боже мой, да причемъ тутъ чугунка?

— Ну, ужь это мы знаемъ...

Я глубоко убѣжденъ, что пещерному человѣку жить нынче скверно. Я вѣрю всѣмъ его воплямъ и неистовствамъ. Вѣрю даже въ его «чугунку», какъ источникъ всѣхъ золъ, которыхъ онъ ни понять, ни объяснить не можетъ. Но я вѣрю также и въ то, что новымъ людямъ, вышедшимъ изъ пещеръ въ гимназіи и университеты, отнюдь не лучше живется, въ большинствѣ несомнѣнно хуже. Это смекаетъ даже самъ пещерный человѣкъ.

— Намъ по чемъ знать, говоритъ онъ:—что оно такое это нынѣшнее образованіе... Сказывали, надо и сыновъ, и дѣвокъ учить, потому нынче деньги большія ученымъ даютъ,—ну, учили, все закладывали да продавали, все проѣдали да надѣялись, что дѣтки все вернутъ въ домъ,—не тутъ-то было! Дѣтки-то съ тебя послѣдній тулупъ снимаютъ на крупитчатыя булки, а добыть ничего не умѣютъ. На фортупьянахъ—трымъ, трымъ, и другая—трымъ, трымъ, всѣ такъ, а рубля-то изъ «трымъ-трымъ» не выходитъ, а ѣсть-то имъ давай... Съ офицерами тоже: развѣ это маперъ для купецкой дочери, что она въ свободу суется? Офицеръ-то ее броситъ, а свой братъ ужь послѣ офицера-то не возьметъ,—ну, и опять у батьки на шеѣ...

И вотъ пещерный человѣкъ передъ вами разливается горючьми слезми. Всѣ способы кое-какъ прожить онъ испыталъ, и вышла одна маята да посмѣяніе. Оказалось, нѣтъ способовъ, ему доступныхъ. Ни работать, ни писать не умѣетъ. Все жилъ въ купцахъ, наблюдалъ свой домъ, исполнялъ завѣты благочестія, и удобрялъ общественную площадь.

— Никакихъ больше занятіевъ у насъ нѣту, поясняетъ онъ: — Прежде офицеровъ держалъ, — ну дочери подросли, такой вышелъ марьяжъ, что всему городу любо!...

— Да вы-бы хоть торговали чѣмъ нибудь...

— И торговать у насъ неспособно, никому товаровъ не надобно Вонъ въ рядахъ-то купцы сидятъ, а поди-ка, глянь, чѣмъ занимаются...

— Ну, чѣмъ-же?..

— Да вотъ хоть-бы Силантьевъ Потапъ Савельичъ—онъ и городская голова, и двѣ медали на шеѣ, въ полмилліона человѣкъ, а вотъ ума не далъ Богъ, только и дѣла ему, что фунтики подбрасываетъ, свернетъ этакъ фунтикъ, будто покупка, ленточкой перевяжетъ, и броситъ на дорогу. Сусѣдей соберетъ, ну, выпьютъ, — съ пьяныхъ-то глазъ оно и хорошо, занятно. Всѣ смотрятъ, наровятъ, чтобы мужикъ поднялъ фунтикъ, потому городскіе-то бранятся, въ полицію идутъ жалиться.—Ну, поднялъ мужикъ,—знамо дѣло, за пазуху, да скорѣе бѣжать. А тутъ погоня: «Держи! лови!» Приказчики-то—что твои бульдоги, народъ все ядреный, раскормленный. Поймаютъ мужика и давай его тискать. Ну, и рады всѣ... Мужика-то иной разъ въ слезы вгонятъ... А-то на крышу тоже посадятъ, любезное дѣло!»... «Влѣзь-ка, дядюшка, на крышу, собачка наша, Жучка, забѣжала;—влѣзь да покличь,—гривенникъ тебѣ»... Ну, за гривенникъ мужикъ хоть на небо полѣзетъ... Лѣстницу-то ему подставятъ, вотъ онъ ходитъ, ходитъ по крышѣ: «Жучка, Жучка», по желѣзу-то гремитъ, сосѣдей полошитъ, всѣ выбѣгаютъ изъ лавокъ, ругаются, гонятъ долой, а ему и дѣваться некуда, лѣстницу-то отставили, хоть прыгай на мостовую... Такъ вотъ у насъ какъ торгуютъ, господинъ. Потѣшутся этакимъ манеромъ, упьются изъ чайниковъ водкой, да спать на прилавкахъ и полягутъ. Покупатель-то послѣ обѣда и войдти въ ряды боится. Если ему и надо что купить, такъ онъ скорѣе согласится въ львиный ровъ войдти, чѣмъ въ наши ряды, потому народъ все несообразный... У насъ, господинъ, торгуютъ больше для важности, что вотъ, молъ, въ купцахъ состоимъ и капиталомъ ворочаемъ... А какой ужь капиталъ, только вотъ что фунтики разбрасываютъ...

— Вы-же говорите, голова богатъ?

— Дѣдъ былъ богатъ, а у теперешняго — ни синя пороха... Только и есть двѣ медали, да и то, поговариваютъ, не настоящія, а такъ, по случаю, отъ прошлаго головы достались дешево, такъ онъ донашиваетъ.

Дѣйствительно, народъ несообразный. Озорничество съ убожествомъ

такъ дружно слились, что разобрать нельзя, гдѣ фунтики подбрасываетъ идиллическое вдохновеніе, и гдѣ цѣлыя горы грязи срываются на площадь по глубокому убѣжденію, что тамъ имъ и быть надлежитъ, въ видахъ общественнаго благоустройства. Нѣтъ города, гдѣ полиція не вела-бы съ городомъ по малой мѣрѣ тридцатилѣтнюю войну изъ-за «городскихъ нечистотъ, сваливаемыхъ на площади». Иногда подобные вопросы вносятся даже въ думу, къ общему изумленію гласныхъ, всегда возстающихъ всѣми силами животовъ въ защиту традиціонныхъ обычаевъ.

— Всегда сваливали на площадь, а теперича вишь какіе порядки пошли: держи у себя дома, либо за городъ вези... На-ка!..

— Да вѣдь вамъ дышать нечѣмъ...

— Дышемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Отцы-то съ дѣдами не глупѣе насъ были, не прожили, а нажили, да также весь вѣкъ и въ грязи тонули, и благочестіе блюли... А нынче, вишь, пошло: ни грязи, ни страха Божьяго въ душахъ. Все чистоту разводятъ, а жить все хуже да хуже... Налоги вспучили — Царица небесная! — гдѣ только денегъ набрать...

Одно понялъ тонко и легко пещерный человѣкъ, попалъ прямо въ центръ общихъ стремленій и съ обезстыженнымъ удовольствіемъ напрашивается на всѣ должности, гдѣ можно что-нибудь стащить и разобидѣть бѣдноту. Городскіе лѣса онъ вырубилъ и съѣлъ, городскія аренды забралъ въ свои руки и держитъ все бѣдствующее мѣщанство въ кабалѣ, городскіе банки, сиротскія опеки, всѣ ящики, въ которыхъ водились разныхъ наименованій капиталы, онъ ограбилъ самымъ простымъ, самымъ глупымъ способомъ—вмѣсто денегъ насовалъ векселей, объявился банкротомъ и съ гордостью сытаго быка, хоть убей, ничего не понимаетъ, какъ это все случилось. Онъ не только кралъ по убѣжденію: «Не клади плохо, не вводи во грѣхъ», но онъ требовалъ почета, онъ возмущался недовѣріемъ и подозрѣніемъ, объявлялъ крамольниками всѣхъ контролеровъ и ревизоровъ и, наконецъ, оказался всѣми признаннымъ воромъ.

— По нашимъ мѣстамъ, господинъ, поясняетъ пещерный человѣкъ:—коли гдѣ новый капиталистъ выскочитъ — либо онъ фабрику спалилъ, либо банкъ ограбилъ. Никакихъ другихъ достатковъ по нашимъ мѣстамъ нѣтъ.

— Позвольте, но если ни палить, ни грабить нечего.

— А вотъ я и есть тотъ самый, что мнѣ ни палить, ни грабить нечего, такъ я ужь, можно сказать, какъ есть, Христовымъ именемъ проживаю... Кто что пожалуетъ, то и съѣмъ.

Чортъ знаетъ, какія несообразности. Невозможно вѣдь повѣрить, чтобы люди источникомъ своихъ доходовъ считали имя Христово и ничего, рѣшительно ничего не предвидѣли, кромѣ...

— На все воля Божья...

— Ну, а дѣти ваши?

— Что-жъ, дѣти?.. Дочери жениховъ поджидаютъ, а сыны еще не при мѣстахъ.

— Да какъ-же это?.. Ну, вы-бы мастерствомъ какимъ занялись...

— И мастерства по нашимъ мѣстамъ—одинъ убытокъ, да голодъ... Да что—мастерство!—кабакъ, и тотъ никакого оборота не можетъ сдѣлать...

Ну, ужь если пещерный человѣкъ дошелъ даже до отрицанія кабака, значитъ, всѣ идеалы его померкли и погасли, и остался въ немъ одинъ ужасъ вмѣсто руководящей идеи и цѣли. Вообще въ послѣдніе годы пещерный человѣкъ сталъ, какъ говорится, безпардоннымъ отрицателемъ. Все не по немъ, не такъ и не туда, какъ будто онъ ожидаетъ свѣтопреставленія и находитъ, что хлопотать и заботиться больше уже не о чемъ: все одно—погибать надо.

Это замѣтно на складѣ всей жизни пещернаго человѣка. У него такая-же неизмѣримая пропасть свободнаго времени, любопытства и пустоты, хожденія отъ подворотни къ питейному и обратно, какъ это было еще при дѣдовскихъ капиталахъ. Къ его классической надоѣдливости прибавилась еще одна жестокая черта: прежде онъ былъ болтливъ и не занятенъ, мололъ вздоръ и отнюдь не обижался положеніемъ пустѣйшаго человѣка на свѣтѣ; нынче къ нему прибавился элементъ отвратительнаго сутяжества. Онъ ведетъ десятки процессовъ, всюду поетъ съ докучливой сиротливостью, жалится, что ему ѣсть совсѣмъ нечего, и непремѣнно взыскиваетъ деньги по какой-нибудь подлѣйшей, ростовщической кляузѣ. И все Христа ради, по праву бѣдности.

— Зачѣмъ вы ведете такіе глупые процессы? Вѣдь понимаете-же вы, что право не на вашей сторонѣ?..

— Право, господинъ милостивый, у суда. Кому судъ присудитъ, того и право. А ежели я выиграю, дома-то евойные будутъ мои.. Такъ-то...

— И что-же, это справедливо?

— Чудакъ ты, господинъ!.. Х-х-а-а! Нешто за справедливость люди судятся?.. Коли-бы справедливость, такъ и судовъ не надо... Мнѣ дома-то евойные хочется отнять... Потому тѣ дома наши дѣды выводили...

— Да вѣдь дѣды продали?

— Само собою, продали, пять разъ продали...

— Такъ что-же вамъ надо?

— А, можетъ, законъ такой есть, чтобъ присудить тѣ дома намъ, потому въ нашемъ роду они значились, наши дѣды хоромы выводили. А то, можетъ, отступное получу, коли судъ въ мою пользу повернетъ.

— И давно вы такъ судитесь?

— Да вотъ пятый годъ, слава Богу, на исходѣ. Оно-бы, что говорить, безъ судовъ покойнѣе, пріятнѣе, да вѣдь по нынѣшнимъ временамъ ѣсть нечего. Только тебѣ всего и удовольствія, что, можетъ, судьи сжалятся, не захотятъ обидѣть бѣднаго человѣка.

— Да вы, можетъ быть, слишкомъ много водки пьете, умъ разстроили?..

— Не пью, господинъ, въ ротъ не беру.

— Да какъ-же можно въ тверезомъ видѣ говорить такой вздоръ?

— И не вздоръ, а вѣрный человѣкъ сказывалъ, что дѣло можно выиграть...

Къ несуразнымъ промысламъ пещернаго человѣка надо отнести и его неукротимую склонность жалиться проѣзжимъ генераламъ. Ѣдетъ генералъ самъ по себѣ, остановился перепочевать, можетъ быть, и города-то не знаетъ по имени. Но пещерный человѣкъ за ночь уже разнюхалъ, что прибылъ генералъ изъ Питера, и утромъ, ранехонько, шасть къ нему. Волосы припомадилъ квасомъ, сибирку надѣлъ новую изъ синяго сукна, всѣ наросты отъ сапоговъ отскребъ, и даже лицо вымылъ. Ну, словомъ, человѣкъ совсѣмъ въ своемъ умѣ. Ввалился и разомъ на оба колѣна бухъ...

— Ваше превосходительство! спасите! не погубите! помилуйте!..

— Что такое? Позвольте... Что вамъ угодно? тревожно спрашиваетъ проѣзжій генералъ.

— Не погубите! Заставьте вѣчно Бога молить!..

— Что-же вамъ угодно?

— Воры загрызли!..

— Какіе воры?

— Голова укралъ всѣ сиротскія деньги... Извольте хоть сейчасъ на ревизію!.. Готовъ образъ поцѣловать!.. И члены управы такіе-же воры, и секретарь воръ... А ужь въ банкѣ, ваше превосходительство, вдовьи-то слезы... Сдѣлайте божескую милость, потому, какъ въ городѣ всѣ мы люди темные...

— Но позвольте, это не мое дѣло... Я не въ правѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла, мягко и внушительно отвѣчаетъ проѣзжій генералъ.

И вотъ нервы пещернаго человѣка окончательно срываются.

— Генералъ!! оретъ онъ не своимъ голосомъ: — Незримая рука Всевышняго послала васъ отечество спасать (помнитъ что-то изъ драмы Кукольника и старательно держитъ необыкновенно высокій тонъ.). И ежели-бы всѣ генералы ѣздили по Россіи, какъ ваше превосходительство, воры были-бы въ Сибири!.. Не думайте, генералъ, что я заинтересованъ — нѣтъ, я изъ жалости къ городскому сиротству, къ бѣднотѣ, потому, вѣрите-ли, генералъ, дѣло какое, по нынѣшнимъ временамъ совсѣмъ нечего ѣсть стало... Позвольте мнѣ чайку стаканчикъ, я присяду.

— Садитесь да разскажите толкомъ, что такое у васъ за недоразумѣніе...

Пещернымъ человѣкомъ овладѣваетъ вдохновеніе, въ родѣ бѣшенства. Онъ начинаетъ лгать, кружить надъ городомъ, какъ голодный ястребъ, и когтитъ первое, пришедшее на память, имя. У генерала за чаемъ онъ чувствуетъ себя въ такой подлой безопасности, въ такомъ торжественномъ неистовствѣ, что готовъ и своихъ дѣтей заподозрить — только изъ уваженія къ генералу. Выкативъ всю лахань грязи и видя, что проѣзжій генералъ не очень-то имъ доволенъ, онъ чувствуетъ приливъ смущенія, которое, однако, выражается у него чрезвычайно неожиданнымъ способомъ:

— Ваше превосходительство! Какъ я всю правду передъ вами открылъ и, какъ передъ истиннымъ Богомъ, ничего не утаилъ—ужь одолжите рубликъ на бѣдность... въ награду за наше усердіе...

Не знаю, что думаютъ проѣзжіе генералы о посѣщеніяхъ пещернаго человѣка, вѣроятно они принимаютъ эти визиты вмѣсто туземныхъ достопримѣчательностей, о которыхъ и забываютъ благополучно, садясь въ вагонъ и благословляя цивилизацію, которая, хотя и по пяти верстъ въ часъ, всетаки доставляетъ ихъ къ центру человѣче-

скихъ интересовъ. Но какъ жить бокъ о бокъ съ пещерникомъ? Какъ онъ самъ можетъ жить?.. И, сохрани Боже, если-бы при такой психопатической нервности, пещерный человѣкъ стоялъ на высотѣ современнаго просвѣщенія!..

Проѣзжій генералъ поѣхалъ своимъ путемъ, а пещерный человѣкъ, нѣсколько разочарованный, сидитъ у подворотни и обмышляетъ какую-бы ему совершить пакость. Ненавистничество такъ и подмываетъ его либо въ уличный скандалъ ворваться, либо съ воза у мужика качанъ капусты стащить.

— Н-да! урчитъ онъ: — по нынѣшнимъ временамъ только мужикамъ и жить... Вишь, пошелъ — рубаха изъ кумачу, чуйка изъ синяго сукна въ три цѣлковыхъ аршинъ, въ одной рукѣ гармонія, въ другой — баба... Удовольствіе!.. Чай въ трактирѣ со сдобными баранками, вина сразу требуетъ полштофъ, и на все у него деньги есть, да еще котлеты велитъ на закуску подать — вотъ онъ мужикъ-то нынче!.. Вотъ оно, куда сила-то перешла!.. поди-ка!..

Это, пожалуй, и вѣрно. Сила дѣйствительно переходитъ къ мужику, и объясненіе этого новаго явленія напрашивается само собою: кто работаетъ, затѣмъ и сила, и будущность. Но пещерному человѣку этого сказать никакъ нельзя.

— Ахъ, господинъ мой милостивый, поетъ онъ: — ну, гдѣ-же намъ теперича на старости лѣтъ мужицкимъ дѣломъ орудовать? Весь-то вѣкъ свой мы около господъ промышляли, а теперича вдругъ вмѣсто господина мужикъ... Господинъ-то, бывало, сразу тебѣ красненькую въ презентъ, а у мужика не токмо красненькой, и копѣйки-то не докопаешься, гдѣ она... А есть деньга, по всему видать, что есть... Руки совсѣмъ другія, мужицкія... Господскія руки были нѣжныя, выхоленныя, ассигнацій-то даже гнушались, потому грязь на ней отъ мужицкихъ лапъ наростала... А мужикъ нешто погнушается?.. Опять и то надо взять, господинъ, привыкли мы къ крупчаткѣ перваго сорта... вѣдь господинъ-то, бывало, выѣдетъ въ городъ, сразу на тысячу товару забираетъ... Что хошь, то и бери съ него... А поди-ка нынче съ мужика возьми? И-нѣтъ у него, господинъ милостивый, на каждой копѣйкѣ сорокъ три мозоли и всѣ болятъ: съ него не урвешь!.. и-нѣтъ!..

Вотъ, наконецъ, истинный источникъ всѣхъ бѣдствій пещернаго человѣка — полное отсутствіе такъ называемыхъ бѣшеныхъ денегъ.

— Да вы-бы сами попробовали хозяйничать по-мужицки...

— Х-х-ха! Не лафа намъ... Не сподрурно... Зачѣмъ намъ хозяйничать? Слава Богу своимъ домомъ живемъ...

— Да вы-же говорите, ѣсть совсѣмъ нечего?

— Точно, что ѣсть нечего, да вѣдь свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Хоша чугунка намъ все испортила, одначе, и при чугункѣ живемъ, и крупитчатыя булки ѣдимъ.

— Странно! да что вамъ чугунка сдѣлала?

— Чугунка?! по совѣсти разрыть надо, вотъ и все, а либо поперечину положить надъ пропастью, — пущай-бы нынѣшніе господа головы посвернули...

— Да для чего-же вамъ это?

— А жить, господинъ, оченно тяжело?.. И, Боже мой, какъ тяжело!.. Страсть, какъ тяжело!.. Словно вотъ пожаръ подъ тобой и не знаешь, куды сунуться, кому «караулъ»-то закричать... Никто тебѣ помощи дать не хочетъ... Ужь на что ближе дѣти родныя, — и тѣ въ разныя стороны норовятъ: сыны теперича по жестокой наукѣ пошли и не сегодня, завтра батькѣ шею отрѣжутъ, ежели у него, помилуй Богъ, вередъ на шеѣ вскочитъ, а дѣвки, того и гляди, въ актерки сбѣгутъ, потому не у чего имъ жить здѣсь, крупчатки парваго сорта на нихъ не запасено.

БАЛЪ.

I.

Между Барвенковыми произошла сильная размолвка. Петръ Нилычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за книгами и работалъ. Изъ сосѣдней комнаты доносилось къ нему возня и визги двухъ рѣзвившихся дѣвочекъ, поднимавщіе въ немъ болѣзненное раздраженіе. Онъ слышалъ голоса няньки и жены своей, и гнѣвно удивлялся, какъ это «бабы» не умѣютъ унять дѣтей. Казалось-бы такъ легко загипнотизировать ихъ какимъ-нибудь Фребелемъ и дать ему возможность покойно сосредоточиться на работѣ. Между тѣмъ, визги все возростали. Пришла еще тетя Маня, и дѣти заинтересовались ею еще съ большимъ азартомъ, чѣмъ своимъ куклами. Крики, хохотъ, бѣготня такъ и врывались въ дверь. Петръ Нилычъ только вздыхалъ съ сокрушеніемъ надъ своей работой и думалъ, когда-же судьба пошлетъ ему такую удобную квартиру, въ который торжество побѣдителей, т. е. бабъ и ребятъ, не врывалось-бы въ уши съумасшедшимъ гамомъ, когда ему надо работать.

— Ты сегодня никуда не пойдешь? обратилась къ нему Вѣра Васильевна.

— Нѣтъ... Уйми, пожалуйста, ребятъ, мнѣ работать надо.

Черезъ четверть часа вопросъ повторился.

— Ты-бы пошелъ куда-нибудь...

— Уйми ребятъ, мнѣ работать надо...

Варя куклѣ носъ отбила, а Катя оторвала у гусара ногу — очень хорошо, интересно. Няня, кухарка Аксинья призваны на общій совѣтъ, и тетя Маня визжитъ и пищитъ пуще всѣхъ, словно осиное жало впивается ея голосъ въ уши. Но вотъ Петръ Нилычъ начинаетъ

замѣчать какое-то новое движеніе. Аксинья, няня, тетя Маня что-то шушукаютъ и опрометью мечутся. Вѣра Васильевна шуршитъ туалетомъ передъ зеркаломъ и по временамъ покрикиваетъ:

— Скорѣе!.. разводи плиту, нагрѣй утюги, щипцы... Маша, мой скорѣе кружева...

Передъ нею цѣлая косметическая батарея и больше десяти свѣчей разставлено по всей комнатѣ. Воздухъ быстро насыщается духами. На головахъ у Вѣры Васильевны и тети Мани выростаютъ какія-то пушистыя сооруженія. Ихъ таліи затянуты до того, что слышенъ скрипъ корсетовъ при каждомъ дыханіи. Торопливый шорохъ и шопотъ, бѣготня и шуршанье заглушаютъ даже визги дѣтей.. Бабы носятся, какъ одержимыя, передвигаютъ мебель, роняютъ вещи, бьютъ посуду. Съ каждой минутой чувствуется возростающее напряженіе всѣхъ бабскихъ силъ. Наступаетъ минута высокаго увлеченія и азарта. Въ теченіе цѣлаго часа подъ краномъ лили воду, бранили Аксинью и няню, дворника и модистку, за какимъ-то спорнымъ двугривеннымъ три раза посылали въ магазинъ и слышно было внушительное напутствіе:

— Такъ и скажи... Если не отдадутъ, барыня, скажи, васъ, къ мировому...

Петръ Нилычъ сидитъ за письменнымъ столомъ и съ мрачной пугливостью соображаетъ, чтобы могло быть у бабъ. Тихое, какъ будто вкрадчивое движеніе переходитъ, наконецъ, въ побѣдоносный скандалъ, слышенъ дребезгъ зеркала и истерическіе визги Вѣры Васильевны и тети Мани, — эта «стерва» Аксинья совсѣмъ безрукая дура! посмотрите, что она сдѣлала съ кружевами, всѣ зубчики подпалила... ужасъ. Петръ Нилычъ рѣшается заглянуть къ побѣдителямъ и на порогѣ останавливается въ нѣкоторомъ изумленіи: передъ нимъ жена и своячепица въ бальныхъ туалетахъ, въ какихъ-то удивительно-воздушныхъ тканяхъ, декольтированы до отчаянія, съ «рожнами» (aigrette) на головахъ — у одной розовый, у другой голубой, въ настоящихъ кружевахъ, на которыя самъ дьяволъ не успѣетъ заработать денегъ, въ какихъ-то золотыхъ, прямо изъ Константинополя туфляхъ, въ перчаткахъ выше локтей. У обѣихъ глаза горятъ зловѣщимъ блескомъ, какой пробивается у женщинъ изъ-подъ масокъ. Петръ Нилычъ приглядывается черезъ очки—точно, передъ нимъ маски: лица набѣлены, губы накрашены до грубости, до нахальства, — онъ начи-

наетъ кипѣть: и жена, и тетя Маня возмущаютъ его до глубины души.

— Куда это вы, mesdames?

— Куда?!.. Развѣ ты не знаешь, что сегодня балъ?.. единственный балъ въ Петербургѣ, на которомъ не стыдно показаться дѣвушкѣ изъ приличной семьи... Аксинья! Бѣги за каретой!.. Надо-же Маню вывозить наконецъ!...

Маня чопорно складываетъ ручки подъ грудью и съ боязливой тоской ждетъ, разразится Петръ Нилычъ, или не разразится. Петръ Нилычъ язвительствуетъ:

— Надо-бы узнать сперва, заработалъ-ли вашъ мужъ на карету... И какъ это не стыдно ѣхать на балъ на смертельныхъ одрахъ, въ наемномъ рыдванѣ, безъ лакея, даже безъ мужа?.. Посмотрите, какая грубая несообразность: двѣ куклы, два автомата, везутъ на выставку два роскошныхъ костюма, но при нихъ нѣтъ даже комми, который умѣлъ-бы показать товаръ лицомъ... Наконецъ, карета за три цѣлковыхъ... фу, чортъ! да я изъ гордости пошелъ-бы пѣшкомъ... Возьми по крайней мѣрѣ, лишній рубль на водку пьяному и дикому мужику, который въ одиночку сильнѣе и глупѣе пары клячъ, которыя васъ повезутъ, а то вѣдь онъ и выругаетъ непристойными словами... Нельзяже подвергаться такому риску...

— А ты-бы самъ насъ свезъ... Это твоя прямая обязанность... Помилуй, Манѣ восемнадцать лѣтъ, и она нигдѣ не бываетъ!..

— Какое несчастіе!.. И, представь, это вѣдь совсѣмъ не мое дѣло... Тебя нигдѣ на балахъ я не искалъ, и, къ несчастію, нашелъ...

— Къ несчастію?!..

— Еще-бы!.. Посмотри, на что похожи дѣти: грязь, рвань, воспитаніе кухни, а ты—на балъ, раздѣлась почти до пояса, въ наемномъ рыдванѣ, съ какимъ-то причудливымъ рожномъ на головѣ, все лицо въ краскахъ, у Мани—тоже,—удивительно, какъ это вамъ не стыдно... Даже чуткость кокетства вамъ измѣняетъ и доводитъ до какого-то оголтѣлаго неприличія... Ну, подумай, сопоставь эти кружева съ наемнымъ рыдваномъ: по кружевамъ ты маркиза, по рыдвану — раба мужика, который имъ управляетъ... Возьми, пожалуйста, нѣсколько рублей, иначе тебя обругаетъ швейцаръ, лакей, извозчикъ... Тебя непремѣнно примутъ за даму легкихъ приключеній...

Вѣра Васильевна и Маня злобствовали до бѣлаго огня, сердца въ

нихъ раскалились до ненависти къ «этому уроду», не понимающему ни прелести, ни выгоды появленія на балахъ, гдѣ такъ много прекрасныхъ и пылкихъ молодыхъ людей.

— Кромѣ того, продолжалъ Петръ Нилычъ, поглядывая черезъ очки,—нельзя такъ бросать семью, дѣтей, не давать мнѣ цѣлый вечеръ работать, изъ угожденія Манѣ... Это ужь слишкомъ... Если ее нужно вывозить, какъ телку на базаръ, такъ пусть везетъ мать, а ты... ты все-таки Барвенкова, тебѣ это не къ лицу... По крайней мѣрѣ не стой передъ зеркаломъ—передъ зеркаломъ ты глупѣешь до ужаса, до безстыдства... Посмотри, сколько у тебя краски на губахъ, а ты вѣдь не замѣчаешь и даже увѣрена, что никто этого не замѣтитъ.

— Ну, пошелъ, пошелъ сочинять...

— Чортъ знаетъ, что такое — эта русская женщина! Мать семьи и куртизанка; мужа, дѣтей терпитъ, какъ наказаніе, за деньги, которыя можетъ прогулять... выставиться передъ чужими... блеснуть кружевами, дорогимъ платьемъ, брилліантами, и все это у ней также даромъ, какъ у любой кокотки, съ тою лишь разницей, что кокотка разоряетъ всѣхъ для себя одной, а жена разоряетъ одного мужа для всѣхъ другихъ мужчинъ... Выходитъ, что экономически кокотка удобнѣе жены. А тутъ еще дѣти, бѣдныя, несчастныя дѣти!.. Что-же мнѣ-то съ вами дѣлать: няньчить да вырабатывать для васъ деньги?..

— Полно ворчать!.. Убирайся!.. Начнетъ вздоръ городить, уши вянутъ...

— Позвольте, позвольте, Вѣра Васильевна, если вы дадите себѣ трудъ сосчитать, во что обойдется намъ этотъ глупый балъ, то согласитесь, что дѣти могли-бы быть лучше накормлены, чище вымыты, приличнѣе одѣты, лучше обучены... На себя вамъ тратить уже поздно, на Маню — вы не имѣете права распоряжаться моими средствами, и согласитесь, я не батракъ, не рабъ безсмысленный, — я отецъ, и не могу приносить въ жертву ея удовольствіямъ судьбу моихъ дѣтей... Это уже подло!.. Понимаете?

— Слыхала я это отъ тебя... Твой принципъ: ни себѣ, ни другимъ.

— Да,—потому что слишкомъ много нужно дѣтямъ и ты должна это понимать.

— Да вѣдь ты-же работаешь...

— Не для расхищенія.

— Барыня, карета пріѣхала, доложила запыхавшаяся Аксинья.

Обѣ барыни взвились, какъ ураганъ. Счастье, даже сквозь бѣлила, засіяло на ихъ лицахъ.

— Ты, по крайней мѣрѣ, пріѣзжай за нами часу во второмъ, къ мазуркѣ... вѣдь оттуда намъ страшно будетъ, сказала Вѣра Васильевна.

— Можетъ быть, даже и пріѣду, безъ всякой уступчивости отвѣчалъ Петръ Нилычъ.

II.

Дамы уѣхали,

Петербургскій балъ давно уже утратилъ характеръ семейственности. Балъ, на которомъ присутствуетъ шесть тысячъ душъ, преимущественно чиновничьихъ, представляетъ собою статистическую цифру общественной патологіи и только. На такой балъ не зовутъ, не приглашаютъ, а выдаютъ билеты на право входа. Чинамъ поважнѣе посылаютъ ихъ на домъ. Чины заурядные хлопочутъ другъ черезъ друга, черезъ цѣлыя сотни рукъ, какъ-бы достать «билетецъ», явиться помелькать при огняхъ, подъ музыку, заодно съ мелькающими превосходительствами. Дамы, свои-же чиновницы всѣхъ ранговъ, рады всяческому столпленію, и ихъ всегда набирается вдвое больше, чѣмъ мужчинъ.

Огни и музыка—казалось-бы, ну, что въ нихъ привлекательнаго? Каждый день у Палкина въ трактирѣ гудитъ машина и свѣчи горятъ, входи и наслаждайся. Совсѣмъ не тотъ вкусъ, тамъ не выдаютъ билетовъ на право входа, нѣтъ той оффиціальной торжественности, того всеобщаго мелькапія, той спѣси, надутости и муки, какими неизбѣжно переполненъ балъ съ населеніемъ цѣлаго города.

Къ ярко освѣщенному подъѣзду подъѣзжаютъ щегольскія кареты и уличные рыдваны. Изъ каждаго кузова бережно вынимаютъ пухлыхъ дамъ въ неуклюжихъ ротондахъ. Проходятъ молодые и старые господа съ выскобленными до лоска лицами, точно за-ново лакомъ покрытые послѣ долговременнаго усиживанія жалованій и пенсій. На лѣстницахъ, въ корридорахъ, въ залахъ—всюду толпы, и отовсюду несутся на встрѣчу другія толпы. Пестрота всевозможныхъ блесковъ начинаетъ кружиться въ глазахъ. Лица постепенно исчезаютъ, глазъ утрачиваетъ способность различать ихъ, образуется безформенная масса надоѣдливаго, безпрерывнаго мелькапія и круженія. Видно, какъ от-

дѣльныя группы разговариваютъ, но голосовъ не слышно, точно въ кошмарѣ люди раскрываютъ рты, хотятъ говорить, кричать, но какая-то гнетущая сила лишаетъ ихъ голосъ всякаго звука. Получается впечатлѣніе совсѣмъ безсмысленное. Приглядитесь, у всѣхъ одно и то-же выраженіе лицъ — одна безпокойная, неувѣренная надменность. Каждый выглядитъ выше и серьезнѣе самого себя, даже умнѣе. Въ самыхъ безцвѣтныхъ и безсодержательныхъ глазахъ сверкаетъ какая-то парадная строгость, какъ-будто глаза эти вставлены въ лобъ только что сегодня, и для какой-то необыкновенно важной цѣли. Каждый и каждая изъ всѣхъ силъ стараются показать свое преувеличенное значеніе. Всѣмъ нестерпимо хочется выставиться, щегольнуть собою, блеснуть и мелькнуть, и всѣ тревожно, до озлобленія, озабочены вѣрностью желательнаго впечатлѣнія, какое они производятъ на публику. Каждый внутренно думаетъ: «Ну-ка, что вы скажете обо мнѣ?» и ужасно боится того, что скажутъ. Посмотрите на него: шаги не вѣрны, въ развязныхъ движеніяхъ нервная судорога, выпущенная фраза не складна, либо вовсе глупа. Если у него орденъ на шеѣ, или въ петлицѣ, онъ думаетъ, что всѣ двѣнадцать тысячъ глазъ только и видятъ его орденъ, только и думаютъ о томъ, какой онъ достойнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ. Онъ никакъ не можетъ допустить мысли, чтобы никто, рѣшительно никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, и каждый былъ-бы поглощенъ своимъ собственнымъ орденомъ, своей собственной особой. Все столпленіе этихъ показныхъ самодовольствъ, мельканіе и шныряніе въ общей сложности образуютъ мучительную скуку, пожалуй, еще хуже той, какая привела всѣхъ въ это столпленіе. Скучая въ одиночку, самыя тупыя головы еще могутъ хоть изрѣдка о чемъ нибудь думать, не насвистывая пошлаго мотива и не барабаня по столу пальцами, но скучая въ толпѣ, эти бѣдныя головы обращаются въ безпорядочныя склады бюстовъ, турнюровъ, фраковъ, мундировъ, выскребленныхъ и набѣленныхъ масокъ, подавляющихъ бѣдность личной мысли уныніемъ и потерянностью. Мелькаютъ часъ, ищутъ въ толпѣ знакомыхъ, всматриваются въ лица съ гадливымъ раздраженіемъ, какъ-будто всѣхъ и каждаго глубоко возмущаетъ появленіе всѣхъ другихъ, среди которыхъ ему тѣсно и непріятно, и онъ простить себѣ не можетъ, что явился туда, гдѣ мелькаютъ даже низшіе чины и чиновницы. Тоска этого раздраженія съ каждой минутой усиливается, и человѣкъ, который, часъ тому назадъ, всячески старался выставиться, блеснуть и

мелькнуть, теперь съ тревожной озабоченностью ищетъ уголка, куда бы скрыться. Все надоѣло, все примелькалось: и бюсты, и турнюры, и фраки, и мундиры, и тягостная, надутая пустота всеобщаго непониманія, для чего люди собрались.

Дамскимъ умамъ здѣсь пропасть работы. На сколько мужчины заняты только собою, на столько-же дамы вчужѣ поглощены другъ другомъ. Ихъ нетерпимость и неумѣнье прощать превосходство тотчасъ-же формируется въ завистливую сплетню, въ ядовитый намекъ, въ злорадное торжество подхихикиванія. Безъ сомнѣнія, все это дамы умѣютъ продѣлать прилично, даже изящно, съ тонкимъ вкусомъ въ выборѣ наслажденій, подчасъ съ великодушнымъ состраданіемъ.

По истинѣ, счастлива танцующая молодежь, хотя и предается удовольствію безсмысленному, да вѣдь для того оно и изобрѣтено, чтобы не мыслить, а исполнять механически. Если-бы танцы требовали ума то навѣрно никого не увлекли-бы даже чарующія мелодіи штраусовскихъ вальсовъ. Попробуйте объявить балъ, на которомъ вмѣсто безсмысленнаго круженія кавалеры и дамы, подъ звуки волшебно-чувственныхъ мелодій, должны написать соотвѣтственное звукамъ стихотвореніе, или хоть прозой выразить мысль о гнетущемъ ихъ счастіи, — можно ручаться, что ни одинъ чинъ, ни одна чиновница не станутъ метаться за входнымъ билетомъ по всему городу, не придутъ на балъ, даже если имъ пришлютъ билетъ «даромъ». Балъ тѣмъ и хорошъ для толпы, что онъ безъ разбора умныхъ и глупыхъ превращаетъ въ сборище изящно отшлифованныхъ автоматовъ, отъ которыхъ требуется этикетомъ одно мельканіе.

Балъ — символъ высшей цивилизаціи, и едва-ли не самая высшая формула равенства порядочныхъ людей съ непорядочными, для тѣхъ и другихъ вполнѣ безобидная. Балъ... Но позвольте, балъ заключаетъ въ себѣ еще одинъ мотивъ чрезвычайно сильнаго психическаго раздраженія. Вы видите здѣсь матерей и отцовъ, которые побросали дома ребятъ на попеченіе нянекъ и кухарокъ, и, подъ предлогомъ *вывоза* взрослой дочери или родственницы, сами рады и счастливы, что имъ есть въ чемъ показаться въ люди, и хоть мечтательно поблудить съ новыми лицами, которыя еще не примелькались, не надоѣли до одеревенѣлаго равнодушія. Въ головахъ ихъ происходитъ двойственное колебаніе: съ одной стороны семья, по адресу которой они мысленно говорятъ: «Наплевать, надоѣло-же» съ другой — новые бюсты, турнюры, фраки и

мундиры затѣмъ и выносятся, что имѣютъ всѣ права на благосклонное вниманіе и даже поклоненіе.

Еще одна вульгарная особенность: гдѣ столпляется шесть тысячъ душъ, тамъ начинается уже маскарадъ: люди другъ друга не знаютъ, а лгать для нихъ все равно, въ маскахъ или безъ масокъ,—лишь-бы они не знали личныхъ положеній и не могли уличить другъ друга при первой-же встрѣчѣ.

Кромѣ того, сколько зубовнаго скрежета, ненависи и отвращенія таится подъ вѣжливыми усмѣшками вьючныхъ мужей за расточительность бальныхъ женъ и дочерей, за всѣ турнюры, туфли, кружевца, наколки, перчатки, наемные рыдваны, словомъ, за всю сумму выброшенныхъ изъ семьи денегъ, на которыя заброшенные ребятишки были-бы сытнѣе накормлены, приличнѣе одѣты... Вѣдь все это мелькающеее человѣчество живетъ однимъ казеннымъ жалованьемъ, совершенно несообразнымъ со вкусами и наклонностями благовоспитанной семьи. Жалованье это ничтожно, почти унизительно, но такъ какъ всѣ хотятъ играть роль выше себя, то всякая горечь лишенія чувствуется еще интенсивнѣе. Среди этихъ блестящихъ, разфранченныхъ маменекъ, улыбающихся искательствамъ случайныхъ кавалеровъ, не одна подавляетъ мучительный вздохъ и еще болѣе мучительную мысль о томъ, какую изъ дорогихъ бездѣлушекъ завтра придется заложить, чтобы купить 2 фунта мяса къ обѣду и пачку папиросъ мужу.

Несомнѣнно, что люди мало и крайне поверхностно сознаютъ ужасъ жизни,—иначе они поголовно кончили-бы самоубійствомъ, и ни одно вполнѣ осмысленное существованіе было-бы невозможно. Человѣкъ (особенно женщина), еще очень и очень счастливъ, если не умѣетъ думать и живетъ *какъ нибудь*, день за день.

— Въ чемъ-же привлекательность этого стаднаго столпленія? Почему люди съ такой непобѣдимой страстностью стремятся въ это страдающее многолюдство, гдѣ каждому изъ нихъ тоже не по себѣ?

Потому, и только потому, что для одиночнаго существованія нужно очень много ума, чтобы не тосковать, не приходить въ отчаяніе. А такъ какъ большинство осуждено степенью своего ума на тоску и отчаяніе, то, понятно, всѣ отъ нихъ бѣгутъ въ шумное многолюдство, съ одной надеждой, что среди толпы, авось, они и сами себя замѣчать перестанутъ.

III.

Наши дамы порхали въ торжественномъ упоеніи. У Вѣры Васильевны былъ ловкій офицеръ, танцовавшій съ самой рѣшительной безнадежностью. Тетю Маню съ тяжкимъ усиліемъ таскалъ студентъ. Бѣдный труженикъ не замѣчалъ, что дама его бьетъ ногами не въ тактъ, не впопадъ, и останавливается посреди залы, чуть не рыдая отъ недоумѣнія.

Но имъ было весело, счастливо. Онѣ нашли знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, которыя то-же были чрезвычайно довольны, что имъ достали билеты, оглядѣли другъ друга до каблуковъ, взаимно разцѣнили туалеты, года и красоту. Опять загремѣла музыка, и нашлись новые ратоборцы, пожелавшіе передвигать тяжести. Ни Вѣра Васильевна, ни тетя Маня «не сидѣли», и въ этомъ была для нихъ высшая награда. Вѣра Васильевна съ нервическимъ оживленіемъ подставляла тетю Маню, подводила къ ней и знакомыхъ, и незнакомыхъ танцоровъ, и послѣ каждаго танца обращалась къ сестрѣ съ выговоромъ.

— Какъ это странно, Маня, ты совсѣмъ не умѣешь разговоръ завести, съ тобой оттанцуютъ и идутъ прочь...

— Боже мой, да что-же мнѣ дѣлать! трагически вскрикнула тетя Маня:—вѣдь они сами молчатъ, не могу-же я первая начинать... Смотри, вонъ Петръ Нилычъ стоитъ...

— Что ты? гдѣ?.. вотъ не кстати любезенъ!.. На, возьми карточки... спрячь за корсетъ... скажи, что это тебѣ дали...

Петръ Нилычъ давно уже стоялъ у стѣны и среди множество мелькавшихъ паръ никакъ не могъ разглядѣть своихъ дамъ.

Вѣра Васильевна подошла къ нему.

— Надѣюсь, ты уложилъ дѣтей? спросила она.

— Надѣюсь, тебя здѣсь не обижаютъ? отвѣчалъ Петръ Нилычъ.

— О, нѣтъ... Очень весело! Сколько народу!.. Какъ Маня довольна!.. сколько знакомствъ сдѣлала... Ахъ, извини, у меня обѣщана кадриль... Мы съ Маней vis-à-vis... Не правда-ли она хорошенькая?

Раздраженіе начинало подергивать Петра Нилыча. Болѣе часа онъ провелъ въ толкотнѣ, нигдѣ не находя покойнаго уголка. Здѣсь просили его подвинуться, тамъ отступить, дальше налеталъ на него локоть прямо въ спину, взбитая пыль ѣла глаза, забиралась въ носъ и въ ротъ; надоѣдливая пестрота неугомонно неслась кругомъ, и хоть-бы куда нибудь исчезла, — нѣтъ, все на томъ-же мѣстѣ толчется. Усталыя лица, лоснящіяся отъ пота, помутившіеся отъ восторга глаза,

страшная, подавляющая духота и пыль, отъ которыхъ даже огни тускнѣли, безпардонное буханье барабана, словно стѣну въ ушахъ пробивало тараномъ, всѣмъ жутко, почти тошно, и все-таки мелькаютъ.

Петръ Нилычъ глядѣлъ передъ собою и думалъ:

«Сколько здѣсь такихъ-же несчастныхъ мужей и отцовъ, какъ я!.. Какъ возмутительно глупо торжество этого женскаго культа!.. Покоряйся, давай деньги на мотовство, потому вѣдь стыдно, если скажутъ, что моя жена плохо одѣта, укачивай ребятъ, бросай срочную работу: выбросилъ деньги — мало, бросай и всякую возможность заработать ихъ, и скачи сюда въ подлѣйшемъ рыдванѣ за три цѣлковыхъ, ругайся съ извозчиками, лакеями, швейцарами, смотри съ любознательнымъ вниманіемъ на глупую пестроту и дѣлай видъ, что ты отмѣнно доволенъ и счастливъ: ни свои ребята, ни трудовыя деньги тебѣ ни почемъ!.. Ты рыцарь этого бабскаго культа, а рыцари жертвъ не считаютъ... Терпи и не бунтуй!.. Вонъ старичекъ какой почтенный, весь бѣлый, личико какъ двухдневнаго младенца, дремлетъ, забывается, давно-давно хочетъ спать, и не смѣетъ уѣхать, навѣрно, дочери танцуютъ, ищутъ дурака, который взялъ-бы замужъ... И у него есть свое дѣло, заботы, тревоги,—все къ чорту: женщины танцовать хотятъ!.. Дорогу имъ!.. А эти толстыя куклы въ бархатѣ, въ шелку, въ бриллiантахъ, съ выраженіемъ плотоядной наивности въ разъѣвшихся лицахъ, — сколько у каждой изъ нихъ безутѣшно ревущихъ ребятишекъ осталось дома, и сколько здѣсь ихнихъ мужей, которые, подобно мнѣ, цѣлый вечеръ занимаются скрипѣніемъ зубовъ... Больше, кажется, здѣсь нечего дѣлать мужьямъ: все удовольствіе въ чужихъ кавалерахъ... И о чемъ они могутъ говорить, сидя рядомъ въ кадрили? вѣдь онъ и она другъ для друга просто-таки люди съ улицы... «Сударыня, вы прелестны»...—Ахъ, что вы, полноте... А сама какъ ворона, радехонька... краснѣетъ, пыхтитъ, облизываетъ губы... Она уже лѣтъ пятнадцать, какъ забыла, что она прелестна, и... о, счастіе! она еще и теперь прелестна... Дома ребята, долги въ мелочную лавочку, нищета, грязь, рвань, но она прелестна, обольстительна, обворожительна... Она одѣта какъ милліонерша, а мужу каждая копѣйка достается кровью, она беретъ, сосетъ эту кровь, съ тупостью жвачнаго животнаго мнетъ на зубахъ, выноситъ ее на показъ въ это сборище, гордится этими подлыми кружевами, бриллiантами, не сознавая, что это все та-же кровь ея мужа. Она, какъ тощая Фараонова ко-

рова, способна пожрать не одну, а цѣлое стадо тучныхъ коровъ, и останется такой-же жалкой, голодной, несмысленной, невинной... О, невинность женская! когда-же, наконецъ, ты будешь виновной, отвѣтственной за всѣ семейныя козни и муки, взваленныя тобою на мужей?.. Вонъ пошли мазурку. . Слава Богу, скоро кончится... Бѣдная Маня! она скачетъ, не слыша даже барабана... Кавалеръ краснѣетъ,— убилъ бобра, кругомъ смѣхъ, и ничего, она скачетъ съ полнымъ удовольствіемъ... А моя-то, моя-то умница отличается... Прошу покорно!.. Это послѣ пятнадцати лѣтъ замужества, послѣ четырехъ родинъ... вонъ какъ навалилась на руку офицера... Что значитъ опытъ, однако, знаетъ уже вліяніе непосредственныхъ ощущеній, сразу умѣетъ заинтересовать, а ужь навѣрно завтра получитъ пламенное признаніе въ любви: вѣдь прелестна сударыня!.. Фу, чортъ! да причемъ-же я здѣсь?.. зачѣмъ? А вотъ отвези этихъ дамъ, въ качествѣ лакея-тѣлохранителя, домой. Онѣ уснутъ съ сладкими грезами, а ты, убивши самымъ позорнымъ образомъ цѣлый вечеръ и половину ночи, завтра вставай съ разсвѣтомъ, работай, добывай рубли, и тебѣ ни одна скотина даже самовара не подастъ изъ состраданія: всѣ утомлены баломъ — и барыни, и кухарки, и только глупый храпъ будетъ свидѣтельствовать о счастіи проведенный ими ночи... Нѣтъ, такъ нельзя, наконецъ!.. Я не могу... я не въ правѣ такую гадость терпѣть; я обязанъ защищать права дѣтей!.. Невозможно-же такъ гусарствовать цѣлую жизнь... Я непремѣнно объяснюсь съ ней... Извозчикъ съ рыдваномъ простоялъ два часа лишнихъ,—разумѣется, потребуетъ еще три рубля, а на три рубля завтра всѣ были-бы сыты... Гадость! подлая гадость! Она не смѣетъ такъ глупо жертвовать дѣтьми для глупой Мани, которой мужа надо... Пусть мужа ищетъ сама,—зачѣмъ я здѣсь, моя жена?..

Мазурка кончилась. Утомленныя дамы повисли на рукахъ кавалеровъ, доставлявшихъ ихъ въ гардеробную. Всѣ были очень счастливы. Даже бѣлый старичекъ, котораго замѣтилъ Петръ Нилычъ, не спалъ и велъ очень бодро прехорошенькую брюнетку, сіявшую отъ наплыва поэтическаго счастія.

Петръ Нилычъ одѣлъ своихъ дамъ, усадилъ ихъ въ безобразный рыдванъ, и полтора часа путешествія молчалъ и дремалъ. Сестры вспоминали, что было особенно интереснаго на балѣ, нервно хохотали, передразнивали дамъ и кавалеровъ, глумились надъ всѣми, кромѣ самихъ себя и, разумѣется, не подозрѣвали, что надъ ними другіе глумятся точно также, если не хуже, не оскорбительнѣе.

Маню отвезли домой. На возвратномъ пути, tête-à-tête, Петръ Нилычъ заговорилъ:

— Вѣрочка, ты помнишь, что у тебя есть дѣти?

— Что за глупый вопросъ? Что вы хотите сказать?

— Я хочу отвѣта на вопросъ.

— Ну, да... есть Катя и Варя... Что изъ того? Я осуждена стирать ихъ пеленки и не видѣть Божьяго свѣта?

— Не то, совсѣмъ не то...

— А, тебѣ обидно, что я рвусь за удовольствіемъ? ѣду для сестры на балъ? Но ты-то, ты, развѣ привелъ къ ней хоть одного молодого человѣка?

— Избави Богъ! я никому зла не желаю!

— Наша Маня—зло? Ха, ха!.. Ты, надѣюсь, видѣлъ, какой успѣхъ имѣла она на первомъ-же балѣ... А теперь мы получили даровые билеты на другой балъ, на будущей недѣлѣ...

— Видишь-ли, Вѣра, такъ жить нельзя...

— Еще-бы: вамъ денегъ жаль!..

— Да, жаль. Это глупое удовольствіе и совершенно несообразное съ положеніемъ людей семейныхъ... Сосчитай, сколько стоитъ этотъ балъ и переведи на потребности нашей жизни... Наконецъ, не забудь, что дѣти твои не животныя: имъ, кромѣ корма, нужно и материнское вниманіе.

— А ты на что? вѣдь ты-же оставался дома, уложилъ ихъ спать?..

— Уложилъ: ни матери, ни няньки... Кому-же укладывать...

— Но гдѣ-же нянька?

— Разумѣется, ушла къ любовнику.

— Ну, значитъ, надо прогнать...

— Да вѣдь тебя-то прогнать нельзя: ты — жена. Да я, признаюсь, понять не могу, какъ это можно искать удовольствій въ толпѣ чужихъ...

— Ну, ты еще многаго понять не можешь. Ты вотъ не можешь понять, что у твоей жены только и есть одно выѣздное платье, въ которомъ на второй вечеръ нельзя уже показаться?

— Значитъ, нужно еще денегъ?

— Непремѣнно... Если ужь и въ этомъ себѣ отказывать, то для чего и жить...

Петръ Нилычъ умолкъ. Начинался разговоръ невозможный съ торжествующимъ побѣдителемъ, и онъ невольно подумалъ:

— Ну, а мнѣ-то стоитъ для этого жить?

ПЕЩЕРНЫЯ ДѢТОЧКИ.

Много лѣтъ назадъ, когда у пещернаго человѣка водились еще капиталы, онъ началъ учить дѣтей. Дѣло было новое, необычайное. До того учили только дворянскихъ дѣтей, да и то больше «для обдома».

Денегъ потребовалось цѣлыя кучи. Въ прежніе годы пещерный человѣкъ со всей семьей проѣдалъ на крупчаткѣ рублей триста, а теперь на каждаго сына требовалось по триста, да на Аннушку съ Машенькой по триста.

Сказывали: хоть умирай, да учи, всѣ деньги нынче отъ науки пойдутъ и каждый своимъ умомъ добывать станетъ.

Если-бы не этотъ соблазительный сказъ, никогда пещерный человѣкъ не распечаталъ-бы свою кубышку для нынѣшнихъ жестокихъ наукъ.

Самъ старикъ, по прежнему, сидѣлъ у подворотни и съ мучительнымъ недовѣріемъ обмышлялъ всѣ новшества: пришла чугунка, земство, банкъ, окружной судъ, гимназія, клубъ для сліянія сословій. На первыхъ порахъ просвѣщеніе до того всколыхнуло всю трясину, что даже питейное дѣло облагородилось, и на улицахъ не стало ни дракъ, ни сердечныхъ посуловъ. Весь скандалъ неумытости нравовъ перенесенъ былъ въ клубъ. По улицамъ ходили одни господа съ дамами, пріѣхавшіе изъ Питера, чтобы окончательно вымотать душу изъ пещернаго человѣка, и говорили промежъ себя по-французски.

На кого ни глянетъ пещерный человѣкъ, передъ нимъ либо шустрый прокуроръ, либо управляющій банкомъ, чугункой, гимназіей.

Страсть—что наѣхало новыхъ господъ, и у всѣхъ тысячи. А откуда пошли тысячи? Все отъ жестокой науки. Одинъ тебѣ приговоръ вычитываетъ, другой кассацію сочиняетъ, третій—печати на твое иму-

щество кладетъ, четвертый—протягиваетъ либо повѣстку къ смертоубійству, либо окладной листъ, пятый—наблюдаетъ, благополученъ-ли ты въ тюрьмѣ, не терпѣшь-ли какого притѣсненія отъ справедливости, шестой—вексель твой предъявилъ къ протесту и наложилъ запрещеніе на имущество, седьмой—пришелъ свидѣтельствовать, въ своемъ-ли ты умѣ, восьмой—налетѣлъ съ обыскомъ, не занимаешься-ли «скуки для» изготовленіемъ размѣнной монеты, девятый—требуетъ, чтобы ты ежеминутно оказывалъ порядокъ и почтеніе и т. д. Каждый дирижирующій господинъ или внушаетъ тебѣ что-нибудь неслыханное и удивительное, или привлекаетъ тебя къ вмѣняемости и наказуемости. Пошло такъ: либо ты виноватъ въ своей жизни, либо у тебя отнять надо крупитчатую булку.

— Осатанѣли мы, осатанѣли, господинъ мой милостивый, плачется пещерный человѣкъ: — пошла такая строгость, такое навожденіе неугомонное, что никакими тысячами ты нынѣшняго господина приказнаго не ублажишь: то штрафъ, то взысканіе, то личное сокрушеніе въ темницѣ, то позоръ на тебя по всему городу, — и столько кругомъ хохоту, что и по самому дѣлу надо тебѣ съ ума сходить. Вотъ какъ живемъ... Ну, само собою, лестно, что сыны твои и отъ науки будутъ не вмѣняемые, а вмѣнятели, потому ничего больше не остается: или самъ вмѣняй, или тебѣ вмѣнятъ. Ядовитая жизнь пошла!.. всѣ чувства родственныя сокрушила... Только и норовимъ, какъ-бы другъ у дружки шею перегрызть, либо хоромы отнять по взысканію.

Попробуйте доказать пещерному человѣку, что всѣ нынѣшніе господа отъ науки посланы къ нему изъ Питера для того, чтобы охранять его права, его здоровье, его благополучіе.

— Никакъ этого быть не можетъ, господинъ, возражаетъ пещерный человѣкъ,—потому каждому до себя, а жить ныньче всѣмъ страшно, и господамъ-то этимъ страшно, еще хуже нашего, потому они только и высматриваютъ на службѣ, въ какое мѣсто укусить другъ дружку удобнѣе...

— Ну, вотъ и стали это сыны наши думать, продолжаетъ пещерный человѣкъ:—въ какіе начальники имъ выходить? Михайло говоритъ: «лечить человѣка надо», а Егоръ—«пороть его! въ тюрьмѣ сгноить»! И не отъ сердцовъ это у нихъ, а по наукѣ: «пороть да лечить»—да и все тебѣ тутъ... Михайло въ тѣ поры первый пріѣхалъ домой и чинъ на пергаментѣ привезъ... Посмотрѣлъ на насъ этакъ

недѣлю, другую,—«все-то у васъ», говоритъ, «дикость да безобразіе», и такой сталъ хмурый, да сердитый, ходитъ по всему городу и никому не кланяется, книжки про себя читаетъ, а намъ хоть-бы слово сказалъ... Какъ-же, молъ, Мишенька, думаешь, что̀ означаетъ твой чинъ на пергаментѣ? Все мы, слава Богу, проѣли да проучили, Божье милосердіе въ закладъ снесли, домикъ въ банкѣ заложили, и отъ твоей милости ждемъ судьбы своей. «Надо, говоритъ, мѣста искать». Хорошо!.. Вотъ и пошелъ это я къ головѣ, къ предсѣдателю земскому:—дайте сыну нашему мѣсто: привезъ чинъ на пергаментѣ, а деньги мы всѣ проучили и булки пріѣли. Сжальтесь, молъ, Христа ради, и умный-то онъ у меня, и служака вамъ будетъ чудесный... Говорю Михайлѣ-то: сходи самъ, покланяйся, помолись,—вся крупчатка у насъ на исходѣ. А онъ: «Какой, говоритъ, тятенька, у васъ языкъ лакейскій... Ну, развѣ можно такъ съ дураками говорить и меня въ униженіе ставить?..» Страсть—осерчалъ... Каждый день этакъ сталъ гремѣть, все униженіе да униженіе... Къ господамъ пошелъ и все это у него пошло на господскую руку. Соберутся и давай разговоры разговаривать: что теперича для Россіи надо, какъ то, какъ другое... Обсуждаетъ мой Михайло, словно его губернаторомъ сдѣлали: это вишь такъ должно, а то вотъ этакъ, и все это онъ куда-то въ вышину бралъ да дураковъ вокругъ себя видѣлъ. Все сплошь дураки у насъ. Пошелъ это съ господами, ну, а вѣдь господъ принять не шуточное дѣло: имъ и вина давай по цѣлковому за бутылку, и жареный филей по-поварски, какъ въ гостиницѣ, а мяса изъ нашихъ щей ѣсть не станутъ. Какъ-же, говорю, Мишенька, гдѣ будемъ денегъ добывать?.. Опять загремѣлъ: «Все-то у васъ, говоритъ, корысть на умѣ, никакихъ благородныхъ чувствъ въ васъ нѣту, и никакъ вы понимать меня не можете, потому дикость да гладость васъ обуяла, всякое подобіе Божіе съ лица сошло, только и знаете деньги, а я, говоритъ, двадцать лѣтъ науку училъ, такъ надо мнѣ и отдыхъ дать». Ну, отдыхай съ Богомъ... Тѣмъ временемъ коровъ продали, свиньи были, и свиней пріѣли: Мишенька, родной мой, вся надежда на тебя одного... Никакихъ добытковъ у насъ нѣтъ и занять не у кого... Ну, это, говоритъ, я понимаю, а только и моей вины въ томъ нѣтъ, потому мѣста нѣтъ... Ну, и бьемся такъ, безъ вины виноватые... Машенька съ Анпушкой подросли, тоже изъ гимназіи чинъ взяли... Чинъ чиномъ, а дѣла имъ нѣтъ никакого. Книжки читаютъ, пѣсни за фортепьянами

распѣваютъ, и тоже все по господски: спятъ до полудня, къ чаю дай имъ булку крупитчатую, и все-то имъ закажи у портнихъ: рубахи на себя сшить не умѣютъ, а плачъ каждый день то отъ кружевъ, то отъ платья, то отъ лайковыхъ перчатокъ... Ревмя ревутъ отъ всякой нехватки... И все это давай имъ по модѣ, какъ въ газетахъ узоръ обозначенъ, а сами горницы не подметутъ, въ грязи, въ сору сидятъ цѣлый день, потому имъ не до того: первое дѣло ужь на господскую стать пошли—и шляпка, и пудра, и перчатки—все равно какъ у дочки предводителя, второе—все книжка да фортепьяно, а ты, батька ищи гдѣ хошь денегъ на продовольствіе... А гдѣ у насъ денегъ найдешь?.. Пошелъ просить на бѣдность, къ богачамъ толкнулся, къ господамъ ходы вызналъ: такъ и такъ, государи мои, ѣсть намъ совсѣмъ нечего... Ходилъ это, ходилъ—гдѣ гривенникъ дадутъ, а гдѣ и рубль, и вижу всѣ несчастны, и Машка, и Анютка ревутъ.

«Намъ», говорятъ, «совѣстно, тятенька, по чужимъ дворамъ таскаться,—таскайтесь уже вы...» А сами все либо на фортепьянахъ, либо въ перчаткахъ на бульваръ идутъ, либо у крупитчатыхъ булокъ чай распиваютъ; и разговоры у нихъ особенные: какая въ чемъ одѣта, да почемъ аршинъ, да какую ноту одна выведетъ, а другая не можетъ, коли глотка узка... И у кого какіе глаза, и какая любовь, и такіе это герои налѣзли имъ въ голову—отъ книгъ-ли, отъ болѣзни-ли, можетъ, и по навожденію,—какъ ни посмотришь, гдѣ Машка съ Анюткой, все съ офицерами, и таково это ихъ разбираетъ, такъ и покатываются, такъ и заливаются... Офицеры все молодецъ къ молодцу, и тоже ноту поютъ, словно вотъ на представленіи... Господи, Боже мой! сколько лѣтъ этакъ-то колотились... Вѣдь просишь, просишь, да и отказывать стали. Михайла сидитъ безъ мѣста и благородство свое намъ оказываетъ, съ господами разсуждаетъ, какъ и что будетъ и какимъ человѣкъ быть долженъ—не то братъ, не то сватъ всему свѣту. А дѣвкамъ онъ-же внушаетъ, что жить имъ тутъ не у чего, крупчатка на исходѣ, и батьку по боку, а есть, молъ, въ Питерѣ высшая наука и денегъ даютъ, только учись—денегъ, а потомъ мѣсто... Офицеровъ, говоритъ, надо бросить и не зачѣмъ ноту тянуть. Пріѣхалъ и другой сынъ, Иваномъ звать. Этотъ чина напергаментѣ не получилъ, кому-то въ ухо далъ, его и выслали къ батькѣ на покаяніе... Орломъ налетѣлъ, сразу все смѣрилъ, сообразилъ, и давай судиться: просьбы пишетъ, въ судахъ такъ и клюетъ весь городъ переполошилъ. «Не робѣй, говоритъ, тятенька, все мы отсудимъ, у

такого-то домъ отнимемъ, а съ такого-то денегъ сто тысячъ, съ другого двѣсти... И все по судамъ, по судамъ... Развернетъ законъ, и все ему ясно, у кого что можно отнять... И столько онъ судбищъ развелъ въ городѣ, столько людей натравилъ, столько кляузъ расписалъ, что, бывало, коли гдѣ бьютъ кого, такъ и знаю, что Ивану голову проломятъ. Отъ проломовъ-ли отъ этихъ, или отъ законовъ, или отъ винъ господскихъ, парень мой совсѣмъ осатанѣлъ, судьямъ-то сталъ такія слова говорить, хоть выводи его въ видѣ пьянаго да въ казематъ сажай. Съ купцовъ денегъ набралъ,—стыдно на улицу показаться, кто ни идетъ мимо, всякъ остановится да скажетъ: «Ну, сынокъ у тебя, Спиридонъ Трофимычъ, наградилъ Господь...» — Что-жъ, молъ, сынокъ?.. вонъ Михайла-то и хорошій сынъ, да что въ немъ... Этотъ, по крайности, деньги рветъ, а Михайло вотъ и хорошъ, и благородства у него завсегда полонъ ротъ, да мѣста ему не даютъ, на батькиной-же шеѣ сидитъ... И пошелъ это Иванъ, пошелъ, пошелъ... Лошадей завелъ, актерку у полковника сманилъ, купчиху Оболтусову на голую кость ободралъ, куда ни протянетъ руку, вездѣ ему деньги да удовольствіе... вездѣ у него «дѣла», и что ни «дѣло», то сто серебра... Безстыжій былъ... Въ тюрьму-ли кого засадить, имущество-ли отнять... Иной-бы вѣкъ не судился, ну, гдѣ намъ съ законами знаться, а Иванъ тутъ, какъ тутъ: «Дѣло это такъ и такъ, законъ такой-то, стоитъ столько-то, деньги впередъ». И били-жъ его!.. Господи, Боже, какъ били!.. вся голова разломана, а вотъ поди-жъ ты... У другого и цѣлая голова, да ума того нѣтъ въ ней, что у Ивана въ разломанной... Бывало, рѣчь-то начнетъ держать въ судѣ, со всего уѣзда барыни съѣдутся смотрѣть, цѣлый день говоритъ, словно вотъ машину въ трактирѣ завели, и всѣ слушаютъ, потому умственность у него очень глубокая. Жили мы этакъ припѣваючи. Деньги у Ивана вольныя, дѣвокъ нарядилъ, словно вотъ принцессъ изъ сказки, платье — не платье, брилліантъ — не брилліантъ... въ Питеръ стали ѣздить платья-то заказывать, къ заморскимъ портнихамъ, и все за фортепьянами сидятъ и пѣсни поютъ. Господа наберутся, меня ужь и въ горницу не пущаютъ, развѣ около лошадей покараулю, да на чай попрошу... Ужь не батькой, а работникомъ сталъ. Одинъ Михайло лежитъ, да ругается, сгребетъ это себя за волосы и вопитъ: «видѣть этого подлеца не могу!» Это Ивана-то... Ужь онъ коститъ, коститъ его: и подлецъ-то, и кровопивецъ-то, и каторжная ты каналья, гово-

ритъ, всю семью говоритъ, развратилъ, весь городъ въ Содому обратилъ, и каторги-то тебѣ мало, а повѣсить надо, потому съ такими разбойниками жить никакъ невозможно...» И вижу я, что Михайло совсѣмъ какъ-бы заболѣлъ, надорвался отъ брани... Не житье ему съ нами, что говоритъ... Дѣвки-то за одно съ Иваномъ, потому деньги у него вольныя, въ Питеръ ихъ возитъ, театры показываетъ, а пріѣдутъ назадъ — ну, словно вотъ не мои, а другія совсѣмъ дѣвки. Одержимость какая-то нашла на нихъ: въ Питерѣ-то вотъ какъ живутъ, магазины-то эва какіе, а на тройкахъ-то ѣздятъ вотъ какъ, а цыгане-то поютъ, а шампанское-то льется, а кавалеры-то танцуютъ... Какъ начнутъ это разбирать, какъ въ Питерѣ, да какъ у насъ,—ну, вижу и дѣвкамъ со мной не жить, другая линія на умѣ у нихъ. Очень ужь взыгрались, денегъ-то вольныхъ отвѣдали,—ну, дай, подай питерское житье: очень ужь умныхъ людей тамъ много, есть съ кѣмъ разговоры-то говорить, ну, и цыгане, само собой, и шампанское, и извозчики-лихачи, и всякую ночь, вишь, заморскія пѣсни играютъ... Надо, молъ, и намъ учиться, это дѣвки-то.—Чему-же вамъ еще учиться, коли изъ гимназіи вамъ чины выдали?—А учиться надо пѣнію, это ноту-то глоткой драть, потому въ актеркахъ нынче страсть сколько денегъ даютъ и отъ публики имъ первое уваженіе... Все это ужь поняли, ахъ, какъ поняли!.. А Михайло лежитъ и стономъ-стонетъ: «Оттого, говоритъ, и дикость у васъ пошла, что всѣ побѣгли куда-то человѣка грабить, вольнымъ деньгамъ обрадовались; а работать никто не хочетъ, у всѣхъ, говоритъ, грабительскія чувства къ человѣку, и каждый норовитъ продать либо тѣло, либо душу, потому продавать по нынѣшнимъ временамъ больше нечего». Долго ругался, одначе плюнулъ и съѣхалъ со двора. «Не могу, говоритъ, жить, всѣ вы мошенники!.. «Такъ, говоритъ, всѣ вы душегубствомъ пропахли, что нѣтъ мнѣ никакой радости въ вашей жизни». Ни дѣвки, ни Иванъ-братъ никакъ понять его не могутъ. По ихнему, онъ какъ-бы блаженный вышелъ. И отъ господъ-то удалился по той самой причинѣ, что и въ нихъ тоже самое искаріотство пошло, все вольныхъ денегъ ищутъ. Ну какъ-же, Мишенька, говорю, куда батьку-то дѣвать? Кто кормить меня будетъ на старости лѣтъ? Иванъ-то, молъ, не кормилецъ,—не сегодня, завтра голову ему оторвутъ, очень ужь онъ руки-то широко расправилъ на чужое добро... А Михайла мнѣ: «Ежель тебѣ, батюшка, все равно, какими деньгами утробу продовольствовать: честными или не честными, такъ ты живи

съ ними, потому добытки у нихъ куда больше моихъ. А честному человѣку нынче, говорятъ, одно средство—издохнуть надо». Ну, плюнулъ, и со двора долой. Куда пошелъ—вотъ ужь который годъ ни слуху, ни духу, словно его и на свѣтѣ не бывало... Пропалъ!.. Даже денегъ ни разу не попросилъ и письма не писалъ. Бывало вспомнишь о немъ, что вотъ, молъ, всѣхъ училъ, всѣ достатки на васъ положилъ, а куда Михайлу дѣвали?..—«И охота вамъ, тятенька, о такомъ дуракѣ вспоминать... Вы вотъ на насъ глядите, радуйтесь, какъ мы въ господа вышли, а Михайла съума сошелъ... За нами живете—что у Христа за пазухой, такъ чего вамъ еще?..» Это Иванъ-то... Ну, точно, жилъ въ довольствіи, пшеничное со стола не сходило, и вино господское, по цѣлковому бутылка пивалъ. Всего было въ волю. А ужь гостей къ нему, такъ и отбою не было, всю ночь на пролетъ одни пѣсни поютъ, другіе въ карты играютъ, а третьи умные разговоры ведутъ. Ночь пьютъ, а день спятъ, словно вотъ заведеніе открылось... Господа-то всѣ съ толку сбились, затмѣніе ума пошло. У всякаго тоже дѣло есть, а ужь какое ему дѣло, коли онъ ночь пропилъ и въ головѣ у него одинъ паръ шумитъ... Вино-то все хорошее, что ни бутылка, то рубль... Ну, и дѣвки тоже не отстаютъ, компанію поддерживаютъ и пѣснями забавляютъ, а господа въ ладоши бьютъ и ручки цѣлуютъ. Хороводились этакъ года два, и вдругъ пріѣхалъ слѣдователь — въ гостяхъ у насъ часто бывалъ, на Марьѣ-то жениться хотѣлъ.—«Я, говоритъ, къ вамъ по дѣламъ, обыскъ стану дѣлать, а васъ, Иванъ Спиридонычъ, покорнѣйше прошу въ острогъ».—Побѣлѣлъ Иванъ, затрясся, и ухмыляется: «Вотъ какъ?» говоритъ.—Что-жъ, въ острогъ, такъ въ острогъ... Я-то, молъ, сяду, да и тебя посажу». Очень ужь у него нахрапъ-то былъ необузданный, потому законъ до тонкости зналъ. Что случилось, Господь знаетъ, никакихъ своихъ дѣлъ онъ не открывалъ намъ... Деньги дралъ большія съ купцовъ и вина тоже много пилъ, а въ какихъ дѣлахъ объявился, это намъ неизвѣстно. Взяли, посадили. Сидитъ. Вещи, дѣла его всѣ опечатали, у актерки тоже много добра нашли—все отъ нашего-же. Насъ тоже повели къ допросу: какъ жилъ да сколько проживалъ, кому сколько въ карты проигрывалъ... А имъ-же все проигрывалъ, приказнымъ. Другихъ господъ не было... Офицеры-то отошли, потому Марьѣ время пришло и отправили ее въ губернію, къ бабкѣ-голландкѣ... Сколько позору-то было!.. глаза не глядѣли-бъ на свѣтъ!.. И дѣвку-то жаль, вѣдь дочка

родная, да изъ-за нея-то проходу нѣтъ по улицѣ... А Иванъ сидитъ и такую это онъ уголовщину распространилъ, столько людей опуталъ, что, кажется и человѣка въ городѣ не осталось, всѣхъ на допросъ ведутъ, а кого и отъ должности отставили... Сколько семей по міру пустилъ, такъ это даже удивленія достойно, какъ словамъ его могли вѣру давать. Въ прежнее-бы время этакаго кляузнаго человѣка розгами отодрали, потому всѣхъ онъ жестокой наукой своей замаралъ, каждый злобу къ нему въ сердцѣ своемъ вертитъ, а сдѣлать ему ничего не можетъ, потому законовъ такихъ не знаетъ, а Иванъ знаетъ. Денегъ нарвалъ съ купцовъ большія тысячи, и все опечатали и забрали. Цѣлыхъ два года Ивана винили. Дѣло такое, что барина мышьякомъ окормили и духовную сочинили, что всѣ капиталы и имѣнія оставляю, молъ, любезному моему адвокату. Говорятъ, и дѣло-то сладилось-бы, да какой-то раздоръ, вишь вышелъ. Кость-то, знать, больно велика,—подавились. Остался я одинъ съ Аннушкой. Сына Михайлу потерялъ, дочка Марья будетъ жива, а либо нѣтъ. Иванъ въ острогѣ,—жизни не радъ!.. Вотъ и сталъ я въ тѣ поры зашибать. Пилъ, пилъ, до того допилъ, что законы купилъ и началъ самъ судиться... Ну и Аннушкѣ, вижу, не житье у меня. Только и дѣла ей, что истерика, да обморокъ. Очень ужь нѣжности-то, благородства-то набралась, да на фортепьянахъ-то все представляла, какая нота и какой клапанъ въ душѣ означаетъ, и какимъ голосомъ любовь поетъ. Все любовь, ничего, окромя любви да незаконнаго ребенка не было. Плачетъ дѣвка, сама не своя. Офицеры отступились, перестали кланяться—дѣвкѣ позоръ, ножъ острый въ самую эту ноту, по ихнему. Билась, билась, наконецъ того говоритъ: «Какъ хочешь тятенька, а жить я съ тобой не могу, потому есть у меня образованіе, красота и круглота, и на чужихъ языкахъ по господски могу говорить, поѣду я въ Питеръ, поступлю въ актерки и денегъ тебѣ буду высылать». Снялась и поѣхала. Проводилъ, поплакалъ, благословеніе родительское далъ, и она плачетъ—Богъ знаетъ, къ кому и зачѣмъ ѣдетъ, да ужь и дома-то ей не въ терпежъ... Что уговаривать, — дѣвка на возрастѣ, красота да круглота: кому и хлѣба дадутъ, коли не ей... Уѣхала. Остался одинъ, какъ перстъ, кругомъ пустодомство изъ каждаго угла глядитъ на тебя тоска смертельная, вещи всѣ уволокли, сыновъ и дочерей растерялъ, крупчатка доскональнo вся вышла; а денегъ — словно и на свѣтѣ ихъ нѣтъ. Ни за что не достать денегъ!.. Всѣ на тебя ко-

сятся, всѣ злы, говорятъ съ тобой съ издѣвкой, что вотъ ты въ какомъ положеніи состоишь, очень это всѣ понимаютъ: Иванъ-то вѣдь твой сынокъ, Марья-то твоя дочка, а Михайлу-то вы погубили, подлецы, потому что онъ человѣкъ былъ не вашей совѣсти, а самъ-то ты, старый чортъ, сталъ кляузникомъ не хуже Ивана... Вѣдь вотъ что стали говорить... Все претерпѣлъ, потому Богъ велѣлъ... Терпѣлъ и пилъ... До сихъ поръ къ питейному дому привычку имѣю, но все не такъ, запой у меня бываетъ раза четыре въ годъ, этакъ по мѣсяцу, а когда и по два... Вернулась и Марья. Гдѣ-жъ, говорю, внучекъ-то?—Вотъ новости, говоритъ,—стану я незаконнаго ребенка держать... И отца-то не знаю, кто ихъ разберетъ... А гдѣ-же Анна?—«Анна въ актерки поѣхала».—Ну, значитъ, и я поѣду: чѣмъ я хуже Анны? Красота, круглота, языки и нота съ фортепьянами,—все равно, коли Анна можетъ, такъ и я могу». Видно ужь очень горько мнѣ стало, заплакалъ я, на колѣни упалъ: Машенька, Машенька! не покидай ты меня сироту... Старъ я, глупъ, умовъ вашихъ постигать не могу... Живи ты со мной, не дологъ мой вѣкъ, обопьюсь гдѣ нибудь въ канавѣ, хоть глаза-то закрой мнѣ родной рукой... Ну, пожалѣй, ну, пощади ты мою старость, мою глупость!.. Все я на васъ, на дѣтей моихъ, отдалъ, не соблюлъ къ старости гроша мѣднаго, все за науку, чтобы людей изъ васъ въ школахъ сдѣлали... Деньги-то мои, Машенька, трудомъ добыты, не вашимъ, нынѣшнимъ, чета... Одна ты теперь у меня, одна одинешенька!.. Пожалѣй!.—Не тутъ-то было! Какъ заговоритъ Марья-то по ученому, какъ въ ихнихъ книгахъ писано,—страсти Господни! Ничего не пойму, а только чувствую, какъ злость-то бьетъ ее, стерпѣть-то ничего не можетъ отъ нѣжности, все себя жалѣетъ, плачетъ, плачетъ, слезы такъ и брызжатъ, а сама ругается, проклинаетъ,—«ненавижу», говоритъ, «я всѣхъ васъ, да и тебя тоже, старый дуракъ!»

Эва какъ!? Ну, на другой день тоже снялась и поѣхала: въ Питеръ, вишь, очень много актерокъ требуется, и, коли красота да круглота, такъ никакого ума не надо, и денегъ страсть что даютъ. Точно, мѣсяца два прошло, пришла это повѣстка на двѣсти рублей, получилъ, и письмо читаю, Анна пишетъ: такъ и такъ, дорогой тятенька, служу я въ въ театрѣ «Выпь да положь», играю въ опереткахъ все принцессъ да царицъ, костюмы у меня роскошные, публика меня любитъ и вѣнки подноситъ, а господа офицеры да адвокаты въ увлече-

ніе приходятъ отъ моей игры и руку тысячу разъ предлагаютъ, только чтобы ѣздить съ ними въ маскарады, но какъ я нравственность свою соблюдаю, то и посылаю тебѣ двѣсти рублей серебра». Ну, само собой, одни слова, не сказать-же ей прямо родителю, откуда у нее такая сила денегъ. Второй разъ сто серебра прислала, а третій ужь и двадцать пять — все, вишь, на костюмы уходитъ да на ужины. А Марья и вовсе не присылала, потому батькѣ, говоритъ, не обязана, а все, вишь, отъ таланта у ней пошло. И гдѣ теперь обѣ дочки, Богъ знаетъ. Сперва все по ярмаркамъ съ комедіей разъѣзжали, въ Питерѣ-то имъ ужь и хлѣба не стало, развелось очень много этакихъ. Тоже вотъ сидитъ гдѣ въ городѣ, при родителяхъ, крупчатка-то на исходѣ, а ей тутъ талантъ въ голову и вступитъ, красота, круглота—сейчасъ это въ Питеръ, а Питеръ вѣдь несерьезный городъ на счетъ денегъ: коли дѣломъ да честью, ничего не добудешь... Сына Ивана тоже прикончили, всему горову поперекъ горла сталъ... Ужь и огрызался-же онъ на судѣ, сколько господъ переконфузилъ: «тому-то, говоритъ, я тысячу взаймы далъ, другому тысячи въ карты проигралъ, третьему опять взаймы... Какого, говоритъ, безпристрастія вы хотите, отъ такихъ свидѣтелевъ...» Такъ господъ-то отъ должности смѣнили, одначе, и его въ Енисейскъ послали, да онъ и въ Енисейскѣ надѣлаетъ дѣлъ, коли голову гдѣ въ трактирѣ не проломятъ. Такъ-то вся семья наша прикончилась, всѣхъ разметало, побросало, кого куда, и Господь знаетъ зачѣмъ. Все на дѣтей положилъ, а они вотъ какъ... А все вѣдь что? все это страсть къ нѣжности да къ крупитчатой булкѣ, въ господа вышли, а господства-то имъ нѣтъ ни откуда, ѣсть, пить давай всего моднаго, самаго что ни на есть лучшаго, а одежду-то за моремъ шьютъ, ну, и надо по нынѣшнимъ временамъ чорту душу продавать... Денегъ надо сто серебра, а ума на полтину. и никакъ нельзя по господски прожить на полтину, ну, и осатанѣлъ человѣкъ, и пошелъ по судамъ да по театрамъ, гдѣ соблазномъ, а гдѣ ненавистью чужія деньги рвать. Кому голову разломаютъ, кого въ разрядъ запишутъ, это имъ все ни по чемъ, только-бы нѣжность господскую соблюсти... И удивительное это дѣло, вѣдь учили-же ихъ вотъ пѣсни играть, на господскихъ языкахъ говорить, на театрахъ комедію представлять, въ судахъ человѣка терзать, и все, вишь, для добра, по человѣчеству. Послушать ихъ, и добрые-то они, и несчастные-то, а вѣдь каинской породы нынче пошелъ человѣкъ, не попадись ему въ

руки,—умытаритъ, и словъ тебѣ добрыхъ наговоритъ, и ножикъ въ сердце воткнетъ—съ удовольствіемъ. Основательности тоже куда меньше прежняго, очень ужь размашисто жить стали: привычки-то все господскія, а добытки трудовые все меньше... Сохрани Богъ, теперича хоть-бы моимъ дѣвкамъ выйти замужъ за человѣка трудящаго: худо имъ, и ему смерть адская. Сколько ни работай трудящій человѣкъ, никогда онъ не наработаетъ на лайковыя перчатки, на духи да на крупитчатыя булки. Теперича, надо ждать, такъ пойдетъ, что господинъ, ежели онъ при совѣсти, будетъ жениться на мужицкой дѣвкѣ, покуда она еще перчатокъ лайковыхъ не узнала. А ужь какъ перчатки узнала да господскмъ языкамъ выучилась въ школѣ,—ѣхать ей по городамъ съ комедіей да принцевъ свободныхъ искать. Не годится въ жены ни разумному господину, ни нашему брату, потому умытаритъ тебя на шелкахъ, на булкахъ да на перчаткахъ.

ЗЕМСКІЙ ЛЕКАРЬ КАРАЕВЪ.

Глубокой, осенней ночью выѣхалъ я въ село Размалиново. Холодный дождь, грязь и тьма съ злобнымъ воемъ порывистаго вѣтра надрывали душу адской тоской. Въ густой тьмѣ еще чернѣе вставалъ едва примѣтный глазу силуэтъ деревни, и хоть-бы одинъ огонекъ гдѣ мелькнулъ, хоть-бы собака тявкнула. Нестерпима, ужасна, должно быть, такая ночь—кому не спится.

— Ну, баринъ, худо! обратился ко мнѣ ямщикъ: — теперь намъ съ тобой ни въ кабакъ, ни на постоялый никакъ не попасть...

— Такъ что-же дѣлать-то?

— Надо норовить къ попу, либо къ лекарю... Вотъ выѣдемъ на площадь: коли есть огонь, надо брать къ лекарю. Лекарь Андрей Степанычъ хорошій человѣкъ, я господъ къ нему важивалъ.

Оказалось, у лекаря въ окошкахъ огонь. Кое-какъ добрались и достучались. Насъ впустили. Мужикъ съ фонаремъ въ рукѣ, въ одеревенѣломъ полушубкѣ, въ косматой шапкѣ, провелъ молча нашихъ коней подъ навѣсъ, и мрачно проговорилъ:

— Входите въ избу. Ѣсть хотите? или вамъ самоваръ?

— Ничего не надо... Погрѣться и спать...

Я переступилъ порогъ. Молодая, очень худенькая женщина съ ребенкомъ на рукахъ пугливо юркнула за перегородку. На столѣ коптѣла лампа съ разбитымъ стекломъ, разставлены тарелки. У стѣны стояла жиденькая кровать и надъ нею три полки на веревкахъ, съ книгами. Изъ щелей бревенчатыхъ стѣнъ, съ таинственной задумчивостью выступали тараканы—мелкіе и крупные, рыжіе и черные. За дверью, подъ шепотъ матери, радостно повизгивалъ ребенокъ, видимо, выспавшійся и разыгравшійся. За мною вступилъ мужикъ въ мохнатой шапкѣ, и тутъ только я сообразилъ, что это самъ лекарь Караевъ.

— Стеша! скажи-ка Пахомихѣ самоваръ... Выпейте водки съ дороги... Яичницу можно... А то пѣтуха, пожалуй, съѣдимъ... Все равно, мнѣ не спится, говорилъ Андрей Степанычъ, съ тѣмъ видомъ застарѣлаго равнодушія, которое радо придраться ко всякому случаю, чтобы наполнить нераздѣльную тоску существованія. Скоро по всей избѣ поднялась возня и воркотня. Старуха Пахомиха непривѣтно урчала, сама лекарша съ раздраженіемъ укачивала ребенка, Караевъ самъ принесъ графинъ съ водкой и мясо на тарелкѣ.

— Поѣшьте, пока чай будетъ...

Съ большимъ любопытствомъ я поглядѣлъ на него. Сѣрое, до времени сморщенное лицо, съ тоскливыми, задумчивыми глазами, русая борода съ просѣдью, всѣ черты заострившіяся, общее выраженіе доброты почти комической. Полушубка онъ не снималъ, и, повидимому, привыкъ къ нему.

Скоро вышла и Стеша. Она уже принарядилась.

— Наша Степанида Марковна, представилъ Караевъ.

Женщина неопредѣленнаго типа, была, должно быть, хорошенькая, изъ интеллигентныхъ.

Какъ ни извинялся, какъ ни упрашивалъ я пѣтуховъ для меня не губить, самоваровъ не ставить, но лекарша, разъ уже одѣлась и Пахомиху взбудила на «вторыхъ пѣтухахъ», то нужно, должно быть, было продѣлать обряды гостепріимства до конца.

Мы разговорились, нашлись общіе знакомые, которые въ подобныхъ случаяхъ — сущій кладъ.

Оказалось, что Караевъ уже двѣнадцатый годъ служитъ въ земствѣ, все въ одномъ и томъ-же участкѣ, въ сельцѣ Размалиновѣ, потому, какъ пояснилъ онъ:

— Куда ни уйди, все хуже будетъ... Въ Питеръ хотѣлось-бы,— очень ужъ задичали здѣсь, а вспомню, какъ рвался изъ Питера, какъ тамъ жутко приходилось, ну, и стерплю. Да и что такое былъ для меня Питеръ тогда? Аудиторія да греческая кухмистерская. Въ одной пріобрѣталъ познанія о болѣзняхъ, въ другой — самыя болѣзни, и пока учился оздоровлять человѣчество, самъ разболѣлся на вѣки-вѣчныя, добылъ катарры, истерику, нравственное отвращеніе къ мелочной жизни, къ мелочной добычѣ, а жизнь, какъ разъ, и сунула именно въ омутъ мелочей... Удивительно-послѣдовательная иронія!..

— Вотъ онъ и всегда такъ, вступилась Степанида Марковна. —

Молчитъ, терпитъ, давитъ въ себѣ эту самую злость, словно Богъ знаетъ, какое сокровище скрываетъ отъ самыхъ близкихъ людей, а заѣдетъ, вотъ такъ какъ вы, гость, онъ и начнетъ, вмѣсто привѣта, своими страданіями донимать. Кому-то это пріятно...

— Ну, это ужь не по вашей части, Степочка... Вотъ позвольте намъ чайку по стаканчику, да гостю ужинъ соблаговолите приготовить, а мы ужь тутъ сами разберемъ, кого казнить, кого миловать.

Степочка буквально исполнила приказаніе, она налила намъ по стакану чая и удалилась готовить ужинъ.

— Вѣрно, совершенно вѣрно, подтвердилъ Караевъ.— Какъ-же я стану роптать и жалиться женщинѣ, которая вся сполна отъ моихъ силъ зависима?.. Нелѣпость!.. Да главнѣе всего то, что сидя двѣнадцать лѣтъ въ этой берлогѣ, я позднимъ опытомъ, заднимъ числомъ, научился думать, и теперь только мнѣ становится страшно все, что я пережилъ и что должны переживать еще многія и многія поколѣнія въ Россіи...

— Что именно? спросилъ я,

— Ужасъ, всеобъемлющій ужасъ общихъ идеаловъ!.. Куда намъ гоняться за ними, да и зачѣмъ? Откуда у насъ могутъ взяться титаническія силы для исполненія ихъ?.. Да еще вопросъ, могутъ-ли быть гдѣ нибудь умѣстны общіе, великіе идеалы, кромѣ аудиторіи и кухмистерской. И я доложу вамъ по личному мнолѣтнему опыту, что они совершенно невозможны... Невозможны и вредны.

— Ну, ужь и вредны? возразилъ я.

— А что-же? Вы выработали рядъ какихъ-то идеальнѣйшихъ правилъ, возвышенныхъ геройствъ, великихъ самоотверженій, и все это во имя народа, будущности, общечеловѣческихъ задачъ, да съ ними-то вотъ сюда въ берлогу, гдѣ вамъ говорятъ: «Га! на кормленіе пришелъ къ намъ?.. Такъ ты ужь изволь подплясывать подъ нашу дудку, а свою-то музыку отложи, потому мы хозяева, мы деньги тебѣ платимъ», да и люди-то въ общемъ не только ниже вашихъ ожиданій, но даже совсѣмъ чудачливые. Вы приходите служить имъ, приносите имъ свое знаніе, работаете, не щадя живота, а вѣдь они глядятъ на васъ съ ненавистью, только и думаютъ, какъ-бы васъ сократить, допять, дать почувствовать всю боль ихъ плательщицкаго озлобленія...

— Почему-же «озлобленіе»?... Если вы приносите пользу...

— Да ея не нужно здѣсь совсѣмъ, пользы-то не нужно, да и не

всякій понять ее можетъ... А вотъ что я кормлюсь у нихъ, получаю сто рублей жалованья, это они видятъ, завидуютъ, и простить себѣ не могутъ, что платятъ, и очень, очень были-бы рады, если-бы меня куда нибудь подальше убрали... И это еще при хорошихъ отношеніяхъ, когда ужь ладить съ ними научишься, засядешь за винтъ, и ни однихъ имянинъ въ уѣздѣ не пропустишь... И сколько-же людишекъ, подъ нравъ которыхъ надо подплясывать, зависимость которыхъ терпѣть больно.... Да и развѣ насъ учили терпѣть?.. Я отказался съ писаремъ водку пить, и мнѣ, въ трескучіе морозы, не даютъ дровъ... Я сжигаю охабки старыхъ книгъ, краду солому съ крышъ, чтобы не заморозить ребенка... Надо ѣхать въ уѣздъ, больной умираетъ,—для меня лошадей нѣтъ... Ко мнѣ письма перестаютъ доходить... Ой, какъ безпощадно умѣютъ здѣсь отравить наше существованіе!.. И замѣтьте, чѣмъ лучше ко мнѣ относится мужикъ, тѣмъ хуже для меня, тутъ уже всѣ завидуютъ и находятъ жизнь мою крайне сомнительной... Это уже интеллигенція, своя-же братія... Сперва, разумѣется, ничего не понимаешь, изумляешься, жалишься, а тебѣ въ отвѣтъ: «Ха, ха!.. Неужели?.. Ха, ха!.. Представьте!..» На конецъ, кто нибудь сжалится, проникнетъ въ вашу душу, захочетъ помочь,—будьте покойны, другой кто нибудь уже подстерегаетъ эти отношенія, и противъ васъ уже цѣлая партія, которая борется съ вашимъ покровителемъ за вліяніе, а всѣ гадости дѣлаетъ вамъ, какъ наемщику зависимому, съ которымъ церемониться нечего.

— Да какія-же гадости?

— О, это вопросъ вдохновенія. На прошлой недѣлѣ ко мнѣ, вотъ какъ и вы, заѣхалъ ночью слѣдователь, а на другой день въ управѣ былъ уже полученъ доносецъ, что ко мнѣ по ночамъ собираются неизвѣстные подозрительные люди... А вотъ, напр., господинъ гласный въ собраніи дѣлаетъ доносецъ, что вы отравили его жену... За нимъ поднимается другой и заявляетъ, что вы опоздали помочь его дочери, она скончалась, царство небесное!.. За нимъ третій—слыхалъ общій голосъ недовольства по всему участку, а четвертый прибавляетъ, что вы еще и взяточникъ, и вымогатель... О, Боже мой! да ужь если васъ надо «доѣхать», то вы и сапоги украдете у прохожаго солдата, который на ночлегъ къ вамъ напросился. Всѣ знаютъ, что это ложь, злоба, и всѣ показываютъ видъ, что вѣрятъ, недоумѣваютъ, какъ это такъ... возможно-ли въ самомъ дѣлѣ терпѣть въ своей средѣ такого

человѣка?.. Начнутъ жать ваши руки: понимаемъ, молъ, какъ тяжело ваше положеніе... По вашему, пожалуй, жить нельзя?

— Нельзя, согласился я.

— Пустяки!.. Можно!.. Во-первыхъ, снизойдите съ высоты общихъ идеаловъ въ настоящую жизнь, вглядитесь въ людей, и увидите, что всѣ такіе, и вы-то сами, идеалистъ высшей пробы, черезъ десять лѣтъ непремѣнно сдѣлаетесь такимъ-же, и только ужь тогда поймете, какъ много вредили вамъ въ жизни ваши общіе идеалы. Во-вторыхъ, перестаньте презирать людей за то, что васъ не понимаютъ, а постарайтесь сами понять ихъ, и увидите, что не такъ они дурны, какъ вамъ кажутся. Въ-третьихъ, жизнь требуетъ широкаго миролюбія и терпимости, а у васъ, на идеалахъ-то, выросло одно презрѣніе къ ней, одна кичливость, что вы выше всѣхъ и всего, а кругомъ васъ одна тупость и низость... Это неправда, глубокая неправда!.. Вы приносите сюда изъ Петербурга самомнѣніе и подозрительность, воображая, что и здѣсь можно жить въ одиночку, зарабатывая свой рубль и механически раскланиваясь съ людьми, которые всѣ для васъ безразличны... Нѣтъ, нельзя...

— Почему нельзя?

— Да потому нельзя, что это сама жизнь, а не библіотека для чтенія, гдѣ вы зарылись въ свои книги и убѣждены, что никому до васъ дѣла нѣтъ... И кругомъ васъ сидятъ такіе-же убѣжденные одиночки, и всѣмъ порознь, въ сущности, ужасно скверно живется. Идеалы—первый сортъ, а жизнь—хоть-бы въ петлю!.. Ни шага безъ боли, безъ ненависти, безъ глупой затраты силъ, и все-таки дальше греческой кухмистерской никуда не уйдешь... Думали-ли вы объ этомъ?

— Очень часто.

— Ну, вотъ видите... А я въ Петербургѣ никогда этого не понималъ и сюда привезъ одно блаженное непониманіе... Вся бѣда, по моему, въ томъ, что всѣ мы ужасно тупые талмудисты.

— Какъ талмудисты? въ какомъ смыслѣ?

— Во всѣхъ смыслахъ, въ какомъ хотите. Ну, вотъ я учился много лѣтъ, выбивался, лучшіе годы ухлопалъ на книги, да на кухмистерскую, и все вѣдь мечталъ, что жить когда-то начну... Учился только тому, что въ книгахъ умными людьми записано само по себѣ... Этику, идеалы вырабатывалъ точно также по книгамъ, думать началъ—все по книгамъ, и если говорилъ: я думаю, то это значитъ, думала книга, которая мнѣ нравилась, изъ которой я взялъ блестящее положеніе, фразу,

эффектное слово. Я все понималъ, какъ записано, а въ практической жизни все это оказывалось и не такъ, и не то... Даже приложеніе знаній на практикѣ представляло на первыхъ порахъ нескончаемый рядъ глубокихъ страданій, потому я талмудистомъ вышелъ, толкователемъ всякихъ отвлеченностей, посредствомъ которыхъ искренній человѣкъ можетъ до безумія истерзать себя, безъ всякаго толка для себя и другихъ, и не умѣетъ войти въ настоящую жизнь, съ настоящими людьми. Почему, скажите пожалуйста, всѣ общія истины, полныя и законченныя, необыкновенно легко усвоиваются даже тупыми умами, и никогда не встрѣчаются въ жизни, гдѣ все не досказано, все загадочно, все страшно-условно? Вотъ этого-то въ насъ и нѣтъ—нѣтъ живого чутья къ жизни, нѣтъ ничего общаго съ нею. Мы сами по себѣ, внѣ условій общества, талмудисты, безъ всякаго понятія о какой-бы ни было общественной средѣ. Мы все презираемъ ее, эту среду, эту «улицу», презираемъ за грубый реализмъ, за то, что она владычествуетъ надъ теоретическими призраками, а мы въ рабствѣ у этихъ призраковъ и въ жизни намѣреваемся воздвигать имъ одни капища для поклоненій. Если намъ это не удается, а не удается всегда и всѣмъ, то мы несчастны, наши идолы разбиты и поруганы, наше нравственное міросозерцаніе разомъ обращается въ прогнившее болото, нашъ упитанный идеалами умъ сразу пріобрѣтаетъ оттѣнокъ пошленькой ироніи, мелкаго издѣвательства и служебнаго приспособленія. Разъ мы поняли, что не мы господа,—кончено! униженію нашему нѣтъ ни границъ, ни удержу и, странное дѣло, когда притерпимся къ униженію, начинаемъ сознавать, что больше никуда и не годились, такъ намъ и подѣломъ!

— Ну, это вы ужь слишкомъ обобщаете, докторъ... Не всѣ такъ примиряются...

— Непремѣнно всѣ, или жизнь вовсе выбрасываетъ за бортъ всякаго протестанта. Это я говорю о талмудизмѣ моральномъ, ну, а въ практическомъ значеніи развѣ мы не тѣ-же талмудисты? Да вы посмотрите на меня,—ну, за коимъ чортомъ я служу двѣнадцать лѣтъ послѣ школы, работаю въ своемъ участкѣ, какъ бѣлка въ колесѣ, и получаю за это, даже не всегда исправно, сто рублевъ въ мѣсяцъ? Вотъ жена, ребенокъ, Пахомовна, двѣ собаки—всѣ должны и уповать, и сокращать себя на эти злополучные сто рублевъ... Какъ жить? что въ будущемъ? Посмотрите на столъ, развѣ это не та-же греческая кухмистерская?.. Я подаю вамъ вареное мясо, да и то вчерашнее, а

сегодня нѣтъ и еще цѣлую недѣлю не будетъ мяса, негдѣ достать... Молоко, яйца есть, но согласитесь, не такія-же это, чортъ побери, великія блага, для которыхъ стоило-бы полжизни учиться, а другую половину жизни разучиваться, да снова переучиваться?.. И неужели вы рѣшитесь утверждать, что я одинъ въ такомъ положеніи? Нѣтъ, я знаю многихъ, и всѣ такъ бьются, какъ рыба объ ледъ... Изъ-за чего?..

— Право, я не умѣю отвѣтить на вашъ вопросъ, докторъ... Это, по моему, одинъ изъ страшныхъ вопросовъ...

— Можетъ быть, но намъ, талмудистамъ, никакая жизнь не страшна, ибо мы для того и учимся, чтобы потерять всякое разумное отношеніе къ ней, и на каждый вопросъ жизни отвѣчать готовой книгой, готовой фразой. Самое страшное въ жизни—непониманіе, а оно страшиться не можетъ, или и самый страхъ его дикъ и неразуменъ. Повѣрите-ли вы, до чего я боялся жизни? Товарищъ мой, князь Алжирскій, дарилъ мнѣ благороднѣйшаго пса, и я не смѣлъ взять его изъ боязни, только изъ боязни, что я не въ состояніи буду прокормить его. А теперь у меня жена, дочь, Пахомовна и двѣ собаки и, какъ видите, всѣ живы, и нѣтъ даже страха въ душѣ за будущее, потому я уже въ колею вошелъ, я живу не талмудомъ, какъ прежде, а заправдашней жизнью. Во время студенчества, я накопилъ библіотеку, больше тысячи томовъ, и все читалъ, читалъ... Теперь у меня два десятка спеціальныхъ книгъ, да и тѣхъ дѣвать некуда.

— Этого я не понимаю...

— Да мѣста нѣтъ въ жизни моей ни книгамъ, ни книжнымъ понятіямъ,—надо жить здѣшними понятіями. Васъ принимаютъ здѣсь именно по мѣрѣ проникновенія туземными идеями, иначе идите прочь...

— Значитъ, нѣтъ надежды и въ будущемъ на вліяніе образованныхъ людей на улицу?

— Этого не отрицаю, но надо быть выше всякой матеріальной и служебной зависимости, а этого-то и нѣтъ ни у меня, ни у другихъ И вотъ вамъ лучшее доказательство сплошной несостоятельности научнаго талмудизма: всѣ крупныя дѣла, дающія сразу цѣлое обогащеніе, въ рукахъ невѣждъ, дикарей, безграмотныхъ самодуровъ, а мы—у нихъ на посылкахъ, на выслугахъ, за кускомъ хлѣба, да и этотъ кусокъ, еще посмотрите-ка поближе, какими сѣтями опутанъ, и какъ безнадежна всякая мечта объ избавленіи изъ этого бѣличьяго колеса:

разъ попалъ вънего, нѣтъ выхода никуда. Могутъ быть случайности, связи, знакомства, особенно удачи, но это все въ сторону. Надо брать въ счетъ только то, что даетъ мнѣ безупречный трудъ, а трудъ, изволите видѣть, даетъ мнѣ безбѣдное существованіе — сто рублей. Существовать-то я существую, ѣмъ, чтобы работать, и работаю, чтобы ѣсть, но вотъ выбиться изъ-подъ этого ярма, выбраться въ положеніе лучшее нѣтъ уже положительно никакой возможности. Степочка сама у меня и бѣлье постираетъ, и стряпаетъ, но развѣ мнѣ и ей отъ этого легче?.. Кошмаръ, а не жизнь. Не подумайте, что я жалуюсь,—нѣтъ, я обтерпѣлся до того, что уже и злость не беретъ... Но я удивляюсь не себѣ, а именно общей тупости нашего научнаго талмудизма, нелѣпой расточительности силъ и знаній, прямолинейности книжныхъ мечтаній, съ какими мы носимся въ жизни, рыцарствуемъ, жертвуемъ собою, и все изъ одного страха, какъ-бы не сказали о насъ, что мы что-то украли, кого-то эксплоатировали, у прохожаго солдата сапоги сняли... Помилуйте, да сколько такихъ прохожихъ солдатъ, сколько десятковъ тысячъ такихъ солдатъ раздѣлъ до нага, травилъ систематическимъ голодомъ какой-нибудь полузвѣрь, полуидіотъ-подрядчикъ, банкиръ, желѣзнодорожникъ, интендантъ?.. До какого пресыщенія распивалась чужой кровью вся эта «улица», если отъ щедротъ своихъ сооружала даже казармы для насъ-же, ученыхъ талмудистовъ?.. Почему никто изъ нихъ не боялся и не боится огласки, каждый изъ нихъ плюетъ намъ въ глаза, презирая насъ, какъ патентованныхъ дураковъ?.. Позвольте, да у насъ въ пяткахъ больше ума, чѣмъ въ ихъ грабительскихъ головахъ... Вся бѣда въ томъ, что мы талмудисты а они герои практики, мы живемъ книгами, написанными такими-же голодными людьми, какъ мы сами, а они сосутъ свѣжую кровь народа... Мы идемъ на службу народу съ экзальтированнымъ воображеніемъ, съ жаждой подвиговъ, заслугъ, нравственнаго признанія, что была въ насъ и любовь къ народу, и искра Божія... Мы копошимся на мелочахъ, страдаемъ надъ облегченіемъ участи ничтожнѣйшаго индивидуума, а въ это время приближается къ нашему району колоссальнѣйшая, баснословная свинья, разѣваетъ пасть и однимъ жевкомъ проглатываетъ цѣлую мѣстность... И мы хотимъ бороться съ такой силой однимъ проповѣдническимъ вліяніемъ?.. Глупцы!..

Мнѣ было очень жаль Андрея Степаныча. Онъ говорилъ съ такимъ мученическимъ энтузіазмомъ и такъ много въ немъ оставалось еще

недосказаннаго, что толпилось въ головѣ и не успѣло сказаться, такой страстной лихорадкой заискрились его спокойные глаза, что я невольно удивился, какъ это, при такомъ жгучемъ озлобленіи, человѣкъ сохранилъ ребячески непорочную доброту и любовь къ людямъ.

— Андрей Степанычъ, простите за прямой вопросъ, сказалъ я:— желали-бы вы быть на мѣстѣ этой колоссальнѣйшей, баснословной свиньи?

— Избави Богъ!.. Никогда!.. Ни за что!.. даже за голодную смерть не соглашусь передъ Богомъ предстать на томъ свѣтѣ въ такой отвратительной шкурѣ!..

— Значитъ, вопросъ рѣшенъ и совершенно вѣрно: вы вѣруете въ идеалъ — вы побѣдитель.

— Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то... По талмудической привычкѣ, я вѣрую въ торжество высшаго разума и въ то-же время реально вижу, что этотъ разумъ служитъ торжеству свинства — отвратительнаго, всепожирающаго свинства... Никто не докажетъ мнѣ, что цивилизація идетъ человѣчнымъ и всеобъемлющимъ путемъ...

— Я по крайней мѣрѣ не стану доказывать...

— Ну, вотъ видите... А меня готовы корить за то, что я сохранилъ еще дерзость выражать кое-какіе признаки жизни... даже претендовать на вліяніе моего ума здѣсь, въ околоткѣ... И вотъ еще что замѣчу: мы, талмудисты, вѣчно собираемся жить и кончаемъ однимъ мечтательствомъ. Намъ всегда не съ чего начать, не за что ухватиться. Жизнь отворачивается отъ насъ всѣми своими стремленіями, а мы продолжаемъ стоять съ разинутыми ртами передъ пустымъ пространствомъ, тосковать и удивляться передъ разгуломъ силъ невѣжества и нахальства. Страшно подумать, сколько каждый изъ насъ растрачиваетъ силъ на одну покорность бѣдствіямъ, на одно безнадежное ожиданіе чего-то лучшаго.

Нѣтъ, что не говорите, мы неисправимые мечтатели и выучиваемся единственно одной неспособности жить. Отсюда наша житейская близорукость, неумѣнье устроиться и добывать, и вѣчныя, фельдфебельскія притязанія подводить всю жизнь подъ ранжиръ нашихъ школьныхъ идеаловъ. Намъ всегда представляется, что люди не такъ живутъ, не такъ мыслятъ, не то дѣлаютъ что нужно—и представляется ровно до тѣхъ поръ, пока мы сами снова выучимся мыслить и поступать, какъ всѣ. Мы выходимъ въ жизнь дикими лекторами, неумоли-

мыми теоретиками и хотимъ сразу во всѣхъ головахъ передѣлать понятія по самой послѣдней модѣ. Это-то и есть наша главная миссія. Даже вмѣсто самаго простого разговора мы немедленно представляемъ какой-нибудь идейный законъ, и если нашъ собесѣдникъ вытаращитъ глаза и засмѣется, значитъ, онъ дуракъ, а, пожалуй, и негодяй. Вѣдь вотъ съ чѣмъ мы подходимъ къ людямъ — просвѣтить, образумить, заставить ихъ мыслить по нашему, а сами къ нимъ-же идемъ въ подчиненіе и рады-радешеньки, что насъ не изводятъ голодомъ, а даютъ сто рублевъ жалованья. Конечно, намъ иначе нельзя, потому что прежде всего ѣсть надо. Но почему-же это, съ такими застарѣлыми, всегда возбужденными аппетитами, мы не бросаемся въ область обогащеній, а ищемъ вотъ этакаго тѣснаго мѣстечка земскаго лекаря, на которомъ и ребенка-то нельзя выкормить?.. Опять изъ-подъ страха, изъ неувѣренности въ себѣ, изъ боязни, что насъ забьютъ и ототрутъ плуты и невѣжды, давно сплотившіяся шайки добычниковъ, въ средѣ которыхъ мы и наши идеалы очень неудобны. Потому намъ и выпадаетъ роль служебнаго подчиненія да рабьей уступчивости: борьбы мы ужасно боимся, пуще самой смерти. Ну, вотъ я выжилъ въ этой берлогѣ двѣнадцать лѣтъ, а спросите меня, я не въ силахъ дать отчетъ о двѣнадцати дняхъ, какъ я прожилъ ихъ, не найдется и двѣнадцати минутъ, которыя стоило-бы вспомнить... Изъ-за чего я бился? Изъ-за охабки дровъ, изъ-за куска мяса, изъ-за шубы дорожной, изъ-за разбитаго стекла, которое можно вставить только черезъ двѣ недѣли, а до тѣхъ поръ надо заткнуть его подушкой, изъ-за необходимой книги, которую надо ждать полгода, изъ-за медикаментовъ, которыхъ иной разъ ни за что не получишь. Жизнь дикая... Я всѣ годы какъ-то болѣзненно проспалъ, даже безъ грезъ, безъ надеждъ... На что тутъ надѣяться?.. Я читать разучился, по нѣмецки совсѣмъ забылъ, письма въ управу сталъ сперва на-черно сочинять, потомъ на-бѣло переписывать, въ помѣщичьихъ домахъ проживалъ по недѣлямъ, съ барынями танцовалъ, любовью занимался, у жида-модника необычайные пиджаки строилъ и щеголялъ въ нихъ... Чортъ знаетъ, что такое!.. женился отъ скуки... Ну, скажите на милость, гдѣ и во имя какихъ благороднѣйшихъ цѣлей, можно такъ глупо ухлопать свою жизнь?.. И рвался, всѣми силами души рвался въ Петербургъ но до того уже приросъ къ мѣсту, что страшно было подняться. Да и въ Петербургѣ то что? Тотъ-же страхъ, да еще въ греческой кухмистерской... Развѣ оперу еще послушалъ-бы, да узналъ-

бы, какіе теперь самые модные идеалы и панталоны; а сущность-то та-же... то-же безхлѣбіе, безпріютность, безпомощность... То-же благородное кипѣніе въ пустомъ пространствѣ, поклоненіе новому слову, и снова то-же ожиданіе, куда-бы уѣхать на службу.

— Васъ и служба не удовлетворяетъ?

— Да какъ-же она можетъ удовлетворять меня, коли я все перезабылъ, отъ всего отсталъ, не слѣжу за наукой: ни книгъ, ни журналовъ мнѣ выписывать не на что, а управа на всѣ мои запросы высылаетъ касторовое масло, да персидскій порошокъ... Простыя болѣзни лечу, да и то больше домашними средствами, ну, а коли что серьезное, отходи съ Богомъ... Остается еще одно поприще, чтобы не очумѣть окончательно— завести свое хозяйство... Но позвольте, какъ-же это завести изъ ничего?.. Ну, вотъ я въ двѣнадцать лѣтъ нажилъ двѣнадцать курицъ и трехъ пѣтуховъ, да и тѣхъ держу для пущаго убѣжденія, что твари здѣсь не дохнутъ отъ нечего дѣлать, а живутъ, какъ будто при дѣлѣ. Вотъ и псы живутъ—ну, значитъ, жить и можно. Всѣ, слава Богу, сыты, согрѣты...

Караевъ какъ-то тревожно и конфузливо замигалъ глазами, крякнулъ и наполнилъ рюмки водкой. Степанида Марковна подала намъ яичницу, накрыла столъ чисто, прилично, и сама присѣла къ столу. Караевъ нахмурился. Замѣтно было, что присутствіе жены его стѣсняло: навѣрно, онъ считалъ ее женщиной, совершенно неспособной понять его. Онъ еще разсказывалъ о земцахъ и ихъ приключеніяхъ, но это было уже не то, что занимало его, чему онъ жизнь отдалъ. Рано утромъ я выѣхалъ отъ Караевыхъ и невольно, съ грустью подумалъ, зачѣмъ людямъ выпадаетъ такая странная доля? Почему это нашъ и способный, и просвѣщенный человѣкъ всю жизнь проводитъ въ лихорадочныхъ ожиданіяхъ и бьется въ средѣ—выше-ли, ниже-ли самого себя—которая навсегда остается ему чуждою и не симпатичною?

МГНОВЕННАЯ.

I.

Въ пятнадцать лѣтъ она была прелестной, очень скромной дѣвочкой, ходившей съ узелкомъ книжекъ въ гимназію, съ тревожной задумчивостью припоминая царей, города и цифры, отъ подавляющаго изобилія которыхъ голова кружилась и угорала. Всю эту мудрость нужно было знать на 12 балловъ, считаться первой ученицей, противъ которой даже выжившія изъ ума старухи изъ классныхъ дамъ не чувстствовали ни зависти, ни ненависти.

Она была увѣрена, что нужно учиться, нуженъ дипломъ, медаль. Она одна учится «на медаль» и въ этомъ вся радость, все счастье ея больной, бѣдствующей матери, обивающей пороги благотворителей и покровителей. За нее кто-то платитъ. Гдѣ-то водятся такіе добрые люди, передъ которыми мать плачетъ, жалится, надоѣдаетъ и выпрашиваетъ. Она даже именъ не могла-бы назвать тѣхъ, кто за нее платилъ. Она увѣрена, что такіе люди нужны: иначе какъ учиться, какъ жить? Еще годъ—и она начинаетъ чувствовать себя ангеломъ. Отъ царей, городовъ и цифръ голова перестала кружиться и окончательно окаменѣла.

— Боже мой, скоро-ли! мучительно шепчетъ она надъ книгой:— скоро-ли конецъ этой безконечной пыткѣ? Ей всѣ становятся противны и гадки: и преподаватели городовъ и цифръ, и классныя дамы, съ жеманнымъ самодовольствомъ провозглашающія: «Держитесь прямо!», противны стѣны гимназіи, скамьи, тетради съ «сочиненіями», скучные и надоѣдливые уроки, упрямые какъ ослы, упорно останавливающіеся на языкѣ и не вступающіе въ голову. Она—ангелъ, красавица, богиня. Она узнала объ этомъ отъ прекраснѣйшихъ молодыхъ людей, съ которыми часто встрѣчалась на вышкѣ, въ Александринкѣ. Эти

молодые люди, дежуря цѣлыя ночи у кассы театра, брали и для нея билетъ, были внимательны, почтительны къ ней, глазъ не спускали съ ея хорошенькаго личика и превосходно разсуждали по прочитаннымъ книжкамъ.

Блескъ театральной залы, звуки музыки, завистливое любопытство, возбуждаемое драгоцѣнными дамами въ ложахъ бель-этажа и удивительными туалетами премьерши—все это сложное, раздражительно радующее и терзающее впечатлѣніе отзывалось въ ней вспышками яркаго наслажденія въ театральной залѣ, а дома—неисходнымъ отупѣніемъ и истерикой.

Мрачный и промозглый подвалъ, капуста, рѣдька, картофель, селедка и никогда ничего новаго въ этомъ съѣдомомъ обиходѣ, цѣлыя пачки квитанцій изъ ссудныхъ кассъ, холодъ, голодъ, истома униженія, и надо всѣмъ этимъ хламомъ злополучной нищеты—слезы потерянности, безсильнаго отчаянія матери, выбившейся изъ силъ и уже не знающей, къ кому еще приступить за помощью. Мать больна; докторъ говоритъ ни съ чѣмъ несообразныя глупости: «Хорошая пища, хорошее вино, чистая, удобная квартира» и т. п., гимназія съ своими царями, городами и цифрами, словно грозный кошмаръ, давитъ воображеніе дѣвочки и она сидитъ за полночь, «убивается» за уроками, всѣми силами старается одолѣть ихъ, при слабо мигающей жестяной коптилкѣ, а мать, точно заживо погребенная, уныло, жалостно стонетъ:

— Учись, Сашенька, учись, родная...

Она задумывается: грезы и слезы мѣшаются въ ней, какъ въ калейдоскопѣ. Вспышки жгучихъ желаній и порывовъ мгновенно какъ будто мерзнутъ въ ея душѣ. Мысль не повинуется волѣ и усталость, голодная и ожесточенная, сваливаетъ ее въ постель.

Утромъ являются—ни свѣтъ, ни заря—дворники, лавочники, благородный ростовщикъ съ краснымъ околкомъ и съ красной рожей, и поднимаютъ неистовые вопли о деньгахъ, о долгахъ, грубо ругаются, угрожаютъ судомъ. Несчастная мать приниженно умоляетъ о пощадѣ. Сашенька вся дрожитъ отъ гнѣва и отвращенія. Слезы душатъ ее, и не понять ей самой этой тяжелой отвратительной боли, хватающей за сердце.

— Боже мой, чего эти люди хотятъ? Развѣ у насъ есть что-нибудь?.. И неужели нельзя иначе?..

И, торопливо собравъ свои книжки, она убѣгаетъ въ гимназію. Тамъ вся ея жизнь, вся душа, всѣмъ равная, никѣмъ неоскорбляемая.

Шалости веселой молодости, свѣжія, цвѣтущія лица, всегда «интересная» болтовня и обольстительное издѣвательство надъ учителями, надъ юродивыми дамами—весь школьный мірокъ съ его «событіями», влеченіями, моментальными интересами, полонъ искренней беззавѣтности, простой, дѣтской правды. Одна подруга приглашаетъ Сашеньку въ оперу: у ней своя ложа, другая подговариваетъ поѣхать въ маскарадъ съ кузеномъ: она уже была разъ, и чрезвычайно интересно; классъ избираетъ ее развозить билеты богатымъ людямъ на благотворительный спектакль въ пользу неимущихъ гимназистокъ: она ангелъ, она красавица, она богиня,—кто-же рѣшится не взять у ней билетъ...

Конечно, ей лучше въ школѣ, чѣмъ дома. Здѣсь она все-таки видитъ людей, не до звѣрства еще ожесточенныхъ людей, поставленныхъ въ необходимость если не поступать по правиламъ, то хоть лгать, что они очень высоко цѣнятъ эти правила и никогда отъ нихъ не отступятъ. Наконецъ, въ обществѣ подругъ не такъ страшно личное горе. Впечатлѣнія смѣняются легко, оставляя горькій ядовитый осадокъ въ самой преисподней глубинѣ души, куда и мысль-то рѣдко проникаетъ. Мысль скользитъ, бросается на все блестящее и влекущее: на театръ, на танцовальный вечеръ, на оперу, на роскошь жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, а въ глубинѣ души, подъ язвами пережитыхъ униженій, разростается и крѣпнетъ характеръ.

II.

Въ характерѣ обворожительной Сашеньки развивались двѣ особенно яркія современныя черты: сознаніе своей ангельности и обширнѣйшее право на все — даромъ. Это была шелковая, ласковая куколка, сама сіявшая восторженнымъ самодовольствомъ отъ того плотояднаго впечатлѣнія, какое она производила на мужчинъ. На нее заглядывались, передъ нею останавливались, и она это знала. Гордость красоты, или вѣрнѣе пикантности возбуждала въ ней самыя волшебныя мечтанія. Ея дѣтски-завистливый и приниженный умъ изучилъ всю пошлость, всю вульгарность сытыхъ людей, всю подлую суетливость и ложь: ложа въ бель-этажѣ, туалетъ изъ Парижа, коляска на резиновыхъ шинахъ, общество блестящихъ хватовъ, прожигающихъ жизнь и позорящихъ свои родовитыя имена, поѣздки на заграничные курорты, толпа праздной сволочи, воспитавшей въ себѣ «прекрасныя» манеры

и вкусы, владѣющей бѣшеными деньгами и бѣшеными апетитами, — короче сказать, оргія страстей, какъ противовѣсъ голоду и терпѣнію,—страстей безшабашныхъ и сумасбродныхъ, во всю ширь ребяческой фантазіи разврата, въ самое короткое время завладѣла воображеніемъ Сашеньки. Она жить хочетъ, — жить какъ другіе, жить, чтобы ея ангельскому воображенію было все доступно, все дозволено, и даже самая низость ея голодныхъ мечтаній, вводилась-бы въ моду, въ своего рода идеалъ пошлости и низости.

Не глупая, смѣтливая дѣвочка, по своимъ влеченіямъ выработала вполнѣ опредѣленныя воззрѣнія и говорила себѣ:

— Ну, пусть это низко, гадко, преступно, а большинство потому только и порицаетъ *это*, что имъ недоступно, не могутъ подняться до этой низости... А я вотъ поднимусь: я—ангелъ, я—божественная... Мимо меня никто еще не проходилъ, не замѣчая: хороша!..

Если-бъ въ образѣ этой прелестной дѣвушки была скаковая, чистокровная, англійская кобыла, она не могла-бы разсуждать болѣе логично и здраво. Соблазны, искушенія, всѣ прелести ухарскаго разгула ошеломили Сашеньку, возбуждали въ ней непреодолимыя желанія жить именно этой *полной* жизнью, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Выѣзжать, принимать, поражать благоговѣйной завистью сердца соперницъ, всюду наслаждаться побѣдой мелкаго тщеславія и мелкаго необузданнаго себялюбія, ставить людей въ тѣ унизительныя положенія, отъ которыхъ въ ней самой не умерли и не зажили язвы,—вотъ жизнь, какой она страстно желала.

Совершенно напрасно молодые люди съ александринской вышки покупали ей билеты, букеты и конфекты, и говорили хорошія слова изъ прочитанныхъ книжекъ—все ихъ вниманіе по Сашенькѣ скользило, какъ по гусю вода. Она ютилась къ нимъ, слушала ихъ, вращалась въ ихъ средѣ, но никогда не забывала, что она—царица, она—богиня, она—ангелъ, и если ей приносятъ жертвы, то что-же въ этомъ удивительнаго и непонятнаго?..

— Да, вы хорошіе, честные ребята, и мнѣ не стыдно идти съ вами по Невскому: всякій приметъ меня за студентку, но я иду не для васъ, а вотъ для этихъ шикарныхъ и блестящихъ господъ, по глазамъ которыхъ я прекрасно вижу и понимаю, что каждый изъ нихъ считалъ-бы меня за цѣлое счастіе. Смотрите, какое страстное вниманіе я возбуждаю въ этой блестящей толпѣ!..

Такъ думала Сашенька, и думала вѣрно. Въ ея прекрасномъ личикѣ отразился чрезвычайно выразительный отпечатокъ всей глубины этого самосознанія, какъ будто она извинялась передъ публикой за свою красоту, за то чарующее вожделѣніе, какое внушала этой публикѣ ея пикантная фигура, ея обольстительный выступъ, грудью впередъ, самоувѣренный до нахальства, торжествующая смѣлость красоты, властительно-пикантной, затягивающей петлю надъ душой человѣка.

Это знала она по студенческимъ опытамъ. Въ ея портфелѣ находилось уже около сотни признаній и объясненій. Всѣ «жаждали любви», и между этими всѣми были люди ей симпатичные, люди, которымъ она очень многимъ была обязана, и готова была-бы отвѣтить имъ признательной благодарностью, но она боялась, избѣгала всякаго обнаруженія этихъ вышедшихъ изъ моды чувствъ, и ждала, страстно-нетерпѣливо ждала, когда-же она начнетъ жить, какъ ей хочется?.. Когда всѣ мечты ея осуществятся, когда объявится влюбленная душа, изъ которой можно высосать все довольство, всю роскошь, всѣ наслажденія, всѣ аттрибуты позорнаго успѣха и славы?..

III.

Не долго ей оставалось ждать. Дѣвушка мало-мальски «приличная» въ Петербургѣ не залежится, какъ старомодный товаръ. Изъ тысячи искателей и поклонниковъ непремѣнно найдется хоть одинъ такой, въ которомъ страсть разгорится до мстительнаго отвращенія и желанія овладѣть красавицей во что ни стало. Женщины еще слишкомъ сильны, чтобы умѣть и смѣть внушать такія рѣшительныя страсти, которыя вполнѣ равносильны свирѣпому и безсердечному желанію втоптать своего идола въ грязь по уши, а если возможно, то до самой макушки. И, надо правду сказать, кто умѣетъ внушать такую страсть въ интересахъ эгоистичныхъ выгодъ, тотъ получаетъ въ обмѣнъ одну совершенно легальную справедливость.

Признавая равенство правъ, нельзя отрицать и равенства обязанностей и отвѣтственности, и, если женщины, обольщенныя успѣхомъ поклоненій, думаютъ иначе, то свидѣтельствуютъ только о своей глупости, чѣмъ хвалиться совсѣмъ уже не приходится, потому что отъ самой дюжинной куртизанки все-таки требуется умъ, даже при наличности красиваго тѣла и лица.

Скоро изученіе царей, городовъ и цифръ совсѣмъ отошло на задній планъ. Классная скука переходила въ страданіе, и главное, все собраніе учебныхъ антиковъ оказывалось совсѣмъ лишнимъ для счастія.

У Сашеньки, по общему признанію поклонниковъ съ александринской вышки, вдругъ обнаружился сценическій талантъ, большой, глубокій, и даже обработанный. Гордость успѣха заволновалась въ ней, и все больнѣе закипала злоба неудачъ, нищеты, и равнодушное право ко всему, что давалось даромъ. Она начала посѣщать «артистическій» кружокъ и ей немедленно обѣщали дебютъ. Тамъ, за кулисами, среди бѣлилъ, грязи и всевозможнаго сброда бездарныхъ претендентовъ и претендентокъ, одержимыхъ маніей успѣха, было еще веселѣе, чѣмъ въ гимназіи. Послѣ перваго-же вечера, проведеннаго въ чаду лести, искательствъ, передъ наглядной картиной закулиснаго товарищества, Сашенька проспала гимназію на другой день.

Она слушала спектакль, «училась», трепетала отъ сладкой зависти, когда вызывали исполнителей, перезнакомилась съ десятками нервическихъ и отрепанныхъ личностей, подобно ей, покинувшихъ школу для сцены, перекрученныхъ какою-то безшабашною судорогою и неудержимой стремительностью, какъ будто всѣхъ ихъ подхватила неодолимая сила и несла прямо-таки къ съумасшедшему дому.

Среди товарищей по искусству особенно поощрительный примѣръ являла собою любительница, генеральская дочь.

Въ любомъ «артистическомъ» кружкѣ непремѣнно должна быть генеральская дочь. Это гордость кружка. Всѣ таланты глядятъ на нее съ пугливымъ идіотизмомъ, прислужнически ублажаютъ ее, уступаютъ ей лучшія выигрышныя роли, носятъ, какъ идола, и въ концѣ концовъ изъ порядочной дѣвушки обработаютъ такую фурію, такую истерическую дрянь, передъ которой самъ генералъ отъ ужаса руками разведетъ.

Послѣ спектакля артисты поѣхали въ ресторанъ ужинать. Сашеньку пригласили. Она никогда не бывала въ ресторанахъ, это должно быть интересно. За ужиномъ, несмотря на присутствіе дамъ, непринужденность актерскаго тона дошла до послѣдней степени возбужденія. Разгорѣлась сплетня, борьба личныхъ завистей, мелкихъ дрязгъ, интимныхъ и циничныхъ, жгучихъ оскорбленій, вырывавшихся на безнаказанный просторъ. Всѣ пили, словно стараясь залить припадки нервности, говорили другъ другу грубости и дерзости, намѣреваясь прибѣг-

нуть къ самому убѣдительному аргументу—кулаку. И надо всей этой шумной сворой кипѣла глупость бездонная, неисчерпаемая. Смыслъ бесѣды терялся ежеминутно. Исчезали бутылки дряпного вина, исчезала человѣческая мысль и приличіе. Пьянѣя, люди становились обидчивѣе, хвастливѣе и свирѣпѣе. Не было въ нихъ ни доброты, ни остроумной шутки, ни безобиднаго веселаго смѣха, даже сомнительный анекдотъ сбивался на личную клевету. Всѣмъ было скучно и больно, у всѣхъ наболѣло отвращеніе другъ къ другу, и каждый видѣлъ въ кружкѣ только одного порядочнаго человѣка—самого себя, да и того всѣ окружающіе признавали дрянью, идіотомъ, Сашенька чувствовала себя сильно возбужденною и веселою. Она выпила много вина, съ нею постоянно чокался трагическій любовникъ, широколицый, багровый и рябой, «большой талантъ», съ первыхъ-же словъ начавшій говорить ей: «милая», «душечка», «ангельчикъ».

— За успѣхъ вашего таланта, красавица! провозглашалъ трагическій любовникъ, и Сашенька пила и хохотала. Все ей казалось смѣшно: и эти люди, и все, что они говорили, какъ будто она попала въ другой міръ, гдѣ все незаправдашнее и люди, и рѣчи, и только искренность злобы напоминала настоящее, человѣческое безсиліе. Даже этотъ трагическій любовникъ казался ей занятнымъ и интереснымъ. Онъ цѣловалъ у ней ручки, говорилъ что-то смѣшное, и все просилъ осчастливить и выпить съ нимъ. Все шло глупо и весело, какъ будто она участвовала въ вульгарной опереткѣ, гдѣ совсѣмъ не требуется сдержанность и приличіе.

Это было совершенно новое, никогда не испытанное ею удовольствіе, рѣзкое и смѣшливое, давшее ей впервые понять о томъ искусственномъ счастіи, о томъ пріятномъ самозабвеніи, какое достигается легко и скоро возможно большимъ количествомъ выпитаго вина.

Въ глазахъ у ней всѣ лица кружились и таяли, словно уплывали куда-то въ даль, голоса обрывались, обрывалось ея собственное сознаніе.

— Подите сюда, шептала надъ нею любительница, генеральская дочь:—вы будьте осторожны: у этого Пчелкина и безъ васъ четыре любовницы.

— Четыре?.. Прекрасно!.. Какая вы чудачка!.. Милая!.. я очень люблю васъ!.. Какая вы красивая, стройная!.. Неужели вамъ публика не аплодируетъ?..

— Я могу васъ довезти домой... Скажите адресъ... Нельзя-же васъ такъ оставить, говорила любительница.

— Merçi... вы очень добры... Не хочу домой... Еще вина!..

Она и еще пила, и хохотала. Всѣ разъѣзжались. Какой-то очень милый господинъ помогалъ ей одѣться, подалъ руку, внимательно усадилъ ее въ сани и крѣпкими, сильными руками сдавливалъ ея станъ. Отяжелѣвшая голова ея безсильно запрокидывалась, глаза сладко слипались. Цѣлуютъ, или гладятъ ее по лицу, нельзя уже понять. Мелькаютъ фонари, и все кругомъ бѣжитъ: дома, лошади, люди. Ей смѣшно и мучительно. Этотъ милый господинъ вводитъ ее на темную крутую лѣстницу, поддерживая за талію, и это она еще помнитъ...

Изъ тяжелой, подавляющей тьмы, какъ изъ черной тучи сверкаетъ молнія, блеснулъ лучъ сознанія:

— Что это? гдѣ я?.. Боже мой, зачѣмъ?..

Сашенька озирается кругомъ и себѣ не вѣритъ: кругомъ все чужое, незнакомое, и чувствуется что-то позорное, гадкое, въ этой меблированной ямѣ. Она проснулась на ободранномъ, продавленномъ диванѣ... Ея туалетъ разбросанъ по полу въ безобразномъ безпорядкѣ. Жгучая, страстная злоба, какъ ножъ, вонзилась въ сердце. Ей хотѣлось крикнуть, позвать людей на помощь, — не было голоса, не было силы. Произошло что-то невѣроятное чему умъ не могъ повѣрить. Ядовитая горечь стыда, оскорбительной, позорно-жестокой боли самолюбія жгучей краской покрыли лицо ея, разрывали грудь мучительной, страдальческой ненавистью.

— Что это? что такое? безпорядочно-пугливо шептала она, падая въ изнеможеніи.

— Ой, дурно мнѣ, дурно! стонала она, опираясь на столъ, на стѣны, чтобы держаться на ногахъ, и черезъ минуту снова приходила въ себя, и еще больнѣе терзала ее презрительная ненависть къ самой себѣ.

— Артистка... талантъ... Съ успѣхомъ! поздравляю! едва шевелились ея побѣлѣвшія губы:—Мама... бѣдная, несчастная, какъ она будетъ рада успѣху!.. Слезы у ней подступали къ горлу, душили ее, и она не смѣла зарыдать громко, боясь кого-то разбудить за занавѣской. Яркое солнце било въ окно, словно умышленно стыдя молодую дѣвушку въ этой презрѣнно-трактирной обстановкѣ и настойчиво выгоняя ее отсюда. Съ улицы слышенъ былъ лязгъ желѣза по булыж-

нику, отчаянные вопли продавцовъ. День давно уже наполнился обычной суматохой. Нарядныя группы высыпали на улицу подышать первымъ весеннимъ тепломъ, и какъ несомнѣнный симптомъ петербургской весны, громадный и тучный мужикъ въ распахнутомъ полушубкѣ предлагалъ прохожимъ пучекъ фіялокъ за пятиалтынный, и сладостно ухмылялся, повидимому, чувствуя себя, какъ есть на своемъ, мѣстѣ.

Сбѣжавъ со ступеней крыльца, Сашенька заметалась въ стороны, не зная, куда направиться, куда скорѣе скрыться отъ вниманія прохожихъ. Ей казалось, всѣ уже знаютъ, кто она, что съ нею было, и преслѣдуютъ ее неотступной насмѣшливостью. На нее глядѣли, какъ глядятъ при встрѣчѣ на каждую хорошенькую дѣвушку, нѣсколько встревоженную и огорченную. Откуда она вышла, куда спѣшитъ, этого, разумѣется никто не зналъ, но это она знала, и она терзала себя подозрѣніями, что это всѣ знаютъ, всѣ видятъ въ ея смущенномъ и потерянномъ лицѣ, полномъ муки и злобы, всю тайну, во всемъ безобразіи.

Но мать... мать! Что она думаетъ? чему повѣритъ?.. Боже милосердый да неужели я виновата? Этотъ вопросъ, случайно и счастливо ворвавшійся въ голову, немного отрезвилъ ее. Слезы струились по щекамъ ея, сдавливали дыханіе. Она шла, какъ приговоренная, съ шумомъ въ головѣ, съ безобразной болью отвращенія въ груди. Сердце въ ней ныло, словно піявки сосали его. Мысль утомлялась и падала безсильно, тупо, покорно, какъ-бы убѣжденная въ своей винѣ. Она начинала припоминать, какъ хорошо шелъ вечеръ, какъ ей пріятно было въ кругу новыхъ товарищей, какіе это интересные люди, и вдругъ снова ударъ ножа въ сердце, и все безобразіе, вся грубость безсмысленной оргіи возстаетъ передъ нею, какъ на ладонѣ. Невольный страхъ передъ людьми — передъ *такими* людьми — мучительнымъ, лихорадочнымъ холодомъ тѣснится въ ея груди; рыданія кипятъ въ ней, горькая мысль о позорѣ ядовито жжетъ мозгъ...

— Но, Боже мой, развѣ я виновата? повторяетъ она тысячу разъ.— Конечно, нѣтъ. Нужна черезчуръ феноменальная совѣсть, чтобы и виноватые такъ нестерпимо страдали.

— Лгать! одно спасеніе — лгать! Ничего не было, ничего нѣтъ... Всего необходимѣе лгать передъ матерью!.. Пусть *тамъ* всѣ знаютъ, всѣ смѣются—неужели смѣшно? но мать ничего никогда не узнаетъ!..

Это успокоило Сашеньку.

IV.

Сашенька вошла въ артистическую колею. Она играла въ оперетках пажей и принцевъ, фальшиво распѣвала задорные куплеты, кривлялась и выставлялась въ полное удовольствіе поклонниковъ, признававшихъ, что пластика и грація канканерскаго типа самый высокій талантъ, и что г-жа Миловзорова достигла уже первокласснаго безстыдства и выразительности, что у ней выработаны изумительно и жестъ, и мимика, и что вообще фигура для холостыхъ ужиновъ чрезвычайно интересная. Истинные любители дамскихъ талантовъ шли еще дальше, и разбирали по статьямъ, какъ лошадь, находя, что и статьи г-жи Миловзоровой въ нѣкоторомъ родѣ верхъ совершенства. И всѣ эти судьи, цѣнители, любители, вообще орава блудящихъ интеллектовъ — и старцевъ, и юнцевъ — всѣ находили, что г-жа Миловзорова неподражаема. Тотчасъ-же и въ уборной ея, и въ квартирѣ явились свои люди, свои друзья, начались ужины, катанья на тройкахъ, шампанское, словомъ, жизнь пошла своимъ порядкомъ, также бурно и весело, какъ идетъ она у оперетечныхъ принцевъ и пажей. Репутація таланта была установлена и таксирована. Цвѣты, брилліанты и коляски на резиновыхъ шинахъ сдѣлали немедленно совсѣмъ особый типъ знаменитости, дополняемый роскошной квартирой, дорогой обстановкой, золотой вазочкой, наполненной визитными картами подъ разными коронами, и прекрасно дрессированной горничной, француженкой.

Поклонники, выходившіе изъ капища этой новой богини, въ восторженномъ упоеніи бормотали:

— Quelle femme—cet animal.

Впрочемъ, неизвѣстно съ точностью, къ кому и эта похвала относилась: къ барынѣ, или горничной. Обѣ были таланты, и прекрасно знали, съ какими людьми имъ приходится считаться.

Сашенька попала въ круговоротъ бѣшеныхъ денегъ, и увлеклась, какъ множество женщинъ ея положенія, не деньгами а какою-то мстительною возможностью истреблять ихъ на свои капризы. Она забыла страшную школу нужды, материнскія слезы и стоны надъ каждой копѣйкой,—теперь она не знала счета въ деньгахъ. Она блистала и наслаждалась, и въ шумныхъ оргіяхъ съ товарищами пропивала все, что давала ей эта странная жизнь, странная карьера.

— И-да! грустно вздыхали старички-поклонники, пропустившіе въ

опереточномъ вертепѣ нѣсколько десятковъ своихъ векселей: — сразу видно, что талантъ, — ничѣмъ не дорожитъ, все презираетъ и все пропиваетъ.

И на ухо шептали другъ другу:

— Она пьетъ, она пьетъ...

Она пила, она пьяная выходила на сцену и производила «фуроръ». Публика безкорыстная была въ восторгѣ, интимные поклонники бѣсновались и, какъ стадо безсмысленныхъ барановъ подъ знойнымъ солнцемъ, преклоняли свои глупыя головы къ ея ногамъ. Побѣда была полная, она овладѣла этой толпой. Бѣшеныхъ денегъ, конечно, не было уже ни у кого, но бѣшеный тонъ жизни заставлялъ всѣхъ поддѣлываться и прикидываться, будто имъ все ни почемъ, лгать даже передъ собою, будто они тоже очень богатые люди, и не находятъ на свѣтѣ ничего умнѣе и занятнѣе этой вѣчно полуобнаженной женщины, взбалмошно-капризной, надменно-требовательной, безстыдно-развязной

— Хороша!..

Вотъ и все оправданіе стадной обезумленности.

Тысячи приличныхъ и порядочныхъ женщинъ, честныхъ, трудящихся, и красивѣе ея, и симпатичнѣе по характеру, и умнѣе, проходили и проходятъ, никѣмъ не замѣченныя и даже съ умысломъ избѣгаемыя: скучны наши порядочныя женщины, скучны для той уличной толпы, которая величается обществомъ, и вся, до мозга костей, проникнута ядовитыми испареніями кабака. Чтобы нравиться, увлекать эту толпу, пользоваться въ ней успѣхомъ, поклоненіемъ, боготвореніемъ, женщина должна быть только непристойной. Ровно ничего больше отъ нея не требуютъ: ни ума, ни таланта, ни чувства, ни образованія, ни малѣйшаго человѣческаго подобія. Напротивъ, всѣ положительныя качества въ ней превращаются въ отрицательныя, отталкивающія, непріятныя и надоѣдливыя.

Одно изъ вѣрныхъ свидѣтельствъ эстетической грубости и одичанія мужского населенія.

— Ахъ, милый, я не стала-бы безпокоить, но я поставлена въ такое критическое положеніе этими глупыми счетами...

— Сколько-же нужно, ma chère?

— Фи, пустяки... Возьми со стола счеты... Тамъ модистка, экипажъ, мебель, еще какія-то мелочи,—пожалуйста...

И вотъ «милый» подходитъ, какъ быкъ подъ обухъ, къ архиву

счетовъ и съ серьезнѣйшимъ отупѣніемъ погружается въ ихъ разсмотрѣніе.

По мѣрѣ постиженія общихъ цифръ, у «милаго» не только лицо, но и лысина багровѣетъ и покрывается росинками холоднаго пота, и счеты въ рукахъ начинаютъ танцовать.

— Это невозможно! Это разбой! словно ужаленный, вопіетъ «милый»:—это надо въ полицію!.. Это... это чортъ знаетъ что!.. И ты позволяешь этимъ разбойникамъ подавать такіе счеты?..

Она поднимается и вырываетъ пачку счетовъ изъ рукъ влюбленнаго въ полицейскій распорядокъ старца.

— Не волнуйтесь, язвительно говоритъ она: — кромѣ васъ есть кому заплатить.

— Но, ma chère, я съ удовольствіемъ... я очень радъ... Я готовъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, рыдаетъ старикъ по привычкѣ къ служебной терминологіи:—но... но... я самъ поѣду... я объяснюсь...

— Вы скучны... Чѣмъ я виновата, что мнѣ подаютъ такіе счеты? Платите или заплатятъ безъ васъ..

— Но, mon ange!.. Это такъ жестоко...

— Какъ всѣ они похожи другъ на друга въ деньгахъ! думала Сашенька.

— Хорошо! рѣшала она:—вы поѣдете по этимъ адресамъ и заплатите гдѣ сколько надо, не правда-ли?.. Или у васъ нѣтъ предмета болѣе интереснаго для разговора со мной?

И, соблазнительно рисуясь передъ «милымъ», кокетливо запѣвала:

«Si vous n'avez rien à me dire»...

Бѣдный старецъ, несчастный «милый», — онъ ѣхалъ ругаться и платить по счетамъ, отворяя двери другимъ гостямъ, другимъ «милымъ».

У Сашеньки сложилось одно общее отношеніе къ друзьямъ и «милымъ»—платите!

— Я—ангелъ, я—богиня,—и что такое всѣ вы жаждущіе моей благосклонности, моей мгновенной ласки? Несчастные! какъ смѣете вы разсуждать, протестовать, когда вашъ разсудокъ давно потерянъ, и, какой-бы вздоръ вы ни говорили, все равно, сдѣлаете такъ, какъ я требую, какъ хочу?.. Развѣ вамъ удалось хоть разъ настоять на своемъ? О чемъ говорить, къ чему эти сцены? Платите, или уходите,—всѣ вы одинаково надоѣли мнѣ, и на ваше мѣсто придутъ сотни но-

выхъ глупцовъ, болѣе богатыхъ и тароватыхъ, и они еще покорнѣе, еще безличнѣе, еще подлѣе станутъ исполнять мою волю, мой капризъ.

Провожая поклонника съ самой любезной улыбкой, протягивая ему цѣловать свои ручки, она не забывала, когда слѣдуетъ, сказать своей француженкѣ:

— Запомните этого господина: меня нѣтъ дома.

— Oui, madame! язвительно и покорно усмѣхалась наглая француженка.

VI.

Между обожателями встрѣчались люди крайне непріятные, это именно тѣ юные и старые господа, которые, промотавъ все состояніе, сохранили всѣ свои страсти и повадки, и приходили безъ денегъ, по старой памяти, пользоваться дружбой и благородствомъ сердца своей богини. Это народъ ревнивый, безтолковый, и любитъ очень сильныя сцены о добродѣтели. Даже юнцы начинаютъ морализировать, порицать жизнь безпробудныхъ удовольствій и проводить въ заблудшую душу «трезвыя понятія». Изъ нихъ всегда выискиваются благородные рыцари, готовые предложить сердце и руку, и пустые карманы своему кумиру, въ разсчетѣ, что талантъ кумира еще силенъ и нужно только дать ему болѣе практическое направленіе, нужно право на руководительство въ сферѣ чужихъ состояній.

Такихъ много. По пословицѣ «чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись», разоренные на поклоненіяхъ таланту, они пріобрѣтали самымъ безупречнымъ, лагальнымъ путемъ всѣ будущіе доходы таланта.

— Эти противнѣе всѣхъ, думала Сашенька: — Ну, что нужно? что вы поете? наступала она, и растерзанный поклонникъ опускался на колѣни, говорилъ запальчивые монологи о страсти и непремѣнно угрожалъ самоубійствомъ. Трагическій финалъ входилъ въ программу порядочнаго поведенія передъ женщиной. И если разобрать, то окажется, что этимъ господамъ самое искреннее самоубійство обходится необыкновенно легко и дешево. Ихъ нервная ненасытность, ихъ роковая жадность къ гульбѣ и на слажденіямъ не могутъ удержаться ни на чемъ, и, если они говорятъ: «застрѣлюсь», то это не пустая угроза, а прямой и вѣрный исходъ своего рода страданій отъ нарушенія ихъ привычекъ, ихъ повадокъ. Конечно, нѣкоторое время еще

можно перебиться сбытомъ ничего не стоющихъ акцій, игрой на билліардѣ, мелками займами у знакомыхъ и другими, не менѣе благородными способами, но въ будущемъ остается одно и то-же «застрѣлюсь».

И вотъ у ней передъ глазами молодой человѣкъ застрѣливается. Она не успѣла досказать своего раздражительнаго отвѣта, какъ раздался выстрѣлъ, и очарованный и огорченный поклонникъ шумно рухнулся на полъ. Съ минуту онъ еще глядѣлъ на нее помутившимися глазами. Она стояла неподвижно передъ содрогающимся самоубійцей и совсѣмъ наивно спрашивала себя:

— Гдѣ же кровь?.. совсѣмъ крови нѣтъ...

Сбѣжались люди, раздѣли убитаго, нашли рану — маленькую дырочку, изъ которой упало всего нѣсколько капель крови. Она все смотрѣла, разсказывала, какъ это случилось, и все удивлялась, «гдѣ-же кровь?» Она не смѣла только въ лицо мертвецу глядѣть изъ боязни, что онъ приснится ей.

Его унесли. Сашенька не скоро могла успокоиться отъ смутной тревоги, отъ непріятнаго скандала, но черезъ часъ она сидѣла уже за піанино и взвизгивала арію какого-то гулящаго принца.

Приходили, по обыкновенію, толпы обожателей, и она сотый разъ разсказывала, какъ это было, и съ какимъ-то безсильнымъ недоумѣніемъ прибавляла.

— Странно!.. А вѣдь раньше, до сцены, я пожалѣла-бы его... можетъ быть, убивалась-бы горемъ...

И впервые ея мысль заглянула въ тотъ подлый, обезчеловѣчивающій омутъ, въ которомъ и она, и эти вылощенныя ничтожества моды и шика такъ беззавѣтно кружились.

— Страшно! шепнула она, какъ-бы погруженная мыслью въ печальное событіе.

АРТИСТЪ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ.

I.

Среди множества «хорошихъ» людей на бѣломъ свѣтѣ, не послѣднее мѣсто занималъ Борисъ Ивановичъ Пыхталовъ. Во всѣхъ «порядочныхъ» кружкахъ Петербурга онъ свой человѣкъ; всѣ обращаются съ нимъ какъ-то снисходительно-дружелюбно, какъ-бы извиняясь, что волей не волей при встрѣчѣ принуждены и ему протягивать руку. Кругъ его знакомствъ—безконечный калейдоскопъ, въ которомъ мелькаютъ сановники и дамы-филантропки, прохвосты и дамы съ камеліями, знатные шалуны съ громкими именами и женщины внѣ всякихъ сомнѣній, банкиры и банкометы и банкокрады, и артистки всѣхъ степеней, и тысячи безцвѣтной сволочи, всегда окружающей такую дѣловитую личность, восторженно раболѣпствуя, непритворно восторгаясь и преклоняясь передъ постоянствомъ успѣха.

Пыхталовъ давно въ славѣ, въ своемъ родѣ знаменитость и, доживъ до весьма почтенныхъ и преклонныхъ лѣтъ, ни разу не былъ приговоренъ къ путешествію въ мѣста отдаленныя. Если вы спросите у знакомыхъ, что за человѣкъ Пыхталовъ—всѣ въ одинъ голосъ отвѣтятъ: «Прекраснѣйшій человѣкъ»!—«А чѣмъ онъ занимается?»—«Онъ... шуллеръ и дисконтеръ».

Это такъ всѣ и знаютъ: шуллеръ и дисконтеръ, и прекраснѣйшій человѣкъ, словомъ, человѣкъ деликатныхъ профессій, о которыхъ въ обществѣ не упоминаютъ. Его талантъ—гордость, развязность и такое представительное самообладаніе, передъ которымъ всякая запосчивость такъ называемыхъ чистыхъ нравовъ невольно смиряется и уступаетъ мѣсто этому позорному достоинству. Мудрено объяснить, какъ и почему это дѣлается, какъ будто съ общаго безмолвнаго согласія. Всегда

онъ жилъ какими нибудь темными и злостными средствами, и эти средства открывали ему всюду ходъ и даже сильное покровительство. Каждый зналъ, кто такой Пыхталовъ, и въ оправданіе того, что онъ зналъ, говорилъ о немъ не иначе какъ о прекраснѣйшемъ человѣкѣ. Притомъ-же Пыхталовъ содержалъ такую многочисленную клаку сволочи, голодной и блестящей, и такъ джентльменски умѣлъ сорить деньгами гдѣ надо, что его возвели-бы даже въ геніи, если-бы онъ не былъ круглымъ неучемъ.

Въ его «домѣ» вы никогда не могли-бы встрѣтить личносгь маломальски сомнительную и загадочную. Дипломаты иностранныхъ дворовъ, блестящіе мудрецы и побѣдители, банкиры, воображающіе себя политиками, француженки-актрисы, оперныя звѣзды, модные журналисты и художники, — короче сказать, это былъ кругъ, въ которомъ нерѣдко, изъ уваженія къ особѣ посѣтителя, цѣлый вечеръ толковали о добродѣтели, спасеніи и возвышенномъ проявленіи артистическихъ дарованій, и уже передъ разсвѣтомъ брались за карты.

Если Пыхталовъ пригласитъ васъ изъ оперы на чашку чаю, вы будете пріятно польщены обществомъ, въ которое онъ введетъ васъ, и въ то-же время невольно станете недоумѣвать, да зачѣмъ-же это блестящее общество именно здѣсь собралось, почему оно, это общество, съ такимъ разнузданнымъ почтеніемъ, съ такой интимной фамильярностью относится къ человѣку, не очень-то опрятному, и какъ будто радо его вниманію и хлѣбосольной расточительности? Ближайшіе друзья и женщины, въ знакъ особаго благоволенія, зовутъ его «Боренькой», «папкой», «душкой», а онъ, въ этой блестящей толпѣ, какъ рыба въ водѣ, ныряетъ, вьется, весело пригрѣтый общей благосклонностью, со всѣми ласковъ, добръ, даже привлекателенъ.

Но почему-же все-таки онъ прекраснѣйшій человѣкъ?

А вотъ изволите видѣть, таковъ утилитарный критерій нашего просвѣщеннаго времени: этотъ шуллеръ и ростовщикъ прекрасенъ потому, что у него двѣ пары превосходныхъ призовыхъ лошадей и кучеръ Ѳома, родной братъ гиппопотама; у него, несмотря на пятьдесятъ пять лѣтъ, лучшая, шикарнѣйшая француженка во всемъ Петербургѣ, и всѣ это знаютъ (что особенно важно); у него чудесный поваръ, ученикъ англійскаго клуба, и замѣчательный погребъ, ежегодно пополняемый на полсотни тысячъ, *по случаю*, отъ итальянскихъ монаховъ; у него прежде всѣхъ являются всѣ изумительныя дико-

вины гастрономіи, которыхъ ни у кого еще нѣтъ; самыя модныя и пикантныя картины и статуи украшаютъ его роскошный дворецъ; итальянскія дивы, волшебники-тенора поютъ у него за-просто, француженки (разумѣется, знаменитыя) декламируютъ трагическіе монологи, говорятъ шансонетки и выпиваютъ цѣлую пропасть шампанскаго, пока совсѣмъ одурѣютъ и начнутъ врать трогательныя исторіи о своемъ бульварномъ паденіи и бульварныхъ карьерахъ; модные журналисты попадаютъ сюда рѣдко, но это объясняется тѣмъ, что мы не успѣли еще воспринять съ должнымъ благоговѣніемъ всю цивилизацію парижскихъ бульваровъ, и нашего журналиста, мало-мальски значительнаго, не такъ-то легко залучить даже въ самый благообразный и представительный вертепъ сильныхъ страстей. Не доросли до бульваровъ — вотъ и все, да и безграмотность торжествуетъ: представьте этому избранному обществу автора такой-то «знаменитой» статьи, или книги, и окажется, что никто ея не читалъ, и съ крайнимъ изумленіемъ впервые слышетъ, что существуетъ на свѣтѣ такая «знаменитость». Вѣдь въ такомъ избранномъ обществѣ нашъ литераторъ вмѣсто славы попадетъ въ конфузъ великій: куда-жъ ему соваться!..

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ достоинствъ Пыхталова, необходимо упомянуть, что онъ былъ благороднѣйшій рыцарь въ денежныхъ дѣлахъ своего круга: нужно-ли пособіе обществу безплатныхъ тавлинокъ для выжившихъ изъ ума приживалокъ,—онъ первый взносилъ предсѣдательницѣ комитета тысячу рублей; устраивался-ли базаръ съ высшими дамами въ роли піявокъ, онъ первый подставлялъ свои пухлые карманы къ ихъ услугамъ; подвергался-ли хозяинъ губерніи опасности крушенія поѣзда, онъ первый заказывалъ молебны о спасеніи его драгоцѣнной жизни: тосковалъ-ли банкиръ, укравшій и спустившій кассу, онъ первый оказывалъ ему серьезное довѣріе; появлялась-ли звѣзда въ оперѣ, въ балетѣ, въ опереткѣ, онъ первый признавалъ ея пикантное дарованіе, подносил бриллліанты, золото и цвѣты, и никогда не начиналъ съ цвѣтовъ, что служитъ признакомъ плебейства, робости и... глупости. На скачкахъ онъ славился, какъ дамскій рыцарь, и только лѣнивая не обирала его: стоило предложить ему самое безсмысленное пари, онъ принималъ его съ радостью, принималъ, какъ несомнѣнное счастье и, разумѣется, всегда проигрывалъ, но, и проигравшись, съ полнымъ удовольствіемъ подходилъ къ коню и, гладя его гриву, въ виду владѣльца, дружески приговаривалъ: «Прелестный

конь!.. Это случайное несчастіе, и я еще разъ готовъ за него пари держать»...

Нечего и говорить о томъ, какъ онъ принималъ артистическихъ знаменитостей... Ровно ничего не смысля въ искусствахъ, онъ всегда находилъ въ себѣ мужество, чтобы разсуждать о нихъ, и разсуждать такъ ловко, съ такимъ наторѣлымъ пошибомъ приличной и сладкой лести всѣми признаннымъ дарованіямъ, что сами артисты считали его однимъ изъ немногихъ любителей, понимающихъ искусство.

Если позволительно восторгаться совершенствомъ европейской цивилизаціи въ лицѣ россіянина, то Пыхталовъ представлялъ собою самый высшій типъ этой цивилизаціи, переложенной на русскіе нравы,— онъ съѣдалъ ее всю безъ остатка, эту цивилизацію, потреблялъ съ такой высокой разумностью, съ такими изощренными вкусами, съ такой глубокой проницательностью, передъ которыми можно было преклоняться. Его геній постоянно работалъ надъ изысканіемъ изящнѣйшихъ деликатесовъ, наимоднѣйшихъ костюмовъ и упряжей, драгоцѣнныхъ предметовъ искусствъ, утонченнаго комфорта, самыхъ рѣдкостныхъ женщинъ, знаменитыхъ какими нибудь еще невиданными и неслыханными особенностями. Даже пріобрѣтеніе омара на завтракъ, по телеграфу, изъ Парижа, составляло уже само по себѣ знаменательное событіе, потому что этотъ чудовищный омаръ и въ Парижѣ, лежа на выставочномъ окнѣ, собиралъ толпу дураковъ въ большомъ недоумѣніи, кто кого слопаетъ: этотъ звѣрь человѣка, или человѣкъ— звѣря...

Мягкій и сладкій, предупредительно услужливый, всегда готовый на помощь порядочному человѣку, филантропъ и покровитель искусствъ, Пыхталовъ въ то-же время пользовался репутаціей дѣльнаго человѣка. Знакомства и связи, кое-какія скандальныя интимности давали ему возможность вліять на ходъ грабительскихъ предпріятій.

Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ брался пристроивать дѣвицъ. Почти каждую недѣлю у него чай разливали все новыя дѣвочки-подростки. Ихъ поставляли ему, въ качествѣ дальнихъ родственницъ и осиротѣлыхъ племянницъ, съ такимъ-же тонкимъ разборомъ, какъ и парижскаго омара, и точно такъ-же ихъ кушали, во имя цивилизаціи, щеголяя и гордясь утонченностью вкусовъ. Онъ покупалъ ихъ у добрыхъ родственниковъ, не рѣдко у матерей, и перепродавалъ своимъ друзьямъ и покровителямъ, «пристроивалъ къ такому-то». Но это не

была грубая торговля бѣлыми рабынями. Пыхталовъ прежде всего рыцарь, человѣкъ участія. Бѣдныя матери, зная его широкую благотворительность и любовь къ просвѣщенію, весьма часто обращались къ нему за помощью и, если приводили красивую дѣвочку (а матери въ такихъ случаяхъ всегда приводятъ, какъ доказательство, что предметъ ихъ заботъ и огорченій вполнѣ достоинъ вниманія и сожалѣнія человѣка, любящаго просвѣщеніе), Пыхталовъ никогда почти не отказывалъ, онъ платилъ за нихъ въ школы, выдавалъ стипендіи и покорно соглашался съ материнскимъ благоразуміемъ, будто необходимо дѣвочкѣ окончить воспитаніе, чтобы хлѣбъ заработывать. Конечно, онъ иронически принималъ этотъ доводъ и зналъ прекрасно, что никакого хлѣба тутъ нѣтъ и не будетъ, но онъ располагалъ къ себѣ, выручалъ изъ бѣды, и постепенно раскрывалъ передъ голодными, молодыми глазками всѣ перспективы разгульнаго довольства и роскоши. Особенно любилъ онъ поощрять таланты, а этотъ кладъ, какъ извѣстно, каждая мать непремѣнно находитъ въ своей дочери. Случалось, что талантъ упорствовалъ и горько возмущался двусмысленнымъ предложеніемъ, тогда Пыхталовъ благороднѣйшимъ тономъ говорилъ:

— Вы совершенно правы, m-lle, и я, какъ отецъ, совѣтую вамъ пріискать честный трудъ и оставить это вульгарное общество. Вы не созданы для такой пошлой, оскорбительной жизни. Вы молоды, сильны, прекрасны собою и прекрасно воспитаны,—вы всегда найдете честный путь къ жизни... Я не сомнѣваюсь въ этомъ и душевно желаю вамъ всякаго счастія. Дѣвочка уходила искать этотъ «честный путь къ жизни», изъ блеска роскоши и пресыщенія попадала снова въ убогую обстановку нужды и дикости, гдѣ ожесточенная лишеніями мать вопила: «Чтобъ тебя черти съѣли съ твоимъ образованіемъ!.. Какой толкъ отъ тебя? какую помощь мать отъ тебя видитъ?..» Тогда дѣвочка снова приходила къ благодѣтелю, или попадала въ альбомъ баронессы Пуленбургъ, дамы не менѣе знаменитой, чѣмъ самъ Пыхталовъ.

Въ обществѣ нерѣдко возникали сомнѣнія относительно средствъ Пыхталова, но умные люди объясняли это просто:

— Помилуйте, да онъ всегда жилъ хорошо... у него такія знакомства... такъ много дѣлъ... пользуется такимъ вліяніемъ...

Да и кто-же могъ-бы объяснить, почему одинъ безъ всякаго толка и надобности богатѣетъ, другой гдѣ-то рыскаетъ съ утра до ночи за кускомъ хлѣба и нигдѣ его найдти не можетъ.

II.

Пыхталовъ былъ артистъ въ своемъ родѣ, и, хотя слылъ за извѣстнаго шуллера, но игралъ вполнѣ честно, до нѣкоторыхъ изъ ряду выходящихъ случаевъ. Такіе случаи выпадали не часто, особенно въ наше безденежное время: какой-нибудь барченокъ получалъ большое наслѣдство, или пріѣзжалъ изъ Сибири златопромышленникъ, съ спеціальною цѣлью покутить въ Петербургѣ. Благообразная, шикарная толпа изголодавшихся искателей приключеній, франты и франтихи сомнительныхъ репутацій, цѣлыя стада пресмыкающихся любителей праздной, веселой жизни,—всѣ эти куртажныя души яростно шныряли по городу за добычей и изрѣдка нападали на такого «краснаго звѣря», съ которымъ имъ не въ моготу было управиться, и они заводили его къ Пыхталову. Здѣсь «звѣрь» поступалъ на приманки, быть можетъ, никогда не извѣданныя, обольстительныя и даже поэтическія, обставленныя со всѣмъ изяществомъ благородной роскоши и просвѣщенія. Его окружало общество людей значительныхъ, серьезныхъ, занимающихъ видныя роли и положенія. Самъ Пыхталовъ казался какимъ-то авторитетнымъ патріархомъ, переполненнымъ всякими добродѣтелями. Никакому «звѣрю», вновь прибывшему, не могло придти въ голову, что всѣ эти благообразные люди были должники, банкроты, игроки, жадные сластолюбцы, у которыхъ только и сохранилось одно наружное приличіе да звонкій титулъ, что всѣ они болѣе или менѣе разорены этимъ-же ростовщикомъ и шуллеромъ, и не только не чувствуютъ къ нему никакихъ претензій, но не находятъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія своей благодарности, что каждаго изъ нихъ онъ могъ-бы уже окончательно пустить по міру, но еще не пускаетъ, даетъ ему «жить», не отказываетъ въ удовольствіяхъ, безъ которыхъ имъ жизнь не въ жизнь. Словомъ, это благодѣтель безъ всякой ироніи. Каждый у него ѣстъ и пьетъ заморскія диковины, вертится въ обществѣ шикарныхъ и изящныхъ женщинъ, заѣзжихъ «хозяевъ» изъ губерній, представительныхъ тузовъ биржи и канцелярій, ничего, разумѣется, не платитъ, да еще и урвать норовитъ.

Пыхталовъ не держалъ такъ называемаго игорнаго дома. Это было-бы уже грязно, мелко и презрѣнно—собирать съ посѣтителей какіе-то убогіе гроши, поскребыши, за хлѣбъ-соль,—напротивъ, онъ блисталъ и славился своимъ гостепріимствомъ, привѣтливымъ радушіемъ настоя-

щаго аристократа, и держался такъ, какъ будто два, три милліона имѣлъ дохода и радъ-радешенекъ, что можетъ проживать ихъ со вкусомъ, среди отборнаго общества, что всѣ эти омары изъ Парижа по телеграфу, модныя женщины и огромный кругъ безплатныхъ гастрономовъ ровно ничего для него не стоитъ. Это была широкая и выдержанная натура, съ тактомъ, терпѣніемъ, дисциплинированной разсчетливостью и своего рода вдохновеніемъ. Едва-ли онъ зналъ и пользовался какими нибудь шуллерскими фокусами: ему не было надобности прибѣгать къ нимъ. У него все это дѣлалось просто, первобытно. Все великое—просто.

Совершенно не помню, когда и при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ нимъ. Съ тѣхъ поръ это знакомство было шапочнымъ: встрѣчалъ въ театрахъ, въ садахъ, двѣ, три ординарныя фразы, и дѣлу конецъ. Никогда я не былъ у него: самъ ни во что не играю, да и общества игроковъ выносить не могу: эти люди, по моему, еще скучнѣе любителей, а ужь это послѣдняя степень...

III.

Итальянцы давали «Риголетто». Джильду пѣла вновь восходящая звѣздочка, «вторая Патти», съ ничтожнымъ, до безобразія высокимъ голоскомъ, близкимъ къ мышиному писку. Съ нею пѣлъ Мазини, со всей извозчичьей развязностью уличнаго грубіяна, никогда не бывавшаго въ обществѣ. Восторгъ тріумфальный. Театръ дрожалъ и стоналъ отъ изступленія очарованной публики. Дамы изъ ложъ махали платками, кажется и чепчиками. Первые ряды креселъ, почему-то сплошь набитые поляками, какъ поднялись, такъ и стояли, безпрерывно анплодируя и надменно, гадливо выкрикивая: «Браве-э-э!» Особенно отвратительно звучало это «ве-э-э»! Пѣвица четыре раза всходила на лѣстницу со свѣчей въ рукѣ, четыре раза брала изумлявшую эту публику ноту и все-таки тріумфальный скандалъ еще продолжался и глупое «браве-э-э» глушило и раздражало нестерпимо. Въ буфетѣ только и рѣчей было объ этой феноменальной нотѣ. Ничего болѣе не слышали, не видѣли, и знать не хотѣли. Возражать,—побили-бы.

Вдругъ—Пыхталовъ.

— Чудо! прелесть! Ничего подобнаго даже Патти на дѣлала! Это...

это просто непостижимо! Но я желалъ-бы доставить вамъ случай слышать нѣчто лучшее: они (т. е. эта «вторая Патти» и Мазини) сегодня поютъ у меня послѣдній дуэтъ Валентины и Рауля.

Предложеніе было слишкомъ соблазнительно и я поѣхалъ.

IV.

«Вторая Патти» и Мазини пріѣхали и встрѣчены были дружными апплодисментами многочисленной толпы гостей. Казалось, какія-то божества поднимаются по блестящей лѣстницѣ, уставленной роскошными цвѣтами, среди разступившейся и какъ-то боязно оторопѣлой толпы, блиставшей нарядами, золотыми жгутами и пуговицами. Много красивыхъ, очень смѣло декольтированныхъ женщинъ, много бриллiантовъ, много духовъ. Черные фраки, блестящіе мундиры и изумительное преобладаніе лысыхъ. Всѣ эти господа и госпожи какъ будто спеціально и созданы были для представительства на раутахъ: внушительныя, осанистыя фигуры, гортанные голоса, величавые поклоны и ласково пренебрежительная развязность тона сразу показывали, какъ отмѣнно они довольны собой и съ какимъ удовольствіемъ выставляются. Видно было, что значки отличій занимали и даже слегка волновали ихъ умы,—глаза останавливались на нихъ, скользили быстро, но съ такимъ привычнымъ вниманіемъ, которое исключало всякую возможность ошибки въ величинѣ поклона, въ силѣ рукопожатія, въ размѣрѣ улыбки. Каждый дѣлалъ честь своимъ присутствіемъ хозяину и обществу и съ милой шутливостью, слегка дерзко и самовольно, заговаривалъ съ красивыми женщинами изъ артистическаго міра. Всѣ разбрелись группами по обширнымъ, ярко освѣщеннымъ покоямъ.

Пыхталовъ былъ въ волненіи и перебѣгалъ отъ одного лица къ другому, представлялъ дамамъ, какимъ-то бѣдно-подленькимъ тономъ заговаривалъ съ генералами, благодарно посмѣивался балетнымъ знаменитостямъ и на раздражительный, почти гнѣвный вопросъ сѣдого генерала: «Что это за фракъ?.. Что за фракъ, я у тебя спрашиваю, братецъ»?—съ истиннымъ наслажденіемъ отвѣчалъ: «Это, в. п., американскій посланникъ»... Генералъ, повидимому, простилъ посланника, однако, отвернулся въ сторону и довольно непріязненно фыркнулъ, наткнувшись на другой фракъ: «А, и вы здѣсь»? выразилъ онъ милостивое недоумѣніе восточному человѣку съ крестомъ на шеѣ, болтавшему рукою, какъ онъ привыкъ болтать на Невскомъ тросточкой.

— Здоровье вашего превосходительства?

— Слава Богу, братецъ... Не безпокойся... Не заплативши, не умру...

Этотъ восточный человѣкъ былъ извѣстный банкиръ—извѣстный именно тѣмъ, что за свое директорство получалъ 150 тысячъ жалованья. Разумѣется, такой банкъ не раскрадутъ. Гарантія вѣрная.

Сдержанный говоръ становился шумнѣе, появлялись все новыя лица и уже съ какимъ-то особеннымъ отпечаткомъ враждебной робости, развязныя и ловкія, но, очевидно не принадлежащія ни къ какому кругу и приходившія сюда, какъ въ трактиръ,—по большей части франты хищническаго пошиба, наполняющіе сады «Аркадіи» и «Ливадіи», пріискиватели богатыхъ женщинъ и пьяныхъ игроковъ. Вся свита держалась на почтительномъ разстояніи, приспособляясь къ дверным косякамъ и подоконникамъ — вѣроятно, по привычкѣ не терять изъ виду возможныхъ выходовъ. Эти львы въ заячьихъ гривахъ блистали электрическими булавками въ модныхъ галстухахъ и толстыми перстнями на пальцахъ, поглядывали кругомъ съ преклонной грустью, не переставая восторгаться своими благородными, до лоска выскобленными лицами, протестовавшими торжественнымъ безмолвіемъ. Казалось, они стояли и декламировали: «Платковъ изъ кармановъ не вынимаемъ!» Ничего не могло быть приличнѣе, всѣ вышлифованы до изящества, но чувствуется что-то не прямо ужь воровское, а довольно приблизительное.

Появилась и сама баронесса Пуленбургъ, извѣстная по альбому хорошенькихъ женщинъ. Что за величавая представительность, самоувѣренный тонъ и непобѣдимая стремительность къ распорядку. Она сразу засуетилась, заволновалась, съ обычной дамской безтолковостью, перебѣгала отъ одной группы къ другой и, наконецъ, окончательно вошла въ роль хозяйки.

Артисты запѣли дуэтъ изъ «Гугенотовъ». Всѣ хлынули въ залу, столпились, толкали другъ друга, громко разговаривали — очевидно съ цѣлью показать, что ихъ ничто не удивляетъ и свой собственный вздоръ интересуетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ артистическій. Слушать не было никакой возможности и я отошелъ отъ дверей. Въ глубинѣ дальнихъ комнатъ нѣсколько разъ показывалась стройная женская фигура въ бѣломъ. Эта фигура оказалась очень молоденькой дѣвочкой, одной изъ множества «племянницъ», выставляемыхъ здѣсь для

извѣстной карьеры. Миловидныя, тонкія черты, особенно красивые, темные глаза, сохраняли еще то выраженіе чистой гордости и застѣнчивости, какое бываетъ только у очень молодыхъ дѣвицъ.

— Не помѣшаю-ли я вамъ? спросилъ я.

— Нѣтъ... Садитесь...

О чемъ было съ ней говорить...

— Вы... родственница г. Пыхталова?

— Нѣтъ... такъ... да, впрочемъ, родственница... Развѣ это вамъ нужно?.. Моя мать очень бѣдная... насъ много... Борисъ Иванычъ платилъ за образованіе и взялъ меня...

— И вамъ, конечно, хорошо здѣсь?

— Да, хорошо... Куда-же еще?.. Нынче такъ трудно... Никуда вѣдь попасть нельзя: все лишнія, а родственники тоже разсчитываютъ: лишній ротъ...

Слезы звучали въ ея голосѣ, слезы нестерпимой, безтактной обиды. Она закусила свои красивыя губки и понурилась. Приземистый, лысый старичокъ, въ лиловомъ фракѣ и лиловомъ парикѣ, съ круглыми очками на выцвѣвшихъ, угасшихъ глазахъ, со вдавленнымъ, будто-бы все еще пріятно улыбающимся ртомъ, какими-то гуттаперчевыми, мягкими какъ у кота лапками, подпрыгивалъ и осторожно озирался, словно мальчикъ подкрадывался къ первому поцѣлую. Въ одной рукѣ онъ держалъ большой букетъ изъ бѣлыхъ розъ, въ другой—большую коробку, и трепеталъ. Одно изъ удивительныхъ явленій вѣчно юнаго Петербурга. Я поскорѣе удалился.

V.

Скоро весь характеръ вечера принялъ совершенно иной видъ. Артисты уѣхали, за ними исчезло все, что было значительнаго и чистаго. Остались одни игроки, да красивыя женщины. Появились столы для виста и преферанса. Солидные люди усѣлись. Легкое волненіе проступало во всѣхъ лицахъ, обнаруживалось въ замѣтномъ трепетѣ рукъ и напряженныхъ голосовъ. Иные даже тяжко отдувались, заранѣе предвидя, чѣмъ кончится пулька «для развлеченія, по пяти рублей». На однихъ лицахъ замѣчалось благоговѣйное смиреніе игроковъ уже обстрѣленныхъ, на другихъ — вопіющее ожесточеніе, не скрываемое даже приличіемъ и благообразіемъ. За этими-же «коммерческими» столами размѣ-

стилось и нѣсколько экземпляровъ той толпы, которая давеча пугливымъ стадомъ жалась къ дверямъ и окнамъ, повидимому, изъ тѣхъ, которые проиграть не могутъ и которымъ, Богъ знаетъ почему, всегда приходитъ десять безъ козырей, а иногда, по разсѣянности, и больше. Они очень милы, находчивы и остроумны, въ полномъ смыслѣ пріятные партнеры, только въ голосѣ слышна неувѣренность, да въ глазахъ сверкаетъ безпокойная алчность. Ихъ знаютъ и за ними слѣдятъ, и они сами прекрасно знаютъ, что за ними слѣдятъ, и карты стасовываютъ съ явнымъ щегольствомъ, не угодно-ли, молъ, поймать и доказать.

Но главный интересъ игры сосредоточивался въ задней комнаткѣ, маленькой, душной, переполненной дымомъ. Посреди комнаты стоялъ, повидимому, самый обыкновенный столъ, за которымъ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Изъ нихъ особенно выдѣлялся толстый и угрюмый, почти плаксивый человѣкъ армянскаго или греческаго происхожденія, съ крупными камнями на толстыхъ и грязноватыхъ пальцахъ, совсѣмъ уже осовѣлый отъ безсонной ночи или вина. Къ нему съ особеннымъ почтеніемъ относились всѣ. Это былъ какой-то крупный коммерсантъ изъ Таганрога или Ростова, извѣстный милліонеръ, едва-ли когда-нибудь раньше бывавшій у Пыхталова.

Вѣроятно его привели сюда, какъ быка на убой. Рядомъ съ нимъ, въ вульгарномъ, почти неистовомъ возбужденіи, сидѣлъ, какъ на иглахъ, очень молоденькій офицеръ блестящаго полка и нервически ломалъ въ рукахъ колоду картъ, затрудняясь, на чье имя вѣрнѣе поставить: на Матильду или Клару.

— Графъ, вамъ-бы нужно освѣжиться—рюмку коньяку, повторялъ ему нѣсколько разъ усатый и бородатый ротмистръ, впадавшій въ безмолвный, наркотическій столбнякъ.

— Ставьте на Клару, графъ!.. Она не выдастъ! прибавилъ третій офицеръ.

— А... вы думаете? уже чисто государственнымъ тономъ вскинулся юный графъ, весь красный до ушей, выставляясь длиннымъ, острымъ подбородкомъ. Кругомъ стола еще сидѣли фраки и мундиры но эти приготовились, повидимому, на смертный бой и въ лицахъ хранили окаменѣлое спокойствіе и суровое величіе, какъ будто ихъ призвали на Олимпъ голосовать рѣшеніе судебъ міровыхъ.

Все стихло на минуту. Пыхталовъ—съ какимъ-то неуловимо-плутоватымъ выраженіемъ въ лицѣ—принесъ изъ кабинета три очень круп-

ныя облигаци и небрежно швырнулъ ихъ на столъ, вскрылъ карты и предложилъ кому-нибудь стасовать.

Съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ схватилъ карты юный поклонникъ Клары и Матильды, съ привычной ловкостью перемѣшалъ ихъ, другой сосѣдъ снялъ.

— Готово, гг., кому угодно? вызывающимъ взглядомъ оглянулъ всѣхъ Пыхталовъ. Началась игра. Онъ металъ медленно, чинно, торжественно. Всѣ глаза впились въ его руки и слѣдили, какъ крѣпко прижималъ онъ къ столу каждую карту, прищелкивая ею и изрѣдка безучастно приговаривая:

— Клара дана... восьмерка бита... тузъ битъ... десятка дана...

— За здоровье Клары шампанскаго! пять сотъ рублей дана!.. Браво!.. Клара!

Пыхталовъ слегка поморщился. Онъ не любилъ шумныхъ игроковъ! они мѣшали размышленію другихъ. Слуга уже показался въ дверяхъ со стаканами вина, всѣхъ обошелъ. Графъ полстакана выпилъ и ударилъ стаканъ объ полъ. Это ужь такъ водится. Онъ увеличилъ ставку, и опять ему дана была карта. Всѣ не безъ зависти поздравляли его, и съ особенной ненавистью скрипѣлъ свое поздравленіе взволнованный толстякъ, близкій къ удару и проигравшій десять рублей.

— Всегда такъ, обиженно ворчалъ онъ:—кому не надо, тому и счастье... На двѣ карты полторы тысячи,—хо, хо, хо!..

— Конечно, хо, хо! расхохотался графъ:—ва банкъ! крикнулъ онъ съ восторженной ненавистью.

— А мы, душа моя, потомъ... Что за нимъ останется, то мы и забираемъ, осклабясь, пролепеталъ тучный человѣкъ армянскаго происхожденія.

Другіе игроки ставили рубли, десятки. На нихъ Пыхталовъ и вниманія не обращалъ.

— Гг., позвольте деньги на столъ... Игра серьезная... Я прошу васъ... Можно забыть... сбиться въ счетѣ... Онъ положилъ карты на столъ и ждалъ. Графъ, съ неудовольствіемъ нахмурясь, вынулъ свой кошелекъ и бумаги изъ боковаго кармана, пересчиталъ,—не хватало трехъ тысячъ...

— Все равно, графъ, за вами будетъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ-же!! Я сейчасъ съѣзжу за деньгами... Промечите талію безъ меня...

— Прошу васъ, графъ... Мои деньги всегда къ вашимъ услугамъ... Можете занять сколько угодно...

— Не оставляйте игры... вамъ везетъ... непремѣнно сорвете банкъ... Не мѣняйте мѣста... Настроеніе потеряете—карта измѣнитъ! послышалось со всѣхъ сторонъ. Графъ поколебался. Ему непріятно было обязываться довѣріемъ и щекотливое чувство гадливости волновало его. Человѣкъ армянскаго происхожденія изъ глубочайшихъ кармановъ досталъ нѣсколько пачекъ рыхлыхъ и мелкихъ денегъ, швырнулъ ихъ въ общую кучу и изъ боковаго чемоданчика, набитаго дѣловыми бумагами, досталъ книжку банковыхъ чековъ. Перо и чернила какъ будто уже ожидали его.

Пыхталовъ придавилъ пальцемъ карты.

— Гг., кому угодно срѣзать?

Апоплексическій толстякъ изъявилъ самое безпокойное желаніе срѣзать, и, засунувъ карту въ колоду, выпуча при этомъ для чего-то глаза, «подрѣзалъ» свою собственную карту въ сопикахъ и выругался самымъ жалкимъ словомъ. Всѣ захохотали. Пыхталовъ даже записи не велъ его рублевкамъ.

— Берите, пишите, небрежно говорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужь коли не везетъ... коли заколодитъ... шумно огрызался толстякъ съ такимъ остервенѣніемъ, какъ будто проигрывалъ сотни тысячъ.

Всѣ затаили дыханіе. Слышно было, какъ карты щелкали подъ рукой Пыхталова.

— Клара ва-банкъ!—банкъ бита... двойка бита... семерка бита... «душа моя» бита...

Игра оживлялась, становилась «интересною». Многіе бросили свои «коммерческія» игры и окружили игроковъ за стульями. Баронесса Пуленбургъ подъ руку съ красавицей-балериной также подошла къ столу. Всѣхъ приковала эта куча безсмысленно набросанныхъ денегъ, и это звѣрское выраженіе проигравшихся лицъ. На графа жалко было смотрѣть: блѣдный, съ дрожащими губами, онъ удалился въ кабинетъ хозяина писать вексель.

Человѣкъ армянскаго происхожденія еще оторвалъ листокъ отъ книжки, проставилъ кушъ и, подписавъ, бросилъ въ кучу. Графъ вернулся и вексель бросилъ въ кучу, и рыхлыя рублевки туда-же полѣзли въ кучу, какъ будто и имъ воздается такой-же почетъ, какъ чеку на десятокъ тысячъ.

Наступила тишина — азартная, свирѣпая тишина, полная зловѣщихъ ожиданій. Графъ спросилъ воды — ему подали шампанскаго.

— Какой тебѣ, душа моя, вода? удивился человѣкъ армянскаго происхожденія, оглядывая посоловѣлыми глазами хорошенькую балерину. Баронесса благосклонно, въ знакъ поощренія, кивала ему головой.

«Подвергаютъ-же люди себя такой пыткѣ... Чортъ знаетъ, что такое», думалъ я. У меня даже грудь заломило отъ сдавленнаго напряженія, и я отошелъ къ дивану, гдѣ, возлѣ двухъ развалившихся нарядныхъ барынь, оставалось свободное мѣсто. Онѣ, эти дамы, самымъ невиннымъ образомъ разсуждали о Мазини и «второй Патти», но въ это время произошло нѣчто чрезвычайно поразительное, невѣроятное.

Разговоръ былъ общій. Въ немъ и игроки принимали участіе. Одни хвалили школу, другіе талантъ, третьи находили артистку слишкомъ уже симпатичною, иные оспаривали съ бѣшенствомъ, что Мазини никогда не былъ сапожникомъ, а происходитъ отъ славнаго и древняго маркиза, хотя ни они сами, ни Мазини ничего отъ того не выигрывали. Иногда, минутами, становилось даже шумно. Я все смотрѣлъ на Пыхталова. Это безстрастное, выдрессированное самообладаніе положительно заинтересовало меня. Онъ былъ немного блѣденъ и утомленъ, и пилъ вино глотками, для оживленія.

Карты были «сдѣланы», готовы. Тотъ-же апоплексическій толстякъ еще разъ, «на счастье», срѣзалъ ихъ и проговорилъ:

— А трель все-таки у ней совершенно не выработана.

— Трель — пустяки, отвѣчалъ Пыхталовъ, и переложилъ карты въ лѣвую руку, приготовляясь метать. Шла талія болѣе полсотни тысячъ. — Помилуйте, продолжалъ онъ, видимо напрашиваясь на вниманіе: — Какая-же трель можетъ быть у ребенка?.. Это придетъ со временемъ... Это дѣло школы, упражненія... Это... Онъ слегка привсталъ и, не выпуская картъ изъ руки, хотѣлъ обѣими руками взяться за спинку стула, чтобы его отодвинуть. Правой рукой онъ отодвинулъ стулъ, а изъ лѣвой руки у него вырвали карты и вложили другія.

Это сдѣлалось мгновенно, съ такой ошеломляющей дерзостью, что отъ изумленія я вскрикнуть не могъ, голосу не стало. Съ боку мнѣ все было видно, но я никакъ не могъ, сейчасъ-же, ни понять, ни видѣть, чьи именно руки подмѣнили карты.

— Всѣ-ли поставили гг.? оглянулся кругомъ Пыхталовъ, держа попрежнему на отвѣсѣ лѣвую руку съ картами.

— Мечите! торопили нервные игроки.

— Па-а-звольте еще срѣзать? неуклюже потянулся апоплексическій толстякъ.

— Сдѣлайте одолженіе, любезно отвѣчалъ Пыхталовъ, и, переложивъ срѣзку, началъ такъ-же медленно и чинно метать. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ, точно такъ-же онъ отщелкивалъ каждую карту, такъ-же безстрастно произносилъ:

— Клара ваша бита... «душа моя» бита... десятка бита...

Все было бито сплошь. Игроки ожесточенно безмолвствовали. Лихорадочное бѣшенство захватывало имъ дыханіе. Одинъ человѣкъ, греческаго или армянскаго происхожденія, сохранилъ полное присутствіе духа и, коварно ухмыляясь роскошной балеринѣ, снова досталъ книжку чековъ и оторвалъ листокъ.

— Душа моя, еще разъ! еще... еще...

Лакей снова внесъ шампанское, и всѣ разобрали стаканы. Пыхталовъ положилъ карты и взялъ стаканъ. Тутъ я впервые замѣтилъ, до какого истерическаго бѣшенства онъ былъ взволнованъ и съ какой поразительной силой воли могъ скрывать это волненіе.

На кучу денегъ, векселей, чековъ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; онъ занятъ былъ комплиментами хорошенькимъ женщинамъ, изъ которыхъ уже многія были пьяны, залиты и помяты.

Выпивъ стаканъ вина, Пыхталовъ снова взялся за тѣ-же подмѣненныя карты. Юный графъ смотрѣлъ рѣшительно, строго и злобно стиснувъ зубы, и еще разъ поставилъ съумасшедшую ставку. Злоба въ немъ билась. Это изящное, молодое лицо становилось отвратительнымъ, невозможнымъ. Эти дамы поощряли его, давали свои ручки на счастье. Одна даже прыгнула къ нему на колѣни, обняла, вся подалась къ нему и восторженно простонала: «Ми-и-и-лый». Онъ чуть не сбросилъ ее.

Опять толстякъ, игравшій на «желтомъ рублѣ», срѣзалъ карты, и снова безконечно тянутся жгучія, возмутительныя секунды, полныя мученій, ни съ чѣмъ несравненныхъ. Эти воспаленные, почти обезумленные глаза, эти вытянутыя, тревожно-страдальческія лица, полныя гнѣва, бѣшенства, зависти, самыхъ низкихъ оскорбляющихъ человѣка чувствъ — вся картина этого разбойничьяго вертепа съ такими завлекательными, чарующими, женщинами, съ такой пьяной свободой, съ такой доступной податливостью,—становилась невыносимою.

Не говорю, что возмущалось нравственное чувство,—ему здѣсь вовсе не было мѣста, но простую физическую боль этой картины невозможно было вынести.

Пыхталовъ начиналъ уже метать. Я глядѣлъ на него, и опять почти глазамъ своимъ не вѣрилъ: онъ совершенно увѣренъ былъ, что всѣхъ убьетъ, и убилъ... Снова безстрастный голосъ—голосъ палача—отчеканивалъ:

— Клара бита... «душа моя» бита... валетъ битъ...

— Невозможно играть съ такимъ дьявольскимъ счастіемъ! возмущался толстякъ, проигравшій еще разъ десять рублей:—это, знаете, даже изумительно! непостижимо!..

— Чортъ знаетъ что! подтвердилъ графъ, и снова удалился въ кабинетъ сочинять вексель.

— Душа моя, еще разъ!.. Прошу еще, еще разъ! вопилъ человѣкъ армянскаго происхожденія, и еще выбросилъ чекъ въ кучу денегъ.

Пыхталовъ стасовалъ карты и снова толстякъ ихъ срѣзалъ, съ мучительнымъ неистовствомъ засунувъ карту въ колоду.

— Гг., готово! заявилъ Пыхталовъ.

Въ это вредя вбѣжалъ одинъ изъ пресмыкающихся прохвостовъ и съ отчаяніемъ завопилъ:

— Гг.! полиція...

Тотчасъ-же раздался трескучій ударъ, и все исчезло: кучи денегъ, чековъ, облигацій и картъ. Оставался пустой столъ, на который Пыхталовъ приказалъ подать... чаю.

— Гг.! пять часовъ утра: не угодно-ли расходиться! раздался рѣзкій, повелительный голосъ вошедшаго.

РУССКІЙ ЕВРОПЕЕЦЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

I.

Въ Парижѣ, на бульварѣ St.-Michel, существуетъ и по нынѣ узенькая, безлюдно-угрюмая rue Rassine, со множествомъ маленькихъ, дешевыхъ отельчиковъ, въ которыхъ за два, даже за одинъ франкъ въ сутки можно имѣть комнату въ родѣ скотскаго стойла, съ каминомъ, который невозможно согрѣть, съ постелью, въ которой невозможно заснуть, съ мебелью, къ которой невозможно прикоснуться, съ прислугой, отъ которой невозможно добиться никакого толка, съ винтовой темной лѣстницей, по которой не разбивъ носа невозможно ни подняться, ни спуститься.

Вотъ въ этихъ отельчикахъ, начиная съ дома № 1-го и до послѣдняго, я, поочередно, останавливался. Меня интересовала прямолинейная неумолимая послѣдовательность: l'étranger мечется, ищетъ, гдѣ ему лучше, и находитъ все хуже и хуже. Чѣмъ дальше въ глубь улицы, тѣмъ хуже. Здѣсь убиваютъ васъ не грязь и клопы и безпробудныя рожи половыхъ, какъ въ русскихъ заѣзжихъ домахъ и трактирахъ, а какой-то своеправно-характерный оскорбительный запахъ, по которому вы сразу догадываетесь, что жить здѣсь совсѣмъ не хорошо. Хозяева и прислуга вѣжливы до невозможности, и къ общей невозможности жить прибавляютъ свой особенный ядъ развязной назойливости и страстно-хищническаго вниманія. Спасенья нѣтъ отъ услугъ и вниманія, да въ добавокъ кофе вамъ подаютъ въ поласкательной чашкѣ, со столовой ложкой: — извольте хлебать это отвратительное пойло...

Но если вамъ нужно прожить въ Парижѣ недѣлю, двѣ, и именно для того, чтобы *видѣть* Парижъ, а не сидѣть дома, то не совѣтую

пренебрегать отельчиками въ rue Rassine: вы найдете въ другихъ мѣстахъ только хуже и дороже.

Съ угла на уголъ, противъ rue Rassine, находится Café Souffle, гдѣ вы можете видѣть всю богему бульварной журналистики, почти всю школу протоколистовъ и самыхъ разношерстныхъ соотечественниковъ съ русскими газетами въ рукахъ. Не слѣдуетъ, разумѣется, ни заговаривать съ ними, ни показывать виду, что вы компатріотъ: пусть будутъ удивлены вами, но не удивляйтесь вы,—иначе въ Парижѣ непремѣнно будете смѣшны и обмануты.

Постоянной цѣлью моихъ ежедневныхъ странствій по Парижу были Лувръ и Люксенбургъ. Въ Лувръ я иногда приходилъ раньше, чѣмъ павильоны музея открывались и терпѣливо ждалъ въ надворномъ садикѣ, когда ихъ откроютъ. Я уже привыкъ къ нахальству луврскихъ чичероне, которые, замѣтивъ въ вашихъ рукахъ каталогъ Лувра, или «Bedecker», съ изумительной развязностью осаждаютъ васъ на всѣхъ европейскихъ и азіятскихъ языкахъ, увѣряя, что безъ ихъ покровительства вы никакъ не можете проникнуть въ залы Лувра: залы будто-бы закрыты, и только благодаря ихъ протекціи, васъ могутъ впустить, да и то не во всѣ: за нѣкоторые павильоны вы будете платить extra, т. е. платить вашему чичероне, который дѣлится съ привратниками.

Я знаю Лувръ какъ пальцы на рукѣ — собственно Лувръ живописи,—что меня и влекло туда—и потому вмѣсто каталога, въ которомъ не нуждался, всегда бралъ съ собою про запасъ какую нибудь книгу. На этотъ разъ у меня въ рукахъ былъ томъ—біографія Достоевскаго и, читая ее (въ особенности эти нервическія, часто лихорадочныя письма), я невольно меланхолически задумывался надъ судьбой русскаго писателя—даже такого исключительнаго, феноменальнаго: за что такая проклятая жизнь досталась ему—вся изъ разсчетовъ о хлѣбѣ, о рублѣ, о страхѣ за завтрашній день?.. Достоевскій—боялся жизни!!. Это смѣшно сказать,—тѣмъ не менѣе это вѣрно! Литераторы какой нибудь лубочной газеты «Моментъ» ничего не боятся и носятся козырями, находя еще такую дрянь, которая ихъ боится, а Достоевскій—эта звѣзда міра — боялся завтрашняго дня, рубля,—всю жизнь боялся...

— Почитываете? раздался надо мной русскій голосъ, и рядомъ, на скамью, опустилась могучая, тяжелая фигура, въ манерѣ той неулови-

мой, барственной лѣни и нѣги, надменнаго достоинства и какой-то заигрывающей робости, по которымъ и теперь еще можно признать невымершій типъ барствующаго россіянина изъ Европы. Чрезвычайно представительная, великанская, фигура, одѣта по послѣдней модѣ, съ сильными чертами лица, въ которыхъ разливалось полупрезрительное благоволеніе, безразличное и неизмѣнное. Что-то похожее на упраздненнаго дипломата, наговорившаго не въ мѣру много умныхъ рѣчей, да и теперь, пожалуй, не прочь выставиться въ благодарной роли непризнаннаго предвѣщателя.

Узнавъ, что я въ Парижѣ недавно и многаго еще не видалъ и не знаю, онъ обстоятельно разспросилъ, гдѣ я остановился, много-ли плачу и т. п., и рѣшительно проговорилъ:

— Я провожу васъ въ Лувръ.

— Какъ вамъ угодно...

— Да мнѣ-то угодно, потому что въ этомъ мой хлѣбъ, моя спеціальность.

Думаю: что-жь, пусть идетъ, и тотчасъ-же по привычкѣ я перевелъ, сколько это будетъ стоить «на наши деньги».

— Васъ, можетъ быть, удивляетъ, или стѣсняетъ мое предложеніе? Пожалуйста!.. Я порядочный человѣкъ, и честнымъ трудомъ добываю хлѣбъ...

— Не сомнѣваюсь... Пойдемте...

Въ залахъ Лувра онъ со всею добросовѣстностью исполнилъ свою обязанность, т. е. становясь передъ картиной, начиналъ врать по большей части, замѣчательно глупыя исторіи художниковъ, какъ врутъ всѣ проводники. Исторіи эти нигдѣ не записаны,—это чистое творчество парижскихъ чичероне. Изъ Лувра поѣхали къ Дювалю обѣдать, пошлялись по бульварамъ и просидѣли вечеръ въ оперѣ. Съ каждымъ часомъ мой новый незнакомецъ интересовалъ меня больше и больше. Было въ немъ что-то увлекательно-цыганское и раздольное, «остатки прежняго величія», какъ онъ выражался. На бульварахъ онъ раскланивался со множествомъ лицъ—по большей части красивыя, эффектныя женщины и увальни-лавочники. «Это артистка такого-то театра, это извѣстный писатель, а это извѣстный подлецъ, банкиръ N. который моимъ трудомъ заработалъ 50 милліоновъ и заплатилъ мнѣ 100 франковъ».

— Какъ такъ?

— Истинное происшествіе. Во время войны съ турками, этотъ почтенный человѣкъ спекулировалъ на русскія кредитки, а я былъ такъ глупъ, что дѣлалъ ему ежедневно извлеченія изъ русскихъ газетъ о положеніи дѣлъ. На этихъ-то извлеченіяхъ и была основана вся афера. Да, онъ *заработалъ*, они вѣдь всегда заработываютъ, это только мы, бѣдняки, воруемъ—заработалъ 50 милліоновъ и заплатилъ мнѣ 100 франковъ. Да, вѣдь какъ благодарилъ-то скотина! цѣлую рѣчь за обѣдомъ сказалъ о моей честности, о политическомъ талантѣ, о томъ, что безъ меня невозможно было такъ подло заработать...

— А вы все-таки въ восторгѣ отъ Парижа и парижанъ, замѣтилъ я.

— Всегда въ восторгѣ, двадцать лѣтъ въ восторгѣ, и умру въ восторгѣ, потому что это цивилизація, это Европа!.. Ну, вотъ хоть Вандомская колонна!.. Площадь Согласія... Лувръ... вѣдь нигдѣ въ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго!..

— Давно вы здѣсь живете? спросилъ я.

— Больше двадцати лѣтъ... Я тогда, послѣ эмансипаціи, все продалъ и выѣхалъ для воспитанія дѣтей.

— Ну, и что-же, закончили воспитаніе?

— Нѣтъ, капиталы прикончилъ, а дѣтей къ бабушкѣ отослалъ, въ Саратовъ.

— Значитъ, въ европейцы не выйдутъ?

— Къ сожалѣнію... Одинъ сидитъ уже гдѣ-то писаремъ, другой только, что началъ...

— Что началъ?

— Провалился въ «зрѣлости» и началъ хожденіе по дѣламъ.

— Пишутъ вамъ дѣти?

— Н-нѣтъ... такъ, стороной знаю.

Замѣтивъ, что ему непріятны мои вопросы, я перевелъ разговоръ на Парижъ.

II.

Мой новый знакомецъ, Евграфъ Михайловичъ Костюринъ, довольно часто заходилъ ко мнѣ, и почти всегда съ предложеніемъ куда нибудь дѣться... Онъ скучалъ до злобы, если дѣться было некуда. Такъ ужь привыкъ по своей профессіи и по неодолимой склонности востор-

гаться Европой. Этимъ восторгомъ онъ видимо щеголялъ и непритворно радовался, что возвысился до высшей культуры. Какъ русскій баринъ, растратившій большое состояніе, Костюринъ и это ставилъ себѣ въ заслугу: компатріоты любятъ и почитаютъ такого разореннаго барина и платятъ ему, какъ человѣку необыкновенному и въ несчастіи, во всякомъ случаѣ равному имъ, «такому-же дворянину». Разориться, промотать состояніе—въ Россіи еще большое достоинство. Это своего рода талантъ, у котораго водятся постоянные поклонники, и нужно быть совсѣмъ профаномъ, разночинцемъ, чтобы не понимать и не цѣнить барскихъ вкусовъ и привычекъ. Костюринъ любилъ вспомнить о своемъ прошломъ величіи, переполненномъ и съумасшедшимъ разгуломъ, и съумасшедшими добродѣтелями, о которыхъ въ уличныхъ листкахъ печатали. Это была его гордость и слава. Кромѣ того, замѣтно было, что онъ испытывалъ наслажденіе, разбереживая старыя язвы. Только въ эти минуты онъ и чувствовалъ себя бодрымъ, могучимъ, полнымъ вульгарной энергіи русскаго молодечества. Запросто-же выглядѣлъ горькимъ бѣднякомъ, совсѣмъ растеряннымъ надъ добычей франковъ. Но временамъ вспыхивала въ немъ рѣшимость хищническая, злая, но ей некуда было дѣться, не въ чемъ выразиться, и она замирала въ немъ до случая. Опять принимался онъ за свое «дѣло», бѣгалъ по отелямъ, по магазинамъ, музеямъ, ресторанамъ, и приговаривалъ: «Ноги волка кормятъ». Этотъ волчій промыселъ, конечно, не представлялъ ничего вѣрнаго—сегодня сытъ, а завтра опять человѣкъ выброшенный, ни съ чѣмъ не связанный въ жизни, рабъ всякой случайности. И тяжело, и смысла нѣтъ вести такую жизнь въ пятьдесятъ лѣтъ. При томъ-же Костюринъ быстро сближался и привыкалъ съ первой встрѣчи ко всякому туристу и, выпроваживая его изъ Парижа, захлебывался горькими рыданіями, какъ будто терялъ самаго дорогого человѣка. «Каждый ѣдетъ къ мѣсту, знаетъ куда, у каждаго есть такой уголъ, гдѣ онъ еще баринъ, а я-то?..» И ему жаль становилось самого себя, онъ всхлипывалъ, а отъѣзжавшій компатріотъ трогательно думалъ: «Экой прекрасный человѣкъ Евграфъ Михайловичъ!»—всхлипывалъ отъ горькой зависти ко всякому чужому благополучію.

— Отчего вы не возвращаетесь въ Россію? спросилъ я.

— Не могу... Безъ Парижа я жить не могу...

— Помилуйте, да у васъ здѣсь нѣтъ ничего вѣрнаго...

— А у кого-же есть вѣрное? Жизнь—война, а въ войнѣ люди и гибнутъ, и прославляются не по заслугамъ, а такъ, кому что пришлось. Здѣсь я хоть голодный на бульвары выйду,—солнце пригрѣетъ, смѣхъ оживитъ, вижу людей еще несчастнѣе меня, пять сантимовъ подамъ голодному, и мнѣ легче: я уже себя надулъ благодѣяніемъ: вотъ, молъ, могу еще другому услужить, все-таки я—власть и сила. Кромѣ того никто мнѣ здѣсь не поможетъ, горя моего не убавитъ, но и въ ложкѣ никто не утопитъ, какъ топятъ россіяне другъ друга. Море открытое, широкое, просторъ, свобода,—плыви куда хочешь, а захлестнетъ волна,—молчи, будь благодаренъ и за то, что видѣлъ...

— Да за что-же благодарить-то?

— А вотъ за красоту бульваровъ, за шумъ толпы, за удобный ресторанъ, за ласку женщинъ, за сокровища Лувра, за оперу... словомъ, за цивилизацію.

— И вы всегда такъ жили, проводникомъ?

— Всячески жилъ... Я и самъ не понимаю, какъ и чѣмъ я жилъ... Кажется, вотъ совсѣмъ уже конецъ... Смотришь кругомъ—нигдѣ ничего... Только и остается руки на себя наложить,—поднимешь руки-то, да на чужую голову и опустишь,—глядишь, и жить еще можно: есть кормъ, есть радости, забавы, влеченія... Старину вспомнишь и забарствуешь... Корреспондентомъ состоялъ при газетахъ—Пьеръ Бомбоньеркинъ рекомендовалъ, и деньги получалъ значительныя...

— Ну и что-же?

— Да обыкновенно что—ума не достало. Три мѣсяца писалъ, и даже письма благодарственныя получалъ, а на четвертомъ ума не достало.

— Не понимаю, какъ это вдругъ, именно на четвертомъ мѣсяцѣ, у васъ ума не достало... И вы бросили корреспонденцію?

— Бросилъ,—пошелъ на желѣзную дорогу и билъ молотомъ камень, потомъ такъ жилъ... какъ придется...

— Въ чемъ-же ума-то не достало?

— А въ томъ, что я начиналъ уже превращаться въ богему. Въ головѣ наросло какое-то колесо и нервы постоянно вертѣли его, и изъ него постоянно вылѣзали на бумагу однѣ и тѣ-же фразы. Что ни пишу, что ни начну, во всемъ чувствуется бомбоньеркинскій пошибъ и вкусъ, вымученность, дряблость... Хотѣлъ росписать свою жизнь, началъ, и чувствую, что вру, въ герои лѣзу, становлюсь истуканомъ

въ принципахъ, никому мѣста не даю, все я да я... И страданья-то у меня удивительныя, и душа-то великая,—совсѣмъ непристойно...

— Да вы-бы правду писали...

— Легко сказать! Напиши правду, и каждый скажетъ: «Негодяй!» да еще найдетъ оправданіе своимъ собственнымъ грѣшкамъ: «Я, молъ, этого не дѣлалъ»... А я что дѣлалъ? Искалъ человѣка слабѣе себя и старался его побѣдить,—вотъ и все.

— И побѣждали?

— Побѣждалъ больше женщинъ, искавшихъ адюльтера по случаю... да теперь и это ужь поздно: въ пядьдесятъ два года трудно навязываться на дамское вниманіе, совѣстно...

— Все-таки не понимаю, почему не хотите въ Россію: вѣдь жить у насъ легче чѣмъ здѣсь.

— Кому какъ... Здѣсь я иду вотъ прямо на собраніе анархистовъ и слушаю, какъ будутъ сокрушать, громить, истреблять ветхій міръ во имя торжества новаго, и каждый знаетъ мое личное право...

— Вы-же сами говорите, какъ трудно здѣсь хлѣбъ достается... Къ чему вамъ анархисты?

— Да, хлѣба давать здѣсь не любятъ. Нужно быть артистомъ, большимъ талантомъ, чтобы дали хлѣба, да и то еще поторгуются съ совѣстью... А все-таки это Парижъ, центръ міра!..

— Да вамъ-то что за дѣло?

Костюринъ вздохнулъ, стиснувъ зубы. Онъ не рѣшался говорить все, а, не высказавъ всего, онъ оставался-бы непонятнымъ и немного комичнымъ.

— Послѣ, когда-нибудь скажу, пробормоталъ онъ:—а теперь надо мнѣ франковъ половить...

Онъ ушелъ, унылый и сгорбленный, раздраженный воспоминаніемъ о Россіи.

III.

Былъ ненастный, дождливый вечеръ—одинъ изъ тѣхъ возмущающихъ душу вечеровъ, которые особенно нестерпимы въ Парижѣ; когда жгучей мукой чувствуется личное существованіе, безцѣльность будущаго и глупость прошлаго, когда трезвое сознаніе необыкновенно ярко, когда легко разставаться съ жизнью безъ жалобы, безъ укора, съ

однимъ холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ со всѣми ихъ радостями и скорбями. Въ такіе вечера въ Парижѣ всегда больше самоубійствъ и преступленій, чѣмъ въ свѣтлые, яркіе дни.

Костюринъ сидѣлъ у меня и медленно пилъ коньякъ. Рѣшительно некуда было дѣться. Онъ былъ въ настроеніи довольно игривомъ, но сквозь эту игривость пробивалось тревожное и мрачное бѣшенство.

— Вы, я вижу, скучаете, заговорилъ онъ: — эти проклятые ненастные вечера спасительны, какъ сама теща.

— Странное сравненіе, подумалъ я: — Что вы хотите сказать?

— Вы не знаете, что такое теща? Это такой ядъ, такая мертвящая сила, такой неодолимый гнетъ, который самымъ невольнымъ образомъ располагаетъ васъ къ самоубійству. Вотъ, какъ есть, въ родѣ этого вечера: гнететъ, рветъ грудь на клочья, и чортъ знаетъ зачѣмъ.

— Да вѣдь ненастье — дѣло стихійное, замѣтилъ я.

— Ну, а теща—развѣ не стихія? Марья Арефьевна, напримѣръ? да это такой хаотическій сбродъ всѣхъ стихій, передъ которымъ первобытный хаосъ былъ-бы цѣлымъ счастіемъ для человѣка. Вы, конечно, не знаете Марьи Арефьевны, и я радъ за васъ, потому что и послѣ меня у ней еще оставалось одиннадцать дочерей — значитъ, одиннадцать человѣкъ могли кончить самоубійствомъ, а она все-таки жила-бы на посрамленіе человѣчества. Такая ужь безсмертная тварь!.. она и до сихъ поръ жива, въ Интерлякенѣ лечится съ французомъ. Этой женщинѣ я окончательно обязанъ своей судьбой. Женился я, видите-ли, по любви на одной изъ двѣнадцати дочерей титулярной совѣтницы Пискаревой. Соней звать. Семья эта проживала въ страшной нищетѣ, наѣдались въ недѣлю разъ, къ праздникамъ собирали подачки, и на всю семью полагалась одна ротонда, облѣзлая, вытертая и замѣчательно пахучая. Соня въ ней въ театръ ходила, такъ, бывало, на три шага подойдти къ ней больно. Хористкой служила въ оперѣ, голосокъ недурной... Женился, и пошли египетскія казни. Первымъ дѣломъ Марья Арефьевна поселилась у меня въ домѣ, начала помогать Софьѣ хозяйничать, а при ней, разумѣется, и всѣ одиннадцать дочерей. Можете представить мое счастіе!.. Пѣніе, музыка, смѣхъ цѣлый день.. Всѣ ожили, какъ отогрѣтыя мухи. Съ голоду вѣдь ужасно жаденъ бываетъ человѣкъ, а тутъ, понимаете, не человѣкъ, а двѣнадцать штукъ женщинъ!.. Ужасъ!.. И все это ожило, запрыгало, затрулялякало... И въ оперетку, и въ маскарадъ цѣлымъ стадомъ... У себя завели какихъ-то проходимцевъ-жени-

ховъ: нельзя-же дѣвицамъ безъ жениховъ... И все это вражеское нашествіе любило жить «открыто», культивировало хорошіе вкусы, холопски лѣзло изъ кожи, чтобы подражать высшему кругу, и спеціально знало толкъ въ туалетахъ и косметикахъ, сплетняхъ и лакомствахъ. Положимъ, тогда и у меня-то были не ахти какія возвышенныя цѣли, но все-же я скоро почувствовалъ весь ужасъ, невозможность такой жизни. Началось расхищеніе—сперва робкое, воровское, экономическое, а потомъ уже дѣло дошло и до серебра, бриллiантовъ и крѣпостныхъ актовъ... А время было само по себѣ жестокое—эта эпансипація-то... Ждали, страшились, предчувствовали: вотъ сбѣсится мужикъ и разнесетъ. Мужикъ не сбѣсился, а имѣнія мои таяли одно за другимъ и все росло и росло количество векселей, заемныхъ писемъ, сохранныхъ росписокъ... Ядъ разливался кругомъ, дышать стало нечѣмъ,—всюду оставалась одна теща, Марья Арефьевна, ея воровской распорядокъ, ея невыразимая любовь къ дѣтищамъ. Крѣпко молчалъ я, молчала и Софья, живемъ припѣваючи, по уши въ мелкомъ вздорѣ, ничего не замѣчаемъ, поемъ изъ оперы, танцуемъ съ проходимцами, амуры продѣлываемъ. Наконецъ, вижу, никакихъ силъ нѣтъ, никакихъ милліоновъ не станетъ, чтобы угобзить эту прорву,—сталъ я понемножку сбираться, все обдумалъ, имѣнія продалъ тихонько, теща не знала, и женѣ-то сказалъ, когда все было ужь кончено, и мужики съ рынка пришли мебель обирать. Поднялся вой... Ничего подобнаго я еще въ жизни не видывалъ: двѣнадцать истерикъ, двѣнадцать обмороковъ, двѣнадцать рыдающихъ бабьихъ голосовъ!.. И удивительное дѣло... Не говорю о благодарности, нѣтъ, но всѣ эти двѣнадцать обморочныхъ головъ были злы на меня, какъ на послѣдняго негодяя, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, не позволяетъ себя до рубашки ограбить... Я былъ просто-таки преступенъ передъ ними... Вижу, и Софья поколебалась, ѣхать-ли ей заграницу со мной, однако, скоро одумалась: денегъ у меня было еще много, рентой можно было-бы жить хорошо, дѣтямъ дать приличное воспитаніе... Пріѣхали въ Парижъ, устроились почти роскошно, и я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Дѣти росли здоровыя, сильныя... Завели гувернантокъ, учителей, литераторовъ съ бульваровъ собирали... Словомъ, вели почти такую-же нелѣпую жизнь, какъ въ Россіи, только что вотъ тещи не было...

— Чѣмъ-же вы занимались здѣсь? спросилъ я.

— Да, вотъ это объяснить довольно трудно. Я учился живописи,

игралъ на фортепіано, вообще занимался пріятными талантами, которыхъ и тѣни-то во мнѣ никогда не было. Потомъ, по мѣрѣ обнищанія, я пустился въ игру. Днемъ игралъ на биржѣ, ночью—въ карты, все думалъ наверстать потерянное состояніе, для дѣтей... Понимаете, оправданіе-то какое колоссальное: для дѣтей! а оказалось, что мы послѣднія крохи проигрывали въ четыре руки.

— Какъ, и жена ваша играла?

— Нѣтъ, крала... На биржѣ я съ особеннымъ счастіемъ попадалъ именно на такія бумаги, которыя завтра должны лопнуть. Въ карты я не садился иначе играть, какъ съ присяжными, благороднѣйшими шуллерами, принимая ихъ за самыхъ мирныхъ и простодушныхъ буржуа. А дома тѣмъ временемъ объявился, какъ водится, ami de la maison; молодой человѣкъ пріятной наружности, съ рыцарскими взглядами на женщинъ, т. е. пользуясь ихъ благосклонностью, съ нихъ-же и подати бралъ за эту благосклонность. Во-вторыхъ, Софья... Ахъ, это даже трогательно!.. Все, что возможно отщипнуть отъ бюджета, она отщипывала и посылала домой, такъ что теща, эта неотразимая стихія, во всемъ безобразіи и силѣ своей ядовитости—классическій, я вамъ доложу, образъ!—и здѣсь, какъ хроническій кошмаръ, преслѣдовала, душила меня, отравляла кровь мою безсильнымъ бѣшенствомъ!.. Наконецъ она исчезла, т. е. не теща, а жена: тоска по родинѣ изглодала ея бѣдное сердце и она ѣдетъ къ нѣжной мамѣ, къ нѣжнымъ сестрамъ. Я совсѣмъ упалъ духомъ. Это отрезвленіе, въ родѣ неожиданнаго ушата воды холодной, возмутило меня... Поймите-же, я остался выброшеннымъ изъ жизни и брошеннымъ послѣднимъ существомъ, на привязанность котораго могъ надѣяться, да ко всему двое ребятъ остались у меня на рукахъ. Софья затосковала по родинѣ именно въ то время, когда дѣла были совсѣмъ разстроены, и она это знала... Какъ человѣка, меня не цѣнили ни во что, и не въ моихъ средствахъ было доказать окружающимъ, что я въ самомъ дѣлѣ человѣкъ. Кому я сталъ-бы это доказывать? биржевикамъ, шуллерамъ, тещѣ?..

— Что-же вы предприняли для поправленія дѣлъ?

— Предпринимать было нечего да и не зачѣмъ. Нужно было сразу полмилліона, а гдѣ ихъ взять? Заработать... Полноте, полмилліона надо непремѣнно украсть, а работать безполезно и глупо, да и намъ-ли здѣсь работать? Да наконецъ, какъ-же примириться съ безправіемъ на жизнь? Теща лишила меня всѣхъ правъ состоянія, отняла у меня все, что краситъ жизнь, для чего человѣкъ бьется на землѣ. Всѣ отъ меня отверну-

лись, какъ отъ зачумленнаго: нечего было больше отнять у меня. Тутъ, въ припадкѣ отчаянія, я сдѣлалъ громадную непростительную глупость...

— Какую-же именно глупость?

— Я сталъ искать такъ называемаго честнаго труда.

— Да что-же въ этомъ глупаго?

— Тутъ все было глупо: моя барственная особа, никогда ничего не умѣвшая, мое озлобленіе, теща съ компаніей, жившая въ полное удовольствіе на мои капиталы, полное обезличеніе рабьей подчиненности невозможность никакого выхода изъ хваленаго ярма честнаго труда.. Нѣтъ, это совсѣмъ никуда не годилось... Это волновало во мнѣ одну злобу... Это былъ безсмысленный припадокъ оскорбленной сентиментальности, злорадное издѣвательство надъ самимъ собой, да и то, можетъ быть, потому, что если-бъ вздумалось издѣваться надъ другимъ человѣкомъ, то его не находилось вокругъ меня?

— Что-же вы начали?

— Я поступилъ въ конторщики къ тому самому банкиру, котораго вамъ показывалъ и, дурѣя по пятнадцати часовъ въ сутки за честнымъ трудомъ, сладко и злобно мечталъ, какъ-бы стащить милліонъ.

— Потомъ?

— Милліона я, конечно, не стащилъ, но никакъ не могу утверждать, что не могъ-бы стащить, тѣмъ болѣе, что тутъ, на сходкахъ, я ознакомился съ такими теоріями о собственности, которыя вполнѣ подходили къ моимъ мечтаніямъ. Значитъ, не стащилъ не отъ честности великой, а по случаю очень крѣпкихъ запоровъ и глупѣйшаго контроля... Въ Россіи, навѣрно, стащилъ-бы: тамъ въ банкахъ, все умные люди сидятъ, и въ высшей степени порядочные въ смыслѣ довѣрія другъ къ другу.

— Почему-же оставили банкира?

— Не оставилъ, а онъ прогналъ меня, потому что у него хорошенькая жена.

— Вы влюбились?

— Нѣтъ, я сильно хлопоталъ, чтобы она влюбилась, и, повидимому, успѣвалъ...

— Зачѣмъ-же это вамъ?

— Я имѣлъ въ виду похитить ее вмѣстѣ съ нѣсколькими милліонами и отвезти въ волшебную страну бѣлыхъ медвѣдей. Ахъ, эти бѣ-

лые медвѣди! Вѣрите-ли, вѣдь эта хорошенькая дурочка не столько въ меня влюблялась, сколько въ мечту о бѣлыхъ медвѣдяхъ... Бывало, начну говорить ей о чувствахъ, увѣрять, что жить безъ нея не могу, что я человѣкъ благородный и не ищу счастія быть любовникомъ при мужѣ, что мы умчались-бы въ ледяную страну, мою родину... Слушаетъ и глядитъ далеко, далеко передъ собой, улыбается, какъ счастливая, польщенная, обрадованная и вдругъ спроситъ: «И бѣлые медвѣди тамъ будутъ»?—О, конечно, бѣлые медвѣди, сколько угодно бѣлыхъ медвѣдей!.. вся страна заселена бѣлыми медвѣдями!.. И глупъ-же я былъ съ этой хорошенькой женщиной! Тысяча бѣлыхъ медвѣдей вмѣстѣ не могли-бы быть такъ глупы, какъ я одинъ... Они по крайней мѣрѣ разорвали-бы добычу, наѣлись... А я сблагородничалъ—не безъ разсчета, конечно... Пріѣзжала она ко мнѣ въ одну изъ глухихъ, старыхъ улицъ, цѣлые часы ждала, ждала, ласкалась, какъ ручная собаченка, вся возбужденная, нервная до злости, почти измученная... А я, дубина, шлялся изъ угла въ уголъ и говорилъ о честности своихъ намѣреній... Ну, судите сами,—ну, на кой чортъ ей мои честныя намѣренія? развѣ затѣмъ она пріѣзжала ко мнѣ, чтобы учиться сердечной вѣрности?.. Я-то самъ, положимъ, хотѣлъ шубу шить изъ честныхъ намѣреній и призывалъ въ свидѣтели честности всѣ стада бѣлыхъ медвѣдей, но и медвѣди не помогли,—она начала презирать меня даже раньше, чѣмъ мужъ заподозрилъ насъ. . Я принялъ невѣрную диспозицію, обходилъ врага кругомъ, когда онъ лежалъ у ногъ моихъ. Надо было взять его, а не обходить.

— И вы дѣйствительно исполнили-бы вашъ планъ, увезли-бы ее въ страну медвѣдей?

— Не думаю... Отобравши деньги, я оставилъ-бы ее гдѣ-нибудь въ болѣе культурной мѣстности.

— Оставили-бы хорошенькую женщину, которая вамъ нравилась?

— Да ужь лучше моей жены съ тещей ничего не бываетъ... Этотъ взглядъ я перенесъ на всѣхъ женщинъ и смотрю на нихъ, какъ на вещи, которыя, при случаѣ, можно не дурно утилизировать.

— Какъ-же кончилась ваша поэма съ банкиршей?

— Кончилась тѣмъ, что въ одинъ вечеръ вмѣсто ея на свиданіе ко мнѣ явился самъ банкиръ и холодно, чрезвычайно учтиво объявилъ,

что жена его больше никогда уже не пріѣдетъ сюда, и чтобы я тоже никогда больше не приходилъ къ нему въ контору.

Тогда только я понянъ, какъ былъ глупъ! Мужъ повѣрилъ ей, и я не могъ даже компрометировать ее: никакого знака этой бѣло-медвѣжьей привязанности не осталось въ моихъ рукахъ: ни письма, ни кольца, ни ленты,—одно эффемерное и злое воспоминаніе...

— И послѣ вы никогда не встрѣчались съ ней?

— Почти каждый день видѣлъ ее въ Елисейскихъ поляхъ, она каталась съ маленькой дѣвочкой, всегда видѣла меня и всегда отвертывалась. Я попробовалъ оклеветать ее,—никто не повѣрилъ... Смиренная добродѣтель ея была слишкомъ извѣстна... Потомъ были уже цѣлые десятки подобныхъ исторій... Я положительно задался жить на счетъ женщинъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ... Сперва было неловко, даже какъ-то горько, но отсутствіе комфорта, хорошаго обѣда и сигары выводило меня изъ терпѣнія, возбуждало ненависть на весь міръ,—и я привыкъ, ко всему привыкъ...

— И не жалѣли ни одной женщины?

— Ну, какъ сказать... Сердечно, платонически и жалѣлъ, да вѣдь это не мѣшало вести правильные счеты съ ними. При томъ-же, какъ только начинала шевелиться во мнѣ жалость, теща являлась, какъ спасительный громоотводъ, и злоба на женщину пробуждалась во мнѣ съ новой силой. Я сталъ играть въ женщинъ, какъ раньше игралъ въ карты.

— И въ концѣ концовъ ничего не выиграли?

— Да, я не могъ составить себѣ состояніе, но всегда обходился безъ честнаго труда, сегодня я былъ сытъ, веселъ, всѣмъ доволенъ, завтра еще лучше сытъ... Такъ прошла жизнь, т. е. та жизнь, которая еще на что нибудь годилась... ну, какъ послѣдняя ставка въ игрѣ.

— И вы никогда не пытались устроить правильную жизнь?

— Нѣтъ, у меня были женщины по нѣскольку лѣтъ, и въ это время я считалъ себя совершенно устроеннымъ. Была одна содержательница кофейни, прекрасная женщина, такъ практично вела свои дѣла, хорошо торговала. Мнѣ было очень хорошо.

— И все-таки разошлись?

— Да, все съѣли и разошлись. Ничего больше не оставалось. Она пошла служить, я вышелъ на бульваръ искать другую.

— И нашли?

— Еще-бы! Попалась работница, дѣвочка замѣчательной красоты пять тысячъ франковъ сбереженія... Съ полгода мы прожили довольно, не дурно.

— А потомъ?

— Потомъ она пошла на фабрику, а я опять на бульваръ.

— Фу, чортъ!.. И опять нашли?

— Въ тотъ-же вечеръ пристроился... Да, вздохнулъ онъ:—Теперь ужь не такъ, не тѣ года, на бульваръ не выйдешь...

— Ну, а какъ-же въ будущемъ-то! вѣдь надо-же какъ нибудь старость коротать...

— Да вотъ пока какъ нибудь, а то вѣдь и застрѣлиться, пожалуй, можно. Что-жь, я не прочь, коли ужь очень-то мѣшать другимъ буду.

Я разсчитался съ нимъ за услуги и просилъ не провожать меня на Сѣверный вокзалъ. Онъ все-таки прослезился.

ГОЛОВКА КРАСАВИЦЫ.

I.

На Петербургской сторонѣ, въ удаленныхъ дешевенькихъ улицахъ существуетъ цѣлое заштатное населеніе, состоящее изъ мелкихъ пенсіонеровъ, отставныхъ военныхъ и чиновниковъ, сенатскихъ писарей и богомольныхъ вдовъ съ тяжкими семьями не менѣе восьми душъ. Здѣсь-же любятъ проживать художники малославные, но совершенно довольные собою, и отставные генералы, выслужившіе третьи сроки, и которые все-таки не прочь еще пособить отечеству своей мудростью и опытностью.

Все это населеніе находитъ, что здѣсь удивительно хорошо и дешево, вольно и беззаботно. Каждая порядочная семья находитъ еще возможность кое-какъ сохранять здѣсь свой гоноръ, приличіе, показывать видъ мнимой зажиточности и даже задавать какой-то тонъ чрезвычайно преувеличенной неумѣренности, выражаемой обыкновенно неоплатными долгами лавочникамъ, непробуднымъ запоемъ и непреодолимымъ честолюбіемъ, смотря по склонностямъ. У дамъ здѣсь тоже склонности проступаютъ ярче, чѣмъ гдѣ нибудь: страстность сплетни полна находчивости и возвышается до поэзіи, любовь и до сихъ поръ еще гарантируется патріархальными росписками: я, такой-то, обязуюсь жениться; картежная лихорадка, разносимая по мелкимъ клубамъ, куда этихъ дамъ «пускаютъ», вноситъ параксизмы несомнѣннаго отчаянія не только въ семью, но и въ кассу ссудъ.

Дѣти здѣсь тоже совсѣмъ особенныя, почти съ пеленокъ пристроенныя куда-то на казенный счетъ. Ихъ даже изъ отпуска посылаютъ обѣдать въ казенныя заведенія, куда они пристроены, и это такъ благотворно на нихъ дѣйствуетъ, что въ семилѣтнемъ возрастѣ

они уже подаютъ несомнѣнныя надежды на зачатки будущаго міросозерцанія.

Дѣвицы... Тутъ нужна большая осторожность, потому что онѣ— единственныя существа, съ честью и мужествомъ выполняющія свое назначеніе, т. е. не смотря на всѣ козни и проклятія родительской жизни, всѣ средства, не исключая и жениховскихъ росписокъ, употребляютъ къ тому, чтобы составить семейку и распространить потомство для казеннаго воспитанія. Всѣ онѣ значительно образованы— носятъ шляпки и турнюры, знаютъ практически косметическую химію, видали опереточныхъ знаменитостей и съ большою жестокостью распѣваютъ «Чертенка», «Бѣсенка», «Стешкины пѣсни», и ведутъ вполнѣ барскій образъ жизни, т. е. всячески поджидаютъ героя, который вырветъ ихъ изъ бездны этого адскаго существованія, и заведетъ свою бездну и свой адъ,—тогда и у нихъ начнутся свои козни, свое клятье жизни и свое нормально-отчаянное, полусъумасшедшее существованіе. Сильна жизнь инстинктовъ, сильнѣе даже образованія женскихъ гимназій, институтовъ, курсовъ.

II.

Одно изъ такихъ почтенныхъ семействъ проживало здѣсь съ большимъ гоноромъ и этикетомъ. Всѣ сосѣди звали ихъ генеральшами, хотя покойный глава этой семьи отставной совѣтникъ Антипологовъ даже въ отставкѣ, по добровольному усердію, никакимъ образомъ не могъ дослужиться до полнаго превосходительства. Это было даже главной причиной, ускорившей его смерть. Удалившись отъ дѣлъ въ глушь Петербургской стороны, Антипологовъ, какъ и всѣ удаленные чины, никакъ не могъ повѣрить, что дѣла могутъ обходиться и безъ него и по временамъ улавливалъ такой моментъ, въ который, казалось, наиболѣе подходили его мѣры и проекты. Онъ подавалъ эти проекты на разсмотрѣніе, добивался аудіенцій у сановниковъ, мозжилъ и докучалъ со своею долголѣтней опытностью и мудростью, наконецъ, началъ даже протестовать довольно яростно, и все-таки умеръ въ «престарѣлости» и пренебреженіи. Послѣ его смерти осталось болѣе ста проектовъ, которые онъ сочинялъ уже для собственнаго удовольствія, на Петербургской сторонѣ.

Четверо дѣтей, Люба, Маша, Петя, Катя, были временно при-

строены на казенный счетъ; Люба съ Машей уже окончили воспитаніе, и снова обузой засѣли въ семьѣ въ качествѣ невѣстъ. Средствъ послѣ Антипологова не осталось никакихъ, и Дарья Антоновна, со всею гордостью и энергіею, принялась «добиваться толку». Она подавала тысячи просьбъ, докладныхъ записокъ, тревожила сановниковъ и частныхъ благотворителей, весьма трогательно и внушительно, съ достоинствомъ и самоуваженіемъ, умѣла объяснять, что вотъ она вдова человѣка, всю жизнь оказывавшаго услуги отечеству, и при ней четверо дѣтей, нуждающихся въ кускѣ хлѣба. Ей дали незначительную пенсію. Кромѣ того, одно вліятельное лицо приняло въ ней участіе и положило отъ себя еще частную пенсію въ тысячу рублей. Этому вліятельному лицу покойный Антипологовъ оказывалъ кое-какія неслужебныя услуги.

Добившись такимъ образомъ толку, Антипологовы прослыли генеральшами, потому что умѣли жить очень прилично, держались гордо и увѣренно, и знались только съ очень крупными чинами.

Сохранивъ кое-какія связи среди сильныхъ въ канцелярскомъ мірѣ, Дарья Антоновна всѣми силами старалась поддерживать ихъ, въ надеждѣ пристроить Любу съ Машей за чиновниковъ, занимающихъ видныя и многоокладныя должности. Чиновники изрѣдка бывали у нихъ, пріѣзжали «къ обѣду», восторгались и ухаживали за красавицей Любой, но ни рукъ своихъ, ни многоокладныхъ мѣстъ рѣшительно не хотѣли предлагать.

Люба, съ своей стороны, дѣлала все возможное: она прекрасно одѣвалась (чего это стоило!), играла и пѣла, показывалась въ оперѣ (въ чужихъ ложахъ), съ тактомъ и умѣньемъ владѣла свѣми приманками своей красоты; одному значительному совѣтнику она даже со слезами призналась, что могла-бы быть образцовой женою и хозяйкою, и несчастный совѣтникъ такъ испугался, что никогда уже не пріѣзжалъ къ обѣду. Словомъ, удивительный сортъ нынѣшнихъ молодыхъ людей, даже въ страстяхъ своихъ сдержанныхъ и разсчетливыхъ, ставилъ всѣ планы и мечтанія генеральшъ Антипологовыхъ въ положеніе весьма рисковое. Дарья Антоновна была въ отчаяніи. Поддерживать «тонъ» становилось ей не по силамъ: кухарки уходили безъ жалованья, лавочникъ приходилъ каждое утро и хлопалъ сапожищами, дворникъ отказывался таскать дрова, водовозъ оралъ на всю улицу, будто генеральши такъ не поступаютъ, булочникъ грозилъ судомъ.

Эти мелкіе долги съ истинно плебейскимъ озлобленіемъ терзали тонкія чувства изящныхъ барынь, оскорбляемыхъ «всякой дрянью». Водовозъ, большой пріятель дворника, даже въ неистовое изступленіе входилъ, узнавъ, что генеральши въ каретахъ разъѣзжаютъ по театрамъ, а вотъ ему, бѣдному человѣку, не платятъ двухъ рублей шести гривенъ. Онъ думалъ, разъѣзжаютъ по театрамъ для удовольствія, а не для выставки. Когда эти «презрѣнные люди» приходили съ претензіями и дѣлали вульгарную сцену (водовозъ даже въ ставни громыхалъ кулачищими, угрожая, что никогда не дастъ ни единой капельки водицы), Люба и бровью не поведетъ. Она не понимаетъ, почему это мама находитъ нужнымъ объясняться съ этими грубіянами. Она сидитъ за фортепьяно и дубаситъ меланхолическій вальсъ, подъ который она съ большимъ, большимъ удовольствіемъ танцовала въ одномъ изъ клубовъ, гдѣ мама любила поиграть въ мушку и проигрывала разныя «пособія», которыя могли-бы избавить ее отъ всѣхъ дворниковъ и водовозовъ. Фальшивые звуки меланхолическаго вальса напоминаютъ Любочкѣ очень многихъ молодыхъ людей, приличныхъ и красивыхъ, но всѣ они или только еще начинаютъ писарствовать въ департаментахъ, или причислены Богъ знаетъ куда, гдѣ и окладовъ имъ не даютъ. Любочка скучаетъ и нервничаетъ. Вся эта безъисходная грубость жизни ужасно ей надоѣла и ужасно не ладилась съ ея фантастическими ожиданіями счастія. Увѣренная въ своей красотѣ, склонная ко всѣмъ сладостямъ и соблазнамъ, умница съ прекрасными вкусами и изящными талантами, она никакъ не могла повѣрить въ настоящую жизнь со всѣми лишеніями, мелкими дрязгами и заботами о какихъ-то «противныхъ» деньгахъ. Она создана для блеска, роскоши и поклоненій. Она вся дышетъ выхоленной нѣгой, ненасытной жадностью наслажденія, и знаетъ, давно и прекрасно знаетъ, что въ ея красотѣ всѣ права на роскошь и счастіе — права повыше и поважнѣе водовозовыхъ правъ на два рубля шесть гривенъ. Мать души въ ней не чаяла, и никакихъ денегъ, никакихъ униженій не щадила, чтобы нарядить Любочку куколкой, чтобы она могла «дѣлать впечатлѣнія на мужчинъ».

— Ты, мой ангелъ, была сегодня очаровательна! Я такъ рада, такъ счастлива твоимъ успѣхомъ... Мнѣ подвели полковника, который съ тобой танцовалъ. Очень милъ, и безъ ума отъ тебя... Очень богатъ, прекрасное положеніе... Онъ непремѣнно будетъ у насъ Выйди мой,

дружокъ, къ нему въ черномъ... въ черномъ ты такъ эффектна, царственна...

И въ ожиданіи полковника, подъ аккомпаниментъ безшабашной ругани дворниковъ, лавочниковъ, водовозовъ, начинали сладко мечтать, какой бель-этажъ снимутъ на Сергіевской, кого будутъ принимать, въ какую ливрею нарядятъ прислугу, у какой модистки закажутъ приданое.

Полковникъ, разумѣется, не являлся, и мечтательницы затихали. Въ другой разъ Любочка «дѣлала впечатлѣніе» на какого-нибудь пылкаго совѣтника, — оказывалось, и совѣтникъ занималъ превосходное положеніе, и снова въ головахъ матери и дочери, какъ въ сумасшедшемъ домѣ, путались бель-этажи, ливреи, пріемы, модистки, выѣзды.

Жизнь настоятельно требовала самыхъ торопливыхъ рѣшеній — Любочка зрѣла и въ лихорадочной напряженности ждала, когда-же, наконецъ, полковники и совѣтники почувствуютъ всю неотразимую прелесть ея красоты. За Любочкой быстро поднималась Машенька, и той скоро нужны будутъ полковники и совѣтники. Сама Дарья Антоновна до страсти любила мушку, а тутъ эти грязные дворники, водовозы.

Въ такомъ комическомъ положеніи много истиннаго и глубокаго трагизма, и не рѣдко Дарья Антоновна горько плакала, жалуясь на безпощадную судьбу, создавшую такіе красивые и здоровые аппетиты, предоставивъ въ ихъ распоряженіе такую обездоленную, корявую жизнь. Любочка еще больше это чувствовала. Молодая жизнь неудержимо рвалась на встрѣчу всякому наслажденію. Страстная мечтательность разросталась до галлюцинацій. Каждый день приходилось мыкаться по клубамъ, театрамъ, гуляньямъ, обязываясь этими удовольствіями не рѣдко людямъ вовсе не расположеннымъ къ нимъ, и все для того, чтобы выставиться на вниманіе полковниковъ и совѣтниковъ и «дѣлать впечатлѣніе».

Безъ сомнѣнія, Любочку замѣчали, даже очень замѣчали, но эта вѣчно-тревожная, оторопѣлая, нищенски-надменная фигура салопницы-мамы способна была отравить самое жгучее и восторженное впечатлѣніе, «сдѣланное» Любочкой.

А мама была изъ такихъ, которыя основательно знаютъ и скользкій возрастъ своихъ дочерей, и дерзость чувствъ, предъявляемыхъ къ

ихъ красотѣ, и потому безотлучно состояла при Любочкѣ, съ видомъ какого-то ухарскаго вызова, какъ-бы говоря: ну, какой-же дьяволъ осмѣлится при мнѣ?..

И точно, никакой дьяволъ не осмѣливался, такъ что Любочка сама начала протестовать.

— Вы, мама, ужасно, ужасно меня стѣняете... Подумайте, ну, кто-же въ вашемъ присутствіи рѣшится открывать свои чувства?... Вѣдь это невозможно... Молодой человѣкъ только что успѣлъ начать о чувствахъ, а вы сейчасъ и ушами, и глазами... и даже на стулѣ обнаруживаете волненіе...

— Ничего, мой дружокъ; если у него честныя намѣренія, такъ и при мнѣ можетъ говорить... Нисколько я этому не препятствую, даже очень рада буду. Ну, а чего другого — не позволю... Нѣ-ѣтъ, не позволю... На то я мать!...

Любочка досадливо пожимала плечиками въ отвѣтъ на эту убогую материнскую логику.

III.

Однажды Любочка возвращалась съ покупками и была въ самомъ дурномъ настроеніи: въ толпѣ шныряющихъ франтихъ, заглядываясь на раскошные модные магазины, она потеряла самый интересный свертоцекъ съ модными, металлическими кружевцами. Ей было горько чуть не до слезъ, отъ этой потери. Вдругъ на нее налетѣла стремительная, роскошная дама, въ пушистыхъ соболяхъ и, радостно смѣясь, остановилась передъ ней.

— Кочурина!? измулась Любочка.

— Узнала... Какъ я рада!.. Милая... дорогая!... Ахъ, встрѣча!.. вотъ счастье!... Мучилась — нигдѣ тебя не встрѣчала! торопливо и звонко говорила молоденькая красавица, долго и радостно цѣлуя Любочку.— Ахъ, какъ я рада!... какъ я рада!... вотъ прелесть-то... Сейчасъ-же ко мнѣ!... Люба, по старому!... Ты не смотри что я такая... богатая... Это все равно... Я вѣдь всегда о тебѣ вспоминаю и жалѣю...

Варя Кочурина была подруга Любочки по гимназіи, дочь очень бѣдной вдовы какого-то ремесленника.

Любочка жадно и завистливо оглянула ее и какое-то ошеломлен-

ное изумленіе замерло въ лицѣ ея. Каждая бездѣлушка на Варѣ Кочуриной ядомъ впивалась въ ея сознаніе: «Чего это стоитъ? Чего стоитъ такой туалетъ, брилліанты, соболи»?...

— Ахъ, милая! восторгалась Кочурина: — ты еще лучше стала... знаешь женственнѣе, соблазнительнѣе... Это ужасно, любятъ—серьезность... Ѣдемъ, ѣдемъ?... Ахъ, какое счастіе, что я встрѣтила тебя...

Кучеръ подалъ карету и Кочурина почти втолкнула въ нее свою растерянную подругу.

— Домой, въ Морскую! приказала она кучеру.

Варя Кочурина занимала небольшую квартирку, убранную съ тонкомъ и моднымъ вкусомъ, переходившую по наслѣдству отъ одной «знаменитости» къ другой и извѣстную всѣмъ денежнымъ людямъ. Кокетливая до кичливости, стройная француженка-горничная едва-ли не красивѣе самой барыни, встрѣтила ихъ и оглянула Любочку съ тою торгашеской наглостью и быстро сообразнительной, хищнической злобой, какимъ невозможно научиться у француженки выражать ихъ безмолвнымъ движеніемъ глазъ и губъ.

— Вы дадите намъ завтракъ и вина...

— Oui, madame, автоматически отвѣтила француженка.

— Варя, ты замужемъ? наивно спросила Любочка.

— Да, да... то есть, видишь-ли, покуда нѣтъ... Но ты не подумай, что я совсѣмъ ужь опошлѣла... Я... хочу быть свободной и независимой... Я учусь, готовлюсь на сцену... У меня голосъ... Партію «Елены» я могу уже пѣть... Я теперь репетирую, и всѣ находятъ меня, знаешь, въ трико, въ этомъ греческомъ костюмѣ, совсѣмъ, совсѣмъ очаровательной...

— Ты и такъ очаровательна, но все-таки... Какъ ты сдѣлала такую карьеру?..

— Ахъ, это потомъ... Ну, какъ ты?.. Разскажи о себѣ...

— Ничего, Варя... Живемъ все такъ-же скучно, бѣдно...

— Глупо—съ такой красотой!.. Твои всѣ живы?..

— Живы...

— Тоже глупо—ни себѣ, ни людямъ... Твоя старуха всегда проповѣдывала что-нибудь нравственное, даже не нравственное, а прибыльно-приличное, обстановочное, и воображаетъ, что за этакую добродѣтель ей червонцы съ неба посыпятся... Ахъ, знаю я ихъ... Ужасно скучны... А не сыпятся червонцы, она и злится, и на весь свѣтъ клевещетъ...

Сама не живетъ—не можетъ: ну, какая ужь жизнь!.. А другіе—не смѣй жить: ее зависть беретъ... Моя старуха такая-же, да онѣ всѣ такія... Имъ-бы въ классныя дамы... Посмотри, вотъ мнѣ принесли новое платье—черный атласъ, черныя кружева... Это просто и порядочно...

Любочка ахнула надъ платьемъ, надъ роскошными широкими кружевами, покрывавшими всю юбку, какихъ она и не видывала. Варенька ободренная такимъ восторгомъ подруги, начала показывать ей всѣ свои сокровища: дорогіе туалеты, брилліанты, такъ много брилліантовъ, — у Любочки глазки загорѣлись. Варенька провела ее по всѣмъ комнатамъ, показала, какъ она живетъ,—все блистало уютной, чарующей роскошью, словно идольское капище нѣги и страсти, строго обдуманное спеціальнымъ знатокомъ дѣла. Она наслаждалась тайной завистью и робостью бѣдной подруги и говорила:

— Хорошо, не правда-ли?.. Ты могла-бы устроиться лучше... Все отъ тебя зависитъ. А это видишь?

Она указала на свой портретъ, писанный въ ростъ и безъ костюма, въ позѣ вакханки, Венеры, Леды, чего-то въ этомъ голомъ видѣ, и подписанный именемъ моднаго художника, недавно рекламировавшаго себя по всей Европѣ такой-же очаровательной откровенностью и прославленнаго всѣми пансіонерками безъ древнихъ языковъ.

Любочка оглядѣлась кругомъ и невольно вскрикнула:

— Страшно — такая роскошь!..

— Кому какъ, Люба... Мнѣ страшнѣе всего было, по выходѣ изъ гимназіи, таскаться по урокамъ да выпрашивать, Христа ради, работы... Вотъ это было страшно!.. Въ душѣ злоба, зависть, всего хорошаго хочется, и ничего не смѣешь; ни въ театръ, ни на балъ, — все не для тебя: ты бѣдна,—чего тебѣ еще?.. Сиди подъ спудомъ и работай чортъ знаетъ на кого... А я вотъ возмутилась и не хочу!.

— Все-таки я не понимаю твоего положенія... Мало-ли возмущаются и не хотятъ терпѣть, да терпятъ...

— Значитъ, дуры... не умѣютъ... Вотъ ты и съ медалью кончила, а мнѣ и аттестата не дали, да я вотъ счастлива, богата, а ты?.. И медаль не накормитъ тебя, если даже съ голоду будешь умирать: никому не нужна ни медаль, ни тѣ глупости, которымъ насъ учили. Вотъ красоту, молодость давай сюда — деньги заплатятъ...

— Варенька, да неужели ты?..

— Безъ всякаго «неужели»... Пожалуйста, безъ нравственнаго..

У меня и такъ кошмаръ не проходитъ—память о классныхъ дамахъ... Понимаешь, вся душа изъязвлена отъ этой ломки, борьбы, предразсудковъ .. Все къ черту!.. Жить хочу, и буду жить, а другимъ—какъ угодно... Пусть хоть въ классныя дамы идутъ на проклятіе будущихъ поколѣній.

— Какая ты нервная, Варя... больная...

— Злая—только злая... да вѣдь на свѣтѣ только и жить злымъ... Овечье смиреніе нынче глупостью зовутъ.

Все это было нестерпимо убѣдительно и доказательно. Никого эта мрачная логика не могла-бы такъ взорвать и возмутить грѣшной завистью, какъ Любочку. Все въ ней бродило не ясно, безотчетно и безвыходно-заблужденно. Куда выбиваться, гдѣ та дорога къ счастью, легкая, безъ мысли, безъ скорби, какая всегда ей мечталась, всегда внушалась такой-же любительницей сладкаго—матерью. Любочка и боялась, и не рѣшалась разспрашивать. Она видѣла Вареньку въ такомъ возбужденіи, что если-бы дать ей вопросъ, она тотчасъ-же понеслась-бы ураганомъ, срывая и ломая всѣ общественныя отношенія. Она нуждалась въ оправданіи,—ей необходимо было обвинять кого-нибудь, кто довелъ ее до необходимости оправдываться, а довели всѣ, весь строй богатыхъ и бѣдныхъ. За завтракомъ Варенька раздраженно воодушевилась и безъ всякаго вызова начала сама говорить о своемъ положеніи.

— Надо немножко смысла, говорила она,—немножко больше, чѣмъ у нашихъ старухъ, помѣшанныхъ на легальныхъ женитьбахъ. Онѣ думаютъ только о томъ, какъ-бы сплавить съ рукъ дочерей на чужую шею... Ну, а намъ приходится еще подумать, что изъ этого выйдетъ. А выходитъ всегда одно и то-же: прискучили, пріѣлись другъ другу, и начали обманывать не другъ друга, а эти неразрывныя путы, эту убійственную форму, дразнитъ чувство скандала въ стадной публикѣ. Нынѣшніе молодые люди умнѣе батекъ, потому и не женятся. Такъ имъ хоть дороже обходится женщина, да они вольнѣе ее бросить, какъ и она ихъ. Нѣтъ ничего, что связываетъ, обязываетъ... Вольныя птицы... А кто кого бросилъ первый, не все-ли равно... Старухи наши—иначе: онѣ-же ребятъ выводили, да вѣдь кому это надо? Конечно, спасибо имъ, что кой-чему учили, ползали, унижались, не доѣдали куска, не спали ночей—все для счастія ребятъ,—и дѣлали все, чтобы ребята были несчастными. Такъ, слѣпота... самодовольство ту-

пости, да проститъ ее Богъ... Кажется, ясно, все ясно,—не понимаютъ, глядятъ на жизнь, какъ слѣпорожденные... Понимаешь, это дважды-два, учительница, продавщица, конторщица, стенографистка, женщина-врачъ, женщина-юристъ—все это десять рублей, да нельзя-ли еще посадить на пять. Одна женщина-гетера начинается тысячами и съ дѣйствительнымъ неоспоримымъ правомъ проходить весь циклъ жизненныхъ наслажденій. Это такъ, это правда, и даже ни одна изъ классныхъ дамъ не въ силахъ доказать мнѣ, что жизнь поставлена иначе, на какихъ-то возвышенныхъ—чортъ ихъ побери—началахъ!.. Люба, голубка, я объ этомъ много думала, много видѣла страдающихъ, прекрасныхъ, великихъ душъ,—страдали и дохли: для кого, для чего? кому эти жертвы! кому ихъ кровавыя, честныя слезы? У кого право на эти слезы? Отвѣть мнѣ!..

Любочка сидѣла тревожно блѣдная и разсѣянно разсматривала красивую француженку, служившую имъ у стола. Ей непріятно было слушать нервную, озлобленную Вареньку, но она не могла различать, что именно ей непріятно: то-ли, что говорила Варенька, или ея личное положеніе, слишкомъ еще далекое отъ такого сознательнаго счастія.

— Все-таки, Варя, какъ-же это ты? нерѣшительно заговорила она, не находя приличной и безобидной формы своему вопросу.

— Очень просто, подхватила Варенька:—Здѣсь живетъ одна свѣтская дама, у которой цѣлый альбомъ хорошенькихъ женщинъ, понимаешь? Ну, она замѣтила меня. Она и тебя замѣтила: ты была въ ложѣ съ кѣмъ-то... Она говорила мнѣ, и я искала тебя... Хочешь, представлю... Она живетъ здѣсь, подо мной... Ты пойми, здѣсь все лучшее общество, все богатство, всѣ наслажденія... Ты можешь заказать супъ изъ соловьиныхъ языковъ, и тебѣ подадутъ... Кто это изъ римлянъ ѣлъ такой супъ? Катонъ, не правда-ли?

Любочка саркастически улыбнулась и даже не поправила свою подругу въ римлянахъ, но судьба ея была уже рѣшена. Она попала въ альбомъ «одной свѣтской дамы».

IV.

Мудрено было-бы не замѣтить красивую головку Любочки Антипологовой, появлявшейся, по возможности, на всѣхъ увеселительныхъ

борищахъ. Баронесса Пуленбургъ, дама бойкая, ловкая, въ полномъ смыслѣ криминальная, давно уже имѣла свои плотоядные виды на эту красивую головку, въ сопровожденіи солопницы съ постоянно изумленнымъ и встревоженнымъ взглядомъ, точно вопившимъ: «Караулъ! гдѣ-же женихи?» Но «свѣтская дама» не могла допустить безтактной фамильярности, заговоривъ съ салопницей, сторожившей красавицу. Для этого у ней была обширная агентура болѣе или менѣе ловкихъ и опытныхъ дамъ, которыя, пріискавъ подходящую головку для альбома баронессы, принимали въ ней самое трогательное участіе, помогали деньгами, обѣщали самыхъ лучшихъ жениховъ и, наконецъ, вводили ее въ гостиную баронессы, гдѣ хорошенькая головка дѣйствительно знакомилась съ самой шикарной и богатой молодежью и тѣми старческими развалинами, которыя по нищетѣ убогой никогда не знали молодости и, выбившись «въ люди» наканунѣ поступленія въ гробъ, съ какою-то непостижимой яростью преслѣдовали женскую красоту и молодость. Здѣсь сходились младенцы обоихъ полюсовъ, шалуны въ семнадцать и семдесятъ лѣтъ.

Дѣло баронессы велось на строгихъ коммерческихъ началахъ, и красивыя головки не могли жаловаться на эксплоатацію. Ихъ обезпечивали довольно порядочными суммами, не рѣдко выдавали замужъ, съ «приданымъ», но красивыя головки все-таки оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ къ альбому баронессы. Замужество не избавляло ихъ отъ необходимости являться къ баронессѣ по приглашенію.

Любочка вступила въ кругъ людей, которымъ очень весело живется и которые не задумывались передъ издержками. Встрѣча съ Кочуриной совершенно отрезвила ея мечтательность о женщинахъ.

— Вотъ живутъ-же люди, думала она:—и какъ живутъ!.. Всѣ радости, все счастье жизни имъ доступно, ни въ чемъ себѣ не отказываютъ... Да вѣдь это и интересно, завлекательно... Я могу избрать такое знакомство, которое навсегда гарантируетъ.. А главное, невыносимо соблазнительно было, что живутъ—ни въ чемъ себѣ не отказываютъ... Не могутъ придумать такого наслажденія, которое имъ не было-бы доступно... И при томъ, вѣдь это строжайшая тайна, въ альбомѣ всѣ называются чужими именами: кто-же узнаетъ, кто я такая..

Баронесса сама пріѣхала къ Дарьѣ Антоновнѣ, чтобы увѣрить ее въ безопасности вечернихъ отлучекъ дочери: она нашла ей занятія съ дѣтьми въ одномъ изъ лучшихъ аристократическихъ домовъ, гдѣ Любочку

очень полюбили, очень довольны ею, и будутъ платить не менѣе ста рублей въ мѣсяцъ и всегда будутъ присылать за нею свою карету. Дарья Антоновна, при несомнѣнномъ участіи и покровительствѣ баронессы, можетъ быть совершенно спокойна за свою дочь. Такихъ домовъ не много и попасть туда желали-бы тысячи дѣвицъ, пріискивающихъ занятія.

Дарья Антоновна ни минуты не сомнѣвается, видя передъ собой такую блистательную даму; не сомнѣвается и въ томъ, что ея очаровательная Любочка, вступая въ аристократическій домъ, имѣетъ всѣ права на успѣхъ и поклоненіе. Эти занятія съ дѣтьми, конечно, ловкій предлогъ, чтобы ввести красавицу въ высшее общество, и непремѣнно кто-нибудь въ нее влюбился и хочетъ осчастливить; графъ, князь, кто-нибудь изъ большихъ и знатныхъ персонъ, и Любочка, такъ прекрасно воспитанная, безъ всякаго сомнѣнія, выдержитъ себя въ самомъ строгомъ стилѣ. Мать, слава Богу, не дура, она все понимаетъ и ничего такъ не желаетъ, какъ счастія своей дочери.

Этотъ визитъ блистательной дамы окончательно сбилъ съ толку бѣдную Дарью Антоновну. Въ головѣ ея такъ и завихрились бельэтажи, экипажи, гербы, ливреи, моды, пріемы и выѣзды—все, что только могло представить ея бѣдное воображеніе изъ жизни сладостныхъ мельканій и порханій.

— Ахъ, какое намъ счастье Любочка! какое счастье! Ты непремѣнно будешь княгиней... Помилуй, съ твоей красотой, съ твоимъ воспитаніемъ... Читай, мой ангелъ, больше по-французски, тебѣ необходимо усовершенствовать прононсъ.. Въ свѣтѣ это самое главное—прононсъ... Безъ прононса какая-жь ты княгиня!.. Ну, и костюмъ... даже главное—костюмъ... Пристроишься, такъ и насъ, Богъ дастъ, не забудешь...

Вся эта жадная и падкая болтовня раздражала Любочку. Она вдумывалась въ страстный смыслъ материнскихъ пожеланій и переставала понимать, чѣмъ эти съѣдомыя пожеланія отличаются отъ болтовни Вари Кочуриной. Тотъ-же тонъ и вкусъ домогательствъ праздного и веселаго житья, та-же разнузданная падкость къ даровымъ и безправнымъ наслажденіямъ, то-же чувство какого-то животнаго самомнѣнія и самообъяденія...

V.

Жизнь Любочки начала двоиться. Она испытала все, что завлекало ее въ этотъ соблазнительный кругъ богатства и наслажденій. Она ѣздила на тройкахъ на загородные пикники, у ней всегда была ложа въ оперѣ, къ ея услугамъ всегда готова была гербовая карета. У ней были сотни поклонниковъ, которые, однако, не заговаривали съ ней въ публичныхъ мѣстахъ. У ней была крупная сумма денегъ, и она не знала, куда скрыть ихъ отъ матери, и отдала баронессѣ на сохраненіе. У ней было много брилліантовъ, но она не смѣла одѣть ихъ, не смѣла даже никому показать. У ней были модные, дорогіе туалеты, но она могла надѣвать ихъ только у баронессы Пуленбургъ, и надѣвать только для того, чтобы другіе раздѣвали. Все шло совсѣмъ не такъ, какъ мечтала Дарья Антоновна, а Любочка съ каждымъ днемъ боязливѣе и мучительнѣе начинала чувствовать весь скандальный ужасъ своего положенія. Ея фотографія въ альбомѣ баронессы вызываетъ общій восторгъ, и каждый проситъ баронессу пригласить на вечеръ эту изящную, очаровательную молодую особу. У баронессы образовался интимный кружокъ поклонниковъ классической красоты, и Любочка, на ряду съ другими головками изъ того-же альбома, уже безъ всякой краски стыда въ лицѣ, участвовала въ живыхъ картинахъ безъ костюмовъ, играла роли миѳологическихъ богинь.

Въ душѣ ея наростало чувство безобразнаго, непобѣдимаго страха и отчаянія, что все это можетъ узнать мать, сестра, знакомые, для которыхъ она приличная и строгая дѣвушка. Въ ея красивыхъ глазахъ, при каждой встрѣчѣ съ людьми своего круга, дрожала молящая робость, тревожная растерянность, истерическое ненавистничество. Она проклинала тотъ кругъ любителей классической красоты, въ которомъ отняли у ней послѣднее право—прямо въ глаза глядѣть. Она чувствовала себя виновной, постоянно виновной, волнуемой безчестнымъ страхомъ, что вотъ сейчасъ первый встрѣчный съ язвительной усмѣшечкой напомнитъ ей, какъ очаровательна она была вчера въ картинѣ «Охота Діаны», или «Діана съ нимфами въ гротѣ», гдѣ въ качествѣ Октеона, вызвался фигурировать одинъ изъ лысыхъ поклонниковъ классической красоты въ форменномъ вицъ-мундирѣ, съ пряжкой на безпорочную давность. Когда подъ окнами останавливалась гербовая карета и ливрейный лакей, съ какою-то поганой, смѣющейся гордостью

побѣдителя, входилъ съ письмомъ, Любочка, какъ безумная, бросалась къ нему и вырывала письмо, чтобы оно не попало въ руки матери или сестры, чтобы онѣ не прочитали въ немъ о «занятіяхъ» Любочки строки, въ родѣ слѣдующихъ:

«Несравненная красавица, Люба!

Всѣ друзья ждутъ васъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ, въ надеждѣ, что вы осчастливите ихъ собраніе своимъ посѣщеніемъ. Мы хотимъ поставить сегодня «Леду» по Микель-Анджелло, и я увѣрена, вы превзойдете всѣ ожиданія вашихъ друзей и будете въ «Ледѣ» вполнѣ божественны.

Вся ваша П.».

Сердце въ ней холодѣло и дрожало, какъ отравленное. Эта изящная грубость, это эстетическое сладострастіе становились ей отвратительны со всѣми друзьями и поклонниками классической красоты, и въ головѣ молотомъ стучало: «узнаютъ... догадаются... Боже мой! хоть-бы маленькій чинушка замужъ взялъ, избавилъ-бы отъ этой пытки, чтобы туда не ѣздить, не представлять «Леду» по Микель-Анджелло, не подвергаться выхоленнымъ вкусамъ этой грубой животной толпы»...

Съ подавленнымъ бѣшенствомъ садилась она въ гербовую карету, и, откинувшись въ уголъ головой, тихо плакала, какъ будто украдкой отъ самой себя.

— Глупая... думала, это такъ весело. «Леду» по Микель-Анджелло... Для безобразія подобраны изящныя слова, въ честь будто-бы поклоненія классической красотѣ... да тамъ не понимаетъ никто красоты,—тамъ только аппетиты животности, послѣднія судороги предгробныхъ вожделѣній... Не могутъ умереть никого не губя!.. Нужно чувство власти надъ чистой душой!.. память того, что и мы чтили... Нуженъ имъ Микель-Анджело... Всякая погань треплетъ великое имя, воображая, что и она подражаетъ великому... Что за жизнь?.. Чѣмъ это кончится—всѣ эти Леды, Венеры, Діаны, вся оргія старческой немощи?.. Тамъ даже влюбиться никто не способенъ, имъ и красота-то подается, какъ дессертъ, и сами-то находятъ, что все ужь скучно и нечего желать, а все живутъ, и даже съ опасеніемъ, какъ-бы не умереть противъ всякаго ожиданія, живутъ и Леду смотрятъ, потому что есть власть денегъ... Сколько стоитъ Леда? а Венера? а Діана?—всѣ таксированы, какъ биржевая бумага, и всѣ презираемы, какъ

покупныя и разломанныя игрушки, переставшія занимать дѣтское тщеславіе... И сами эти поклонники классической красоты куплены еще хуже, еще преступнѣе... И каждый изъ нихъ считаетъ себя въ полномъ правѣ оскорблять гордость, приличіе, даже чувство ему враждебное—оскорблять для развлеченія, для забавы... Это ихъ отдыхъ послѣ умныхъ дѣлъ, подъ которыми кипитъ человѣческая кровь и слезы... Пошлые, низкіе люди!.. Я не поѣду къ нимъ... Кучеръ! назадъ! домой! скорѣе назадъ!..

Она истерически зарыдала. Кучеръ покорно повернулъ назадъ, ничего не понимая. Лакей, высаживая ее изъ кареты, покорно осклабясь, спросилъ:

— Какъ прикажете доложить баронессѣ?

— Больна... Скажите: больна... зубы, голова, что-нибудь...

Она вбѣжала въ комнату, совсѣмъ безпамятная. Мать и сестра Маша бросились ей на встрѣчу.

— Любочка! родная! что съ тобой? Что случилось?

Этотъ пугливый крикъ матери снова напомнилъ ей весь ужасъ, угнетавшій ее, принуждавшій таиться, лгать, и она, словно отъ чудовища бросилась отъ матери въ сторону. Теперь и мать была ей противна и нестерпима: изъ-за нея столько скверныхъ чувствъ боролось въ душѣ Любочки, и вдругъ она все узнаетъ—все, что такъ старательно было скрыто, замаскировано?..

— Ничего, мама, не безпокойтесь... такъ, нервы, едва проговорила она, удерживаясь отъ рыданій:—оставьте меня... я усну...

Она прошла въ свою спальню, присѣла къ столу, и, не раздѣваясь, не зажигая огня, просидѣла такъ въ тяжеломъ отупѣніи цѣлый вечеръ, просидѣла-бы такъ цѣлую ночь; но поздно, когда въ домѣ всѣ уже улеглись, Любочка чутко прислушалась къ морозному скрипу колесъ подъ своими окнами.

— Она! непремѣнно она!

Она вся задрожала и не могла съ мѣста подняться. Да это была она, баронесса Пуленбургъ.

— Простите, милое дитя мое... Я такъ встревожена дурнымъ извѣстіемъ о вашей болѣзни... Я привезла съ собой доктора... Что съ вами, милое дитя мое?..

— Низкая тварь, прошипѣла Любочка:—да развѣ ты торговала-бы такъ своими дѣтьми?

— Боже мой! вы въ бреду... у васъ жаръ... Успокойтесь, милая... вспомните, что вы говорите, и кому! Вотъ благодарность!.. Но сценамъ теперь не время, и я прошу васъ сейчасъ-же ѣхать со мной! Васъ ждутъ, и вы знаете сами, милая, что не имѣете права такъ грубо своевольничать!.. Ваша мать, ваша сестра — за дверью: еще слово и я позову ихъ сюда!.. Не забывайте, милая, вы въ моихъ рукахъ...

— Ради Бога! боязно прошептала Любочка: — я ѣду... я ваша... вся ваша...

Какъ побитая собаченка, она вышла за величественной баронессой.

VI.

Баронесса великодушно простила Любочкѣ сцену: такія-ли сцены ей дѣлали... Эта замѣчательная дама была совершенно неуязвима въ своихъ достоинствахъ и невозможно было придумать такое слово, въ которомъ она почувствовала-бы оскорбленіе. Ея свѣтская роль, блескъ и благородство воспитанія исключали такую мелочность. Бранили-ли ее истерическія головки богинь, называли-ли прямо какой-нибудь нелестной кличкой любители классической красоты, захлопывали-ли дверь передъ ея лицомъ въ домѣ мало-мальски щепетильномъ, или объявляли съ полной грубостью: «Васъ не велѣно принимать», баронесса нисколько не обижалась такими странностями и сохраняла все свое непобѣдимое величіе. Она безъ всякаго смущенія, порхала, интриговала, бралась за всякое темное дѣло съ полнымъ воодушевленіемъ, и всегда находила весьма значительное общество, нуждавшееся въ ея услугахъ. Эта раскошная барыня прошла такую практическую школу и столько на своемъ вѣку «видывала видовъ», что давнымъ давно уже утратила всякое человѣкоподобіе и всякую сдержку надъ своими хищническими домогательствами. Понятно она была сильнѣе и умнѣе многихъ: передъ нею не было ни одного изъ тѣхъ «ужасовъ», которые облагораживаютъ совѣсть и даютъ ей человѣческое отличіе отъ смѣтливой озвѣрѣлости. Мелькая въ кругу, гдѣ тактъ и ловкость искательствъ составляютъ высшую цѣнность человѣка, баронесса всегда была наружно и прилична и «умна, какъ мужчина», потому она многое и многихъ держала въ рукахъ. Любители классической красоты не рѣдко дѣлали для нея такія «послабленія» и «снисхожденія», какихъ не оказали-бы всѣмъ честнымъ женщинамъ вмѣстѣ.

Потому-же ее не выдавали ни въ одномъ скандальномъ «дѣлѣ», опасаясь обнаруженія всѣхъ нитей и связей общественнаго скандала,— потому и она, не безъ основаній, чувствовала себя порядочной женщиной и рвалась въ порядочные дома всюду, гдѣ были хорошенькія женщины.

Когда Любочка, послѣ грубой сцены, покорно сѣла въ карету баронессы, нервное раздраженіе въ ней быстро упало и смѣнилось жалостнымъ раскаяніемъ, зачѣмъ она такъ обидѣла «благодѣтельницу». Баронесса это сейчасъ-же почувствовала въ ея тонѣ, и уже совсѣмъ менторскомъ голосомъ заговорила:

— Дитя мое, я не сержусь на васъ — я не изъ мелкихъ женщинъ, и должна васъ предупредить насчетъ исключительности вашего взгляда на женскую нравственность. Вы считаете себя падшей и воображаете, что это какое-то великое несчастіе... Это, милая, взглядъ средняго круга, разночинства, мѣщанства, вообще людей вялой и безцвѣтной середины. Ни народъ, ни высшій кругъ ничего подобнаго не знаютъ, не признаютъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ ваше доброе имя не было скомпрометировано въ обществѣ, а какъ вы себя держите, до этого нѣтъ дѣла даже вашему мужу, если онъ человѣкъ хорошаго круга. Такъ у насъ это принято. Я знаю многихъ женъ въ такомъ положеніи, и никто изъ нихъ, слава Богу, не чувствуетъ семейныхъ несчастій. Загляните въ мой альбомъ, въ немъ большая половина семейныхъ женщинъ, съ мужьями и ребятами...

Любочка съ дѣтскимъ изумленіемъ слушала эту оригинальную проповѣдь о «свѣтской морали».

— Неужели и семейныя? переспросила она.

— Ah, chère, это такъ ясно, такъ просто: мужъ на службѣ... у него ничего, кромѣ жалованья: мелкихъ взятокъ нынче не существуетъ, а мелкому чиновнику, разумѣется, никто не дастъ взятки крупной... Но жена у него со вкусомъ, любитъ одѣться, показаться въ обществѣ, знаетъ толкъ въ удовольствіяхъ, женщина образованная... Въ первые два-три года, конечно, по страсти народитъ ребятъ, но потомъ одумается, пойметъ жизнь какъ надо и пойдетъ...

— Обманывать мужа, своихъ дѣтей!

— Васъ удивляетъ это?.. Вовсе не обманывать, въ чемъ-же обманъ? Развѣ мужъ и дѣти что-нибудь теряютъ? или самолюбіе страдаетъ? Нисколько... Она прекрасно, умно ведетъ свои дѣла, и въ большин-

ствѣ мужья чрезвычайно довольны, что жены ихъ заработываютъ... Ваша мать не обижается за то, что вы приносите ей сто рублей въ мѣсяцъ: она вѣдь вполнѣ увѣрена, что вы заработываете деньги интеллигентнымъ трудомъ и остаетесь въ ангельской невинности, а мужья по этой части всегда глупѣе матерей, и никому такъ не вѣрятъ, какъ падшимъ женамъ. Фактъ несомнѣнный — повѣрьте моей опытности — мужа невозможно увѣрить въ измѣнѣ жены, если она хороша собой и не попалась съ поличнымъ.

— А безъ поличнаго развѣ нѣтъ обмана?

— Вы наивны, дитя мое... Безъ обмана нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи, нѣтъ счастія... Обманъ — это все, что примиряетъ человѣка съ бѣдами жизни... Внѣ обмана остается одно самоубійство... Это все, что есть вѣрнаго на землѣ. Потому, если люди разсуждаютъ объ обманѣ и осуждаютъ только одну слишкомъ явную глупость, — не вѣрьте имъ: они или завидуютъ успѣху обмана и самымъ невиннымъ образомъ лгутъ, будто они выше обмана на своей условной, подленькой морали, или... они чувствуютъ себя безнадежными и не въ силахъ подняться до обмана...

Любочка молчала и мысленно спрашивала себя:

— На что эта женщина *не* способна?

Вопросъ опять-таки наивный, и она могла-бы сказать его громко и услышать прекрасный, строго продуманный отвѣтъ, вполнѣ достойный и прокурорствующихъ инквизиторовъ, и присяжныхъ врачей по защитѣ человѣческихъ правъ. Логика — та-же гимнастика, и побѣждаетъ въ ней не философъ, а акробатъ.

— Я могу, продолжала баронесса: — могу дать вамъ только одинъ добрый совѣтъ: пока вы молоды, пока ваша страстность еще въ силахъ, — живите, наслаждайтесь: вамъ все открыто, все для васъ.... Еще какихъ-нибудь пять лѣтъ, — и никто уже не обратитъ на васъ вниманія... Вы заинтересуете или ребенка, или старика, или такого дурака, съ которымъ вамъ, особѣ мыслящей, будетъ до бѣшенства скучно... Вотъ несчастіе — избѣгайте его...

— Ma tante, почти вкратчиво заговорила Любочка (интимно всѣ головки звали баронессу — «ma tante»): — мое семейное положеніе, воспитаніе...

— Знаю, знаю, chére, быстро перебила баронесса: — васъ не подготовили къ такой жизни, и вы боитесь ея, этой жизни... вы желали-

бы занять положеніе легальное, этакого приличнаго дурака-мужа — понимаю и вполнѣ одобряю, и даже всей душой готова вамъ содѣйствовать... Солидный человѣкъ, полсотни лѣтъ, тысячъ шесть жалованья... съ меланхолической ненавистью къ міру, съ величайшимъ самомнѣніемъ, что онъ и государственный умъ, и талантливый исполнитель, и геніальный прожектеръ, — chère, такихъ дураковъ всегда къ вашимъ услугамъ непочатый уголъ...

— Неужели? радостно вскрикнула Любочка.

— Положитесь на меня, самоувѣренно отвѣчала баронесса: — Я не могу обѣщать вамъ молодого человѣка, если вы сами не поймаете его... Эти идутъ на страсть, на красоту, на поэзію... Они глупы, но все-же честнѣе отцовъ, какъ это и всегда бываетъ — честнѣе въ формахъ, въ способахъ обнаруженія своихъ кабаньихъ клыковъ... Это вѣрно, chère, это даже критики писали въ журналахъ, я сама читала... Но человѣка солиднаго, съ виднымъ положеніемъ, съ карьерой въ виду, я смѣло могу обѣщать вамъ, будьте покойны...

— Я боюсь матери, сестры... боюсь огорчить ихъ... О себѣ я не говорю, увлекательно подхватила Любочка; — я не жалѣю себя: моя жизнь очень тяжела... Я хочу радости, удовольствія, — неужели это такъ преступно?

Баронесса снисходительно засмѣялась, какъ обыкновенно смѣются взрослые люди на дѣтскую несообразность.

— Я говорю вамъ, пояснила баронесса: — пользуйтесь тѣмъ, что вамъ дано, и не забывайте, что не тысячи, а милліоны дѣвицъ считали-бы себя совершенно счастливыми, если-бы устроились, какъ вы... Это не укоръ, chère, я только резюмирую правду жизни, какова она есть. Повѣрьте я всѣми силами буду стараться сдѣлать ваше счастіе, устроить васъ...

— Вы очень добры, ma tante, пролепетала Любочка, чувствуя, что горитъ, краснѣетъ отъ лжи и яснаго, сознательнаго презрѣнія къ своей патронессѣ, а она, эта патронесса, обвила ея голову рукой, привлекла къ себѣ ея личико и поцѣловала...

— Я — ваша вторая мать, взволнованно проговорила она, и, можетъ быть, важнѣе первой матери... Не забывайте это...

VII.

Дарья Антоновна, конечно, не обижалась на то, что Любочка отдавала ей сто рублей въ мѣсяцъ. Ко всѣмъ пенсіямъ и пособіямъ деньги не могли быть лишними, но позднія отлучки Любочки наводили Дарью Антоновну на горькія размышленія: вчера Любочка вернулась въ два часа ночи, а третьяго дня — въ пять утра. «Это что-же такое за занятіе, прошу покорно? Какъ это понимать? Въ какихъ это аристократическихъ домахъ дѣвочки до пяти утра учатся? Да ужь если такъ, то ста рублей и мало, пусть платятъ двѣсти... Все это хорошо: въ каретѣ отвозятъ, въ каретѣ привозятъ... А вчера отъ нея и виномъ пахло: это зачѣмъ-же при занятіяхъ-то?.. для подкрѣпленія силъ?..»

Всѣ эти злобныя подозрѣнія начинали докучливой болью безпокоить материнское сердце и приводили къ рѣшительному вопросу: «что-же это значитъ? какъ понимать и что думать?» Безтолковое сцѣпленіе этихъ вопросовъ совсѣмъ обезкураживало сладкія мечтанія о бель-этажахъ, экипажахъ, гербахъ и нарядахъ. Любочка пріѣзжала такая усталая, жаль ее безпокоить, раздражать подозрѣніями, — все это должна объяснить баронесса Пуленбургъ. «Я довѣрила вамъ свою дочь, единственное сокровище... Я сама благородная дама, и знакома тоже съ очень хорошими домами... Я всю жизнь прожила честнымъ манеромъ... и прошу, наконецъ, объяснить мнѣ, что все это значитъ?» Въ этомъ благородно-материнскомъ тонѣ сочинена была нота къ баронессѣ, и въ одно прекрасное утро, когда нота въ головѣ Дарьи Антоновны дошла до окончательнаго бѣшенства, она взвилась, разрядилась и на извозчикѣ понеслась къ баронессѣ. Приняли ее тотчасъ-же.

— Чѣмъ могу служить? съ снисходительнымъ величіемъ спросила баронесса, приглашая «генеральшу» сѣсть.

— Я — генеральша Антипологова, сразу понесла Дарья Антоновна: — моя дочь Люба... и вы были такъ добры, предоставили ей занятіе... я совершенно, совершенно теряюсь, что это все значитъ, что мнѣ думать и какъ понимать...

— Въ чемъ-же вы теряетесь?

— Помилуйте!.. моя дочь пріѣзжаетъ утромъ... она всю ночь занята... Я — мать, согласитесь сами... Я безпокоюсь, что съ ней, гдѣ она, не случилось-ли чего... И все это за сто рублей!..

— Понимаю, вы недовольны вознагражденіемъ,—что-же, извольте,

я поговорю, — дадутъ полтораста, даже двѣсти, если это нужно будетъ.

Дарья Антоновна осѣклась. Все волненіе ея укротилось мгновенно, всякое безпокойство исчезло, она только предчувствовала, какъ это будетъ хорошо, если Любочкѣ дадутъ двѣсти рублей. Передъ такимъ заработкомъ всѣ подозрѣнія ея разсѣевались, она даже забыла свою ноту, забыла повторить, что все это значитъ, и что ей думать, и какъ понимать. По этому поводу — ни слова.

— Ахъ, я не сомнѣвалась въ вашемъ великодушіи, сладко и покорно запѣла она:—ваше доброе сердце, вниманіе къ бѣдной Любѣ... Повѣрьте, мы вѣчно будемъ вамъ благодарны... Согласитесь, дѣвушка въ возрастѣ, а я — мать... мать...

— Понимаю: какая-же мать не желаетъ счастія своимъ дѣтямъ... Это естественно.

— Именно естественно, благодарно прослезившись, бормотала Дарья Антоновна, и при такомъ случаѣ разсказала весь свой «адъ», начиная съ покойнаго «генерала», какъ она ничего не щадила для воспитанія дѣтей, какъ будто у ней и въ самомъ дѣлѣ было что щадить.

— Пожалуйста, перебила баронесса: — вы не безпокойтесь, это совсѣмъ не нужно. Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Дарья Антоновна откланялась, и, выйдя отъ баронессы все еще въ волненіи, успокойтельно вздохнула.

— Должно быть ужь судьба такая... но все-же по крайности двѣсти рублей... Можно Машенькѣ изподволь приданое заготовить.

VIII.

Всю эту сцену баронесса подробно передала Любочкѣ, постоянно волновавшейся страхомъ передъ оглаской.

— Видите, дитя мое, я рѣдко ошибаюсь въ людяхъ, ласково и самодовольно говорила баронесса:—я уже такъ много видѣла этихъ любящихъ матерей, и такъ онѣ одна на другую похожи, что противъ нихъ у меня всегда одинъ пріемъ —деньги—конечно, маленькія, карманныя... Самые пламенные протесты ихъ утихаютъ и гаснутъ передъ карманными... Я и раньше не сомнѣвалась въ практичности вашей матушки,—вы можете быть покойны, она не помѣшаетъ намъ...

Любочка слушала ее съ страннымъ изумленіемъ... Цинизмъ баро-

нессы открывалъ ей новыя стороны родственныхъ отношеній, гдѣ любовь и безпокойство за судьбу человѣка сводятся къ тому, чтобы продать его подороже. Ей было неловко и какъ-то дико слышать это о своей матери, досадно и больно, что она, при всей нѣжной заботливости, такая-же своекорыстная, мелкая, рабски присмирѣла передъ сотней рублей. Вѣроятно, она приходила съ намѣреніемъ защитить Любочку и даже избавить ее отъ «занятій», а вышло что-то двусмысленное и гадкое — лишнюю сотню рублей посулили, и ушла она, благодарная, не проронивъ ни звука въ защиту дочери.

Дома между Любочкой и матерью никакихъ объясненій не было. Мать стала только ласковѣе, нѣжнѣе и противнѣе. Въ отношеніяхъ возникала фальшь непримиримая. Все стало какъ-то само собою понятно съ обѣихъ сторонъ. Ни мать, ни дочь не стѣснялись болѣе другъ друга. Дарья Антоновна спрашивала денегъ, когда ей надо было, Любочка не таила, что у ней есть деньги, и выдавала.

— Мама, да вы ужь слишкомъ много въ мушку проигрываете, съ неудовольствіемъ замѣтила Любочка:—лучше-бы Машѣ платье купить...

— Ахъ, Любочка, сегодня проиграла, а завтра, Богъ дастъ, и отыграюсь... вѣдь и все такъ... Къ тому-же, черезъ недѣлю пенсію выдадутъ, а тамъ, къ первому числу, единовременное обѣщали... да ты получишь свое...

— Да я ужь все впередъ забрала...

— Ну, не ври!.. еще дадутъ... Не велика важность... Нельзя-же бросить игру: что обо мнѣ подумаютъ въ клубѣ?.. все-таки мы—Антипологовы... Нельзя-же не поддержать свое достоинство...

«Да, это такъ, она все знаетъ, думала Любочка: — можетъ быть, баронесса-же и разсказала все... Она начинаетъ брать деньги, зная, откуда онѣ... Нѣтъ, нельзя такъ... еще хуже страха, подлѣе, унизительнѣе...

Насмотрѣвшись на поклонниковъ классической красоты, видя всѣ отвратительныя стороны разъѣвшагося, празднаго человѣка въ шальной оргіи, Любочка никогда не переставала думать о матери. Любовь, жалость и стыдъ за свою тайну—все поддерживало въ ней вѣру, что живетъ еще одна душа и для нея, — теперь обнаруживалось разсчетливое безобразіе, торгашеская терпимость, и все дѣло въ томъ, чтобъ давали больше денегъ за эту терпимость. Скверно ей было тамъ, у поклонниковъ классической красоты, скверно и дома. Съ увеличе-

ніемъ денегъ мать стала играть съ небывалымъ еще азартомъ и рѣдкій вечеръ не проигрывала, начала таскать съ собою въ клубъ и Машу— пора «танцовать».

Любочка не находила самаго главнаго счастія—не могла она броситься въ омутъ порока беззавѣтно, очертя голову. Всѣ силы денежныхъ соблазновъ не могли истребить въ ней желанія покойной, мѣщанской порядочности, чтобы никто не смѣлъ оскорбить ее, чтобы у нея былъ свой уголъ, свой мужъ, своя семейная гордость. Она никому не смѣла и сказать объ этомъ: нынче подобная отсталость въ красивыхъ женщинахъ такъ смѣшна, исключительна, что даже совсѣмъ глупые и тѣ фыркаютъ. Женская душа полна самыхъ безумныхъ противорѣчій, и чѣмъ фальшивѣе она поставлена въ обществѣ, тѣмъ несуразнѣе ихъ проявленіе. Послѣ «Леды», «Венеры», пьяныхъ объятій, безобразныхъ танцевъ и пѣсенъ, жестокихъ и дикихъ сценъ изъ оргіи лысыхъ младенцевъ, она возвращалась домой и въ слезахъ падала на колѣни передъ образомъ, проклиная все, что ей доводилось терпѣть. Совѣты Кочуриной, баронессы и другихъ не менѣе мудрыхъ людей только сильнѣе раздражали ея ненависть къ нимъ.

«Они низки, гадки... въ нихъ, кромѣ наружнаго лоска да мелкаго чиновничьяго чванства, нѣтъ ровно ничего человѣческаго: ни ума, ни души... даже стыда нѣтъ передъ собой—только передъ публикой, да и то въ какомъ-нибудь скандалѣ, слишкомъ ужь грязномъ и позорномъ... и они хотятъ всѣхъ сдѣлать такими-же, чтобы имъ не обидно было... Боже мой! неужели нѣтъ человѣка на свѣтѣ?.. ну, мало-мальски сноснаго, чуть-чуть порядочнаго?... чтобы онъ понялъ, пожалѣлъ.. чтобы въ его звѣриной ненависти была хоть капля, одна капля добра и прощенія?..»

Любочка плакала и злилась на эту «сентиментальность», зная, что она доступна только пьянымъ, непомнящимъ. Въ избранномъ обществѣ любителей классической красоты эта черта необъяснимо поражала ее: бросали сотни, тысячи рублей по какому-то рыцарскому, внезапному великодушію, и, проспавшись, скрежетали зубами надъ рублемъ, не платили должнаго, и подличали другъ надъ другомъ изъ-за рубля.

«Значитъ, заключила Любочка: — человѣкъ тогда только добръ и человѣченъ, когда онъ обращается... въ животное... И это люди, принимающіе на себя смѣлость величаться лучшими — эти развязные лакеи на всѣ руки, возведенные на высоту положеній одной душевной низостью!..»

Немного правъ и наблюденій было у Любочки, чтобы такъ думать даже о тѣхъ людяхъ, среди которыхъ она вращалась, но въ данномъ случаѣ первыя впечатлѣнія были самыми яркими и поразительными, рѣшавшими всѣ сомнѣнія въ умѣ начинающей жизнь дѣвушки.

IX.

Въ сосѣдствѣ съ Антипологовыми проживалъ одиноко совѣтникъ Оголтѣловъ. Съ «генеральшами» онъ раскланивался, но производилъ всегда самое удручающее впечатлѣніе. У всѣхъ сосѣдей онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «старой красы». Гдѣ онъ служилъ, что дѣлалъ, объ этомъ и самъ онъ говорилъ сбивчиво и неувѣренно, и даже не могъ точно выговаривать названіе департамента, но тѣмъ не менѣе гдѣ-то состоялъ, куда-то ходилъ каждый день, и дома, въ свободные часы, изо дня въ день, вѣчно писалъ голую купальщицу, которая подъ его кистью очень часто мѣняла свой «колеръ»—то выходила розовая, то желтая, то багровая. Зачѣмъ онъ писалъ эту голую купальщицу, никто не зналъ; извѣстно было только, что началъ онъ писать ее въ 38-мъ году, бывши въ ту пору мальчикомъ. Съ сѣхъ поръ на купальщицѣ наросли порядочныя горы красокъ и она превратилась въ своеобразный барельефъ. Кромѣ того, совѣтникъ Оголтѣловъ довольно пріятно игралъ на гитарѣ вальсы и романсы, разыгрываемые имъ все съ того-же 38 года.

Уже самое прозвище показываетъ, что Оголтѣловъ, по преклонности лѣтъ, лишенъ былъ игривой юркости и кавалерской способности при дамахъ, казался человѣкомъ очень серьезнымъ и всегда погруженнымъ въ созерцаніе. Жилъ онъ тихо, уединенно, и сказывали, копилъ деньги. Зачѣмъ ему деньги, этого тоже никто понять не могъ, какъ будто никто не признавалъ за нимъ никакихъ человѣческихъ потребностей. Живетъ «старая крыса»,—ну, такъ и быть, пусть живетъ, но деньги копить — это уже указывало на какой-то злой умыселъ—значитъ, онъ тоже еще на что-то покушается, что-то имѣетъ въ виду,—чего добраго—скотина и женится, Но всѣ знали, что Оголтѣловъ относился къ женщинамъ съ злобной язвительностью и, если не считалъ ихъ «навожденіемъ», то потому только, что изрѣдка даже книжки подъ окномъ читывалъ, въ знакъ своего образованія, и при случаѣ ужасно любилъ полиберальничать, при чемъ выбрасывалъ такія

ошеломляющія нелѣпости, что всѣ удивлялись, откуда это въ «крысѣ» берется такой революціонный пошибъ. Это у него наболѣвало, какъ припадокъ послѣ долгой и мрачно-покорной канцелярщины: вотъ на-те-же, молъ, знайте, какой я человѣкъ и какіе порядки завелъ-бы отъ своего ума, если-бы дали волю и власть. Но такъ какъ ни воли, ни власти ему не давали и даже чина по положенію уже шестой годъ не давали, то онъ и оставался только «старой крысой». Этотъ ожидаемый чинъ былъ роковой фатумъ въ жизни Оголтѣлова. «Вотъ какъ получу, думалъ онъ:—тогда»... Тутъ уже вступала въ свои права необузданная фантазія человѣка замуравленнаго и окончательно издичавшаго. Вся жизнь его неукоснительно стремилась къ этому чину. Съ нимъ связывалась въ воображеніи совсѣмъ иная жизнь, полная какихъ-то неуловимыхъ, но сильно чувствуемыхъ правъ на счастіе. И этому чудаку тоже хотѣлось счастія, и вмѣстѣ съ деньгами онъ копилъ свою жизнь, свое здоровье, силу, все еще воображая, что молодость его въ будущемъ.

И вотъ, наконецъ, ему дали тотъ роковой чинъ, съ которымъ обыкновенно подобные совѣтники вовсе упраздняются, но съ этого-же чина и начинаютъ видныя карьеры. Оголтѣловъ взволновался до неистовства, чувствуя, что достигъ высшаго предѣла служебныхъ почестей. По наблюденію сосѣдей, тогда-же, съ радости, онъ и съума сошелъ, вообразивъ себя молодымъ человѣкомъ и женихомъ. Воображеніе его такъ сильно было возбуждено, что онъ немедленно принялся отдѣлывать квартиру—«готовить храмъ Гименею», какъ онъ говорилъ, даже весь гардеробъ свой обновилъ впервые, въ теченіе двадцатипятилѣтней безпорочности. Повелъ онъ дѣло свое широко, и съ какою-то дѣтски-восторженной яростью, служившей несомнѣннымъ подтвержденіемъ слуховъ объ его безуміи. Никто не ожидалъ, что «старая крыса» съ такимъ иступленіемъ взыграетъ и взволнуется передъ смертью. Всѣ думали, что умретъ, какъ жилъ, а накопленныя деньги заберетъ съ собой въ гробъ, въ подушку. И вдругъ этотъ человѣкъ просіялъ, прибодрился и началъ даже лирическіе стихи декламировать, шляться по садамъ и клубамъ, умиляясь до степени нѣмотнаго бѣшенства надъ каждымъ женскимъ личикомъ, почувствовалъ, что и ему пора уже жить, наслаждаться, и—что, вѣроятно, всего важнѣе—оставить продолженіе рода Оголтѣловыхъ.

Не знаю, зачѣмъ и за что его свели съума,—по моему, это тотъ-

же фанатикъ идеи. Подумайте, онъ душилъ всѣ силы своей молодости прошелъ всю каторгу подневольнаго униженія, бѣдствовалъ, скаредничалъ, усчитывалъ огарки и окурки, ѣлъ, самъ не зная какое свинское мѣсиво, спалъ почти въ звѣриномъ логовѣ, не зналъ ни удовольствій, ни игры страстей,—все сохранялъ себя, копилъ грошъ къ грошу, и, какъ лежачій камень обрастаетъ мхомъ, оброcъ и онъ, наконецъ, благосостояніемъ. И всю эту жизнь человѣкъ терпѣлъ именно до самаго высшаго, доступнаго ему, чина, питаясь однимъ воображеніемъ на тему, что вотъ тогда-то... онъ узнаетъ вполнѣ заслуженное и честное счастіе.

Подобные идеалисты теперь только и могутъ сохраняться подъ архивной пылью канцеляріи.

Романъ его былъ не сложенъ и простъ. Надѣлъ онъ фракъ (чиновники-либералы до страсти любятъ черный фракъ, но все-же съ приличнымъ орденомъ) и явился къ сосѣднимъ генеральшамъ откланяться. Въ клубѣ онъ иногда игрывалъ въ мушку съ Дарьей Антоновной и всегда неумолимо выигрывалъ у ней полтинники и даже цѣлковые, которые и относилъ на другой день въ сберегательную кассу. Если-бы вмѣсто этихъ генеральшъ были подъ рукой другія,—результатъ былъ-бы тотъ-же.

— Не будучи равнымъ по чину, началъ онъ, преклоняясь и приложивъ убѣдительно руки къ груди: — не рѣшался безпокоить ваше превосходительство своимъ визитомъ. Нынѣ-же удостоенный... дерзнулъ...

На этомъ «дерзаніи» онъ и сталъ. Было у него подготовлено нѣчто въ родѣ рѣчи, но долголѣтняя практика канцелярской безсловесности побѣдила всякій проблескъ ораторскаго таланта.

Въ намѣреніяхъ Оголтѣлова не могло быть никакихъ сомнѣній, и потому «генеральша» приняла его довольно благосклонно, съ большимъ достоинствомъ, преувеличеннымъ до комической надменности, но все-же она помнила, что Оголтѣловъ слылъ человѣкомъ денежнымъ и превосходно отдѣлалъ «храмъ Гименея». Поговоривъ о погодѣ, о счастіи и несчастіи въ картахъ,—причемъ вновь явленный совѣтникъ изъявилъ готовность всегда быть несчастливымъ въ картахъ, лишь-бы хоть когда нибудь ему «улыбнулась любовь», Дарья Антоновна вышла къ Любочкѣ и, презрительно скосивъ не только губы, но и всю голову сказала:

— Поди, смотри: претендентъ явился.

Любочка вышла. Затѣмъ все пошло своимъ порядкомъ. Претендентъ довольно обстоятельно и даже съ нѣкоторымъ азартомъ излагалъ свои понятія о любви и счастьи семейной жизни, какъ высоко онъ ставитъ и чтитъ этотъ святой идеалъ, какъ онъ разумѣетъ взаимныя права супруговъ, словомъ, прочиталъ весьма безтолковую лекцію, въ которой уже скрипѣли деспотическія нотки сорвавшагося раба.

Черезъ недѣлю онъ сдѣлалъ предложеніе. Ему не отвѣчали тотчасъ-же, хотя онъ и продолжалъ бывать въ домѣ «генеральнъ» на правахъ жениха.

Ничего нѣтъ на свѣтѣ свирѣпѣе и безобразнѣе страсти старости. Это анахронизмъ, нелѣпость, нарушающая всякій естественный порядокъ. Никогда не любя женщину (боялся издержекъ), даже не встрѣчая близко такой изящной красавицы, какова была Любочка, Оголтѣловъ не только влюбился въ нее, но уже ревновалъ ее къ жизни, ко всякому удовольствію, проповѣдуя, что женщина серьезная и развитая ничего подобнаго позволять себѣ не должна: вѣдь это денегъ стоитъ, и какихъ.

Когда за Любочкой пріѣзжала карета и она извинялась передъ женихомъ, что должна его оставить и ѣхать на урокъ, Оголтѣловъ почтительно преклонялся.

— Я такъ глубоко уважаю женскій трудъ, говорилъ онъ:—такъ высоко ставлю женщину способную къ труду...

На этомъ и замиралъ.

— Что можетъ быть лучше и справедливѣе, фантазировалъ онъ послѣ отъѣзда Любочки:—мужъ трудится, получаетъ жалованье, чины. Жена, прекрасно образованная, зорабатываетъ уроками всѣ свои потребности!.. Это мой идеалъ, идеалъ полнаго равенства... Конечно, при этомъ «идеалѣ» онъ не мало думалъ и о томъ, что, кромѣ заработка будущей жены, хорошо-бы черезъ ея знакомство сдѣлать какой-нибудь ходъ по службѣ.

Но скоро и онъ началъ подозрѣвать, на уроки-ли Любочка ѣздитъ: никогда онъ не видывалъ, чтобы учительницъ развозили въ гербовыхъ каретахъ—показалось страннымъ. Притомъ-же съ урока Любочка попадала въ оперу, въ маскарадъ, на балъ, — ревность въ немъ бѣсновалась: вѣдь каждый занялся-бы такой красавицей. Онъ торопилъ рѣшить дѣло, потому что такой образъ жизни ему непривыченъ и нарушаетъ весь смыслъ его трудовой жизни. Любочка согласилась —

слишкомъ ужь ей опостылѣла жизнь у любителей классической красоты.

Вскорѣ была отпразднована и свадьба.

X.

Весь медовый мѣсяцъ Оголтѣловъ провелъ въ большомъ унынiи и казался до испуга озадаченнымъ. Онъ молчалъ и въ боязливомъ ожиданiи какой-то невѣдомой ему бѣды и жестокости, мрачно ворочалъ блѣдными глазами и мучительно пыхтѣлъ и отдувался, какъ будто вывозилъ уже на плечахъ самую непосильную тяжесть. И, странное дѣло, этого скромнаго человѣка вдругъ всѣ стали бояться, какъ-бы предвидя, что его ожесточенное молчанiе перейдетъ въ какую-нибудь невѣроятную гадость. Всѣмъ казалось, что онъ долженъ что-то сдѣлать, удивить, потрясти весь околотокъ, замышляетъ онъ что-то ужасное. Больше всѣхъ боялась его Любочка. Ей думалось, что всѣ ужасы этого человѣка сосредоточены на ней.

Не красна была ея жизнь. Поѣздки на уроки были строжайше запрещены. Театры, маскарады, все исчезло, какъ недостойное серьезныхъ людей. Каждое утро она получала рубль на всѣ расходы «по дому». «Храмъ Гименея» превратился въ мрачную берлогу, въ которой безпокойно и злобно до поры молчалъ опасный звѣрь, и она не смѣла прикоснуться къ нему, боясь уязвленiя.

Оголтѣловъ не измѣнилъ только своему департаменту и исправно ходилъ въ должность, и даже началъ заходить въ ресторанчики закусывать, вечера проводилъ въ клубѣ за игрой, вообще «отбился отъ дома». Огорченiе его дошло до того, что онъ началъ даже роптать въ департаментѣ на злополучiе семейной жизни. Къ счастiю, приближался юбилей одного изъ древнѣйшихъ начальниковъ, отходившаго совсѣмъ на покой, по безпамятству. Оголтѣловъ весь отдался этому юбилею, собиралъ съ чиновниковъ рублевки на альбомъ, заказывалъ обѣдъ, сочинялъ рѣчи и стихи, и, по безтолковости, съ утра до ночи волновался, чтобы все вышло какъ можно торжественнѣе и величавѣе, увлекся до самозабвенiя. Юбилей состоялся въ полномъ блескѣ и парадѣ. Начальника накормили, сами напились до всеобщаго согласiя на счетъ необходимости ближайшихъ реформъ объ удвоенiи штатовъ и окладовъ, а нѣкоторые дошли даже до игривости. Оголтѣловъ цѣлый

день либеральничалъ до отвала, говорилъ и рѣчи и стихи, пѣлъ даже республиканскіе канты и гимны, словомъ, блаженствовалъ, и, когда шалуны сговорились увлечь его къ баронессѣ Пуленбергъ, онъ, противъ ожиданія, согласился легко и весело, безъ всякаго сопротивленія.

Какъ всѣ лакомки и цѣнители классической красоты, среди шума пьяныхъ и крикливыхъ, Оголтѣловъ предавался изящному удовольствію, онъ просматривалъ альбомъ баронессы, и со вкусомъ знатока останавливался на многихъ, выдающихся по красотѣ головкахъ, безсмысленно приговаривая:

— Ужь точно... могу сказать... арсеналъ красоты... все бюсты этакіе венеринскіе... выкормка, государи мои, просвѣщеніе, атласы, кружева... ну, и тонъ, конечно, сторублевый... да-а-а... заведеніе!.. каково, однако, положеніе отцовъ, почтенныхъ, заслуженныхъ, въ чинахъ преуспѣвшихъ, у которыхъ, напримѣръ, ангелоподобныя дочери, воспитанныя, благородныя, и вдругъ онѣ въ этомъ самомъ альбомѣ, и я... лично я, имѣю право послать за ними карету?.. за любой, какая нравится?..

Самымъ задушевнымъ смѣхомъ залился онъ надъ своею мыслью, но вдругъ лицо его побѣлѣло, словно отъ толчка откинулась голова, руки, какъ птичьи когти впились въ альбомъ и налитые кровью глаза глядѣли, не понимая на что. Это была карточка Любочки, очень похожая и снятая съ тѣмъ особеннымъ, вызывающимъ шикомъ, съ какимъ обыкновенно снимаются въ фотографіяхъ однѣ дамы балета. Онъ впалъ въ обморочное одуреніе.

— Невозможно!.. это ложь!.. это не она... Это глупое привидѣніе отъ вина... Такъ показалось... Нѣтъ, она... положительно она!.. никакого сомнѣнія... Да-а... такъ вотъ они, уроки-то въ каретахъ... такъ-то... Разводъ!.. сію минуту разводъ!.. безъ оправданій, безъ объясненій... по третьему пункту... Ну, теперь все ясно... понимаю... чего ужь больше... какихъ еще доказательствъ надо... Посмотримъ, посмотримъ, сударыня, что-то вы заговорите?.. Пусть-ка еще пріѣдутъ за вами на урокъ въ каретѣ?.. Вы обманули честнаго человѣка... преступно, подло!.. Прикрылись его именемъ, и... и...

Какъ бѣшеный, вскочилъ онъ и, выбѣжавъ на улицу, сѣлъ на перваго извозчика и помчался домой, вскрикивая по временамъ наступательно-грозное: «Г-а-а!» какъ будто находилъ въ себѣ самое рѣшительное мужество поступить подобно Отелло.

Любочка съ просонокъ спросила, не хочетъ-ли онъ ужинать.

— Ужинать?! неистово завопилъ Оголтѣловъ:—Прошу васъ встать, сударыня, и объясниться!.. Немедленно!.. неукоснительно!.. не... не... не...

— Что такое? изумилась Любочка:—вы... пьяны?..

— Га, пьянъ?!.. вы... зачѣмъ это вы, сударыня, значитесь своею самоличностью, удостовѣренною фотографіей, въ извѣстномъ вамъ альбомѣ?.. И какъ вы смѣли... какъ смѣли выходить замужъ за честнаго человѣка послѣ такой не безупречной жизни? Такъ вотъ къ кому вы разъѣзжали въ каретахъ на уроки?.. Поздравляю!.. очень лестно...

— Нѣтъ, возразила Любочка:—вы подумайте о томъ, какъ смѣли вы, честный и женатый человѣкъ, интересоваться извѣстнымъ вамъ альбомомъ?.. Развѣ вы не обманывали меня отправляясь туда искать развлеченій? Вамъ это позволено?..

— Мнѣ все позволено: я—мужъ!.. глава... ва... ва...

— И мнѣ все позволено: я жена... такого дрянного старичишки... который выдаетъ мнѣ рубль на расходъ и воображаетъ, что я должна быть счастлива, а самъ ѣдетъ искать приключеній...

— Какъ это: «приключеній»? какихъ это приключеній? оторопѣлъ Оголтѣловъ:—Какъ вы смѣете утверждать, что я?.. Кто вамъ позволилъ такъ думать?.. Противъ васъ ясныя доказательства... вы—измѣнница!.. безчестная!..

— Не ругайтесь, глупый старикъ!..

— Разводъ!.. разводъ!.. Къ отвѣту гнусная женщина! къ суду!..

Онъ заболталъ руками, безтолково выкрикивая, пока, наконецъ, залепеталъ совсѣмъ непонятный вздоръ, упалъ и захрапѣлъ.

Любочка осталась «интересной вдовушкой» и поступила въ разрядъ тѣхъ женщинъ, которыхъ величаютъ «извѣстностями».

ДОМЪ.

I.

Если у васъ, благосклонный читатель, пропадала когда нибудь не особенно глупая, любимая вами собака, то вы, конечно, безпокоились за участь благороднѣйшаго животнаго, а если при этомъ песъ малъ, робокъ и дьявольски-учтивъ, то жалость къ нему можетъ дойдти до степени страданія. Попалъ-ли песъ въ добрыя руки, даютъ-ли ему мяса и сахару, или онъ взятъ такими спеціалистами, которые существуютъ на его-же, собачій счетъ, и сами никогда не видятъ ни мяса, ни сахара? Отдадутъ-ли вамъ пса за выкупъ, или прибрали его для своего удовольствія и знать не хотятъ никакихъ публикацій? Не бѣгаетъ-ли онъ по улицамъ, въ пріятномъ обществѣ собакъ свободомыслящихъ и гордо забывшихъ подчиненіе своимъ хозяевамъ? Не присѣлъ-ли онъ въ смертельномъ ужасѣ подъ копытами вейкиной клячи? Не разорвали-ли его большіе псы, стремительно бѣгущіе цѣлыми шайками, какъ будто имъ куда-то къ сроку заказано?,.

Когда мнѣ довелось искать «Бѣлку-звѣря», я впервые началъ замѣчать, какое безчисленное множество потерянныхъ собакъ рыщетъ по улицамъ, выслѣживая затерянные слѣды своихъ хозяевъ, то энергично бросаясь во всѣ стороны, то уныло присѣдая гдѣ нибудь поодаль отъ людскихъ каблуковъ и лошадиныхъ копытъ и раздумчиво, безнадежно завывая, подъ гнетомъ воспоминаній о хорошемъ житьѣ-бытьѣ. Большіе псы ужасно самоувѣрены, даже середи дороги они садятся съ важностью и апломбомъ, словно опереточные короли на картонныхъ тронахъ и презрительно косятъ глаза по сторонамъ, благородно рыча на окрики кучеровъ. Малые псы какъ будто сами понимаютъ свою безпомощность и стараются пріютиться къ жилью, какъ-бы разсчитывая на человѣческое милосердіе.

Одинъ мопсъ, жирный, лоснящійся и сонливый, прикусивъ высунутый языкъ, словно подмигивалъ прохожимъ, сидѣлъ у стѣны въ дремучей апатіи и вздыхалъ тѣмъ грузнымъ вздохомъ черезъ край набитой утробы, какимъ могъ вздыхать только купецъ Раздуевъ послѣ аршина блиновъ. Казалось, его обрюзглая морда и сонливые, посоловѣлые глаза къ цѣлому міру относились съ безучастной скукой: мнѣ, молъ, все равно, пусть меня попщутъ кому надо, а я не намѣренъ безпокоиться,—я все-таки очень хорошій песъ и не одна прохожая салопница соблазнится мной. Онъ правъ. Но мой бѣдный «Бѣлка-звѣрь», не имѣя за собой ни аристократическаго происхожденія, ни плебейской красоты, ни благопріобрѣтенныхъ талантовъ, кого онъ могъ соблазнить къ похищенію?.. Песъ безродный, изнѣженный, пріученный къ сладкому и мягкому, онъ даже пятки себѣ отмораживалъ при 5° и почти постоянно дрожалъ—то отъ робости, то отъ холода. Будь онъ песъ бравый, самоувѣренный, породистый, я даже не жалѣлъ-бы его: онъ непремѣнно попалъ-бы къ просвѣщенному любителю собакъ хорошихъ, которыми можно гордиться. Но захудалый родъ «Бѣлки-звѣря» не представлялъ собою ровно ничего интереснаго, потому я и назначилъ сперва пять, а потомъ — въ виду масляницы — десять рублей за доставку: думаю, коли собачники пропились, то имъ прямой разсчетъ тдать «звѣря» мнѣ, чѣмъ продавать его за двугривенный первому встрѣчному.

По опубликаціи съ подробными примѣтами «Бѣлки-звѣря», я получилъ нѣсколько открытыхъ писемъ, по большей части безграмотныхъ, и по каждому адресу съ радостной надеждой ѣхалъ, думая авось, найду «Бѣлку-звѣря». При этомъ произошло замѣчательное открытіе, честь котораго всецѣло принадлежитъ мнѣ: ни одинъ изъ восемнадцати авторовъ писемъ (каждый изъ нихъ прочиталъ подробное объявленіе въ газетѣ, съ точнымъ описаніемъ примѣтъ «Бѣлки-звѣря») не могъ провѣрить описанныя примѣты на пойманной или приставшей собакѣ. Ни одна изъ собакъ, предъявленныхъ мнѣ, положительно ни въ чемъ не походила на «Бѣлку-звѣря», ни малѣйшаго общаго признака не имѣла.

Отсюда у меня невольно возникъ вопросъ, что дѣлается въ мозгахъ этихъ людей, когда они читаютъ газету? въ какой формѣ механическій процессъ чтенія дѣлаетъ доклады ихъ божественной искрѣ, засаженной въ самую преисподнюю глубь кремнеломни?

Между письмами еще такое предложеніе: «Не пожелаете-ли вмѣсто пропавшей у васъ собачки купить прелестную красавицу болонку»?

Значитъ, и то непонятно, что я предлагаю деньги не за пса, который для знатока и мѣднаго гроша не стоитъ, а за свою привычку къ нему, за жалость и безпокойство именно о судьбѣ «Бѣлки-звѣря», а не каждой уличной собаки, до которыхъ мнѣ дѣла нѣтъ.

Наконецъ, получено было слѣдующее открытое письмо:

«Махонка, беленка, срыжемъ цвет на ей шерст морда и пятно и прочіе очень жилаемъ чтобы радоватца празнике и покорна просимъ ѣхать вапраксенъ переу, домъ за нумеромъ 0, квар. и 00».

Сперва еще видны были запятыя, но авторъ скоро одумался и, видимо, пересталъ стѣсняться, но все-таки разъ люди желаютъ радоваться празднику, то не могутъ-же они сочинять такія трудныя письма иначе, какъ отъ добраго сердца.

«Махонка, беленка срыжемъ цвет» издали, по этимъ бѣднымъ намекамъ, все-таки похоже на «Бѣлку-звѣря», — надо было ѣхать.

Пропалъ мой «звѣрь», и кто-же не зная его душевной доброты, станетъ ухаживать за нимъ, какъ ухаживалъ я?

И вотъ «махонка, беленка срыжемъ цвет» невольно влечетъ меня «вапраксенъ переу, домъ за нумеромъ 0, квар, и 00».

Самый широкій, безпардонный развалъ масляницы, съ вейками, нагруженными десяткомъ пьяныхъ, по дорогѣ, съ сотнями одиночекъ, пѣшимъ хожденіемъ безобразно шатающихся и падающихъ на панели.

Подъѣзжаю къ дому № 0. Изъ переулка—домъ, какъ тысячи другихъ домовъ—желтый и грязный, съ мрачными окнами, съ кабацкими толпами у воротъ, шумно разсуждающими и отважно награждающими другъ друга плюхами. Здѣсь-же и женщины—пьяныя, завывающія скабрезныя пѣсни, грубо-топорной чеканки, молодыя и старыя—одинаково, безобразныя, обезумѣвшія отъ водки, пива, катанья съ горъ и поэзіи карусельныхъ дѣдовъ, горластыя, надменно-упрямыя, ругательски-невозможныя.

Пьяны—хоть выжми. «Еще» уже рѣшительно невозможно: не во что,—до отвалу. Минута за минутой, падаютъ то мужикъ, то баба, то дѣвка, и сострадательная толпа подбираетъ ихъ, переноситъ въ какія-то берлоги, и кричитъ: «ура»!

— Все, братцы мои, хрестьянскій народъ! философски покрываетъ

весь шумъ сильный, сѣдой старикъ, повидимому, не безъ задней мысли оправдать и свою собственную неувѣренность въ ногахъ.

Все-же пріятно слышать это добродушіе, безъ всякаго покушенія на память почтенныхъ родителей.

— На то, други мои сердечные, и масляница,—гуляй! командуетъ старецъ, расправляя руки въ пространствѣ. Думаю, вотъ, къ нему-то я и обращусь.

— Дѣдушка, а, дѣдушка! отрывая его отъ толпы: — какъ мнѣ пройти въ квартиру № 00.

— Это ты, другъ, иди прямо подъ ворота... потомъ другія будутъ ворота, такъ ты туды, туды и тамъ нумера прибиты, и увидешь ты фатера № 00.

Разумѣется, иду по направленію, какое указалъ дѣдъ — «туды, туды» и нахожу въ ряду другихъ нумеровъ и № 00, на доскѣ лѣстницы.

Какой невозможный вертепъ—эта лѣстница!

Густая глубокая тьма. Въ каждомъ этажѣ горитъ масляный фонарь, но онъ не горитъ, а тлѣетъ какъ болотный огонекъ, закутанный цѣлымъ облакомъ спертыхъ испареній. Лѣстницы темны, выбиты и скользки. Взбираться по нимъ и спускаться можно не иначе, какъ передавая всю тяжесть своего тѣла на силу рукъ, цѣпляющихся за желѣзныя перила. На ступеняхъ лѣстницы спятъ полураздѣтыя, пьяныя тѣла, и каждый прохожій съ лѣстницы толкаетъ ихъ все ниже и ниже. Храпъ и стонъ издаютъ они. Черезъ нихъ мнѣ часто приходилось переступать—въ потьмахъ, въ сыромъ отвратительно вонючемъ воздухѣ, захватывающемъ дыханіе, ввергающемъ или въ обморокъ, или въ рвоту.

Черезъ спящія тѣла, подъ конвоемъ отрепанныхъ пропойцевъ, сжигая спичку за спичкой, которыя, вспыхнувъ, тотчасъ-же гасли, грудь начинала болѣть отъ этой недвижной, убійственной атмосферы, голова слегка кружилась, въ предчувствіи обморока, какъ опьяненная.

Взбираюсь ощупью все выше и выше и постоянно спотыкаясь на пьяныхъ и спящихъ, я освѣщалъ спичкой каждую площадку со множествомъ дверей и надъ каждой изъ нихъ читалъ надпись на кускѣ картона: «квартира на 14 человѣкъ».

— Гдѣ-же квартира № 00? спрашивалъ я, и чей-то незримый голосъ изъ глубины мрака отвѣчалъ:

— Здѣсь, братъ, не квартира, ас.....

— Куда-же пройти?

— Куда хошь... вотъ дверь рядомъ, иди сюда...

Я толкнулся въ дверь рядомъ, она отвалилась и шумно упала въ необитаемую тьму.

— Кого надо-то? спрашиваетъ таинственно собесѣдникъ.

Я объяснилъ, что ищу свою собаку.

— Да собакъ у насъ сколько хошь. Погоди, я сичасъ... чудесныя есть собаки охотницки...

Скоро этотъ человѣкъ выступилъ передо мною и, шмыгнувъ въ сосѣднюю, темную дверь ободрительно сказалъ:

— Иди сюды... держись... тута ступень...

Я все больше и больше удивлялся, какъ могутъ здѣсь люди жить, да еще въ пьяномъ видѣ. Но, оказалось, обитатели ощупью довольно аккуратно находили всѣ нужныя имъ двери и даже не ошибались въ квартирахъ. Эта зловѣщая тьма къ тому-же давила горло отвратительной, невозможной атмосферой. Сосѣдство на каждой площадкѣ лѣстницы было до того тѣсно, что умъ терялся передъ множествомъ дверей, не понимая, куда эти «квартиры на 14 человѣкъ» могли выходить, и неужели эти безчеловѣчныя стойла устроены въ самомъ дѣлѣ для «человѣковъ». Я совсѣмъ переставалъ вѣрить, что здѣсь могутъ жить люди. Я помню «Вяземскую лавру» въ старомъ видѣ, — она была грязна, набита бѣднотой, ожесточеннымъ ненавистничествомъ неудачниковъ, людьми грошевой зависти и злобы, несчастіями подъ часъ даже не вѣроятными, но «Вяземская лавра» была дворцомъ въ сравненіи съ домомъ № 0, по Апраксину переулку.

Я впервые былъ пораженъ безсмысліемъ цѣлей нашихъ филантропическихъ обществъ: неужели тщеславіе и самодурство не могли съ пользою для бѣдноты эксплоатировать (не говорю уже благотворительствовать) это страшное существованіе нѣсколькихъ тысячъ людей трудящихся?..

Мы вошли въ «квартиру на 14 человѣкъ». Она напомнила мнѣ вагонъ «на 40 лошадей». Гулъ и ревъ голосовъ, подгулявшее неистовство гармоники, хохотъ и визги женщинъ, мелкій топотъ тяжелыхъ сапоговъ, по временамъ выкрики залихватскаго ухарства, — въ полумракѣ, въ синихъ волнахъ табачнаго дыма, не плясала, а толклась на одномъ мѣстѣ цѣлая толпа. Мужчины были въ ситцевыхъ

рубахахъ, съ тяжело опущенными головами, слипшіеся, мокрые волосы закрывали и безъ того дремлющіе глаза ихъ, невѣрныя, угловатыя движенія часто переходили въ драки, ругань съ циническимъ торжествомъ господствовала надъ всѣмъ вертепомъ. Безъ нея, казалось, ужь и вовсе невозможно дышать. Этимъ позорнымъ краснорѣчіемъ каждый какъ будто мстилъ за свою жизнь, за все, что онъ выносилъ, чему покорялся. Женщины были нѣсколько трезвѣе, хотя и у нихъ срывались тѣ-же безобразныя движенія, тѣ-же ужасающія нелѣпостью рѣчи. Между ними не было ни красивыхъ, ни даже здоровыхъ, все чахлыя, желто-одутловатыя, съ уродливыми и противными чертами лицъ. Я не знаю, что дѣлаетъ этихъ женщинъ уродами: хищническая практика жизни, или особенность породы, наслѣдственность безобразія, но никогда не встрѣчалъ, я въ этой средѣ *городскаго* мужика ни одного привлекательнаго женскаго личика. Можетъ быть, такъ и надо, почемъ я знаю...

По лѣвой отъ входа стѣнѣ тянулись сплошныя нары съ отдѣльными сѣнными тюфяками и сѣнными подушками. На нарахъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлько нѣсколько пьяныхъ фигуръ совсѣмъ уже не способныхъ къ движенію, и каждая изъ нихъ неистово горланила свою собственную пѣсню, не заботясь о томъ, кому это хриплое, удушливое пѣніе нравится. Тутъ-же нѣсколько человѣкъ, «павшихъ ту костьми», за-мертво храпѣли.

Молодой, задорнаго вида парень въ кумачной рубахѣ и франтовскихъ сапогахъ съ красной оторочкой, раздвигая гармонику, отхватывалъ варіяціи «По улицѣ мостовой», лихо, съ засосомъ, съ захлебомъ игралъ, изрѣдка приговаривая соотвѣтственныя слова и поправляя плечами синюю, щегольскую чуйку.

— Экой козырь, подлецъ! завистливо поощрялъ его рыжій, спившійся мужиченко въ рваномъ пиджакѣ: — ты, милый, всѣхъ бабъ совратишь... Ахъ, бабы, братцы мои! неожиданно впадалъ онъ въ философскій скептицизмъ:—то ись, такая это сволочь, эти самыя бабы...

Далѣе слѣдовалъ разсказъ, Богъ знаетъ, къ кому обращенный, о томъ, какъ у него жена «перешла предѣлы» и «спозналась»...

— Эхъ!.. хоть-бы съ человѣкомъ! скрипнулъ зубами и громыхнулъ кулакомъ по нарамъ разсказчикъ: — а то слышь, съ сочинителемъ!.. да и сочинитель-то...

Ну, дальше слѣдовали уже слова невыразимыя.

— Ахъ, баринъ!.. господинъ студентъ!.. Наше почтеніе, а съ тебя штофъ водки!.. такъ приступилъ ко мнѣ толстый мужикъ, шаркая и натыкаясь на публику.—Милости просимъ!.. Глашка! подавай господину блиновъ...

— Да вонъ блины... Лопайте на здоровье! раздражительно отвѣчала Глашка, указывая носомъ на другую каморку, гдѣ находился столъ, заставленный закусками и куда, повидимому, не всѣхъ пускали.

Человѣкъ, который ввелъ меня въ квартиру, или исчезъ, или смѣшался съ толпою. Изъ угла темной и выстуженой прихожей раздавался визгливый, почти дѣтскій голосъ, напѣвавшій не особенно пристойную пѣсню, кривляясь и подражая настоящимъ пѣвицамъ. Это дѣвочка лѣтъ пятнадцати, изъ тѣхъ дѣвочекъ, которыхъ дяди, тетки берутъ изъ деревень изъ-за хлѣба, а здѣсь пристраиваютъ въ «подняни», «подгорничныя». Она пьяна и съ испуганнымъ любопытствомъ оглядывается.

— Какъ дѣвушка сюда попала? спросилъ я.

— А это Степкина племянница, Машка... На мѣсто не возьмете-ли, баринъ?.. съ рекомендаціей... дѣвка въ лучшемъ видѣ... забаловалась маленько, да вѣдь и всѣ-то мы...

Думалъ-думалъ и заключилъ:

— Богу грѣшны... На фабрику ходила, папироски вертѣла... Возьмите, баринъ, Машку-то...

— Машку не надо, я ищу собаку...

— А какую собаку? и сколько, примѣрно, награда твоя? вступился новый собесѣдникъ—чахлый, рыжій и глянцевидный. Я сказалъ, какую собаку.

— Вишь! за пса поганаго ты сулишь десять серебра, а намъ для праздника не хошь штофъ водки выспастить?.. Что тебѣ штофъ? А мы-бы за твое здоровье...

— Оно точно, разсудительно прибавилъ толстый:—Мы-бы милость вашу и не безпокоили; да ужь пропились безъ всякаго резона: масляница еще не кончилась, а выпить нечего... Хорошо выпить!..

Далъ рубль. Юркій мальчишка съ ремешкомъ на головѣ, босой, живо схватилъ рубль и посудину, впрыгнулъ въ чужіе сапоги, и, словно мышенокъ, шмыгнулъ за дверь.

— Пожалуйте, баринъ, не обезсудьте, выступила дама — круглая, дородная, съ какимъ-то особенно наметаннымъ взглядомъ, по всѣмъ

признакамъ, хозяйка:—Тамъ у насъ сочинитель спитъ, да можно разбудить.

Я переступилъ черезъ порогъ, въ другую маленькую каморку съ четырьмя койками, и увидѣлъ сочинителя—длинный и тощій, съ растрепанною копной волосъ, онъ лежалъ, глядя въ потолокъ и выставивъ на показъ дырявые сапоги.

— Кто-же этотъ сочинитель?

Онъ медленно поднялся и грубовато, словно огрызаясь, сказалъ:

— А вы по чемъ знаете, что я сочинитель?

Я поглядѣлъ на его изнуренное, злое лицо съ заросшимъ лбомъ, съ косыми, китайскими глазами, и подумалъ: нѣтъ, это не сочинитель. Онъ съ важностью ерошилъ свои волосы и съ забавнымъ вниманіемъ поглядывалъ на опустошенную посуду.

— Иванъ Ипполитовъ, отрекомендовался сочинитель... — здѣшній обитатель...

И судорожно завертѣлъ свой грязный шарфъ на шеѣ, сбившійся въ какую-то веревку. Бѣлья на сочинителѣ не было, а на плечахъ сидѣлъ чужой пиджакъ, съ рукавами, изъ которыхъ голыя руки сочинителя высовывались почти до локтей.

— Я, видите-ли, сочинитель отъ нужды... Ѣсть нечего, ни мѣста, ни дѣла...

— Что-же вы писали?

— Такъ... изъ народнаго быта сценки... А то есть и заправдашнее сочиненіе — то будетъ посерьезнѣе...

— Не прочтете-ли страничку?..

— Пожалуй, согласился Ипполитовъ и досталъ изъ-подъ подушки цѣлую кучу рукописей.

— Вотъ это «Ундина», вотъ «Мертвое тѣло», вотъ «Душегубство», вотъ «Бабья хворь», а вотъ это ужь въ другомъ родѣ.

Въ «другомъ родѣ» оказалась толстая тетрадища, исписанная мелко, скупо, заключавшая совершенно непостижимый трактатъ о «духѣ». Въ возвышенномъ и прочувствованномъ чтеніи Ипполитова «духъ» закутывался въ такія дебри семинарскаго пустословія, что ровно ничего нельзя было понять. Казалось, это говоритъ человѣкъ, у котораго мозгъ выпули.

— И это все о духѣ? переспросилъ я.

— О духѣ... по чистому разуму.

Къ счастію, мальчуганъ принесъ водку и вывелъ насъ обоихъ изъ довольно неловкаго положенія. Къ водкѣ «приспастилось» много народу. Всѣ находили, что выпить хорошо. Бабы не уступали своихъ правъ.

Странное впечатлѣніе производили всѣ эти чадныя головы, цѣлую недѣлю дурѣвшія за водкой и пивомъ. Казалось, у каждаго наболѣло жгучее раздраженіе, тоска тупой ненависти, и каждый ждетъ, какъ спасенія, когда-же, наконецъ, и его водка повалитъ.

— Какихъ тебѣ собакъ, баринъ!.. Ты на наше житье погляди,— у тебя, небойсь, и собакамъ-то жизнь почище будетъ, говорилъ корявый мужичокъ, торгующій спичками: — Возьми меня въ собаки... только, значитъ, харчь поставляй... и лаять буду, и добро твое устерегу лучше пса всякаго...

Публика хохотала, и самъ сочинитель хохоталъ. Очень ужь смѣшное дѣло, что человѣкъ завидуетъ собачьему житью...

Кромѣ сочинителя въ «квартирѣ» проживалъ юрисконсультъ «по брачному дѣлу», старый, распившійся, нервически-тревожный, «крюкъ» и «задира», котораго часто и долго, «по совѣсти», били. Онъ спалъ.

— Чѣмъ старикъ занимается? спросилъ я.

— Въ лавру ѣздитъ, въ свидѣтеляхъ содержится... По судамъ тоже шлялся, да отмѣнили: очень ужь въ правахъ онъ собачливъ... Безъ стыда человѣкъ, что и говорить... Купцовъ тоже обходитъ съ прошеніемъ,—подаютъ: «Жена», говоритъ, «семь душъ малъ-мала меньше»... А тоже, надо думать, значительный былъ человѣкъ...

— Пьетъ онъ?

— Гдѣ ему пить,—льетъ, а не пьетъ. Какъ сгребетъ чайный стаканъ, такъ и плеснетъ себѣ въ пасть, словно вотъ изъ ковша въ лужу. А изъ благородныхъ, и чинъ, говоритъ, на мнѣ значительный...

— А зачѣмъ бьете старика?

— Да нельзя его не бить: не битый онъ заснуть не можетъ... пристаетъ и всѣмъ законъ даетъ, чтобы его слушали... винъ, весь обложился законами...

Дѣйствительно, старикъ лежалъ, обложенный со всѣхъ сторонъ толстыми, истрепанными книгами, какъ будто все позналъ и успокоился. Пьяный шумъ, плясовая топотня, крикливая ругань гудѣли со всѣхъ сторонъ. Во всѣхъ «квартирахъ» заканчивали праздникъ.

— Братцы, бьютъ!.. Нашихъ бьютъ! ворвался чей-то бѣшеный го-

лосъ, и вся толпа хлынула къ дверямъ. На лѣстницѣ, въ потьмахъ, кипѣла свалка, шуршала глухая возня, безъ крика, только слышно было, какъ падали удары и кряхтѣли битые и бьющіе, словно всѣ исполняли какое-то очень нужное дѣло, безъ котораго никакъ нельзя обойтись.

Побоище длилось около получаса, пока супостатъ, въ лицѣ пьяной артели, окончательно былъ вытѣсненъ на дворъ и обращенъ въ бѣгство. Зачѣмъ и кого били, кто началъ бить и по какому поводу, нельзя было выяснить. Окровавленные побѣдители съ разбитыми лицами, вытираясь полами полушубковъ, приговаривали:

— Еще мало имъ, разбойникамъ, всыпали...

И тутъ-же эти разбитые люди принялись допивать водку и заѣдать блинами.

Все это многочисленное населеніе, наполняющее «квартиры» въ № 0, очень бойкое, ловкое, травленое, на половину грамотное, пріученное ко всѣмъ тонкостямъ апраксинскихъ деликатностей и надувательствъ, все сплошь распущенно-бѣдно, полно добродушія и ожесточенія, мгновенно налетающихъ, какъ вихрь, впечатительно до болѣзненности, и ежеминутно готово отдать послѣдній грошъ бѣдному и на грошъ его-же обмошенничать, смотря по случаю, по настроенію данной минуты. И весь этотъ столичный людъ перебивается со дня на день, не имѣя въ своей жизни рѣшительно ничего вѣрнаго. Сегодня вотъ этотъ рыжій человѣкъ продаетъ спички, завтра — живую рыбу, послѣ завтра — груши и яблоки, а тамъ, глядь, попалъ на фабрику колесомъ вертѣть, либо въ трактиръ половымъ, маркеромъ, гдѣ уже окончательно разобьютъ ему голову кіями, такъ какъ онъ нервенъ, назойливъ, и «небитый заснуть не можетъ», пока въ дневникѣ приключеній будетъ заявлено: «жизнь такого-то находится въ опасности». Тутъ-же «отказанный молодецъ» со Щукина двора «спускаетъ лишній жиръ» съ своей персоны, лакей безъ мѣста, временно, на правахъ Альфонса, при одной изъ квартирныхъ дамъ, торговецъ мелкимъ «галантереемъ» на лоткѣ, горничныя и кухарки съ «генеральской» рекомендаціей и *братомъ*, который имѣетъ весьма странное свойство каждую недѣлю принимать обличье другого человѣка, оставаясь все-таки братомъ, поденщики, артельщики, мелкіе перекупщики разнаго сора, сидѣльцы изъ кабаковъ и портерныхъ, старьевщики, тряпичники, маклакъ, въ торговомъ оборотѣ ко-

тораго гуляетъ четвертной билетъ, отставной чинъ, писарь, безродный семинаристъ съ трактатомъ «о духѣ, по чистому разуму», швейцаръ, дворникъ, конторщикъ, — и вся эта сѣрая, убогая толпа страдаетъ и сквернословитъ, радуется и тоже сквернословитъ.

Но, Боже мой, что это за безсчастная жизнь, если человѣкъ ни минуты не можетъ быть одинъ, самъ съ собою, даже спитъ онъ въ толпѣ, съ мучительно-чуткимъ вниманіемъ къ своему «интересу», какъ-бы сосѣдъ не укралъ у него изъ-подъ подушки все «достояніе»? И эти мрачные вертепы, эти безобразныя логова, — неужели жизнь бѣдняка нельзя хоть сколько нибудь поднять до степени человѣкоподобія?

Каждый день приходится читать въ газетахъ цѣлыя тысячи вздоровъ, какъ въ одномъ обществѣ готовится докладъ, какъ въ другомъ цѣлое вѣдомство «озабочено» и намѣчаетъ новыя цѣли для усовершенствованія жилищъ въ столицѣ, какъ съ просонокъ бредитъ Дума, представляя собою тоже своего рода «озабоченность» по тому-же вопросу. Какую-нибудь лавку съ гнилыми продуктами штрафуютъ, въ интересахъ санитарнаго благоденствія столичнаго населенія, и съ гордостью провозглашаютъ во всеобщее свѣдѣніе, что столько-то тысячъ протоколовъ составлено; но если люди отравляются *нормально*, при такихъ вопіющихъ условіяхъ, что квартиру невозможно отличить отъ зловоннаго «убѣжища», до этого рѣшительно никому нѣтъ дѣла. Во всякой мало-мальски культурной странѣ такіе дома, какъ № 0 по Апраксину пер. (въ другихъ домахъ по этому переулку я не былъ, но думаю, что они не многимъ отличаются отъ № 0), обязательно экспропріируются и срываются. Надо-же когда нибудь научиться уважать не только эти каменныя, заразныя гробницы, но и человѣческую жизнь, которая въ нихъ бьется и оподляется.

Невозможно такъ жить никому. Ни одно животное, кромѣ человѣка, не вынесетъ этой атмосферы, этого сосѣдства съ клоаками, этой подозрительной тьмы, этого безчеловѣчно-стаднаго столпленія, этого безпощаднаго осужденія человѣка на такую жизнь...

Въ болѣе приличной обстановкѣ эти-же самые люди не напивались-бы до такого вопіющаго скандала, не чувствовали-бы такъ горько своего приниженія, не были-бы такъ глупо озлоблены противъ всѣхъ, кто сытѣе ихъ и лучше одѣтъ.

Спускаясь по лѣстницѣ, когда побоище было уже окончено, я встрѣ-

тилъ опять на дворѣ того дѣда, который указывалъ мнѣ дорогу. Онъ уже едва держался на ногахъ.

— Зачѣмъ такъ пьешь, дѣдушка? спрашиваю.

— Нельзя не освѣжиться, баринъ, потому воздухъ оченно не хорошъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Дай гривенничекъ, выпью за твое здоровье.

АРИСТОНЪ.

I.

Одно изъ самыхъ жестокихъ удобствъ дачнаго существованія — это неотразимая близость сосѣдей и возможность обширнѣйшихъ наблюденій по всѣмъ тремъ линіямъ. Новой деревни. Спасеніе отъ сосѣда просто-таки немыслимо. Отовсюду онъ глядитъ на васъ, замѣчаетъ каждое движеніе, слышитъ каждое слово, и, чортъ знаетъ, что говоритъ о васъ, подвергаясь, въ свою очередь, такому-же истязательному наблюденію. Неловкость положенія усиливается еще тѣмъ, что сосѣдъ наблюдаетъ за вами въ какомъ-то протестующемъ безмолвіи и совсѣмъ не желаетъ знать васъ, какъ и вы его. Тутъ затаенныя соображенія доходятъ до оскорбительной враждебности: можетъ быть, сосѣдъ вашъ чиномъ не вышелъ, или обзавелся такими артистическими привычками, которыхъ вы не одобряете, или еще хуже: вамъ надоѣла его фигура, его цилиндръ, его рожа, постоянно торчащая vis-à-vis, на балкончикѣ, то съ гитарой, то съ лаханью, превращенной въ чайную чашку, то въ вицъ-мундирѣ, то въ халатѣ, купленномъ у прохожаго татарина по случаю, а то и вовсе въ натуральномъ видѣ. При этомъ сцены у него съ женой, съ кухаркой, съ гостьей-хористкой, и всѣ объясненія доносятся къ вамъ во всей полнотѣ, безъ всякихъ цензурныхъ сокращеній. Если при этомъ и у васъ выступной балкончикъ, гдѣ вы любите наслаждаться красотами природы, то между вами и сосѣдомъ непремѣнно установится глухая, подспудная ненависть. Но самыя нестерпимыя существа въ сосѣдствѣ — это дамы, и чѣмъ больше ихъ вмѣстѣ, тѣмъ мучительнѣе каждая въ отдѣльности. Заняты онѣ исключительно изобрѣтеніемъ удовольствій да построеніемъ туалетовъ, и въ теченіе цѣлаго дня красуются на балкончикахъ, обольщая ваше вниманіе «тигренкомъ» да «чертенкомъ», или какимъ-нибудь, по-истинѣ,

чудовищнымъ панье съ бантомъ, удаленнымъ отъ фигуры на неизмѣримое пространство. Кажется, дама идетъ сама по себѣ, а панье съ бантомъ сопровождаетъ ее въ видѣ кургузаго лакея. И все это населеніе трещитъ, визжитъ и пыжется, бѣлится съ утра до ночи, танцуетъ съ ночи до утра, и съ страстной запальчивостью мечтаетъ, какъ-бы ворваться въ «Аркадію» даромъ, по знакомству. И всѣ поютъ, развинченно подплясывая, какъ будто въ самомъ дѣлѣ кому-то изъ нихъ невыносимо весело. Опереточная пошлость вошла уже въ кровь и на всякую человѣческую жизнь наложила печать нервознаго одурѣнія. Всѣ застонали «любимые мотивы», словно всѣ головы какимъ-то волшебствомъ превращены въ аристоны, и совершенно понять нельзя, по какимъ причинамъ человѣкъ выходитъ изъ себя, кривляется, гримасничаетъ и хохочетъ, какъ одержимый, и ничего выносить не можетъ, кромѣ тру-ля-ля. Изъ каждой дачи вырывается изступленіе своей собственной музыки: здѣсь звенитъ гитара, тамъ зудитъ гармонія, подальше, словно изъ пасти чудовища, гремитъ и ухаетъ цѣлый хоръ профессіональныхъ хористовъ и любителей, а гдѣ ужь вовсе нищета по музыкѣ, тамъ лязгаетъ и всхлипываетъ аристонъ, словно захлебывается утопающій.

Не знаю, кто изобрѣлъ этотъ мучительный инструментъ, и живъ-ли авторъ—изобрѣтатель, но думаю, что справедливость требовала-бы по малой мѣрѣ колесовать его; а до какой степени это вещь нестерпимая, доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій разсказъ.

II.

Не далеко отъ меня поселилось семейство Угаровыхъ. Самъ Угаровъ служилъ въ какомъ-то престарѣломъ департаментѣ, навсегда уволенномъ отъ реформъ, и занималъ, повидимому, мѣсто довольно значительное и солидное, былъ толстъ и крѣпокъ, какъ каленый орѣхъ, глядѣлъ сурово и властительно, безмолвствовалъ величаво и торжественно, и обладалъ такими внушительными поворотами головы, отъ которыхъ смутился-бы самъ Юпитеръ. Такъ и чувствовалось во всей его фигурѣ, что онъ, даже наперекоръ своему кроткому нраву, кому-то угрожаетъ, кого-то распекаетъ, и вообще весьма склоненъ къ удовольствію видѣть кругомъ себя покорность и почтеніе. Жена его, миловидная дамочка, модница и умница, весьма старательно занятая своей

особой, не совсѣмъ равнодушная къ молодымъ людямъ, охотница до развлеченій, обожательница опереточныхъ теноровъ и акробатовъ, натура стремительная и артистическая. Двѣ сестры ея, сиротки, живутъ при ней, и, какъ водится, на казенный счетъ воспитывались въ самомъ лучшемъ институтѣ, послѣ чего и приступили съ серьезной подготовкой къ всестороннему изученію оперетки, мечтая со временемъ удивить публику своею несравненностію. Обѣ дѣвицы были хорошенькія блондиночки, тоненькія, синеглазыя, и превосходно вышколенныя.

И вотъ на болкончикѣ Угаровской дачи началась самая трогательная идиллія. Утромъ все семейство садилось за чайнымъ столомъ. Дамы всячески начинали ублажать «папочку»—и сливками, и булками, и нѣжными улыбками, и граціозными реверансами, а онъ, развалясь въ тяжеломъ креслѣ, величаво осматриваетъ, все-ли благополучно по сторонамъ, и чѣмъ заняты его сосѣди, и какого чина и званія люди. Часу во второмъ онъ уѣзжалъ въ престарѣлый департаментъ, сопровождаемый дамами до самой конки. Здѣсь всѣ цѣловали его и напутствовали всяческимъ счастіемъ. Потомъ дамы возвращались на балкончикъ, и уже не покидали его до поздняго вечера. Въ это время всѣ теноры и акробаты прохаживались мимо Угаровской дачи, и даже перебрасывали цвѣты и конверты съ залогами любви, Машенька и Сашенька подбирали ихъ и доставляли въ руки Елены Васильевны.

— Ахъ, дѣти мои! со вздохомъ говорила она:—жизнь ужасно мала!.. Ничего не успѣешь... Пока собираешься да думаешь, какъ пожить повкуснѣе, глядь ужь и время прошло.

На эту тему Елена Васильевна проповѣдывала сестрамъ истины не столько строгія, сколько вкусныя. Передъ вечеромъ возвращался «папочка», обыкновенно голодный и раздраженный. Къ его пріѣзду столъ былъ уже накрытъ, а затѣмъ на балкончикѣ снова шли своимъ чередомъ идиллическія картинки. Вечеромъ всѣ отправлялись въ «Аркадію», въ свою ложу, и сосали конфекты, апплодировали теноромъ и и акробатамъ, и возвращались съ сознаніемъ полнаго счастія. Словомъ, дамочки устроились на дачѣ и занятно, и вкусно. Одному «папочкѣ» жилось какъ-то не по себѣ: раздражали-ли его патріархальные нравы дачниковъ, или мѣшали высшія соображенія о служебной мудрости только постоянно, сидя на болкончикѣ, онъ впадалъ въ молчаливое неистовство и совершенно не могъ выносить ни равнодушія сосѣдей ни ихъ громкаго смѣха и говора.

— Изволите видѣть! стиснувъ губы, ворчалъ онъ, съ ненавистью глядя на сосѣдній балкончикъ, гдѣ появлялся чиновникъ совсѣмъ посторонняго вѣдомства и чувствовалъ себя въ полномъ удовольствіи. — Этакая мелкота и до чего можетъ забыться: вниманія не обращаетъ, не поклонится... Кажется, могъ-бы понять, что передъ нимъ старшіе...

А чиновникъ посторонняго вѣдомства сидѣлъ въ одиночку за самоваромъ и важничалъ пуще самого Угарова, и даже на дамочекъ черезъ заборъ глядѣлъ сладкими и унылыми глазами.

— Этакая дерзость!... Нѣтъ, грубость-то какая!.. Деморализація дисциплины!... Неуваженіе!... Понимаете, вѣдь ему, скоту, все равно, уважать или не уважать, а онъ не уважаетъ и наслаждается... Вонъ спиной сюда поворотился... Ну, что вы станете дѣлать съ нимъ!..

— Ахъ, mon ami! вступилась Елена Васильевна:—вѣдь онъ дома у себя...

— Дома?—вотъ женскій разумъ!... Однако, и дома на головѣ плясать не резонъ... и дома, я полагаю, можно чувствовать уваженіе къ заслугамъ.

— Да вѣдь онъ не знаетъ тебя?...

— Но, ma chère, онъ очень хорошо знаетъ, кто я... и, наконецъ, развѣ это не видно?... Надо, однако, справиться объ этомъ выскочкѣ. Я не могу, я положительно не могу терпѣть такого поведенія!..

Черезъ прислугу собраны справки, и оказалось, что чиновникъ посторонняго вѣдомства состоялъ въ томъ-же самомъ чинѣ, въ какомъ состоялъ и Угаровъ. Дѣло о неуваженіи разыгралось еще сильнѣе въ головѣ Угарова. Онъ не только возненавидѣлъ чиновника, равнаго ему по чину, но не могъ примириться съ мыслью объ его существованіи, тѣмъ болѣе, что этотъ посторонняго вѣдомства чиновникъ съ виду былъ хилъ, невзраченъ и никакихъ величественныхъ чувствъ внушать не могъ, и хотя ежедневно умывалъ лицо на балконѣ, а выглядѣлъ какимъ-то запыленнымъ и засаленнымъ.

— Что я долженъ думать о такомъ человѣкѣ? сокрушенно вопрошалъ себя Угаровъ:—одно, что у него вполнѣ бунтовскія наклонности, и удивительно, какъ это постороннее вѣдомство терпитъ такихъ на службѣ... Вонъ опять вышелъ, засвисталъ и шляпа на затылкѣ, а самъ, бестія, такъ и норовитъ повернуться ко мнѣ спиной, не уваженіе оказать...

Между тѣмъ, чиновникъ Кручина и не подозрѣвалъ, что возбудилъ противъ себя такую ненависть въ сосѣдѣ и держался съ полной независимостью дачника, которому нѣтъ дѣла до сосѣдей и который именно здѣсь, на своемъ балконѣ, самъ себѣ господинъ. Обходился онъ безъ прислуги, самъ варилъ и жарилъ на спиртныхъ машинкахъ, разогрѣвалъ самовары и весь располагался на виду: нужно ему мыться, онъ и мыться выступалъ на балконъ.

Угаровскія дамы принуждены были защищаться отъ такого нескромнаго и неблаговоспитаннаго сосѣда и закрыли свой балконъ наглухо толстой парусиной. Тогда-то Кручина почувствовалъ себя такъ хорошо, какъ лучше не бываетъ.

— Затворились—и чудесно! размышлялъ онъ:—оно и другимъ-то не въ примѣръ спокойнѣе... Хоть не видишь этой противной чопорности, спѣси, надутости... А то вѣдь что: толстъ, какъ пень, а думаетъ о себѣ: ума палата!...

III.

Чиновникъ Кручина хотя и не имѣлъ бунтовскихъ наклонностей, но онъ столько лѣтъ уже напокорствовался въ своемъ департаментѣ, что по временамъ его неудержимо взрывало какой-нибудь протестующей выходкой. Наболѣвало въ немъ какое-то ни съ чѣмъ несообразное желаніе кому-то показать, доказать, что онъ тоже нѣкоторымъ образомъ сила и независимость. Въ департаментѣ онъ состоялъ на положеніи забитаго. Ему и дѣлъ не поручали и наградныхъ не выдавали, хотя бумаги онъ изводилъ не меньше всякаго другого чиновника, успѣвшаго заявить о своихъ способностяхъ. Не только начальство, но и подчиненные были очень не высокаго мнѣнія о немъ. Между тѣмъ, Кручина не лишенъ былъ дара нѣкотораго соображенія и до страсти любилъ всѣ новѣйшія изобрѣтенія ума человѣческаго. Выходила-ли новая машинка для галстуха, онъ непремѣнно искалъ случая купить ее. Изобрѣталась-ли керосиновая «кухня» вмѣсто спиртной, Кручина обстоятельно высчитывалъ, насколько новое изобрѣтеніе дешевле и практичнѣе, и по случаю покупалъ «кухню», устанавливалъ ее на балконѣ и производилъ надлежащіе опыты. Пріобрѣтая такимъ образомъ всѣ новѣйшія изобрѣтенія, онъ собралъ весьма многочисленную коллекцію всевозможнаго хлама: тутъ были «кухни» паровыя, спир-

товыя, керосиновыя, кофейницы и перечницы самыхъ «новѣйшихъ» системъ, чернильницы походныя и съ фокусами, шкатулки и погребцы, какихъ не видывалъ самъ Чичиковъ, портсигары изъ «британскаго металла», посеребренные такъ, что могли ввести въ заблужденіе самыхъ опытныхъ ростовщиковъ, ящиковъ съ музыкой было десять штукъ и всѣ они исправно заводились и играли самыя нѣжныя пьесы, услаждая слухъ хозяина, когда ему взгрустнется о наградныхъ и жестокости начальства. А начальство по временамъ бывало дѣйствительно жестоко къ нему.

— Хоть-бы вы уже не шлялись сюда, замѣчали ему мимоходомъ, и Кручина переставалъ шляться, не показывался недѣлю, двѣ — все обдумывалъ не требуетъ-ли его достоинство выхода въ отставку, но такъ какъ этотъ вопросъ выступалъ изъ круга вещей, ему доступныхъ, то кончалось обыкновенно тѣмъ, что онъ снова приходилъ торчать за своимъ столомъ и начиналъ изводить бумагу.

Подобныя несчастія преслѣдовали его всю жизнь, и, случалось, доводили даже до «помраченія разсудка». Въ такихъ случаяхъ Кручина запивалъ, но и пьянство у него выходило такое-же безъидейное и ненужное. Выпьетъ, и заблажитъ не своимъ голосомъ, а что блажитъ, и понять нельзя. Заведетъ «камаринскую» въ ящичкѣ, а самъ ходитъ, плечами поводитъ и говоритъ: «фу, ты!.. ну, ты!..»

Не только въ пьянствѣ, даже у женщинъ никогда не могъ добиться толку. Начнетъ знакомство какъ будто и ладно, говоритъ человѣкоподобныя слова, липнетъ и вьется, ходитъ, словно женихъ, въ полномъ парадѣ и орденахъ, гордъ и доволенъ, лѣзетъ къ сослуживцамъ съ докладами о своемъ счастіи, да вдругъ заподозритъ, что дама сердца подозрѣваетъ въ немъ безпобѣднаго дурака, — разсердится, ожесточится, и запьетъ.

Ко всѣмъ вещамъ и несчастіямъ, обременявшимъ это бѣдное существованіе, прибавился аристонъ, изобрѣтеніе новѣйшее и Кручиной еще не виданное.

Еще прежде чѣмъ татаринъ прошелъ съ аристономъ по линіи и соблазнилъ его, Кручина частенько заглядывался въ щель на угаровскихъ дамъ, и такъ онѣ приглянулись ему, что онъ и разобраться не могъ, въ которую изъ нихъ влюбленъ. Но это было такъ близко, такъ удобно, и щель на балконѣ Угаровыхъ всегда оставалась къ его услугамъ, — воспламенился человѣкъ: бѣлыя платья, стройныя

таліи, веселыя молодыя лица — для полнаго очарованія только и не доставало аристона.

Штука оказалась занятная и необыкновенно удобная, и Кручина, по случаю, купивъ ее весьма дешево, уставилъ, конечно, на балконѣ, и началъ вертѣть. Аристонъ сперва засопѣлъ весьма сдержанно, какъ-бы стѣсненный сосѣдствомъ хорошенькихъ женщинъ, но безпощадно понукаемый владѣльцемъ, вдругъ, словно обозленный, взревѣлъ, застонадъ, засвисталъ, зашлепалъ такими изумительными звуками, какихъ ни одинъ инструментъ никогда не издавалъ. Кручина вертѣлъ и приговаривалъ: «фу, ты! ну, ты!» Должно быть выходило очень хорошо, потому что вертѣлъ онъ до озлобленія, и, въ припадкѣ экстаза сталъ притоптывать ногами и дикимъ, заржавленнымъ голосомъ запѣлъ безобразную пѣсню:

„Выхожу я на крылецъ,
Черти гложутъ огурецъ...
А и что кому до насъ.
Когда праздничекъ у насъ..“

Неожиданный концертъ этотъ на угаровскихъ дамъ произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что всѣ онѣ замерли, точно въ обморокѣ. И Кручина, и его аристонъ, какъ истинные артисты, увлеченные своимъ призваніемъ, изъ кожи лѣзли и душу надрывали у всѣхъ сосѣдей. Визги, стоны и шлепки раздавались по всей линіи, и, казалось, никогда уже не могли замолчать. Балкончикъ ходуномъ ходилъ подъ ногами Кручины. Всѣ модные нумера онъ перевертѣлъ и снова начиналъ чертей съ огурцомъ, снова оглашалъ всю линію неистовымъ воплемъ, будто никому нѣтъ дѣла до его праздника.

Новѣйшее изобрѣтеніе оказалось до такой степени цѣлесообразно приспособленнымъ къ головѣ и вкусамъ Кручины, такъ хорошо онъ спѣлся съ аристономъ въ чертяхъ и огурцахъ, что невозможно было разстаться другъ съ другомъ.

IV.

На другой день послѣ покупки Кручиною такого одуряющаго инструмента, который сразу повергалъ слушателя въ безмолвное бѣшенство, семейство Угаровыхъ съ «папочкой» во главѣ, по обыкновенію, выбралось на балконъ пить чай. Веселые женскіе голоса, смѣшливыя

взвизгиванія, цвѣтущія, красивыя лица и изобиліе всякихъ съѣдомыхъ благъ, свѣжая, золотистая зелень подъ яснымъ, голубымъ небомъ — вся эта «сельская» картина трогательно вліяла даже на закаленную одеревенѣлость «папочки» и располагала его къ крупному сановитому хохоту отъ полноты души. Всѣмъ было очень хорошо и весело. Самъ «папочка» былъ въ прекрасномъ настроеніи, и Машенька съ Сашенькой едва удерживались, чтобы не разсказать ему о вчерашнемъ похожденіи сосѣда, какъ вдругъ аристонъ и Кручина взвыли:

„Выхожу я на крылецъ,
„Черти гложутъ огурецъ...“

Въ первую минуту «папочка» Угаровъ даже расхохотался отъ неожиданности.

— Этакой дуракъ! проворчалъ онъ:—а еще надворный совѣтникъ... Я сразу видѣлъ... что въ немъ нѣтъ ничего основательнаго... Ну, кому-же придетъ въ голову этакая глупость?.. Это ужь совсѣмъ неприлично. Могъ-бы почувствовать, что тутъ живутъ благородные люди; и не всѣмъ-же такъ омерзительно-пріятно, что «черти гложутъ огурецъ...» Да, наконецъ, пусть гложутъ: зачѣмъ-же орать-то объ этомъ во всю улицу?.. Надо послать ему предостереженіе, иначе я... сочту себя вынужденнымъ довести до свѣдѣнія его высшаго начальства... Вѣдь невозможно-же допустить, чтобы онъ зудилъ такъ съ утра до ночи и оскорблялъ безъ всякаго повода... Да, это оскорбленіе, безобразное по своей дикости... Пусть онъ знаетъ, что я вовсе не намѣренъ терпѣть его ослиный ревъ и эту ослиную шарманку.

— Папочка, это не шарманка, а аристонъ, вступились дамы.—Это даже нарочно для дачъ покупаютъ...

Но аристонъ шумѣлъ и бунтовалъ по прежнему и «папочка» окончательно потерялъ терпѣніе.

— Нѣтъ, это невозможно! Это не только неделикатно, но просто подло, чортъ побери! Нельзя такъ издѣваться надъ терпѣніемъ благородныхъ людей... Агафья! сходи къ этому господину сосѣду и скажи, что я поко-о-рнѣйше прошу его замолчать...

Кухарка Агафья пошла съ предостереженіемъ и слышно было, какъ сосѣдъ на нѣсколько минутъ укротилъ свою музыку. Объясненіе было крупное и Кручина прислалъ отвѣтъ, что музыку и пѣніе оставить никакъ невозможно. Затѣмъ аристонъ продолжалъ свое дѣло.

— Да это какая-то скотина! кричалъ «папочка» Угаровъ. — Онъ можетъ все семейство съ ума свести!..

И вдругъ всѣ дамы застонали, что ихъ дѣйствительно можно съ ума свести.

— Боже мой! да что-жъ это за наказаніе!.. Какая низкая безсовѣстность! въ ужасѣ взвизгивали Угаровскія дамы. «Папочка» свирѣпѣлъ, какъ грозовая туча: ему уже оказываютъ не только неуваженіе, но цѣлое сопротивленіе.

— Это онъ нарочно позволяетъ себѣ такой вызывающій образъ дѣйствій, хочетъ испытать, что изъ этого выйдетъ, разсуждалъ онъ:— Погоди-же, любезный, я тебѣ покажу, что изъ этого можетъ выйдти... И вѣдь постоянство какое у скота—зудитъ цѣлый день—и хоть-бы что!.. Должно быть ему и дѣться некуда, да куда-же этакую образину примутъ съ аристономъ? Хоть-бы лопнули въ немъ какія-нибудь пружины!.. Разломать-бы этакую гадость!.. Казнить-бы нещадной смертью изобрѣтателя, чтобы другимъ не повадно было!..

Аристонъ зудѣлъ. И «Трубадуръ», и «Риголетто», и «Не бѣлы снѣги», и «Взгляните здѣсь», и вальсъ изъ «Фауста», и «Выхожу я на крылецъ»—все это онъ продѣлывалъ подъ рукой Кручины съ такими забористыми, судорожными завитушками, всхлипываніями, стонами и хрюканьемъ, отъ которыхъ даже прохожіе содрагались. Ближайшее сосѣдство становилось нестерпимымъ. На другой день выпалъ праздникъ и Кручина могъ весь день посвятить невинному наслажденію, и довелъ, наконецъ, всѣхъ Угаровскихъ дамъ до истерики. Напрасно «папочка» Угаровъ ругался громко и неистово, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы Кручина слышалъ, какое страданіе онъ причиняетъ благороднымъ сосѣдямъ,—аристонъ зудѣлъ.

Угаровъ рѣшился лично предстать передъ этимъ механикомъ музыки и, если потребуется, разбить даже проклятый инструментъ.

— Прошу принять во вниманіе, говорилъ онъ Кручинѣ:—что васъ проситъ благородный человѣкъ, заслуженный-съ, и съ вѣсомъ-съ... въ надеждѣ, что и я имѣю честь видѣть благороднаго человѣка...

— О чемъ вы просите? сухо спросилъ Кручина.

— Я прошу васъ, м. г., прекратить безобразіе...

— Какое-съ?

— А вотъ это самое... И машина—безобразіе, уши рветъ и голосъ вашъ достаточно безобразенъ, чтобы возмутить спокойные умы благо-

родныхъ сосѣдей и, наконецъ, текстъ наиболѣе любимой вами пѣсни весьма и весьма дурацкій!..

— Позвольте-съ!.. Почему-же, однако, дурацкій? Не угодно-ли вамъ прослушать, а я спою... Это вамъ, можетъ быть, издали такъ кажется— одно дурацкое безобразіе, а вблизи, могу васъ увѣрить, совсѣмъ не такъ дурно. Инструментъ усовершенствованъ до удивленія и притомъ по цѣнѣ всѣмъ доступенъ—не фертуплясы въ пять тысячъ... Я совѣтовалъ-бы и вамъ купить... Изволите видѣть:

„Выхожу я на крылецъ,
Черти гложутъ огурецъ...“

— Еще разъ убѣдительно прошу, перебилъ Угаровъ:—прекратить это возмутительное занятіе и пощадить меня и мое бѣдное семейство...

— Позвольте вамъ доложить, что меня даже удивляетъ ваша просьба и вашъ наступательный тонъ. Невозможно лишать меня единственнаго, можно сказать, удовольствія, доступнаго мнѣ по средствамъ. Такихъ законовъ еще не написано, слава Богу. Вотъ если-бы я изъ пушекъ стрѣлялъ внѣ торжественнаго дня, либо огни бенгальскіе палилъ, либо непристойности прохожимъ дамамъ оказывалъ,— ну, точно, полиція имѣла-бы право запретить и даже удалить меня на жительство обратно въ городскую квартиру, лишивъ всѣхъ наслажденій дачной жизни... даже начальству могла-бы аттестовать со стороны, вовсе нежелательной... А это что-же такое, помилуйте... Я на своей дачѣ, играю на своемъ аристонѣ, для своего собственнаго удовольствія—и вдругъ... кого-то тамъ оскорбляю... Кто-то тамъ находитъ, что это одно дурацкое безобразіе!..

— Не «кто-то тамъ», а я, надворный совѣтникъ Угаровъ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ...

— Да я самъ надворный совѣтникъ и, однако, не запрещаю вамъ ни ѣсть, ни пить, ни ругаться во всеуслышаніе на балконѣ,—на здоровье!.. Прошу и мнѣ не препятствовать... Музыка не только не подвергается въ наше время преслѣдованію, но даже поощряется, въ видахъ размягченія сердецъ и нравовъ...

— Позвольте, да это не музыка, это—чортъ знаетъ что... Вы испортили нервы моей женѣ, моимъ свояченицамъ, да и я самъ потерялъ всякое терпѣніе...

— Для васъ не музыка—вамъ-бы на тромбонѣ, а для меня музыка—тихо, благородно... Я пою и аристонъ поетъ: кому какое дѣло?..

— Да понимаете-ли—мнѣ дѣло! Вы безпокоите меня, мое семейство... Это, наконецъ, безсовѣстно!.. Если вамъ не угодно прекратить...

— Не могу прекратить, совершенно не могу: я только-что купилъ вещь, вхожу во вкусъ... Нѣтъ, невозможно... При всемъ моемъ уваженіи къ вашему семейству, не могу...

— Ну, въ такомъ случаѣ я принужденъ буду обратиться къ содѣйствію суда... Прошу извинить...

— Хорошо... И я подамъ въ судъ...

— Вы-то за что-же?..

— А за то, что вы изругали меня самымъ недостойнымъ образомъ... да еще, Богъ знаетъ, кто на судѣ-то краснѣть будетъ...

— Что это значитъ? Какъ вы смѣете говорить такія глупости?..

— А такъ и смѣю. Вы находите мой голосъ безобразнымъ, а я нахожу поведеніе вашего семейства. .

— Что-о? Что такое?..

— А вотъ не скажу... Подавайте въ судъ, тамъ скажу.

Угаровъ проворчалъ въ бѣшенствѣ что-то невнятное: «наглецъ», «подлецъ», въ этомъ родѣ, и вышелъ.

V.

Началось судебное «дѣло», и дѣло важное. Сошлись два довольно невзрачныхъ совѣтника, хотя и постороннихъ другъ другу вѣдомствъ, но одинаково упорныхъ и впивчивыхъ, хатактеры непреклонные и суровые, умы, изощренные въ служебныхъ соображеніяхъ и похожденіяхъ касательно такихъ дѣяній, которыя всякому ближнему становились-бы коломъ въ горлѣ и въ то-же время не подлежали-бы наказуемости и вмѣняемости. При томъ-же у обоихъ совѣтниковъ чины были природные, наслѣдственные и энциклопедичные, какъ аристоны: что прикажутъ, то и заиграютъ.

Извѣстно до какой поразительной виртуозности выработана у насъ эта подневольная, подрублевая энциклопедія головъ, по своему строенію вполнѣ тождественныхъ съ аристономъ, и потому, казалось-бы, отъ такихъ двухъ смертельныхъ враговъ можно было ожидать доводовъ самыхъ поразительныхъ и убійственныхъ, — однако, оказалось, нѣтъ: аристоны такъ и остались аристонами.

Угаровъ цѣлую ночь просидѣлъ за сочиненіемъ прошенія вчернѣ, и уже утромъ перебѣлилъ его.

И вотъ документъ:

«... года... мая... числа, я нижеподписавшійся, вмѣстѣ съ женою моею, Еленою Васильевою, и ея родными сестрами, а моими свояченицами, Маріею и Александрою Кубышкиными, водворился на мѣсто лѣтняго успокоенія въ Новой деревнѣ (подробный адресъ). Но! (съ подлиннымъ вѣрно) удручаемый экстренными занятіями по службѣ, требовавшими глубины и спокойствія въ соображеніяхъ, не находилъ оныхъ на вышеозначенной дачѣ, такъ какъ въ сосѣдствѣ съ оною поселился неизвѣстный мнѣ титулярный совѣтникъ Кручина съ безчеловѣчнымъ инструментомъ, приводившимъ въ содроганіе и отчаяніе все мое семейство, играя на томъ инструментѣ пѣсни и пляски и распѣвая голосомъ не свойственнымъ человѣческому роду. На многократныя предостереженія и просьбы мои прекратить безобразное занятіе, дабы дать покой благороднымъ сосѣдямъ, титулярный совѣтникъ Кручина похвалялся передо мною равенствомъ чина и званія, съ добавленіемъ позорящей доброе имя клеветы, распространяя оную на все мое семейство, и что воленъ онъ, Кручина, играть на своемъ аристонѣ и пѣть своимъ голосомъ совсѣмъ неподходящія пѣсни. Видя, что существованію моему, а равно и семьи моей, Кручина вознамѣрился положить непреодолимыя преграды, весьма могущія вредить пользамъ службы, испытавъ при этомъ всю безполезность словесныхъ увѣщаній и не находя въ себѣ никакого терпѣнія къ дальнѣйшему выслушиванію игры на аристонѣ, сопровождаемой непозволительнымъ пѣніемъ самого Кручины, имѣю честь покорнѣйше просить, во-первыхъ, подвергнуть титулярнаго совѣтника Кручину установленному законами наказанію за возмущеніе умовъ и спокойствія духа окрестныхъ жителей, во-вторыхъ, довести о семъ до свѣдѣнія его высшаго начальства со включеніемъ судимости въ формулярный списокъ, въ-третьихъ, предать сожженію чрезъ руки палача вышеозначенный инструментъ, аристономъ именуемый.

Къ сему прошенію», и т. д.

Прошеніе было подано, и «дѣло» пошло по формѣ, по порядку. Въ назначенный день оба совѣтника явились къ разбирательству лично и поглядывали другъ на друга, какъ голодные волки. Прочитавъ прошеніе, судья обратился къ совѣтникамъ, не угодно-ли имъ окончить дѣло миромъ.

— Съ удовольствіемъ, въ одинъ голосъ отвѣчали совѣтники.

На какихъ условіяхъ?

— Пусть онъ замолчитъ и продастъ аристонъ въ другую улицу, и дастъ формальное обѣщаніе подъ присягою, что на аристонѣ играть и пѣть не будетъ. Тогда я согласенъ ему простить всѣ оскорбленія.

— Какъ это «простить»? въ чемъ я виноватъ? вспыльчиво началъ Кручина: — я не на вашей дачѣ играю и пою, и никакъ не ожидаю со стороны властей понужденія къ продажѣ аристона, только что купленнаго.

— Уши рветъ, г. судья!.. нервы бѣситъ!.. Невозможно слушать...

— А вы затворитесь...

— Нѣтъ, затворитесь вы!.. вы — нарушитель тишины и спокойствія... И, наконецъ, сдѣлайте что нибудь съ своимъ голосомъ... Нельзя такъ гоготать... И при томъ онъ поетъ, г. судья, Богъ знаетъ что...

— Что-же именно?

— Пою, г. судья, что лучше всего на аристонѣ, выходитъ, и даже готовъ передъ вами пропѣть, съ прикомандированіемъ инструмента...

— Это вовсе не нужно. Г. Угаровъ, не уступите-ли вы въ своихъ требованіяхъ. Пѣніе и аристонъ не запрещены и, мнѣ кажется, нѣтъ повода къ преслѣдованію.

— Тѣмъ паче, подхватилъ Кручина: — что я, господинъ судья, человѣкъ богобоязненный и любовныхъ писемъ черезъ заборы никому не бросаю. Аристонъ—единственное удовольствіе въ моей жизни, ибо ни «Аркадія» ни «Ливадія» недоступны мнѣ по входнымъ цѣнамъ, а у него... у нихъ своя ложа. Ходятъ-же они слушать музыку и пѣніе и деньги за то платятъ: отчего-же имъ не послушать даромъ? Я платы съ нихъ не прошу.

— Вы можетъ быть согласились-бы порѣже играть на аристонѣ?

— Не могу, г. судья... Вещь только-что пріобрѣтена мною.

— Противная сторона, началъ Угаровъ, — приводитъ вполнѣ нелѣпые доводы. Гдѣ слушаютъ музыку за деньги, тамъ она на что нибудь похожа, но этотъ любитель... этотъ извергъ и тиранъ чужихъ ушей,—онъ ни на что не похожъ, и я покорнѣйше прошу назначить экспертизу на балконъ моей дачи, возможно-ли человѣческому терпѣнію выносить подобную музыку.

— Съ удовольствіемъ готовъ и при экспертизѣ играть и пѣть, сколько потребуется,—и увѣренъ, что экспертиза не найдетъ ничего достойнаго порицанія.

— Помилуйте, г. судья... Представьте, онъ поетъ:

„Выхожу я на крылецъ,
Черти гложутъ огурецъ...“

Вѣдь это, наконецъ, нестерпимо... Цѣлые дни «черти гложутъ огурецъ»...

— А другихъ пѣсенъ вы не знаете?

— Т. е. знаю, да знать не хочу.. Мнѣ эта нравится, я и пою, и на аристонѣ она очень хорошо выходитъ.

— Какъ угодно, а я настаиваю на своемъ требованіи, и, въ видахъ спасенія себя и своего семейства, прошу истребить аристонъ, сжечь его рукою палача, или-же, по меньшей мѣрѣ, обязать владѣльца аристона продать его въ другую улицу, и запретить ему пѣніе.

— Г. Кручина, не можете-ли вы пѣть такъ, чтобы не возмущать сосѣдей?

— Не могу. У меня голосъ, г. судья, такъ устроенъ, что слабыхъ нотъ совсѣмъ не беретъ.

— Вотъ изволите видѣть, онъ самъ сознается, что у него не голосъ человѣчій, а обломокъ водопроводной трубы, въ которую нечистыя силы дуютъ. Развѣ можно это терпѣть?.. и терпѣть не часъ, не два, а цѣлый день и цѣлое лѣто...

— Можетъ быть, вы, г. Угаровъ, согласились-бы переѣхать на другую дачу, подальше отъ аристона?

— Зачѣмъ-же я?... Прикажите ему... Пусть онъ исчезнетъ...

— Я исчезать не желаю. Мнѣ здѣсь хорошо.

Такъ судоговореніе ни къ чему не привело. Судья написалъ постановленіе, что не усматриваетъ состава преступленія.

— До сената поведу дѣло, раздражительно угрожаетъ Угаровъ.

— А я все-таки на аристонѣ буду играть, прибавилъ Кручина.

И дѣло объ аристонѣ, по недовольству сторонъ, пойдетъ въ высшую инстанцію.

БЛИЖЕ КЪ ГОСПОДИНУ.

I.

Шесть часовъ утра. Сизый морозный воздухъ слегка покусываетъ раскраснѣвшіяся лица. Быстро наполняется народомъ вся площадка «развала». Станки, лавки еще заперты, но дорога «на воздухѣ», почти вдоль всей линіи уже занята. Тутъ брошены на землѣ рогожи, кожи, паруса, и на нихъ, въ какомъ-то убогомъ парадѣ, выставлены товары: подержанные сапожки, ремешки, рваныя книжки, лорнетки и бинокли въ одну и двѣ «глядѣлки», картина изображающая какого-то древняго царя съ бабой и тигромъ, «сюжетъ историческій», корявые полушубки, окаменѣлыя шапки изъ «морскаго лева», мягкія полныя ангельской доброты, валенки, сюртукъ поношенный, безструнная гитара, цѣлая охабка штановъ старыхъ и рваныхъ, средственныхъ, и такихъ, что «хоть куда», портретъ фельдмаршала при всѣхъ регаліяхъ, толстыя упругія чуйки, черепки битой посуды, билетъ пріютской лоттереи «на десять тысячъ, завтра розыгрышъ», и безчисленное множество самой разнообразной дряни, разложенной пучками на землѣ. Возлѣ этой дряни, или взваливъ ее на плечи, шумно толкутся и орутъ люди, по большей части городскаго склада. Въ эту толпу постепенно вступаетъ новая толпа, — покупатель всей этой дряни, и скоро образуется сплошное, непроходимое мѣсиво, надъ которымъ переходятъ изъ рукъ въ руки и сапожки подержанные, и генералиссимусъ при всѣхъ регаліяхъ, и старые штаны, сомнительно просматриваемые на свѣтъ, какъ фальшивая ассигнація. Гулъ криковъ, прибаутокъ, брани все ростетъ, и ростетъ. Толпа постоянно мѣняется и остается та-же. Зайдите сюда черезъ часъ, черезъ десять часовъ, общая картина нисколько не измѣнится. Тотъ-же татаринъ съ вытертой ангоркой, согрѣвавшей когда-то пышныя плечи «мгновенной», съ древней японской вазой и

биноклемъ безъ стеколъ отдаетъ «все» за два рубля; тотъ-же здоровый мужикъ взбрасываетъ на воздухъ подержанные сапожки «первый сортъ» за три четвертака; тотъ-же угрюмый книжникъ предлагаетъ съ рукъ «Царя Соломона», «Мартына Задеку» и «Милорда аглицкаго», по самымъ сходнымъ цѣнамъ; тотъ-же владѣлецъ битыхъ черепковъ, купившій фельдмаршала при всѣхъ регаліяхъ, ничего не можетъ придумать, кромѣ «полтора цѣлковыхъ, съ рамой».

Все то-же до самыхъ сумерекъ.

Замѣчательная особенность этой толпы заключается въ томъ, что она не столько нужна потребителямъ, сколько самой себѣ. Вся дрянь, изломъ и рвань переходитъ постоянно изъ однѣхъ торгашескихъ рукъ въ другія, до тѣхъ поръ пока найдетъ истиннаго антикварія, который сложитъ ее въ плюшкинскую кучу, и тамъ ей конецъ.

Всѣхъ толкущихся человѣкъ двѣ, три тысячи. Но если разцѣнить всѣ ихъ товарныя богатства, то всѣхъ сокровищъ не найдется и на пятьсотъ рублей. Является вопросъ, какъ и чѣмъ эти люди живутъ?

Исключительно вдохновленнымъ азартомъ и находчивостью при хорошихъ случаяхъ. Подержанные сапожки, ломъ часовыхъ и шарманочныхъ механизмовъ, штаны, чуйки, шапки изъ «морскаго лева» и ободранныя ротонды «мгновенной» представляютъ собою торговый баластъ и предлогъ столпленія. Но посмотрите, какъ быстро исчезли «Милордъ аглицкій» и генералиссимусъ при всѣхъ орденахъ. Они прошли черезъ десятки рукъ, съ постоянной надбавкой. «Милордъ» исчезъ даже безслѣдно, и кому не предлагалъ я за него три цѣлковыхъ, никто изъ перекупщиковъ найти его не могъ. «Милордъ» былъ мнѣ нуженъ, а въ библіотекѣ съ дамскимъ трудомъ дама-библіотекарша, на вопросъ мой о существованіи «Милорда Георга аглицкаго» отвѣчала: «Мы такихъ глупыхъ книжекъ не возобновляемъ. «Милордъ» былъ, да сгорѣлъ». Судьба генералиссимуса при всѣхъ регаліяхъ оказалась еще завиднѣе: переходя изъ рукъ въ руки съ надбавкой гривенника, онъ дошелъ, наконецъ, до такихъ опытныхъ торгашей антикварскимъ товаромъ, которые не только съ умершаго историческаго лица, но съ любого здравствующаго купца и купчихи сейчасъ-же пріищутъ *готовые* портреты, и даже знаменитыхъ мастеровъ. Генералиссимусъ попалъ въ картинную лавку бывшаго тряпичника и на немъ уже красуется фальшивая подпись, исполненная такими красками съ фарфороваго завода, которыхъ ничѣмъ, даже спиртомъ нельзя смыть, — значитъ внѣ вся-

каго сомнѣнія. Оказывается, этотъ генералиссимусъ — Потемкинъ, и писалъ его Кипренскій, а цѣна ему пятьсотъ рублей. И будьте покойны, найдется любитель историческихъ портретовъ, который съ радостью дастъ за генералиссимуса тысячу рублей, да еще гордиться будетъ передъ знатоками. Цѣнность такой рѣдкости до безумія измѣняется, смотря по тому, отъ кого она куплена.

II.

Съ «развала» перейдите въ такъ называемый «жидовскій рядъ», въ рядъ зараженныхъ и выношенныхъ тряпокъ, лентъ, кружевъ, перьевъ, изодранныхъ и неопрятныхъ ковровъ, готовыхъ бальныхъ платьевъ, вѣнчальныхъ свѣчей съ бѣлыми розами, ломаныхъ подсвѣчниковъ, старыхъ фраковъ, отломанныхъ статуэтокъ всевозможныхъ стилей, поражающаго множества биноклей, часовъ, чернильницъ, лоскутьевъ бархата, атласа, парчи, самыхъ модныхъ и дорогихъ матерій, «всего разъ надѣванныхъ на костюмированный балъ» и купленныхъ у княгини, или графини, самыхъ фантастическихъ костюмовъ, скупленныхъ оптомъ послѣ обанкротившейся фееріи. У каждой лавченки куча, двѣ кучи, и у каждой кучи куча жидовъ и жидовокъ. Жидовки даже глазъ рѣжутъ своимъ разъѣвшимся дородствомъ и горластымъ зазываніемъ прохожей «барыньки».

Проходите вы этотъ рядъ, внимательно взглядываетесь въ эти пахучія, грязныя кучи и снова у васъ является невольный вопросъ, какъ и чѣмъ такое множество семей можетъ существовать? Неужели за эту дрянь, рвань и ломъ, покупатель можетъ давать деньги? Оказывается, да, можетъ. Здѣсь одѣваются молоденькія швейки, вступающія въ нѣмецкій клубъ, дочери и жены малыхъ чиновниковъ находятъ здѣсь подержанные корсажи и турнюры, престарѣлыя сплетницы находятъ здѣсь внушительные, подходящіе къ ихъ достоинству костюмы, въ которыхъ «не стыдно» явиться въ клубъ, въ качествѣ «состоятельной дамы» и рискнуть послѣднимъ рублемъ въ «мушку», чтобы поправить свои дѣла и выиграть сто. Смазливыя горничныя, кухарки покупаютъ здѣсь «господскія платья», чтобы вѣрнѣе очаровать намѣченную жертву; старыя хищницы, богатыя и жадныя, потерявшія всѣ привязанности, бродятъ какъ совы, и высматриваютъ антикварскія рѣдкости «по случаю».

Все это до того мелко, грошево, ничтожно и грязно, что вамъ надо не мало усилій надъ собою, чтобы спуститься на уровень міросозерцанія этого «жидовскаго ряда» и, главное, понять, изъ-за чего эти люди хлопочутъ, бьются, страдаютъ, и ненавистничаютъ, или нагло торжествуютъ успѣхъ и побѣду лишняго рубля, грубо издѣваются надъ простяками и считаютъ себя въ нѣкоторомъ родѣ геніальнѣйшими людьми. Жиды, какъ и лакеи, всѣ хвастливы, не исключая даже интеллигентныхъ.

Но все-таки какъ-же эти люди живутъ? Какъ они *могутъ* жить?

III.

Мой бѣглый обзоръ захватываетъ по малой мѣрѣ пять тысячъ душъ, фактически участвующихъ въ куплѣ-продажѣ такого хлама и дряни, какихъ въ другомъ мѣстѣ нигдѣ ни продать, ни купить невозможно. Это толпа столичной бѣдноты, поддонковъ, въ своемъ родѣ «опасныхъ классовъ».

Превосходство жидовскаго чутья надъ русскимъ несомнѣнно и здѣсь. Вглядитесь въ кучу этихъ пестрыхъ лохмотьевъ: бархата, атласа, парчи, костюмированныхъ костюмовъ приторгуйтесь, разговоритесь съ жидовкой, какъ попалъ къ ней этой крошечный, батистовый платокъ съ широкимъ, настоящимъ, кружевомъ, съ именной мѣткой подъ княжеской или графской короной?

— Ну, и что-же вамъ удивительно? что тутъ такого, когда ежели я бываю во всякихъ домахъ—и княгини, и графини намъ ни почемъ, и мы деньги имъ платимъ.

И точно, княгини, графини, запускающія свои счеты у модистокъ до 30—50 тысячъ въ годъ, не брезгаютъ перепродавать жидовкамъ свои устарѣлые туалеты за десятокъ рублей.. на булавки. Это нынче даже въ модѣ и считается экономіей въ расходахъ.

Самыя сокровенныя тайны туалета великосвѣтскихъ дамъ вы нынче найдете въ жидовскомъ ряду. Дайте только жидовкѣ «торговать», нажить два, три рубля, и она разскажетъ вамъ все: къ какимъ «фамиліямъ» принадлежатъ ея кліентки, какія драгоцѣнности поручены ей на продажу, она скажетъ даже, для чего и для кого кліенткамъ нужны деньги.

Невѣроятно, какъ въ феерiи: бриллiанты, сапфиры, изумруды, ру-

бины, драгоцѣнные мѣха, самыя модныя матеріи вы найдете въ жидовскомъ ряду—«зъ первыхъ рукъ, зъ роду впервой».

Этимъ, конечно, жить можно. Уже одно ихъ комиссіонерство чего стоитъ, тайна, которую будто-бы онѣ хранятъ, выбрасывая, по свойственному натурѣ предательству, всѣ имена прямо въ уличную грязь.

Но торгашъ русскій, выкрикивающій сапожки подержаные, предлагающій букетецъ ландышей или влекущій генералиссимуса во всѣхъ регаліяхъ, толкущійся на рынкѣ цѣлый день съ парой штановъ «поношенныхъ», и проситъ за нихъ шесть гривенъ, оретъ, останавливаетъ прохожихъ, расхваляетъ совершенства удивительной «вещи», которой сносу не будетъ никогда, — этотъ человѣкъ, по истинѣ, общественная загадка, и, по свойственной ему безтолковости, невозможно даже лично отъ него понять, чѣмъ и какъ онъ живетъ. Слишкомъ уже все въ немъ взвинчено, завихрено, «заведено», какъ самъ онъ говоритъ.

IV.

Вотъ я уже четвертый разъ захожу на толкунъ и неотступно вижу передъ собою этого «заведеннаго на столичный манеръ» человѣка, высокаго, плотнаго мужика, съ здоровымъ, красивымъ лицомъ, по которому разливается отвратительно-нахальная насмѣшливость. Онъ не пьянъ. Давеча утромъ онъ приставалъ къ прохожимъ и оралъ, надсѣдаясь всѣмъ нутромъ:

— Да вы купите, баринъ, футлярчикъ-то!.. Поддержите коммерцію!.. бархатное нутро... первый сортъ для столоваго серебра... И всего-то полтинникъ!..

И теперь онъ оретъ этотъ-же самый футлярчикъ для столоваго серебра, оретъ совсѣмъ уже пересохшимъ горломъ. И каждый разъ, какъ я стараюсь взглядѣться въ это раскаленно-мѣдное лицо, оно становится все мудренѣе и безтолковѣе, и какая-то стремительная, сумашедшая нервность бросаетъ его изъ толпы въ толпу, все съ тѣмъ-же неизмѣннымъ окрикомъ, съ какою-то болѣзненною ненавистью и къ прохожему господину, и къ дрянной коробкѣ, вертящейся въ его неподвижныхъ, замороженныхъ пальцахъ. Онъ цѣлый день не выходитъ изъ этой толпы. Онъ ничего не продалъ, не купилъ, и едва-ли даже ѣлъ что-нибудь, и футлярчикъ, который по всей справедливости

слѣдовало-бы бросить, какъ дрянь, не имѣющую никакого подобія вещи кому-нибудь нужной,—этотъ футлярчикъ не отпускаетъ его съ мѣста. Цѣлый день онъ толчется, ожидая господина, которому этотъ футлярчикъ нуженъ «для столоваго серебра», бросается во всякую сдѣлку, вездѣ успѣваетъ вставить свое слово, всюду продирается съ любопытнымъ неистовствомъ, хотя онъ рѣшительно ничѣмъ не заинтересованъ въ чужихъ дѣлахъ. Въ концѣ концовъ онъ примкнетъ къ чьему-нибудь чаю, можетъ быть, изъ жалости ему дадутъ кусокъ мерзлой сайки съ рыжей, пахучей икрой, потому: «Вотъ-те хрестъ, куска въ зубахъ не было!» Въ трактирѣ онъ тоже обойдетъ всѣ столы съ своимъ футлярчикомъ и снова выноситъ его на развалъ. Совсѣмъ завечерѣло, смерклось. Морозъ крѣпчаетъ. Всѣ торгаши собираютъ свой скарбъ, и съ злыми, раздраженными лицами, съ грубой руганью, спѣшатъ въ трактиры, въ кабаки, отогрѣться.

Здоровый человѣкъ съ футлярчикомъ, съ понурой головой, но не теряя мѣшковатой развинченности въ плечахъ, идетъ по Апраксину переулку и ругательски урчитъ про себя и въ пространствѣ кулакомъ прописываетъ нѣчто ему одному понятное.

Конечно, онъ не пройдетъ мимо трактира: все-же тамъ хрещеный народъ, и тепло, и людно, и шумно, и то-же изступленное любопытство влечетъ его послушать, чѣмъ и какъ дѣловые люди завершили день. Здѣсь цѣлая масса такихъ-же, какъ онъ: одинъ цѣлый день проносился съ дырявымъ кофейникомъ, другой — съ гармоникой, изъ которой «маленько лады вышиблены», третій—съ персидской шалью, подержанной, но отъ большихъ господъ, четвертый — съ одной дамской перчаткой въ двадцать двѣ пуговицы,—весь день требовалъ три гривенника, пятый — съ интереснымъ замочкомъ «съ секретомъ», который «хоша и не дѣйствуетъ, но стоитъ только слесарю показать». У каждаго есть своя проклятая вещь, которая ужасно мучитъ его, никуда не годится, и онъ самъ это прекрасно знаетъ, а между тѣмъ, какъ только «господинъ» отказался отъ покупки, онъ непремѣнно сорветъ на немъ зло, выругаетъ въ полное удовольствіе, потому эта «вещь» наболѣла въ немъ. И если-бы сегодня они всѣ эти вещи продали, завтра въ ихъ рукахъ появилась-бы новая дрянь, и вмѣстѣ съ нею новыя надежды на полтинникъ, новыя ожиданія «господина», которому эта дрянь «подъ стать».

И все это народъ въ самой цвѣтущей порѣ, здоровый, сильный,

повидимому, ловкій въ работѣ, но онъ какими-то незримыми силами городскихъ искушеній пригвожденъ къ отвратительной, голодной праздности, наполненный сокрушительной завистью и безсильной злобой за неудачи. Кажется, эти люди отбываютъ какое-то сверхсмѣтное проклятіе, не входившее даже въ счетъ ихъ горемычной жизни. Въ трактирѣ, отъ запрадавшнихъ торгашей они усвоиваютъ всѣ доводы оправдательнаго ропота, что времена, молъ, не тѣ, что денегъ ни у кого нѣтъ, что «господинъ» сталъ тугъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ для покупки ихъ вещей нужны какія-то деньги и беззавѣтная размашистость натуры. Словомъ, весь этотъ людъ считаетъ свое положеніе серьезнымъ, заправдашнимъ, достойнымъ обсужденія съ точки всеобщаго экономическаго кризиса.

V.

Захожу въ трактиръ и спрашиваю «пару чаю». Мнѣ хочется прослѣдить до конца, чѣмъ завершитъ свой день этотъ здоровый человѣкъ съ раскаленно-мѣднымъ лицомъ и футлярчикомъ для столоваго серебра. Онъ сидѣлъ уже съ компаніей, пилъ чай, держа блюдце на всѣхъ пяти пальцахъ и пыхтѣлъ, повидимому, съ великимъ удовольствіемъ, разстегнувъ полушубокъ и выпустивъ на показъ кумачную рубаху. Знойный, удушливый паръ, какая-то стародавняя кухонная прѣль не только наполняла трактиръ, но она какъ будто вилась подъ низкимъ потолкомъ и сдавливала каждую человѣческую грудь. Газовые рожки мигали какъ масляные фонари, безъ блеска, безъ свѣта. Органъ рычалъ попури изъ русскихъ пѣсенъ и чей-то ухарски-пронзительный полупьяный голосъ подпѣвалъ:

„Не знавалъ я роду племени“,

тысячи голосовъ галдѣли разомъ, и всего понятнѣе, рельефнѣе и убѣдительнѣе выдавалось безобразное ругательство. Гдѣ пили водку, тамъ уже давно не понимали, о чемъ говорятъ, о чемъ спорятъ, и, уставъ отъ безтолковаго крика, говорили другъ другу:

— Ну, чортъ съ тобой!.. ну, пусть потвоему... давай выпьемъ!..

— Что-жъ, господа честные, хоть-бы для праздника поднесли стаканчикъ! говорилъ человѣкъ съ раскаленно-мѣднымъ лицомъ и футлярчикомъ... Ужь такъ умаялся, такъ умаялся... Ахъ, ты... И не бы-

вало, николи не бывало этакой напасти!.. Цѣлый день, слышь, безъ почину... Одна маята, да и все...

— Да тебѣ что починать-то? угрюмо возразилъ собесѣдникъ съ сѣдой бородой:—У насъ лавка-то на сорокъ тысячъ, да и очень даже безъ почину сидимъ по нынѣшнимъ временамъ.

— Ахъ, господа купцы! Ахъ, благодѣтели! да нѣшто я супротивствую? Ни, Боже мой! лакейски залебезилъ человѣкъ съ раскаленнымъ лицомъ:—Только вашими милостями и Бога воспѣваемъ!..

Ему дали водки и онъ еще пуще заусердствовалъ.

Ну, думаю, этой сценѣ не будетъ конца. Нужно купить у него футлярчикъ для столоваго серебра и посмотрѣть, что будетъ.

— Что стоитъ футлярчикъ? спрашиваю?

— Три цѣлковыхъ господинъ.

Онъ тотчасъ-же перешелъ къ моему столу и сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ продолжалъ:

— Чистѣйшій ліонскій бархатъ, и ежели для столоваго серебра, то, какъ есть, первый сортъ!.. Отъ большихъ господъ вещь идетъ, изъ княжескихъ домовъ.. Повѣрьте совѣсти...

— Совѣсти твоей не повѣрю: цѣлый день ты просилъ полтинникъ, а тутъ три цѣлковыхъ...

— Помилуйте, господинъ, развѣ возможно такую вещь за полтинникъ?.. Себѣ два съ полтиной стоитъ... въ магазинѣ во французскомъ этакая вещь никакъ не пойдетъ дешевле десяти серебра... Извольте взглянуть...

Я нарочно записываю этотъ глупый вздоръ, это непреклонное желаніе оболванить «господина», которому, Богъ знаетъ почему, потребовался футлярчикъ для столоваго серебра. Эта сцена обнаруживаетъ слѣпую самоувѣренность, мастерское знаніе «своего дѣла», умѣнье «атуривать» господина. Я надавалъ рубль, полтора, и онъ не отдалъ мнѣ этотъ футлярчикъ для столоваго серебра. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ онъ обойдется съ деньгами, но онъ отошелъ къ компаніи и началъ ругать меня самыми нехорошими словами, какъ будто я оскорбилъ въ немъ самое святое и завѣтное чувство. Я собрался уходить.

— Эй, ты, баринъ! кричалъ человѣкъ съ раскаленнымъ лицомъ:— Даешь два съ полтиной?..

Я молча вышелъ. Подлая, свирѣпая брань сыпалась за мной ка-

ками-то бѣшеными взрывами, толчками, конвульсивными припадками. Казалось, этотъ здоровый человѣкъ съ раскаленнымъ лицомъ зарыдаетъ, отъ истерическаго изступленія, но онъ только приговаривалъ:

— Ха! тебѣ-бы, поди, за грошъ да цѣлый домъ съ трубами да съ ватерклозетами!.. Экъ чего захотѣлъ!.. Ха-а!..

VI.

Чрезвычайно интересный человѣкъ съ раскаленнымъ лицомъ и футлярчикомъ для столоваго серебра. Несомнѣнно, что психическіе импульсы его добычливой дѣятельности, трудно уловимые, еще труднѣе объяснимые, представляютъ заманчивый интересъ: вѣдь это мужикъ во всей его сѣрости и столичной полировкѣ, мужикъ-добычникъ, закаленный среди практическаго образованія питерскихъ проходимцевъ, мужикъ, живущій единственной надеждой, что и онъ со временемъ станетъ мошенникомъ, у котораго будетъ своя лавка на сорокъ тысячъ, мужикъ настоящій, объявившійся въ Питеръ искать *случая*, счастія, своего рода карьеры, и вся бѣда его только въ томъ, что ему не за что ухватиться, кромѣ дрянного футлярчика, совершенно случайно попавшаго въ его руки.

Ему-бы только сто рублей, и черезъ годъ онъ—капиталистъ. Но именно въ этихъ первыхъ ста рубляхъ и вся задача... Гдѣ ихъ взять?...

Вотъ онъ выпиваетъ еще рюмку водки, на другомъ столѣ пива, и, какъ человѣкъ, у котораго цѣлый день въ зубахъ куска не было, чувствуетъ, что его «развезло». Онъ въ экстазѣ и самъ не знаетъ кому кричитъ: «Ваня, ухъ!..» И гдѣ этотъ Ваня, и что значитъ «ухъ», и что онъ кулакомъ въ пространствѣ выкручиваетъ, никто этого понять не можетъ. Возбужденіе въ немъ потухаетъ мгновенно. Осовѣлый и вспухшій, съ слипшимися глазами, онъ притыкается къ чему попало и засыпаетъ.

— Эхъ, у батькиныхъ давно снятъ! сладко мечтаетъ онъ, вываливаясь на улицу. Вотъ здѣсь гдѣ-то его домъ, фатера. Это грязный, многоэтажный, многолюдный домъ съ скользкими, выбитыми лѣстницами, полными удушливой вони и тьмы, съ фатерами, въ которыхъ «перебивается» множество лицъ, другу другу чуждыхъ. У каждаго свое стойло, съ грязнымъ логовомъ, называемымъ «угломъ». Тутъ спитъ и человѣкъ, который подержанные сапожки поправляетъ, и

тотъ, что давеча букетъ ландышей, а потомъ двѣ мѣдныя ложечки продавалъ, и тотъ, который генералиссимуса во всѣхъ регаліяхъ предлагалъ татарину смѣнять на шапку изъ «морского лева.» Вся толпа, которая цѣлый день маялась на развалѣ, въ жгучемъ предчувствіи гривенника, теперь какъ будто погребена въ этихъ безобразныхъ хоромахъ, а завтра, чуть свѣтъ, она опять на развалѣ, съ тою-же дрянью въ рукахъ, съ тѣми-же дѣтски безсмысленными стремленіями къ полтиннику.

VII.

Человѣкъ съ лицомъ изъ раскаленной мѣди такъ и стоитъ у меня передъ глазами, съ глупымъ и торжественнымъ недоумѣніемъ, съ какою-то героической покорностью ожидаемому случаю. Футлярчикъ онъ «спустилъ» и теперь носитъ циферблатъ отъ стѣнныхъ часовъ, и по прежнему всѣмъ нутромъ выкрикиваетъ:

— Поддержите коммерцію, баринъ!..

— Послушай, милый человѣкъ, да какая-жь у тебя коммерція? Неужели эта дрянь кому-нибудь нужна!

— Дрянь?.. да вѣдь за хорошими товарами сюда не ходятъ, баринъ... И денегъ-то съ тебя всего двугривенный надо...

— Да на кой чортъ тебѣ двугривенный? Посмотри, какой ты здоровый человѣкъ, и занимаешься такимъ пустымъ дѣломъ?.. Ты откуда самъ?

— Изъ Смоленской губерніи.

— А въ Питеръ зачѣмъ пришелъ?

— На заработки. Дома ѣсть нечего. Къ Покрову весь хлѣбъ изъѣли...

— Что-жъ у тебя семья тамъ?

— Да ужь какъ водится, жена есть, пара парнишекъ, да старики еще цѣлы... Всѣмъ, поди, ѣсть надо...

— Ты по какому-же ремеслу пришелъ?

— Рукомесла у насъ нѣту, а такъ больше, по коммерціи... вотъ что продать...

— Сколько-же ты добываешь коммерціей?

— Дѣла нынѣче очепно плохи, господинъ... На пропитаніе никакъ нельзя добыть...

— Неужели въ деревнѣ, дома, хуже?

— Дома?.. да дома у насъ, какъ есть, и старые, и малые, всѣ въ кускахъ ходятъ... Ежели Богъ не попуститъ съ голоду подохнуть, ну, прикормятъ добрые люди, а то вѣдь и духъ вонъ... Совсѣмъ нечего ѣсть!..

— Да здѣсь-то что-же ты ѣшь?

— Здѣсь куды крѣпше дѣло — здѣсь господинъ есть... Фіялтокъ ему поднесешь горсточку, а онъ те, глядь, и шмыгъ рубль серебра, ежели настоящій баринъ... Намеднись, около Малаго театра, три цѣлковыхъ въ вечеръ добылъ на цвѣтахъ, да ужь больно отваживать нашего брата стали оттуда. А то тоже билетами при кеятрахъ торговалъ,— опять-же все господинъ... въ деревнѣ не заторгуешь, господина нѣтъ.

— Что-жъ, по твоему выходитъ, безъ господина и жить нельзя?

— Никакъ невозможно. Нынче коли гдѣ господина нѣтъ, чтобы, значитъ, продать ему какое удовольствіе, то ложись и помирай... Никакъ ты своимъ умомъ, безъ господина, не извернешься, ни податей не взнесешь, ни себя не прокормишь.

— А земля-то какъ-же?

— Что земля? одинъ изморъ анаѳемскій!.. Къ Покрову весь хлѣбъ прижевали, ну, самъ посуди, гдѣ тутъ жить?.. Бѣги въ городъ, лови барина на чемъ ни на есть, да случая какого жди...

— Какого-же случая?

— Да мало-ли!.. Вотъ, теперича, попала мнѣ эта вещь, и за гривенникъ ее не берутъ, потому, простая вещь... Ну, а ежели нитка зенчугу попадетъ, а либо барскій котелъ червоннаго золота... На все счастье надо... Съ чего въ городѣ люди-то богатѣютъ?.. Все, небойсь, отъ господина, и не будь этой самой простоты господской, всѣ-бы въ лоскъ легли, да подохли.

— Откуда-же къ тебѣ попадетъ нитка жемчуга?

— Бываетъ... попадаетъ... Купцы-то съ чего богатѣютъ? Попадетъ ему счастье отъ какого господина, — ну, и поднялся, и жить пошелъ. Знамо, вотъ съ этакой вещи въ гору не полѣзешь, потому, чортъ ее знаетъ, что она за вещь и какому дьяволу нужна, ну, а ежели, что хорошее попадетъ, совсѣмъ дѣло другое...

— Что-жь, много тебѣ попадало хорошаго? Котлы червоннаго золота попадали?

— Нѣтъ, котловъ не случалось... разъ колокольчикъ серебряный

попалъ.. сережки махонькія съ камнемъ-самоцвѣтомъ... да вѣдь счастья ждать надо.

— Ты-бы лучше на работу шелъ?

— Куда? по что? Хребты болятъ, баринъ, отъ работы-то... Потому и пришли къ господину, что около яво страсть прибыльно, ежели человѣку лафа выйдетъ...

— Да вѣдь отъ коммерціи-то твоей, небойсь, брюхо болитъ, развѣ это лучше?

— Точно, животъ подводитъ, да вѣдь тутъ случай нуженъ... Купите, сударь, вещицу-то—заправдашніе часы можно сдѣлать... стоитъ только къ мастеру...

— А домой посылаешь денегъ? продолжалъ я.

— Какъ не высылать!.. Къ праздникамъ послалъ три цѣлковыхъ, теперь ужь, поди, слопали... Хорошо имъ тамъ готоваго-то ждать... А тутъ эва въ недѣлю гривенника не уторгуешь, а тоже ѣсть, пить надо, за уголъ плати три цѣлковыхъ... Гдѣ ихъ взять-то?.. Только одно и утѣшеніе, что къ господину ближе, и случай тебѣ можетъ попасть...

VIII.

Городской человѣкъ мечтаетъ, какъ-бы основать свое благополучіе на деревенскомъ трудѣ, уйдти отъ городскихъ мытарствъ случайнаго добычничества, полагая болѣе или менѣе основательно, что настоящая жизнь не здѣсь, а тамъ, что здоровый, нормальный трудъ, независимость и гордость человѣка, и благородную вѣру въ свои силы, безъ подчиненія личнымъ капризамъ, страстямъ и неправдамъ, можетъ сохранитъ только земля, трудъ на землѣ. Деревенскій человѣкъ, прижевавъ къ Покрову всѣ хлѣба и пустивъ въ куски семью, стараго и малаго, самъ бѣжитъ поближе къ господину и разсчитываетъ именно на тѣ случайности, отъ которыхъ господинъ въ хорошую минуту готовъ петлю на себя накинуть.

Счастье почему-то должно «попасть» этому человѣку, а его дѣло ждать, продавать фіалки у театровъ, борышничать бросовой дрянью, а отъ работы «хребты болятъ».

Эта озабоченная, голодная праздность, не борьба, а покорность лишеніямъ и голоду и даже самая основная мечта о счастіи около

господина — все это увлеченіе городомъ и господиномъ на практикѣ оказывается вздоромъ, нелѣпостью. Человѣку голодно, холодно, скверно, а онъ мечтаетъ о какихъ-то диковинныхъ барскихъ котлахъ изъ червоннаго золота, и ждетъ, когда они къ нему «попадутъ». Нитка «зенчугу» засѣла въ головѣ, и все это такъ, на любителя мечтаній... Откуда-то эта нитка и эти котлы сами «попадутъ», и для этого нужно только поближе къ господину приспособиться, и ждать, когда снизойдетъ счастіе.

Городской человѣкъ въ значительной мѣрѣ живетъ такимъ-же вздоромъ: выигрышемъ въ карты, въ лоттерею, или сходитъ съума, если его билетъ, перейдя въ чужія руки, выигрываетъ крупную сумму, живетъ случайностями биржевого и служебнаго азарта, измышленіемъ предпріятія, на которыхъ можно обмануть возможно большее число довѣрчивыхъ глупцовъ. Все это, въ сущности, та-же нитка «зенчугу», тѣ-же «барскіе котлы изъ червоннаго золота», все та-же необузданная мечта голодной зависти и лѣни. Городскому человѣку какъ будто такъ и слѣдуетъ жить по всѣмъ законамъ хищнической логики, но мужикъ, у котораго вдругъ «хребты заболѣли», и страсть къ фантастическому господину пересилила и власть семьи, и власть земли, изъ цѣльнаго, независимаго работника превращается въ жалкаго паразита и едва-ли способенъ вернуться къ своему прежнему состоянію.

— Очень ужь заманчиво возлѣ господина...

АСТРОЛОГЪ.

I.

Лѣтъ двадцать назадъ, въ нашемъ сонномъ городѣ святки праздновались во всей традиціонной удали разгула. Купеческая молодежь съ какою-то мстительною страстностью приготовлялась къ этому двухнедѣльному карнавалу и кутила безпробудно. Тятькины тысячи улетали безъ счета. Были даже такіе вразумительные примѣры, что въ эти двѣ недѣли теряли цѣлыя состоянія, дома, допивались до бѣсовскихъ видѣній, и даже самые трезвые, отпраздновавъ святки, удивлялись, какъ это ихъ Богъ сохранилъ. Въ это время, подъ пьяную руку, у насъ завязывались всѣ свадьбы и романы, какіе когда-либо въ нашемъ городѣ происходили.

Всѣ купеческіе дома, въ которыхъ подростали невѣсты, на святкахъ обязательно давали вечера—нанимали «хоръ музыки», созывали десятка два-три знакомыхъ дѣвицъ, отводили особую комнату «подъ масокъ», гдѣ вино, водки, закуски поглощались безъ мѣры, «сколько хошь». Послѣ въ эту комнату никто уже не вступалъ, пока не совершали молебствія съ водосвятіемъ.

«Масками» пріѣзжали на вечеръ преимущественно тѣ молодые люди, которые были заинтересованы приглашенными дѣвицами, и пріѣзжали не одни—это считалось признакомъ бѣдности—а въ сопровожденіи пѣсенниковъ, кларнетистовъ, торбанистовъ, шутовъ и астрологовъ.

Къ сожалѣнію, астрологъ былъ одинъ на весь городъ—астрологъ настоящій, ученѣйшій человѣкъ. Онъ давалъ на прокатъ костюмы, онъ-же и лечилъ «масокъ» отъ всѣхъ послѣдствій, пріобрѣтенныхъ святочными увлеченіями. У него-же въ обыкновенное время былъ общій притонъ молодежи, гдѣ можно было уютно выпить и побить кого надо. За всѣ услуги астрологъ бралъ плату по совѣсти—и гривенникъ, и

рубль, и рюмку водки, кто что дастъ. А услуги его были неоцѣненны: никто лучше его не могъ доставить письма дѣвицѣ, которую «заперли» отъ неподходящаго жениха; никто не умѣлъ приводить въ такой судорожный трепетъ скептическій разумъ купцовъ и купчихъ: взглянетъ на ладонь и начнетъ говорить и о второмъ пришествіи, и объ адскомъ чистилищѣ, и доведетъ купца до такого ужаса, что тотъ сразу потребуетъ попа и ляжетъ вверхъ животомъ.

— Отчитывай, батюшка, съ нечистымъ знался.

Онъ-же, астрологъ, при громадной силищѣ, считалъ своимъ долгомъ и призваніемъ охранять насъ отъ всякаго супостата и купать «въ Іорданѣ».

Какъ только духовенство съ крестнымъ ходомъ уходило съ рѣки, всѣ «маски» окружали прорубь, и астрологъ точно изъ земли выросталъ. Было великое правило—въ крещенье купаться всѣмъ, кто надѣвалъ маску. Тутъ-же, на тридцатиградусномъ морозѣ раздѣвались донога и по-очередно отдавались въ руки астролога. Онъ опоясывалъ грѣшника мерзлымъ кушакомъ и троекратно погружалъ въ прорубь—медленно, чинно, торжественно.

На «крещенаго» набрасывали одну шубу, взваливали его на извозчика и везли отогрѣвать и одѣвать къ тому-же астрологу.

II.

Живо помню я этого страннаго человѣка. Никто не зналъ, откуда онъ взялся у насъ, поселился на краю города, не далеко отъ кладбища, и никогда ничего не объявилъ намъ о своей жизни. Говорили у насъ, что былъ онъ гдѣ-то провизоромъ въ аптекѣ, но и то больше по догадкамъ, такъ какъ астрологъ былъ нѣмецъ и назывался Леонъ Карловичъ Шацъ. По-русски онъ говорилъ чисто, но этотъ неуклюжій, неповоротливый характеръ ни на какомъ языкѣ не могъ говорить ясно и подробно, и всегда для всѣхъ оставался загадкой.

Роста онъ былъ исполинскаго, фигура громадная и тяжелая, поступь медленно плавучая, всегда сосредоточенный, угрюмо-равнодушный, голосъ глухой, какимъ обыкновенно говорятъ чревовѣщатели, и все въ немъ сѣро, мрачно, какъ тихій осенній день въ непастье: лицо сѣрое, шинель сѣрая, глаза устойчиво-тусклые, волосы и борода сѣро-

сѣдыя. Особенно помнится мнѣ его толстый огромный носъ, занимавшій почти всю площадь, отведенную природой для щекъ, придававшій ему выраженіе какой-то птичьей надменности: вотъ, молъ, на-теже вамъ, ни у кого такого носа нѣтъ, а у меня есть...

Жилось ему у насъ недурно. Онъ не бѣдствовалъ. Вся наша молодежь на возрастѣ любила его и уважала. Онъ умѣлъ лечить, ловко рвалъ зубы, и мужики, бывало, съ большимъ удовольствіемъ подставляли ему свои скулы.

— Никто лучше Карлыча зуба не вынетъ.

Отъ болѣзней тоже зналъ много травъ, кореньевъ и гадовъ, выписывалъ книги заморскія изъ Лейпцига, самъ переплеталъ ихъ съ великой заботливостью и на шестиструнной гитарѣ необыкновенно чувствительные вальсы игралъ.

Въ этой угрюмой, желѣзной фигурѣ помѣщалась чистая, младенческая душа, наивная, кроткая. Никогда онъ не отказывалъ въ помощи, по ночамъ, подъ дождемъ, по брюхо въ грязи, къ больнымъ мужикамъ ходилъ пѣшкомъ верстъ за десять, куда-бы ни позвали, и все корнемъ пользовалъ, травой, порошкомъ изъ гада. Ни отъ бѣдныхъ, ни отъ богатыхъ никогда не спрашивалъ денегъ, и только въ горькой, неисходной нуждѣ рѣшался заявить кому нибудь изъ друзей, что у него сапоги разлѣзлись и надо-бы ему по этому случаю новые сшить.

Домикъ его въ три окна состоялъ изъ двухъ комнатъ. Большая была для гостей, а въ маленькую никто не смѣлъ вступать, тамъ помѣщалась вся черная и бѣлая магія, всѣ таинства и чудеса астрологіи. Въ большой комнатѣ было очень много лубочныхъ картинъ, представлявшихъ разныя битвы и раскрашенныхъ однимъ махомъ.

— Скажи, пожалуйста, Леонъ Карлычъ, зачѣмъ ты этихъ картинъ налѣпилъ? однажды спросилъ я.

— А для удовольствія.

— Помилуй, да какое-же тутъ удовольствіе?

— Простое, но очень полезное. Ты думаешь, эта картина глупая, а я тебѣ скажу, что она необычайнаго ума и исполнена съ великимъ совершенствомъ. Ты вглядись, тутъ все исчезаетъ, цѣлые ряды обыкновенныхъ людей потеряли всякій образъ. Остался одинъ генералъ на конѣ въ облакахъ дыма. Развѣ это не правда?

Первое его слово бывало:

— Сядь и выпей.

Водка и вина у него не переводились: мы всегда привозили съ собою, а закуски онъ самъ поставлялъ. Разъ, во время его завтрака, зашелъ горячій споръ о какой-то «подлости», обманѣ. Леонъ Карлычъ въ такихъ случаяхъ былъ высшимъ судебнымъ авторитетомъ. Слушалъ онъ спорившихъ и, наконецъ, сказалъ:

— Друзья, бываютъ существа на свѣтѣ еще глупѣе васъ, и называются они курами. На, посмотри, до какой распущенности дѣло дошло: курица и та обманываетъ — вотъ за копѣйку какое крохотное яйцо несетъ... Развѣ это когда бывало?..

И точно, за копѣйку яйцо было очень маленькое и обманъ со стороны курицы былъ несомнѣнный.

III.

Въ городѣ у насъ всѣ болѣе или менѣе вѣрили, что Леонъ Карловичъ Шацъ находится въ весьма интимныхъ отношеніяхъ съ нечистой силой. Его отшельническая жизнь, его маленькая комнатка, наполненная толстыми книгами, травами, кореньями, гадами, человѣческими костями наводила ужасъ на весь городъ, и мы слыли крайними вольнодумцами за то, что знались съ нимъ и осмѣливались даже въ обществѣ выражать ему свое уваженіе.

Ни одно Крещенье безнаказанно намъ не проходило.

Наши старики настоятельно требовали, чтобы мы «смыли всю чертовщину», т. е. окунулись трижды въ прорубь, хотя окуналъ насъ тотъ-же любимецъ нечистой силы—Леонъ Карловичъ.

Этого грубаго противорѣчія какъ-то не замѣчали, или-же допускали, что и астрологъ можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, когда это нужно.

Не берусь передать, какъ наши старики и старухи понимали Леона Карловича, но всѣ они, глубоко и страстно ненавидя нечистую силу, очень часто обращались къ нему съ просьбами: разгадать страшный сонъ, погадать, предсказать будущее, зная доподлинно, что Леонъ Карловичъ очень близокъ со всѣми чертями.

Леона Карловича еще и потому боялись, что онъ каждаго могъ усыпить и дѣлать надъ нимъ что угодно, даже заставлять усыпленнаго предсказывать будущее, исполнять все, чего онъ пожелаетъ. Наши дѣвицы звали его «демономъ», и мы, безсильные обожатели, страстно

завидовали ему, воображая, какъ-бы легко мы побѣждали непокорныя сердца упрямыхъ красавицъ, если-бы владѣли тѣми таинственными чарами, какими владѣетъ нашъ почтенный другъ.

Это вѣрно, что онъ владѣетъ кое-чѣмъ таинственнымъ и необъяснимымъ, чего не только толпа, но даже люди, учившіеся въ семинаріи, объяснить и понять никакъ не могли.

Мы всегда брали Леона Карловича съ собой на вечера. Онъ не прочь былъ выпить, но онъ одинъ никогда не терялся и никого не терялъ изъ компаніи. Онъ входилъ въ залу, садился въ уголъ, и уходилъ только тогда, когда его подхватывали подъ-руки и увлекали въ «комнату для масокъ».

Много опытовъ онъ дѣлалъ надъ нами, и всѣ мы блѣднѣли, потѣли, недоумѣвали, впадали въ дурацкій столбнякъ, и ничего ровно понять не могли.

— Богъ съ нимъ, пусть онъ знается съ нечистой силой, а все-же онъ хорошій человѣкъ и, имѣя полную возможность дѣлать огромное зло людямъ, дѣлаетъ только добро.

Такъ думали мы о немъ, любя и почитая это нѣжное, отзывчивое сердце, это трогательное безкорыстіе человѣка, Богъ вѣсть откуда и какъ заброшеннаго къ намъ, одинокаго, безроднаго, безпріютнаго,— человѣка выромоченнаго.

Мы жалѣли его, но вѣдь одной жалостью даже ученѣйшій нѣмецъ прожить не согласился-бы. Понятно, что въ душѣ Шаца наболѣвало раздраженіе и отвращеніе къ обществу, надъ которымъ онъ сознавалъ свое превосходство, и эта зависимая, полушутовская жизнь отзывалась на немъ усталой тоской. Онъ покорялся привычкѣ молодежи обращаться съ нимъ, какъ съ тѣлохранителемъ и астрологомъ, но нравственно не могъ-же человѣкъ не страдать, вполнѣ сознавая свою роль, и притомъ роль опасную: алхимикъ, астрологъ, наводившій ужасъ на всѣхъ благочестивыхъ людей и злобу стадной тупости.

Шацъ едва-ли понималъ всю косность и грубость, животность и фатализмъ, среди которыхъ онъ жилъ. Онъ могъ-бы и прибыльнѣе, и умнѣе эксплоатировать свою астрологію и алхимію, не раздражая суевѣрнаго неистовства и извлекая несравненно болѣе практической пользы изъ своего «знанія».

IV

Былъ святочный вечеръ. Морозная лунная ночь искрилась серебристымъ мерцаніемъ и весь городъ въ ея голубоватыхъ лучахъ, безмолвно уснувшій, казался фантастическимъ призракомъ.

Многочисленная компанія въ маскахъ ѣхала на вечеръ въ сопровожденіи кларнетовъ, тарбоновъ и залихватскихъ голосовъ съ бубнами.

Шацъ былъ съ нами. Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно возбужденъ и заранѣе объявилъ намъ, что никогда не былъ такъ расположенъ къ предсказаніямъ, какъ теперь, чему будто-бы содѣйствовало полнолуніе. Мы объясняли это тѣмъ, что Шацъ былъ не такъ внимателенъ къ лунѣ, какъ къ коньяку.

Дѣйствительно, въ теченіе вечера онъ предсказалъ болѣе сорока смертей присутствующимъ молодымъ людямъ и дѣвицамъ, и навелъ на всѣхъ такой холодный, неодолимый ужасъ, что какъ ни старались мы разсѣять его, всѣмъ было жутко, не по себѣ.

— Ну, Шацъ, ты ужь заврался, только портишь общее удовольствіе, чортъ знаетъ зачѣмъ, укоряли мы его.

— Затѣмъ, что я все это вижу—всѣ перемрутъ нынче-же! упрямо настаивалъ Шацъ:—Пусть они позаботятся о себѣ,—имъ больше не плясать!

Предсказанія Шаца, какъ-бы недовѣрчиво къ нимъ ни относились произвели на всѣхъ самое потрясающее впечатлѣніе. Человѣческая тупость затронута была съ такой стороны, о которой меньше всего думаютъ, пока живутъ. Казалось-бы, что мудренаго умереть: сегодня-ли, черезъ десять-ли лѣтъ,—не все-ли равно, а между тѣмъ, любая цыганка-ворожея можетъ испугать и обезкуражить своимъ предсказаніемъ самыхъ храбрыхъ людей, воображающихъ, что и предразсудковъ-то за ними не водится.

Съ наступленіемъ весны къ намъ «пришла» холера, и первыми-же жертвами умерли тѣ люди, которымъ Шацъ предсказалъ роковой конецъ. Каждый день люди гибли десятками, и въ маленькомъ городкѣ это не только замѣтно, но именно эта-то внезапность и производитъ мучительную панику. Полчаса назадъ человѣкъ былъ здоровъ, веселъ, и вдругъ вамъ говорятъ: «сейчасъ умеръ». Невозможно увѣровать въ эту быстроту смерти, а когда фактъ убѣждалъ, становилось страшно, больно за человѣческое безсиліе, и каждый начиналъ

бояться другого, окружающихъ условій, воздуха, ѣды, смотря потому, на чемъ останавливалось его испуганное воображеніе.

Страхъ озлобляетъ, страхъ наводитъ отчаяніе и злобно ищетъ виноватаго.

По городу пошелъ гулъ того невыразимаго заговора, какимъ во всѣ вѣка, во всѣхъ бѣдствіяхъ, руководила изступленная толпа, потерявшая отъ горя и злобы даже ту ничтожную долю разсудка, какимъ обходилась въ общежитіи. Всѣмъ какъ будто ясно стало, что всѣ бѣдствія накликалъ нѣмецъ-чернокнижникъ. Съ особеннымъ усердіемъ припоминалось, какъ онъ предсказывалъ — значитъ, зналъ, значитъ, отъ него все зависѣло, отъ него всѣ бѣды.

Этотъ раздраженный гулъ не былъ тайной для Шаца. Мы все-таки посѣщали его... по ночамъ, и совѣтовали уѣхать изъ города, предлагали всѣ средства, — Шацъ остался.

— Я не сдѣлалъ никакого зла: мнѣ не зачѣмъ бѣжать, гордо отвѣчалъ онъ на наши увѣщанія.

— Противъ тебя весь городъ озлобленъ, тебя убьютъ, разорвутъ на клочья!.. скройся!..

— Не могу, и разорвать меня никто не можетъ, пока я живъ. Эти ослы думаютъ, что я сдѣлалъ имъ холеру,—ахъ, если-бы я могъ!..

— Ты не можешь, но ослы увѣрены, и они убьютъ тебя!.. копытами забьютъ, позорно, гадко... Скройся, Шацъ!.. У тебя травы, коренья, гады, человѣчьи кости, бусурманскія книги: неужели всего этого мало, чтобы оправдать нападеніе и убійство? Не забывай, ты не въ Европѣ, ты у насъ, и мы убьемъ тебя, во имя благочестія съ самымъ непорочнымъ сердцемъ!..

— Друзья мои! если ужь это такъ опасно, то я могу съ вами выпить и проститься. Но я не уйду: мнѣ некуда уйти. Лучше васъ у меня никого нѣтъ.

И на этомъ сѣромъ, громадномъ лицѣ выступили слезы — страшныя, непривычныя, поразительныя: Шацъ — плачетъ! Никто этого не ожидалъ. Всѣ были поражены, и всѣ съ особенной настойчивостью желали куда нибудь скрыть его, что было-бы очень легко, да не легко было овладѣть самимъ Шацомъ.

Дня черезъ три, къ домику Шаца привалила пьяная толпа мужиковъ и ребятъ, очевидно, натравленныхъ и для этой цѣли напоенныхъ.

Шумный гамъ, хохотъ, свистки, ругательства, то гнусное, пьяное молодечество, о которомъ говорится: «море по колѣно», и зажигательныя подстрекательства сволочи, растравлявшей пьяную толпу — все это сонмище бѣсновалось цѣлый вечеръ передъ домикомъ Шаца.

— Чернокнижникъ!.. Дьяволу душу продалъ! Антихристъ! душегубъ!... Ребята, бери его?..

Въ домѣ Шаца погасъ послѣдній огонь. Посыпались въ окна камни и дребезгъ стеколъ, какъ элекрическая искра, взорвалъ всю толпу. Съ страшнымъ ревомъ она бросилась къ дому, и вдругъ отхлынула: на крыльцѣ появился самъ Шацъ.

— Что вамъ надо? спросилъ онъ.

— Тебя, антихристъ!.. Давай его сюда! ребята бери его!... Ура-а-а!..

Толпа надвинулась.

— Прочь, сволочь! я еще свободенъ, вскрикнулъ Шацъ, толкнувъ громаднымъ сапогомъ въ круглое лицо парня, старавшагося схватить его за ноги и повалить, и въ то-же время раздался выстрѣлъ, и Шацъ упалъ. Должно быть смерть была мгновенная. Но этотъ выстрѣлъ самоубійцы былъ сигналомъ къ расправѣ толпы. Его схватили и повлекли. Говорили, что его разорвали на части — очень можетъ быть: мужества для этого въ толпѣ всегда найдется, — другіе утверждали, что рвать, не рвали, да и гдѣ его разорвать, такого огромнаго человѣка, а просто привязали камень на шею, да камень къ ногамъ и спустили въ рѣку.

Длинное слѣдствіе такъ и не могло выяснить, куда дѣлся несчастный Шацъ и кто нападалъ на него.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.73 D540K C001
Kartinki i eltiuljdy/
3 0112 093370630